

60.5 (4150)
С 28

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ в древности и в средние века

Библиотечно-фондовый
ДЕПОЗИТАРИЙ
КА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

Академия наук СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт археологии

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ в древности и в средние века

Издательство «Наука»
Москва 1980

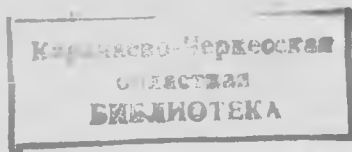
63.5(2P37)
С 28

Сборник содержит статьи, рассматривающие исторические процессы на Кавказе тематически разносторонне и в широком хронологическом диапазоне. На основе новейших и ранее не публиковавшихся материалов авторы исследуют культуру, архитектуру, дольменные сооружения, художественные изделия народов Кавказа от эпохи бронзы до позднего средневековья, которые ярко характеризуют исторические и этнические процессы этого региона.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

В. И. Марковин

412284

Предисловие

Настоящий сборник является очередной публикацией материалов и исследований по археологии, древней и средневековой культуре Северного Кавказа, подготовленной Институтом археологии АН СССР. Все предшествующие издания подобного рода, опубликованные в серии «Материалы и исследования по археологии СССР» и составляющие несколько отдельных выпусков, стали уже библиографической редкостью. Они посвящены как отдельным регионам¹, так и всему Северному Кавказу².

Автором и редактором многих сборников по археологии Северного Кавказа был выдающийся советский кавказовед лауреат Ленинской премии заслуженный деятель науки ЧИ АССР и КБ АССР доктор исторических наук профессор Евгений Игнатьевич Крупнов. Он проработал более 30 лет в Институте археологии АН СССР и вырос здесь в крупнейшего и признанного специалиста по археологии и истории Кавказа и видного организатора советской археологической науки. Ученик известного русского археолога В. А. Городцова, Е. И. Крупнов уже со студенческой скамьи в Московском университете приступает к изучению древностей Северного Кавказа. В довоенные годы он провел ряд экспедиций в горных районах Ингушетии и Северной Осетии, увенчавшиеся открытиями и исследованиями важных и разновременных историко-археологических памятников, которые легли в основу многих его трудов и определили направле-

ния всей его будущей плодотворной научной деятельности. Сразу после окончания Великой Отечественной войны Е. И. Крупнов разворачивает широкие полевые археологические исследования на Северном Кавказе. Он был организатором и бессменным руководителем Северокавказской экспедиции Института археологии АН СССР. Работами экспедиции оказались охвачены многие районы Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Дагестана и особенно Чечено-Ингушетии. В результате было выявлено огромное число памятников, датируемых от эпохи палеолита до позднего средневековья. Широким стационарным исследованиям были подвергнуты бытовые и погребальные комплексы III—I тысячелетий до н. э., позднесарматского времени и эпохи средневековья. Впервые на Северном Кавказе были полностью раскопаны целые памятники — поселения и могильники. Широкая полевая работа у Е. И. Крупнова всегда сочеталась с активной научной, научно-организационной и общественной деятельностью. Более 10 лет он являлся заместителем директора Института археологии АН СССР и возглавлял одно из ведущих подразделений Института — сектор неолита и бронзы. Его перу принадлежит около 200 научных работ, включая целый ряд монографий. Среди них такой фундаментальный труд, как «Древняя история Северного Кавказа», удостоенный в 1963 г. Ленинской премии. Одной из крупных заслуг Е. И. Крупнова является подготовка большой груп-

пы высококвалифицированных кадров археологов-кавказоведов, ныне успешно работающих в АН СССР, в республиканских академиях наук, в научно-исследовательских институтах автономных республик и краев Северного Кавказа. Предлагаемый вниманию читателей сборник является первым после смерти Е. И. Крупнова коллективным трудом по археологии Северного Кавказа, подготовленным в Институте археологии АН СССР. Примечательно, что он выполнен в основном его учениками и выходит в свет к десятилетию со времени смерти Е. И. Крупнова.

Сборник включает статьи и публикации по археологии Северного Кавказа начиная с IV тысячелетия до н. э. и до позднего средневековья включительно. Он открывается работой М. Г. Гаджиева (Махачкала), посвященной изучению земледелия и скотоводства в Дагестане в эпоху энеолита и бронзы. Автор систематизировал все материалы, которые подтверждают вывод о глубокой древности земледельческо-скотоводческого хозяйства в Дагестане и некоторых чертах его развития в IV—II тысячелетиях до н. э. Особенностью горного Дагестана является широкое развитие террасного земледелия, которое, как убедительно показывает М. Г. Гаджиев, начало складываться здесь на заре бронзового века.

Две следующие статьи посвящены публикации погребальных комплексов майкопской культуры (III тысячелетие до н. э.).

Особый интерес представляет богатое захоронение, открытое в кургане у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии и публикуемое в статье И. М. Чеченова (Нальчик). Здесь вскрыта крупная гробница из массивных плит туфа, содержащая погребальный инвентарь, в том числе и золотые украшения. Это вторая богатая каменная гробница майкопской культуры, исследованная в последнее время в Кабардино-Балкарии.

Первая также была раскопана и издана И. М. Чеченовым³.

Материалы из кургана аула Кубина в Карачаево-Черкесии публикует Х. Х. Биджиев (Черкесск). Основное захоронение в нем также относится к майкопской культуре. Курган содержал характерный для позднего этапа культуры металлический инвентарь, в том числе два бронзовых псаляя. Это — редкие находки, но встречены они уже во всех областях Северного Кавказа и свидетельствуют об использовании лошади племенами майкопской культуры.

Весьма интересные материалы вводит в научный оборот статья В. Г. Котовича, В. М. Котович и С. М. Магомедова (Махачкала). В кургане близ с. Утамыш в Дагестане открыто уникальное погребальное сооружение в виде глубокой ямы с возведенным на ее дне высоким шестивенцовым деревянным срубом. Внутри его была помещена четырехколесная повозка с саркофагом, в котором находилось женское захоронение с многочисленными и разнообразными украшениями. Комплекс обоснованно датирован авторами эпохой средней бронзы (II тысячелетие до н. э.). Крайне интересно для археологии Северного Кавказа также захоронение знатного воина-кочевника IV—V вв. (очевидно, гунна), открытое в кургане 2. По мнению авторов, значение этого памятника определяется прежде всего тем, что представленные в нем материалы свидетельствуют о необходимости включения Приморского Дагестана в зону распространения изделий полихромного стиля гуннской эпохи, обнимавшую обширные степные пространства Евразии.

Статья Б. В. Техова (Цхинвали) посвящена анализу бронзовых молоточковидных булавок из Тлийского могильника Юго-Осетии. Хотя этот памятник расположен не на Северном Кавказе, но рассматриваемые в статье материалы тесно связаны с комплек-

сами катакомбной и северокавказской культур II тысячелетия до н. э.

Наличие молоточковидных булавок в ранних комплексах Тли объясняется результатом связей между племенами Предкавказья и Закавказья. Поэтому эти находки без других данных не могут быть использованы для решения вопроса о проникновении индоевропейцев на Кавказ. Автор несколько увлекся этим вопросом и довольно много внимания уделил данной проблеме.

Интересные погребальные комплексы сарматского времени из станицы Ново-Титаровской Краснодарского края публикует В. И. Козенкова (Москва). Детальный анализ погребального обряда и всех категорий инвентаря позволил автору показать их близость сарматским (точнее, сиракско-сарматским) захоронениям Прикубанья и правильно определить дату — II в. до н. э. Ново-Титаровские курганные захоронения могут стать эталонными для выделения сиракских памятников в Прикубанье.

Статья Н. В. Анфимова (Краснодар) посвящена изучению памятников V—VI вв., расположенных на Черноморском побережье Кавказа и принадлежащих зихам. Основное внимание уделено характеристике могильника в урочище Сонино у с. Ново-Михайловского Краснодарского края, где вскрыто 29 погребений. Детальный анализ материалов показывает полную тождественность их с инвентарем таких известных раннесредневековых памятников Северо-Западного Кавказа, как Борисовский, Пашковский (I) и другие могильники. Сопинский могильник обнаруживает и глубокие генетические связи с древними меотскими могильниками Прикубанья.

Несомненный интерес представляет недавно открытое богатое подкурганное захоронение гуннского времени у сел. Кишпек в КБАССР, материалы которого публикуются Р. Ж. Бетрзово-

вым (Нальчик). Очень богат и разнообразен инвентарь могилы. Автор правильно определяет этот памятник как уникальное захоронение вождя гуннского времени.

Большого внимания заслуживает статья М. Г. Магомедова (Махачкала) и М. П. Абрамовой (Москва) о характере и происхождении культуры, представленной раннесредневековым городищем у Андрей-аула в Дагестане. Авторы подвергли всестороннему анализу наиболее массовый материал памятника — керамику и убедительно показали тесную связь последней с местной керамикой албано-сарматского времени. Андрей-аульское городище характеризует культуру Дагестана в хазарское время, имеющей глубокие местные корни.

В статье Г. Е. Афанасьева (Москва) дается убедительная классификация одной категории находок — пряжек из катакомбного могильника V—первой половины VIII в. Мокрая Балка у г. Кисловодска.

Л. Л. Галкин (Москва) в своей статье, основанной на изучении халцедоновой личины — подвески из Агачалинского могильника IX—X вв., ставит интересный вопрос о связи Степного Заволжья с Дагестаном в эпоху раннего средневековья.

А. Х. Нагоев (Нальчик) публикует два позднесредневековых (кабардинских) могильника, раскопанных в 1975—1976 гг. у сел. Черем II в КБАССР. Эти памятники содержат материалы, указывающие на связи их с культурой кочевников южнорусских степей.

Публикации христианского храма XII—XIII вв. близ сел. Таргим в Чечено-Ингушетии посвящена статья М. Б. Мужухоева (Грозный). Таргимский храм является важным историческим источником по изучению процесса христианизации вайнахов.

Две работы посвящены описанию и изучению памятников средневекового каменного зодчества Северного Кавказа. В статье В. А. Кузнецова (Орджоникидзе) дается сравнительный анализ памятников зодчества Чечено-Ингушетии и Северной Осетии и обоснованный критический разбор ряда слабых и неаргументированных положений по данному вопросу, изложенных в недавно изданной книге А. Ф. Гольдштейна «Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии».

Статья В. И. Марковина (Москва) представляет собой по существу пер-

вую сводку архитектурных памятников горной Чечни. Поэтому она — наиболее значительная по объему публикация в сборнике. Анализ этих памятников, предпринятый В. И. Марковиным, убедительно показывает их большую научную и художественную ценность.

Как видим, предлагаемый вниманию читателя сборник содержит интересные научные статьи и важные публикации новейших материалов по археологии, культуре и искусству Северного Кавказа от эпохи энеолита до позднего средневековья.

Р. М. Мунчаев

---

¹ Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. — МИА, 1941, № 3; и др.

² Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. — МИА, 1951, № 23; *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). — МИА, 1960, № 93; *Мунчаев Р. М.* Древнейшая культура Северо-

Восточного Кавказа. — МИА, 1961, № 100; *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа. — МИА, 1962, № 106; и др.

³ *Чеченов И. М.* Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике. — СА, 1970, № 2; *Он же.* Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973.

Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане

М. Г. Гаджиев

Археологические материалы, выявленные во внутреннем горном Дагестане, позволяют составить некоторое представление о ранних этапах развития производящего хозяйства в этой части Северо-Восточного Кавказа. Следует сказать, что Дагестан является одной из областей, где существовали вполне объективные предпосылки для возникновения земледелия и скотоводства. Так, здесь поныне произрастают дикорастущие злаки, пригодные для культивации¹. По числу оригинальных видов пшеницы, ячменя и зерновых бобовых, а также по богатству их разновидностей Закавказье и Дагестан заметно выделяются на всем земном шаре. Здесь сосредоточено большое число диких видов — ближайших родичей упомянутых культурных растений².

Объективные условия были в Дагестане для возникновения и другой важнейшей отрасли производящего хозяйства — скотоводства. Здесь известны такие формы животных, которые могли быть исходными в процессе доместикации. Причем эти формы восходят к весьма глубокой древности и представлены еще в плейстоценовой фауне³. Возникает вопрос: были ли использованы все указанные предпосылки? Биологи отвечают на него положительно. По учению выдающегося советского биолога Н. И. Вавилова, древние центры происхождения культурных растений являются и поныне зонами исключительного сортового разнообразия.

Отметив, что наиболее древние об-

ласти возделывания хлебных злаков, зерновых бобовых и льна сосредоточены на Кавказе, в Юго-Западной Азии, Средиземноморье, Восточной (горной) Африке и в других местах, Н. И. Вавилов вместе с тем указывал, что Закавказье и Дагестан непосредственно входят в очаги первичного возделывания данных культур⁴. Благодаря разнообразным природным условиям, их горному характеру носители древних культур Закавказья и Дагестана выработали чрезвычайное разнообразие экотипов, каждому из которых нередко соответствуют целые ботанические виды. Многие эндемичные кавказские виды пшеницы, ржи, диких и культурных плодовых не вышли за пределы начальной родины. Исходя из всего этого, Н. И. Вавилов делает заключение, что «земледелие в Грузии, Армении и Дагестане является весьма древним, начало его уходит в глубь тысячелетий»⁵.

Данные археологии подтверждают вывод о глубокой древности дагестанского земледелия, первоначально основанный лишь на чисто биологических заключениях. Изучив археологические материалы, происходящие главным образом из горного Дагестана, В. Г. Котович убедительно доказал глубокую, восходящую к позднему неолиту древность земледелия и скотоводства в Дагестане⁶. Несколько позднее им же была обоснована мысль о зарождении предпосылок производящего хозяйства в Дагестане еще в мезолите⁷. В этом плане особый интерес представляют на-

ходки в мезолитических слоях Чохской стоянки микролитических пластинок со следами использования в качестве лезвий жатвенных орудий и каменной рукоятки жатвенного ножа⁸ — инструмента, весьма широко распространенного у древнейших земледельческих племен Старого Света. Находка этого орудия в Чохской стоянке свидетельствует о том, что ее обитатели занимались по крайней мере систематическими сборами дикорастущих злаков, что в конечном счете привело к искусственному выращиванию их. Наряду с этим обитатели Чохской стоянки занимались охотой преимущественно на диких баранов и козлов, остатки которых среди фаунистических материалов стоянки составляют 99%⁹. Среди определенных костей 78% принадлежит муфлонообразным баранам, принадлежность которых к дикой, а не к одомашненной форме, по мнению определявшего их Н. К. Верещагина, категорически нельзя утверждать¹⁰. Этот вывод был поддержан специалистами, относившими начало domestikации животных к мезолиту¹¹.

В этом плане весьма примечательно, что археологические комплексы Чохской стоянки находят близкие параллели в каменной индустрии соответствующих памятников Ближнего Востока¹², являющегося древнейшим очагом возникновения производящего хозяйства. В последнее время чрезвычайно близкое сходство отмечено также между комплексами верхних слоев Чохской стоянки и прикаспийскими мезолитическими памятниками Южного Туркменистана¹³. Племена же с культурой, сходной с прикаспийским мезолитом, как указывает В. М. Массон, образовали ту основу, на которой произошло сложение самой ранней оседло-земледельческой культуры Средней Азии¹⁴. Значение Чохской стоянки в этом плане было им оценено весьма высоко, он даже включил ее в круг памятников с элементами

производящего хозяйства Ближнего Востока и Средней Азии, какими являются Шанидар, Карим-Шахир, Гари-Камарбанд, Дам-Дам-Чешме и др.¹⁵

Дальнейший процесс становления производящего хозяйства в последующую неолитическую эпоху трудно проследить на конкретных материалах внутреннего Дагестана. Памятники этой эпохи здесь изучены чрезвычайно слабо. Они представлены главным образом временными стоянками типа производственных мастерских, которые мало что дают для характеристики земледелия и скотоводства. Тем не менее исследователям удалось установить определенную эволюцию в производственном инвентаре неолитической эпохи и связать его с окончательным переходом населения Дагестана, как и всего Кавказа, к производящей экономике, чему в значительной степени способствовали наряду с благоприятными естественно-географическими условиями древние связи с Передней Азией¹⁶.

Прогресс в развитии новой экономики отчетливо прослеживается при рассмотрении хозяйства энеолитической эпохи, когда происходит расселение земледельческо-скотоводческого населения по горным долинам. Сложившееся в своих основных проявлениях оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство характеризуют материалы раскопок поселения Гинчи, относящегося к IV тысячелетию до н. э.¹⁷ Оно находится в одном из благодатных мест горного Дагестана — Гидатлинской долине, с ее многочисленными естественными речными террасами, прекрасными пастбищами, позволяющими поныне в течение круглого года содержать на подножном корму значительное количество скота. Это поселение находится на высоте около 1600 м над уровнем моря. Оно расположено на берегу реки, у подножия южного склона хребта, на одной из верхних речных террас. Вскрытые здесь остатки каменных по-

строек с ямами-храпищами и очагами, а также толщина культурного слоя, доходящая до 1,20 м, что в условиях каменной архитектуры можно считать значительной, свидетельствуют об оседлом быте его обитателей¹⁸.

Культура, представленная поселением Гинчи, судя по ряду специфических особенностей, несомненно, сложилась на местной основе. Она тесно связана с раннеземледельческими культурами более южных областей Закавказья и Передней Азии. Это нашло отражение не только в различных сферах материальной культуры, но и в погребальном обряде¹⁹. Показательна в этом плане керамика поселения. Среди типичной местной посуды значительный процент составляет тонкостенная высококачественная керамика, среди которой имеются расписные черепки, близкие к ранней расписной керамике Закавказья и Передней Азии²⁰. Очевидно, становление оседлого быта в горном Дагестане происходило в условиях существования тесных контактов с раннеземледельческими культурами южных областей.

Основой оседлого быта обитателей Гинчи было земледельческо-скотоводческое хозяйство. Посевы, по-видимому, производились в пойме реки и на речных террасах. Последние обычно располагаются у подножия горных склонов. Смываемый с этих склонов во время дождей и паводков почвенный слой задерживался на террасах, что являлось важным фактором естественного поддержания плодородия почвы. Это обстоятельство при условии выпадения достаточного количества осадков в вегетационный период, что характерно для значительной части горного Дагестана²¹, надежно гарантировало получение устойчивого урожая. Орудия для обработки почв в Гинчи не найдены. Они, очевидно, изготовлялись из дерева, сохраняющегося в земле только в исключительных случаях. Судя по

отпечаткам зерен на керамике, сеяли пшеницу и ячмень. Жатва производилась серпами, оснащенными кремневыми вкладышами из удлиненных ножевидных пластин. Среди кремневых орудий Гинчи вкладыши серпов составляют 17%. По определению Г. Ф. Коробковой, в Гинчи представлены весьма совершенные серпы изогнутой формы, подобные серпам из Шому-Тепе и Хасуны²². Размол зерна производился на зернотерках. Обращают внимание значительные их размеры, что в какой-то степени отражает прогресс в зерновом хозяйстве.

Другой ведущей отраслью хозяйства в Гинчи являлось скотоводство, носившее, возможно, на первых порах еще преимущественно придомный характер. Разводили крупный и мелкий рогатый скот и свиней. В отличие от Закавказья, где в эту эпоху преимущественно разводили крупный рогатый скот, в Гинчи предпочтение отдавали мелкому. В значительно меньшей степени разводили крупный рогатый скот и свиней. Соотношение остатков крупного и мелкого рогатого скота в ранних слоях Гинчи составляет 1:9²³. Однако реальное соотношение могло несколько отличаться от приведенного. Наличие в горном Дагестане богатой фауны, в силу чего охотничий промысел позволял в значительной степени удовлетворять потребности в мясной пище, могло привести к преимущественно молочному направлению разведения крупного рогатого скота и ограничению его боя. Этот вывод в какой-то степени подтверждают находки в Гинчи специальных сосудов для переработки молока²⁴.

Что касается охотничьего промысла, то он действительно занимал большое место в экономике Гинчи. Основными объектами охоты были олени (20%) и дикие козы. Несмотря на скотоводство, в рационе мясо диких животных занимало в среднем 40%. Однако на

протяжении существования Гинчи неуклонно шел процесс вытеснения охоты скотоводством. Если на раннем этапе в рационе обитателей Гинчи мясо диких животных занимало почти 50%, то на позднем — только 30%.

Такой в целом представляется производящая экономика Гинчи. Нетрудно заметить, что перед нами хозяйственный комплекс, довольно характерный для древнеземледельческих племен Юга нашей страны — Закавказья, Средней Азии, а также Передней Азии, далеко оставивших позади начальные этапы становления производящего хозяйства. Особенностью Гинчи является то, что здесь при наличии достаточно развитого скотоводства исключительно велика еще роль охоты.

Данный тип земледельческо-скотоводческого хозяйства, которое характеризуют материалы раскопок поселения Гинчи, очевидно, был не единственным типом хозяйства у населения горного Дагестана. В силу разнообразия природно-географических условий конкретная картина хозяйственной деятельности местного населения, скорее всего, была намного сложнее. Даже в пределах только внутреннего Дагестана в рассматриваемое время существовали поселения, обитатели которых занимались главным образом скотоводством. Таково, например, сезонное поселение пастухов Чинна, возникновение которого относится к концу энеолитической эпохи²⁵. В условиях, совершенно неудобных для ведения земледельческого хозяйства, расположены Ругуджинские стоянки²⁶. Отсутствие на них каменных построек, слабые культурные слои свидетельствуют о том, что хозяйственная деятельность их обитателей была также иной, чем в Гинчи.

Важный, качественно новый этап в развитии производящего хозяйства характеризуют памятники бронзового века горного Дагестана (III—II тысячелетия до н. э.). В отличие от посе-

лений энеолитической эпохи, располагавшихся на берегах рек, поселения бронзового века встречаются уже почти во всех природно-географических зонах внутреннего Дагестана. Они располагаются на берегах рек, на плато и труднодоступных крутых склонах, на горных вершинах²⁷. Многие из них имели значительные площади (до 1—1,5 га) и были застроены фундаментальными каменными домами. Не довольствуясь естественной защитой, иногда их окружали каменными стенами (Верхний Гуниб)²⁸. Рост населения, увеличение его плотности привели к продвижению производящего хозяйства по вертикали с долин на высокогорья, к освоению высокогорий и постепенному заселению их земледельческо-скотоводческим населением.

Расширение посевных площадей происходило сначала за счет освоения плоскогорий, пологих, а позднее и более крутых склонов. Этому благоприятствовало, с одной стороны, богарное земледелие, не требующее затраты большого труда на строительство ирригационных сооружений, как орошаемое земледелие, а с другой — применение для обработки почв наряду с мотыгами, хотя еще возможно и примитивных, пахотных орудий (сохи) с использованием тягловой силы животных²⁹. Вместе с тем не следует преувеличивать роль деревянной сохи, особенно при освоении под посевы новых площадей. Сохой вспахивают только культурные почвы и, как правило, после предварительной их обработки с помощью мотыги.

Во внутреннем Дагестане нет иного земледелия, кроме террасного. Становление земледельческих террас происходило постепенно, в процессе длительной и целенаправленной обработки пологих склонов гор. Террасы совершенно изменили первоначальный геоморфологический облик гор. Они выглядят как гигантские лестницы, поднимающиеся

по склонам гор и постепенно сужающиеся по мере увеличения крутизны склона. Они производят неизгладимое впечатление на всех, кто первый раз знакомится с ними. Н. И. Вавилов писал: «В Перу, Боливии и у нас в Дагестане можно выделить интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди земли... Можно учиться умению рационально использовать клочок ценной земли. В Дагестане можно видеть изумительные земледельческие террасы, расположенные применительно к рельефу огромными многоэтажными амфитеатрами. Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в горном Дагестане»³⁰.

Широко бытует представление о земледельческих террасах Дагестана как о творениях единовременного приложения труда большого коллектива. Однако оно верно лишь по отношению к небольшим по площади и узким террасам с подпорными стенами, которые действительно сооружались за короткий промежуток времени. Подобные террасы составляли в Дагестане небольшой процент и не играли сколько-нибудь существенной роли в экономическом потенциале зернового хозяйства. Основную массу пахотных земель составляли террасы без подпорных стен, террасы с межевыми откосами. Этнографическое изучение этого типа террас показало, что они образовались не в результате единовременного приложения большого труда, а являются следствием постоянной, многовековой и целенаправленной обработки пологих горных склонов³¹.

Начало становления искусственных земледельческих террас принято относить к эпохе бронзы, ко времени, когда в горном Дагестане были исчерпаны ресурсы речных террас и естественно выровненных участков³². Существование искусственных земледельческих террас уже в эпоху бронзы подтверж-

дают некоторые данные археологии. Так, например, раскопки двух земледельческих террас около Верхнегунибского поселения эпохи бронзы выявили на глубине 1 м погребенные гумусные слои с керамикой, характерной для поселения³³. Склепы эпохи средней бронзы у с. Чох Гунибского района располагались на искусственных террасах³⁴. Глубокая древность террасного земледелия в горном Дагестане подтверждает еще один любопытный факт. Сравнение данных археологии и степени интенсивности террасных полей в горном Дагестане показывает, что наибольшая террасированность характерна для районов, которые были заселены с глубокой древности, где оседлая жизнь земледельцев восходит ко времени не позднее эпохи ранней бронзы. В районах же, прилегающих к Главному Кавказскому хребту, где в древности не зафиксирована сколько-нибудь интенсивная оседлая жизнь, основанная на земледелии, террасы так и не сложились, хотя и здесь практиковалось земледелие на горных склонах.

Следовательно, внутренний Дагестан является одним из древнейших очагов террасного земледелия, оказавшего значительное влияние на аграрные отношения горцев³⁵. Однако надо иметь в виду, что для рассматриваемой эпохи речь может идти только о начале становления террас. История этого процесса была длительной и завершилась значительно позднее, в эпоху позднего средневековья.

По мере продвижения земледелия по вертикали к высотам гор крутые оседлые поселения стали возникать на крутых склонах высокогорий, на высоких горных плато и на гребнях гор на высоте 1800—2000 м (Галгалатли-I, Анди, Верхний Гуниб)³⁶. Основными зерновыми культурами являлись ячмень и пшеница, реже полба. Посевы пшеницы и ячменя в Дагестане доходят до 2500 м над уровнем моря. В условиях

горного Дагестана благодаря длительному отбору выработались особые эндемичные сорта пшеницы и ячменя, отличающиеся скороспелостью и укладывающиеся в своем цикле развития в короткое лето³⁷.

Значительные изменения произошли и в технике ведения земледельческого хозяйства. В бронзовом веке, судя по ряду косвенных данных, обработка земли производилась не только мотыгами, но и примитивными пахотными орудиями³⁸. Жатву вели более продуктивными по сравнению с прямыми жатвенными орудиями изогнутыми серпами, оснащенными кремневыми вкладышами с зубчатыми краями. Возможно, были известны, как и в Закавказье, металлические серпы³⁹. Свидетельством тому, в частности, является отсутствие в явно земледельческом поселке Галгалатли-I кремневых вкладышей серпов, и вместе с тем здесь зафиксирован высокий уровень металлообработки (находки литейной формы для топора, зубчатого ножа, тесла)⁴⁰. Применение в земледелии пахотных орудий, новых типов серпов, несомненно, повысило производительность труда. Забота о хранении зерна становится теперь важнейшей чертой быта. Появляются зернохранилища в виде глубоких ям, а также большие сосуды, вкапывавшиеся в землю и имевшие под венчиком пару отверстий для вентиляции (в больших глиняных сосудах в одном из помещений Галгалатли-I было обнаружено более 15 кг обуглившихся зерен). Размол зерна производился на традиционных зернотерках. Предварительно его обсушивали или обжаривали в специальных двухчастных печах, служивших одновременно и для выпечки хлеба.

Наряду с полеводством в бронзовом веке было известно и садоводство, что подтверждается находками косточек фруктов на Ирганайском поселении⁴¹.

В неразрывной связи с земледелием

развивалась и вторая ведущая отрасль производящего хозяйства — скотоводство. Анализ остеологических материалов из разновременных поселений бронзового века документирует неуклонный процесс вытеснения охоты скотоводством. Доля охотничьего промысла в мясном рационе уменьшается до 10% (сравни — 30% в позднем Гинчи). Состав стад оставался прежним, но изменилось соотношение различных животных. В оседлых поселениях соотношение крупного рогатого скота было в пределах 1:3, 1:1,5 (Верхний Гуниб, Ирганай), а в сезонных — 1:5 (Чинна). Изменилась и форма ведения скотоводческого хозяйства. Наряду с оседлыми поселениями широкое распространение получили возникшие еще в конце эпохи энеолита сезонные поселения без жилой архитектуры, расположенные высоко в горах — под скальными навесами (Чинна)⁴², у входа в пещеры (Чирката)⁴³, а также небольшие стойбища с жилищами в виде полудземлянок (Галгалатли-II)⁴⁴. В них жили временно, в период летнего выпаса скота. Здесь не производили продуктов земледелия, их получали из оседлых поселений. В зимнее время года скот содержался на южных склонах гор и на пахотных участках вблизи постоянного жилья. При этом в качестве транспорта и для осуществления связей использовались уже лошади, а для охраны стад — собаки. Эта своеобразная форма отгонного скотоводства, при которой в зимний период скот содержался вблизи оседлых поселений, а летом преимущественно мелкий и частично крупный рогатый скот перегонялся на альпийские пастбища высокогорий, где существовали сезонные стойбища, в отличие от развитой формы полукочевого, так называемого яйлажского, скотоводства, характерного для других областей Кавказа⁴⁵, осуществлялась в пределах сравнительно небольших территорий и сохранилась

в горном Дагестане по сей день. В некоторых микрорайонах внутреннего Дагестана (Верхнегумибское плато) получила развитие оседлая горностабионарная форма скотоводства⁴⁶. Отличительной особенностью хозяйства населения внутреннего Дагестана в эпоху бронзы являлось органическое единство земледелия и скотоводства, отсутствие преимущественного развития одной из этих отраслей. В этом отношении внутренний Дагестан отличается от Передней и Средней Азии с их орошаемым земледелием, а также от Закавказья и других областей Северного Кавказа, где в эпоху бронзы преимущественное развитие получило яйлажное скотоводство.

Этот тип производящего хозяйства, реконструируемый на основе данных археологии для внутреннего Дагестана, без учета конкретных природно-географических условий не может быть меха-

нически перенесен на всю территорию Дагестана. Реальная картина хозяйственной деятельности населения Дагестана в древности, очевидно, была намного сложнее. Так, например, в жаркой приморской низменности и на прилегающих к ней предгорьях, где без применения искусственного орошения нельзя заниматься земледелием в сколько-нибудь широких масштабах, развитие хозяйства, видимо, рано приняло преимущественно скотоводческое направление. Скотоводческому хозяйству еще более благоприятствовал район высокогорного Дагестана, прилегающий к Главному Кавказскому хребту. В этих областях в более широких масштабах, чем во внутреннем Дагестане, возможно, практиковалась и отгонная форма скотоводства с далекими перегонами скота.

¹ Вавилов Н. И. Опыт агроэкологического обозрения важнейших полевых культур. М.; Л., 1957, с. 116.

² Там же, с. 87, 88.

³ Верецагин Н. К. Млекопитающие Кавказа. М.; Л., 1959, с. 195.

⁴ Вавилов Н. И. Опыт агроэкологического обозрения . . ., с. 121.

⁵ Там же.

⁶ Котович В. Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. — Учен. зап. ИИЯЛ, Махачкала, 1961, т. IX, с. 283, 284.

⁷ Котович В. Г. Основные этапы социально-экономического развития раннеземледельческого населения Дагестана. — Тезисы доклада на конференции «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя». М., 1974, с. 58.

⁸ Там же, с. 58; *Он же*. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, с. 158.

⁹ Котович В. Г. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане. — Учен. зап. ИИЯЛ, Махачкала, 1957, т. III, с. 153.

¹⁰ Там же.

¹¹ Крайнов Д. А. К вопросу о происхождении животноводства в Юго-Западном Крыму. — СА, 1957, № 2, с. 16; Золотов К. Н. Роль

охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности. — МАД, Махачкала, 1961, т. II, с. 291, 292.

¹² Котович В. Г. Каменный век Дагестана, с. 180, 181.

¹³ Амирханов Х. А. О соотношении чохской культуры и прикаспийских памятников Южного Туркменистана. — V Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы докладов. Махачкала, 1975, с. 4—6.

¹⁴ Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1964, с. 18.

¹⁵ Массон В. М. Поселение Джейгун. — МИА, 1971, № 180, с. 136, 137, рис. 34.

¹⁶ Котович В. Г. Каменный век Дагестана, с. 189—203, 211—216; *Он же*. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане, с. 279—284; *Он же*. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности. — СА, 1965, № 3; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 77.

¹⁷ Гаджиев М. Г. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тыс. до н. э. — КСИА, 1966, вып. 108, с. 55.

¹⁸ Гаджиев М. Г. Новые данные . . ., с. 56.

¹⁹ Там же, с. 60; *Он же*. Энеолитическая культура Дагестана. — V Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы докладов, с. 21.

- ²⁰ *Гаджиев М. Г.* Новые данные... с. 59, 68, рис. 19, 1—8; *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века, с. 113, 128.
- ²¹ *Гюль К., Власова С., Кисин И., Тертегов А.* Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959, с. 110.
- ²² Пользуюсь случаем выразить Г. Ф. Коробковой глубокую благодарность за консультацию и трассологическое изучение каменных орудий Гинчи.
- ²³ Определение остеологического материала произведено доцентом Дагсельхозинститута К. Н. Золотовым.
- ²⁴ *Гаджиев М. Г.* Новые данные..., с. 57, рис. 9, 12.
- ²⁵ *Атаев Д. М., Кушнарева К. Х.* Два поселения в урочище Чына (горный Дагестан). — КСИА, 1966, вып. 108, с. 71.
- ²⁶ *Котович В. Г.* Каменный век Дагестана, с. 203—211.
- ²⁷ История Дагестана. М., 1967, т. I, с. 42—44, 54—56.
- ²⁸ *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965, с. 21.
- ²⁹ *Котович В. Г.* О хозяйстве населения горного Дагестана в древности, с. 8—10.
- ³⁰ *Вавилов Н. И.* Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий. — Природа, 1936, № 2, с. 80.
- ³¹ *Агларов М. А.* Техника сооружения террасных полей и эволюция форм собственности на землю у аварцев. — Учен. зап. ИИЯЛ, Махачкала, 1964, т. XIII, с. 181.
- ³² *Котович В. Г.* О хозяйстве населения горного Дагестана в древности, с. 11; *Агларов М. А.* Техника сооружения..., с. 184; *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение, с. 217.
- ³³ *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение, с. 216.
- ³⁴ *Мунчаев Р. М.* Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. — КСИИМК. М., 1958, 71, с. 43, 44.
- ³⁵ Существует мнение, что террасное земледелие явилось причиной дробления рабочей силы, ранней индивидуализации труда, вследствие чего террасные поля очень рано становятся объектами частного, семейного владения, что в конечном итоге приводит к разрушению общинной собственности на пахотные земли и к разложению первобытнообщинных отношений (*Агларов М. А.* Техника сооружения..., с. 185—192). Данные археологии фиксируют начальные этапы индивидуализации и выделения малых семей с конца эпохи средней бронзы (вторая половина II тысячелетия до н. э.). В эпоху ранней и средней бронзы (третья—первая половина II тысячелетия до н. э.), судя по погребальному обряду, в горном Дагестане основными хозяйственными ячейками общества были большие патриархальные семьи (*Гаджиев М. Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969, с. 164—168).
- ³⁶ *Гаджиев М. Г.* Раскопки памятников бронзового века в горном Дагестане. — АО 1968 г. М., 1969, с. 102; *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. — МИА, 1956, № 68, с. 94; *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение, с. 15—20.
- ³⁷ *Вавилов Н. И.* Мировой опыт..., с. 75.
- ³⁸ *Котович В. Г.* О хозяйстве населения горного Дагестана в древности, с. 8—10.
- ³⁹ *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, с. 126, 127.
- ⁴⁰ *Гаджиев М. Г.* Раскопки памятников..., с. 102; *Он же.* Раскопки поселения раннебронзовой эпохи в горном Дагестане. — АО 1970 г. М., 1971, с. 104, 105.
- ⁴¹ *Атаев Д. М., Погребова М. Н.* Поселение эпохи бронзы у с. Ирганай Унпуккульского района. — МАД. Махачкала, 1969, т. III, с. 34.
- ⁴² *Атаев Д. М., Кушнарева К. Х.* Два поселения..., с. 68—71.
- ⁴³ *Исаков М. И.* Чиркатинские древности в Дагестане. — СА, 1961, № 4, с. 250—253.
- ⁴⁴ *Гаджиев М. Г.* Раскопки памятников..., с. 102.
- ⁴⁵ *Пиотровский Б. Б.* Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. — СА, 1955, XXIII, с. 6; *Крупнов Е. И.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, с. 83.
- ⁴⁶ *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение, с. 217—221.

Богатые захоронения в кургане раннебронзового века у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии

И. М. Чеченов

В 1972—1977 гг. сектор археологии Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики проводил в районах новостроек КБ АССР интенсивные охранные раскопки многочисленных памятников. Среди них особый интерес представляет исследованный в 1974—1975 гг. курган 1 из второй курганной группы, располагающейся к юго-западу от с. Кишпек Баксанского района.

Вершина кургана была несколько деформирована сооружением на ней площадки для тригонометрической вышки. Курган имел довольно оплывшую форму; в плане он представлял собой слабо выраженный овал с максимальным диаметром (по оси С—Ю) до 50 м и минимальным около 45 м (рис. 1). Высота его насыпи по центру 4,4 м.

Под почвенным покровом кургана выявлены незначительные скопления мелких камней, покрывавших насыпь прерывистыми участками в один слой. В остальном почти вся курганная насыпь состояла из желтого суглинка с коричневым или серым оттенком, в котором изредка попадались небольшие булыжные камни и фрагменты керамики красно-оранжевого и светло-охристого цветов, характерные для майкопской культуры.

Погребение I (гробница). В 4,1 м к юго-западу-западу от центра кургана, сразу же под почвенным покровом отмечен обширный участок суглинистого грунта, едва отличавшегося от остальной части насыпи более светлым оттенком цвета. Контуры этого участка,

особенно близ основания кургана, прослеживались с трудом. И все же удалось определить, что данный участок представлял собой следы огромной впускной ямы округлых в плане форм, заметно сужавшейся к основанию. Дно ее отмечено на глубине 4 м от вершины насыпи, т. е. в 0,5—0,6 м выше уровня древнего горизонта. Ширина ямы в верхней части достигала 13 м, а у основания — 7—8 м.

На дне ямы, а точнее, на глубине от 3,5 до 4,1 м от вершины кургана обнаружено около десятка массивных обломков туфовых плит, разбросанных в беспорядке (рис. 1). Некоторые из них близ края впускной ямы лежали наклонно. Две плиты представляли собой антропоморфные стелы, изготовленные из серого вулканического туфа¹.

Плита (стела) I. Ее основание, частично отбитое еще в древности, по всем признакам имело грубую форму плоскозаостренного клина. Остальная часть стелы обработана более тщательно, причем вся ее поверхность сильно окатана и сглажена как бы в результате длительных выветриваний и многократных перемещений с места на место. Ширина плиты к основанию равномерно уменьшается от 55 до 48 см, а толщина, наоборот, увеличивается от 10—15 до 45 см; ее сохранившаяся длина 220 см.

Вверху стелы выгравировано несомкнутое кольцо, изображающее, по-видимому, личину (рис. 2, I). По середине плиты, начиная от центра личины, проходит продольный желоб шириной

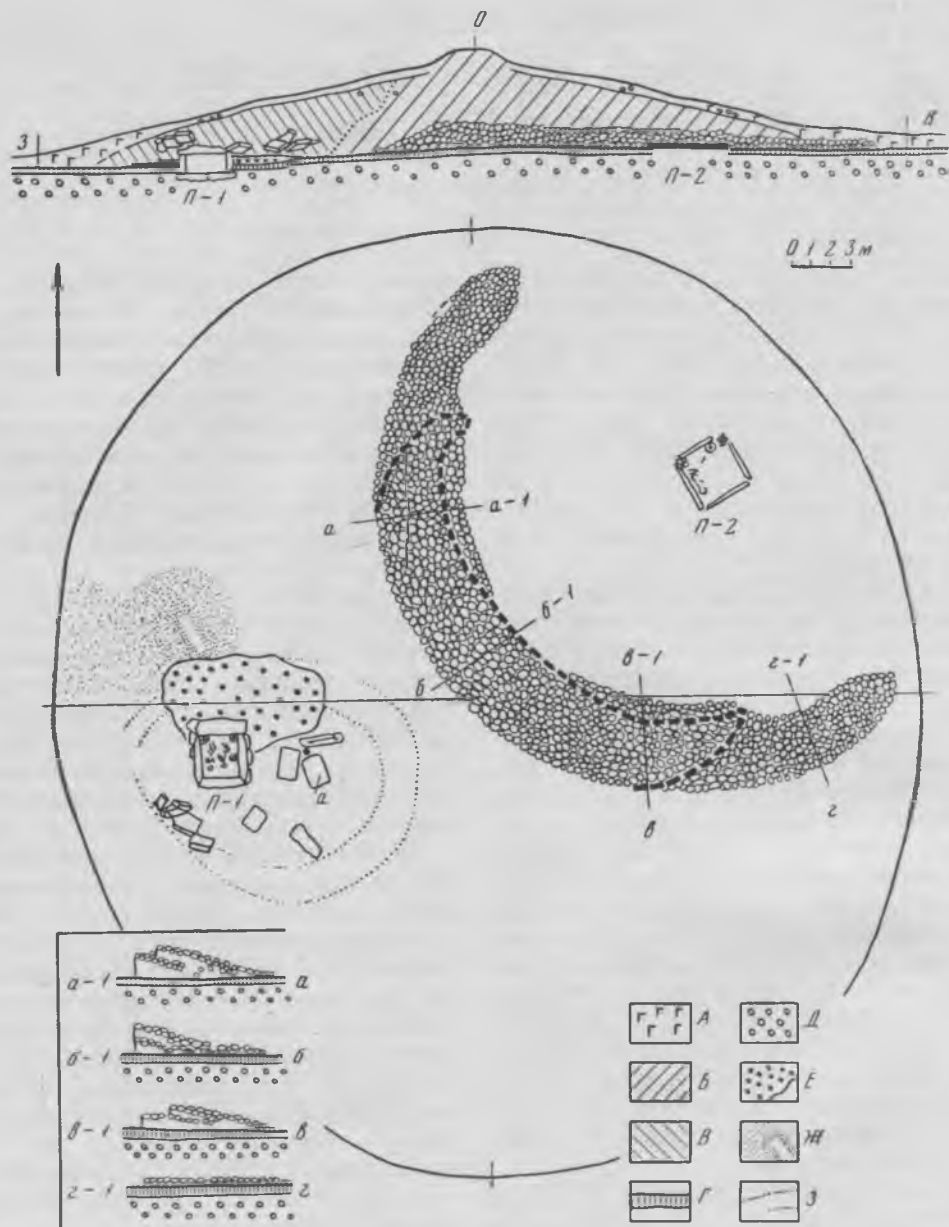

Рис. 1. План и разрез кургана у сел. Кишпек

Разрезы вала: а—а1, б—б1, в—в1, г—г1; А — гумус, Б — суглинок, В — следы впускной ямы, Г — древняя погребенная почва, Д — материк, Е — материковый выкид, Ж — место отделки туфовых плит, З — приближительные границы устья и основания впускной ямы

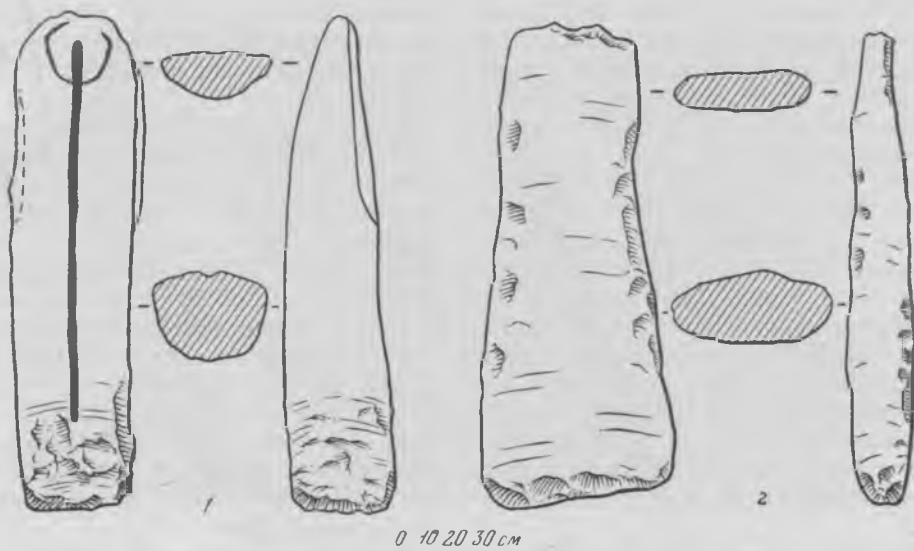

Рис. 2. Курган у сел. Кишпек. Антропоморфные стелы 1 и 2

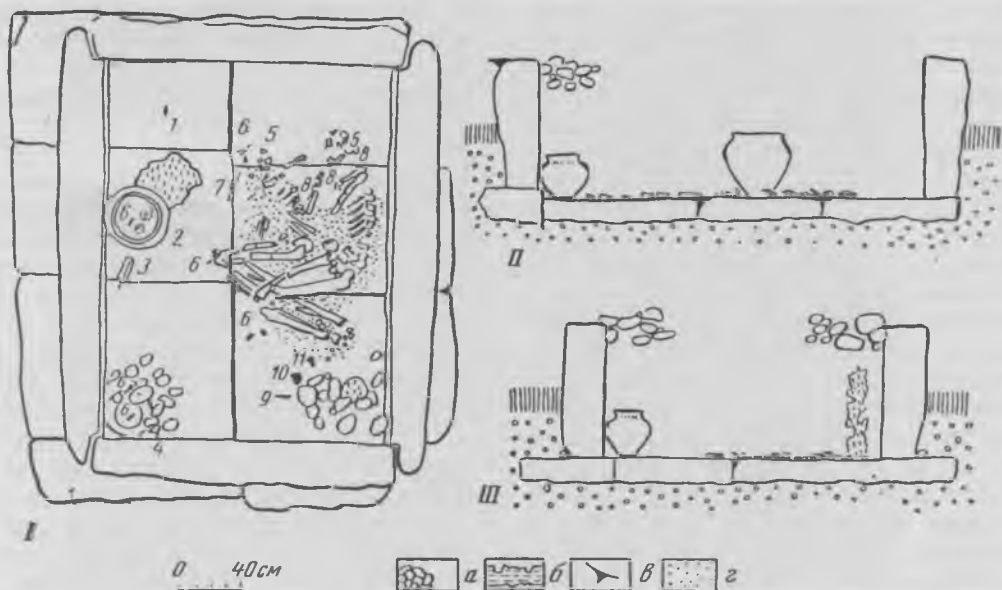

Рис. 3. Курган у сел. Кишпек

план (I) и разрезы гробницы (II — продольный, III — поперечный)

1 — шило, 2 — котел, 3 — кинжал, 4 — сосуд, 5 — височные кольца, 6 — фольговидные пластинки, 7 — игла, 8 — бусы, 9 — долото, 10 — топор, 11 — тесло; 1—3, 9—11 — бронза, 4 — глина, 5 — золото

а — камни, б — остатки дерева, в — глиняное заполнение; г — сурик (охра)

4 см. У боковых граней, на уровне груди, выгравированы две очень плохо сохранившиеся вертикальные линии длиной 50 и 60 см, которые, вероятно, имитировали руки. Другие детали на стеле не обозначены.

Плита (стела) II. У нее оказалась отбитой верхняя часть, которая, судя по едва прослеживаемым закраинам, сохранившимся на плечиках статуи, представляла собой полукруглый выступ шириной до 25 см и толщиной 12 см (рис. 2, 2). Сохранившаяся длина стелы 212 см. Ширина ее к основанию увеличивается от 60 до 82 см; толщина вверху 16 см, в средней части 30 см, у основания 15 см. Поверхность хорошо обработана, окатана и сглажена.

Фрагменты плит III—VI. В отличие от описанных стел I и II остальные фрагменты плит изготовлены не из серого, а из розового туфа². Описываемые фрагменты явно отличались от стел как по своим формам, так и по характеру обработки, а также отсутствием окатанности и сглаженности по поверхности. У них тщательно выровнена только одна из широких лицевых сторон, оборотные стороны лишь грубо оббиты. Можно отметить также, что некоторые плиты хорошо обработаны с одной из торцовых сторон, другие — с обеих. В плане и в разрезах плиты имеют прямоугольные или трапециевидные формы. Длина наиболее крупных из них варьирует от 120 до 185 см, ширина — от 85 до 116 см, толщина — от 28 до 40 см. Рядом с этими большими плитами лежало еще несколько мелких обломков. На поверхности отдельных камней отмечены следы глиняной обмазки желтого цвета. Все они представляли собой фрагменты очень крупных плит, которые в целом виде достигали в длину 250—265 см и перекрывали поперек монументальную гробницу (рис. 1). Судя по количеству и размерам этих плит, они, по-видимому,

первоначально лежали поверх погребальной камеры в два наката; причем их края несколько выступали за ее стенки.

Сама гробница, частично углубленная в материк, выявилась после зачистки площадки между перекрывающими плитами на глубине 4,5 м от вершины кургана, в 11,5 м к юго-западу-западу от его центра. Длина ее камеры 255 см, ширина 200 см, глубина 90 см. Продольными стенками она строго ориентирована по линии С—Ю (рис. 3). На ее северней стене лежала *in situ* еще одна перекрывающая плита VII (розового туфа), хорошо обработанная с лицевой и одной из торцовых сторон, обращенных к погребальной камере (рис. 4, 5).

Стены гробницы составляли четыре массивные плиты, изготовленные из упоминавшегося розового туфа (рис. 4, 5). Длина продольных, западной и восточной, стен гробницы 290 см, поперечных 210 см; толщина их 25—30 см. Ширина поперечной плиты, составляющей северную стенку, 83 см, а у всех остальных она соответствовала глубине погребальной камеры, т. е. равнялась 90 см. Несмотря на такую разницу, верхняя плоскость всех стен гробницы имела одинаковый горизонтальный уровень, так как пол под северной поперечной плитой возвышался на 7 см (рис. 3, II). Их торцовые и особенно лицевые, т. е. обращенные внутрь гробницы, стороны в отличие от наружных были тщательно обработаны и имели совершенно ровную поверхность. По краям продольных плит на всю их ширину имелись сплошные врезы, которыми были герметически зажаты концы поперечных камней, слегка скошенные соответственно этим врезам под небольшим углом (рис. 3, I). Для большей устойчивости под стены были подложены местами небольшие камни. Пол гробницы, представлявший собой горизонтальную площадку разме-

Рис. 4. Курган у сел. Кишпек. Общий вид гробницы с северо-востока

Рис. 5. Курган у сел. Кишпек. Вид камеры гробницы с юга после расчистки

ром 330×290 см, аккуратно выложен восемью крупными прямоугольными в плане плитами. Они также хорошо обработаны с лицевой и с соприкасающихся боковых сторон. Плиты прилегали одна к другой так плотно, что между ними не проходило лезвие ножа. Два крайних камня, установленные с северной стороны пола, изготовлены из серого туфа, остальные — из розового. Первые две плиты отличались от других и более удлиненными формами, а также большей толщиной, они возвышались под общим уровнем пола. На их поверхности прослеживались следы окатанности. У края одной из них, лежавшей в северо-восточном углу пола, был сделан прямоугольный в плане паз размерами 21×15 см и глубиной 5 см, который не имел практического назначения в конструкции гробницы. Все эти особенности обеих плит, установленных с северной стороны пола, позволяют полагать, что они, так же как и перекрывающие плиты-стелы I и II, при строительстве гробницы были использованы вторично (первоначально они могли быть изготовлены для другого, более раннего сооружения, по-видимому, также погребального).

Все щели и швы на стыках кладки пола, стен и, очевидно, перекрытия гробницы были тщательно обмазаны желтой глиной.

Окончательная обработка плит производилась в непосредственной близости от места сооружения гробницы. Это подтверждается тем, что к северу и северо-западу от нее, на уровне древнего горизонта, выявлена утоптанная ровная площадка, покрытая осколками туфа и прослойками туфовой крошки. На этой площадке выявлены хорошо сохранившиеся следы обработки одной из плит гробницы, контуры которой отчетливо выделялись здесь в виде темного прямоугольного пятна длиной около 220 см и шириной 80—85 см (рис. 1). По форме и размерам контуры

этого пятна соответствуют стеле II с отбитой головной частью.

В северо-восточном и северо-западном углах погребальной камеры, на уровне верхней плоскости ее стен, выявлены две наброски из булыжных камней, лежавших в 1—2 слоя (рис. 3), которые не имели какого-либо практического значения в конструкции памятника. В засыпи погребальной камеры попадались куски перегнившего дерева и скопления древесного тлена.

Примечательно, что еще до зачистки камеры гробницы в 3,5 м к востоку от нее, рядом с перекрывающей плитой-стелой I, обнаружен частично фрагментированный красноглиняный сосуд с тщательно заглаженной поверхностью, изготовленный из хорошо отмученного теста без примесей, но с серой прослойкой (рис. 6, 3). Помимо того, между перекрытием обнаружено несколько мелких обломков костей человека и какого-то крупного животного.

Эти находки наряду с условиями обнаружения обломков перекрывающих плит, описанных выше, как будто бы указывали на то, что гробница ограблена. Но вопреки нашим ожиданиям в западной части ее пола выявились два совершенно непотревоженных, хотя и сильно истлевших человеческих костяка, по всей видимости мужской и женской (рис. 3, I).

Погребенные лежали в скорченном положении, на правом боку, головой на юг. Левая рука мужского захоронения покоилась на поясных и грудных костях женского скелета, а правая — под ними. Стопы ног женского костяка находились между коленями мужского.

Кости погребенных, а также стены и пол гробницы были окрашены в красный цвет, причем в отдельных местах камеры следы краски прослеживались сильнее.

В гробнице содержался богатый и разнообразный инвентарь.

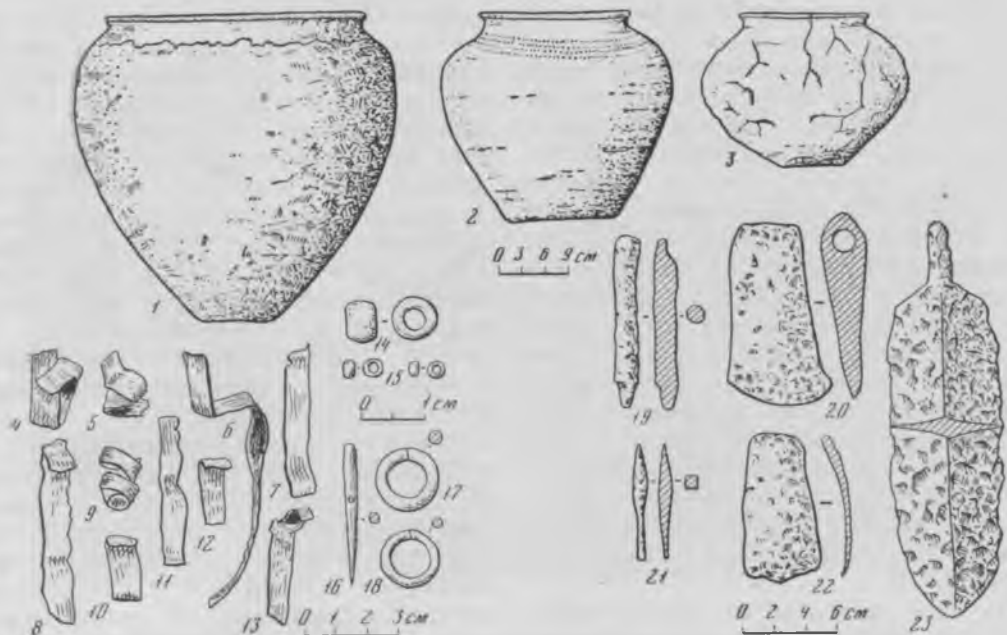

Рис. 6. Курган у сел. Кишпек. Погребальный инвентарь гробницы

1—3 — сосуды, 4—13 — ленты фольги, 14—18 — украшения, 19—23 — орудия, оружие; 1, 19—23 — бронза, 2, 3 — глина; 4—18 — золото

Описание инвентаря

66 округлых золотых бусинок с относительно большими отверстиями и тонкими стенками. Большая часть из них (40 шт.) в диаметре не превышает 0,2—0,3 см, диаметр остальных до 0,7 см (рис. 3, 8; 6, 14, 15).

Довольно массивное височное кольцо с сомкнутыми, но незапаянными концами, изготовленное из круглой в сечении золотой проволоки (рис. 3, 5; 6, 17).

Аналогичное золотое височное кольцо, но изготовленное из более тонкой проволоки (рис. 3, 5; 6, 18).

Небольшая круглая в сечении золотая игла-проколка со сквозным отверстием на стержне (рис. 3, 7; 6, 16).

Хорошо обожженный красноглиняный сосуд со слегка пачкающей поверхностью, с четырьмя рядами точеч-

ных узоров на плечиках. У него умеренно раздутое тулово и относительно широкое днище (рис. 3, 4; 6, 2).

Крупный бронзовый котел с непропорционально маленьким дном, слегка изогнутым вовнутрь (рис. 3, 2; 6, 1). Высота его 43 см, диаметр горловины 37 см, максимальный диаметр тулова 44 см, диаметр дна 9 см.

Бронзовый черенковый кинжал с продольным ребром на широком клинке (рис. 3, 3; 6, 23).

Четырехгранное бронзовое шило (рис. 3, 1; 6, 21).

Небольшой по размерам, но довольно массивный бронзовый топор со скошенной лезвийной частью и округлой втулкой (рис. 3, 10; 6, 20).

Плоское, слегка изогнутое бронзовое тесло со следами сработанности на лезвии (рис. 3, 11; 6, 22).

Круглое в сечении бронзовое желобчатое долото (рис. 3, 9; 6, 19).

10 тончайших золотых пластинок в виде обрывков ленточной фольги, лежащих в разных местах гробницы (рис. 3, 6). Они сильно изогнуты, а одна свернута в виде спирали (рис. 6, 4—13). Длина их варьирует от 2,4 до 10,7 см, ширина 0,5—0,9 см. Можно отметить, что по одной такой пластинке лежало под упомянутыми бронзовым котлом и глиняным сосудом. Это позволяет предполагать, что подобные пластинки могли являться не только украшениями, но иметь также какое-то ритуальное значение.

Чем же объяснить, что, несмотря на предполагаемые признаки ограбления, в гробнице оказалось непо потревоженное парное погребение с богатым инвентарем?

По всей вероятности, оба костяка представляют собой вторичное захоронение в гробнице. Именно при повторном использовании ее камеры для выявленного нами парного захоронения и вырыли в этом участке курганной насыпи широкую впускную яму. Тогда же, следует полагать, были сброшены с гробницы и переломаны перекрывавшие ее туфовые плиты. И поскольку эти обломки плит уже не годились для повторного перекрытия гробницы, то их заменили деревянными плахами или бревнами, перегнившие остатки которых отмечены в насыпи погребальной камеры.

Остатки же первичного погребения, для которого соорудили саму гробницу, при повторном захоронении в ней были выброшены из погребальной камеры. Именно с этим первоначальным захоронением и следует связывать упомянутый фрагментированный красноглиняный сосуд и обломки костей человека и животных, обнаруженные рядом с перекрывавшими гробницу плитами.

Погребение 2 (грунтовое). В северо-восточном секторе кургана, на уровне древнего горизонта, выявлена большая, весьма своеобразная выкладка из булыжника в виде дуги, явно напоминавшая по форме полумесяц (луну) на первой фазе новолуния или ладью (рис. 1; 7). Средняя часть этой «луны-ладьи» совпадала с центром кургана, а два ее «рога» как бы охватывали северо-восточный сектор курганной насыпи (рис. 1.). Расстояние между ее концами 27,5 м, максимальная ширина в центре 4,4. Ближе к краям ширина выкладки уменьшалась до 3—4 м, а концы ее плавно закруглялись.

Поверхность средней части выкладки на участке длиной 20 м была наклонена в наружную (юго-западную) сторону настолько, что ее внутренняя (северо-восточная) сторона на данном же участке возвышалась от уровня древнего горизонта на 100—105 см (рис. 1; 7). Камни в этой наклонно сооруженной части были уложены сверху в 2—3 слоя. Под ними на глубину 30 см следовал темно-серый гумированный суглинок. Еще ниже вновь находилась выкладка из булыжных камней в 2—3 слоя. И наконец, под ними, до уровня древнего горизонта, опять залегал гумированный суглинок темно-серого цвета (рис. 1).

В отличие от средней части «полумесяца» камни его северного и восточного концов-«рогов» лежали в 1—2 слоя на горизонтально ровной поверхности древней погребенной почвы. Длина каждого из этих двух горизонтальных участков «рогов» равнялась 9 м, а ширина — от 3 до 4 м.

В строении этой каменной дуги обращает внимание еще одна особенность. Имеются в виду два одинаковых между собой горизонтальных участка в виде сегментообразных в плане террасок, выложенных из булыжника в 2 слоя и примыкавших к краям средней (возвышенной) части «полумесяца» с внут-

Рис. 7. Курган у сел. Кишпек. Дуговидная выкладка из булыжника (вид с северо-запада, в центре — грунтовая могила)

Рис. 8. Курган у сел. Кишпек. Грунтовая могила

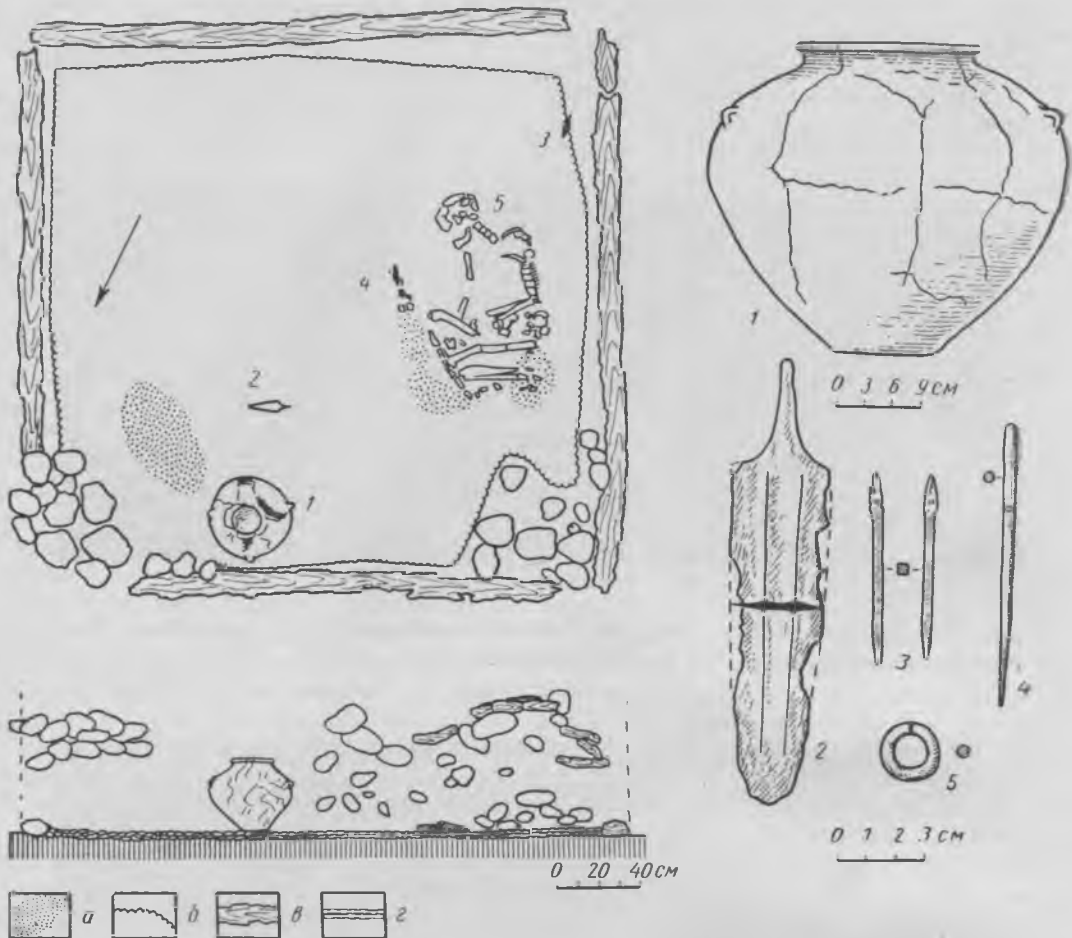

Рис. 9. Курган у сел. Кишпек. План и разрез грунтовой могилы, находки (цифры на плане соответствуют изображенным находкам)

1 — сосуд, 2 — кинжальчик, 3 — шило, 4 — игла, 5 — височное кольцо; 1 — глина, 2, 3 — бронза, 4, 5 — золото;

а — сурик (охра), б — границы галечниковой вымостки, в — дерево, г — галечниковая вымостка

ренней стороны, на расстоянии 5 м друг от друга (рис. 1). Длина «террасок» 8,5 м, максимальная ширина до 105—110 см. Их поверхность находилась на 20—25 см ниже уровня наиболее возвышенной средней части «полумесяца».

Почти полная пропорциональность и завершенность форм в строении камен-

ной выкладки, а также особенности ее местонахождения в кургане позволяют полагать, что она является не полуразрушенным остатком обычного кромеха, а представляет собой какое-то оригинальное культовое сооружение.

Почти на одинаковом расстоянии от средней части и концов «полумесяца» (в 15 м к северо-востоку от центра кур-

гана и на глубине 4,9 м от его вершины) обнаружены перегнившие остатки четырех бревен длиной от 65 до 160 см и толщиной 15—20 см. Вместе с ними отмечено незначительное скопление булыжных камней, а на одном из бревен лежало несколько мелких обломков сильно истлевших костей какого-то (жертвенного?) животного.

Под бревнами, на уровне древнего горизонта, выявилась горизонтальная площадка, выложенная мелким речным галечником белого цвета (рис. 8). Эта выкладка, приближавшаяся в плане к квадрату, ограничивалась со всех сторон четырьмя овальными в сечении деревянными плахами толщиной 12×8 см, составлявшими стенки могилы (рис. 9) площадью около 300×280 см; ее глубина соответствовала малому диаметру деревянных плах, т. е. равнялась не более 8—10 см. Продольными сторонами могила ориентировалась с северо-востока-востока на юго-запад-запад.

В северо-восточном углу могилы, на высоте 50—50 см от уровня ее пола, зачищена овальная в плане наброска из 1—2 слоев камней (рис. 8, 9). Остатки подобного каменного завала, видимо развалившегося под тяжестью осевшей курганной насыпи, отмечены также в северо-западном углу могилы (рис. 9).

Близ юго-западной стенки могилы выявлен очень плохо сохранившийся костяк взрослого человека, анатомический порядок которого был несколько нарушен (возможно, грызунами). Он лежал на правом боку с сильно подогнутыми ногами, головой на юго-юго-восток (рис. 9). Левая рука, согнутая в локте, покоилась на туловище, кости предплечья правой руки находились к северо-востоку от него.

Вокруг погребенного и в северном углу могилы отмечено значительное количество красной краски.

Инвентарь погребения

Височное кольцо с незапаянными концами, изготовленное из круглой в сечении золотой проволоки (рис. 9, 5).

Круглая в сечении золотая игла со сквозным отверстием в стержне (рис. 9, 4).

Довольно крупный полураздавленный глиняный сосуд с пачкающей поверхностью охристого цвета. На его плечиках расположены на одинаковом расстоянии одна от другой три миниатюрные ручки с ложными сверлениями с боков (рис. 9, 1).

Бронзовый черенковый кинжалчик с двумя продольными ребристыми валиками на клинке (рис. 9, 2).

Бронзовое четырехгранное шило с непропорционально коротким острием и удлиненным черенком (рис. 9, 3).

Очевидно, сооружение каменной дуговидной выкладки было связано именно с этой грунтовой могилой.

Каково же хронологическое соотношение между грунтовым погребением и гробницей с ее первичным разрушенным захоронением? На основании некоторых косвенных данных мы первоначально предполагали, что гробницу построили близ юго-западного основания более раннего кургана, возведенного над грунтовым погребением с «полумесяцем», и в связи с этим дополнительно увеличили курганную насыпь до исследованных нами размеров. Помимо того, нами не исключался и обратный вариант хронологической последовательности этих могил, т. е. представлялось возможным, что у северо-восточного основания возвышавшегося здесь кургана с гробницей позднее соорудили грунтовую могилу с каменной дуговидной выкладкой и дополнительно насыпали над ними землю. Однако ни одно из этих двух взаимоисключающих одно другое предположений не подтвердилось ни данными стратиграфии, ни характером погребального обряда и ин-

вентаря, ни хотя бы особенностями форм исследованного нами кургана. В частности, напомним, что в строении кургана не прослеживались какие-либо стратиграфические особенности в виде характерных гумированных или уплотненных прослоек, каменных обкладок и иных признаков, которые указывали бы на то, что его насыпь возводилась в два этапа и что между сооружением гробницы и появлением грунтового погребения с «полумесяцем» имелся сколько-нибудь существенный хронологический разрыв.

При выяснении вопроса о хронологическом соотношении между двумя рассматриваемыми могилами необходима также иметь в виду, что отмеченная выше большая впускная яма появилась не при сооружении самой гробницы в насыпи ранее возвышавшегося здесь кургана, а во время повторного использования ее камеры для парного захоронения, выявленного нами. Основанием для такого заключения служит тот очевидный факт, что границы относительно обширной ровной площадки на уровне древнего горизонта, где в процессе строительства гробницы были оставлены отчетливые следы обработки туфовых плит, далеко не полностью совпадают с местонахождением и размерами основания этой впускной ямы (рис. 1). Представляется несомненным, что с самого начала гробница строилась на открытом и ровном месте, а не была впущена в насыпь кургана предшествующего времени³. Ни стратиграфические наблюдения, ни какие-либо иные данные также не позволяют считать, что грунтовое погребение с каменной выкладкой — «полумесяцем» было впущено в насыпь более раннего кургана. И действительно, маловероятно, чтобы такой богатый и в целом сложный погребальный комплекс оказался впускным сооружением. В связи с этим следует обратить внимание хотя бы на то, что для такого

впускного комплекса пришлось бы вырыть в курганной насыпи огромную яму, диаметр основания которой в соответствии с размерами каменного «полумесяца» должен быть не менее 26—27 м. Естественно, впускную яму таких размеров трудно даже себе представить.

Совокупность всех изложенных выше фактов позволяет считать, что гробница с ее первичным захоронением и грунтовая могила с «полумесяцем» в принципе абсолютно синхронны между собой, т. е. в них погребены люди, умершие или убитые в одно и то же время. Иными словами, оба погребальных комплекса практически сооружались одновременно и над ними был возведен общий курган. Именно этим можно объяснить монотонный и одноструктурный характер курганной насыпи в целом, если не считать более светлый участок суглинистого грунта в пределах впускной ямы, вырытой при вторичном захоронении в гробнице.

И наконец, имеются достаточные основания полагать, что во времени между первичным погребением в гробнице и повторным использованием ее камеры для выявленного нами парного захоронения не было сколько-нибудь значительного хронологического разрыва, выходящего за рамки единого хронологического этапа определенной культуры. Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что грунтовая могила с «полумесяцем», абсолютно синхронная первичному погребению в гробнице, имеет явные признаки сходства со вторичным захоронением в той же гробнице не только в особенностях положения и ориентировке костяков, но и в инвентаре, а также в специфике расположения некоторых предметов и своеобразных булыжных набросков в углах могил.

Итак, гробница с первичным погребением и грунтовая могила с «полумесяцем» сооружены одновременно, после

чего над ними была возведена общая курганная насыпь. А через сравнительно небольшой период, исчисляемый, вероятно, не более чем несколькими десятилетиями, камера гробницы была повторно использована для погребения двух новых покойников, обнаруженных нами.

Для определения датировки и этнокультурной принадлежности погребальных комплексов Кишпекского кургана 1 мы имеем прочную опору среди памятников раннебронзового века Северного Кавказа. Так, по конструкции гробница имеет определенные черты сходства с некоторыми ранними дольменами Западного Кавказа, составляющими наиболее многочисленный тип и названными Л. И. Лавровым «обычными»⁴, В. И. Марковиным — плиточными⁵. Причем по одним признакам (несложная конструкция в виде ящика, особенности в пропорциях форм, отсутствие отверстия-лаза и др.) ее можно сравнить с отдельными прямоугольными в плане плиточными дольменами первого варианта первого вида («Кожжохская группа», р. Иль, р. Кизинка)⁶. По другим признакам (расположение в юго-западном секторе кургана, монументальность конструкции, заделанные глиной щели на стыках плит и т. д.) она сближается со вторым вариантом этого же вида дольменных сооружений (ст. Новосвободская)⁷, а в известной мере и с Нальчикской гробницей⁸. Как известно, эти мегалитические сооружения датируются в основном последними веками III тысячелетия до н. э.⁹

Уточнению времени сооружения Кишпекской гробницы в значительной мере способствуют и особенности устройства синхронной с ней грунтовой могилы из того же кургана. В этой связи напомним, что Р. М. Мунчаевым выделена определенная группа просторных, приближающихся к квадрату подкурганных могил, распространенных на

обширной территории Северного Кавказа — от Прикубанья до Чечено-Ингушетии (Ульский аул, ст. Андрюковская, Посебайская, Келермесская, Воздвиженская, Усть-Джегутинская, г. Армавир, с. Чегем I, Чегем II, Лечинкай, Старый Лескен, Бамут и др.) — и относящихся, по его же периодизации погребальных памятников майкопской культуры, к ее последнему этапу¹⁰. Эти могилы, как правило, построенные на уровне древнего горизонта или слегка углубленные в материк и зачастую ориентированные по оси северо-запад—юго-восток, обложены по краям камнями или бревнами, устланы галечником и сверху завалены булыжником¹¹. Легко заметить, что почти все эти черты характерны и для Кишпекского грунтового погребения.

Что касается булыжной выкладки, «полумесяца», этой грунтовой могилы, то пока аналогии ей среди памятников раннебронзового века Северного Кавказа не обнаружены. Нередко встречающиеся на Западном Кавказе полукруглые или дугообразные постройки из камня, смыкающиеся своими концами с передними стенками дольменов и ограждающие сравнительно небольшой участок в виде двора или коридора (пос. Каменномостский, села Солохаул, Медовеевка, Джубга, Отхара и др.)¹², явно отличаются по формам, размерам, характеру кладки и, возможно, по своему назначению от кишпекского «полумесяца», хотя при этом полностью и не исключается возможность определенной взаимосвязи между ними.

На территории Грузии известен обычай, связываемый с астральным культом, обкладывать могилы каменными кругами, полукругами и дугой в виде полумесяца, который прослеживается с энеолита до раннеантичного времени включительно¹³. В частности, близ пос. Мадани в Нижней Картли раскопано несколько могил эпохи бронзы «с дуго-

образной кладкой и кладкой, с точностью изображающей форму полумесяца»¹⁴.

К этому можно добавить, что у племен куро-аракской культуры Закавказья, с их развитыми патриархальными отношениями, мужское начало в культе плодородия «непосредственно связывается с астральными культами, выраженными такими символами, как изображение молодой луны, напоминающей своими очертаниями рога быка»¹⁵. Так, например, это нашло отражение в изображении серпа луны на некоторых антропоморфных фаллических подставках (Куль-тепе II), а также в составе многих сюжетных композиций на керамике, где луна помещается в центре двух расходящихся в разные стороны волют и летящих журавлей (Амиранис-гора, Садахло, Шулавери, Гарни, Шенгавит, Баба-Дервиш II)¹⁶.

Вполне допустимо, что и у позднеймайкопских племен Центрального Кавказа, также находившихся на патриархальной стадии общественного развития и поддерживающих довольно тесные и разносторонние связи с населением Закавказья¹⁷, тоже имел место культ луны, что и нашло отражение в сооружении здесь описанной каменной дуги. Такое предположение не должно казаться неожиданным, если вспомнить о широком распространении у племен Северного Кавказа культа небесных тел вообще, что, в частности, подтверждается многочисленностью в курганах и других памятниках эпохи бронзы данного региона каменных кромлев и прочих изображений солярных знаков, которые принято связывать с астральными верованиями¹⁸.

Вместе с тем не исключается и иная трактовка каменной выкладки Кишпекского кургана, согласно которой она могла представлять собой изображение ладьи. И действительно, легко заметить, что формы этого сооружения, осо-

бенно если учесть возвышающуюся с его внутренней стороны среднюю («бортовую») часть, явно напоминают лежащую на боку ладью (рис. 1, 7).

В связи с этим следует обратить внимание на то, что время, приходящееся на 2600—2100 гг. до н. э., т. е. в значительной мере соответствующее хронологическим рамкам бытования майкопской культуры, носит в истории название первого периода морской торговли¹⁹.

По мнению ряда исследователей, именно к этому времени относятся многочисленные изображения на сосудах, каменных печатках и прочих предметах многовесельных и парусных лодок с высокими носами (Северо-Западная Анатолия, Крит, Кикладские острова и др.)²⁰. Напомним также, что ладья четко фигурирует и во всемирно известных мифах об умирающих и воскресающих богах древнего населения Ближнего Востока, разносторонние связи с которым наложили существенный отпечаток на процесс формирования майкопской культуры²¹. Предполагается даже, что развитию этого процесса способствовало в известной мере то обстоятельство, что из Передней Азии, в частности из Месопотамии, проникли морским путем (по Черному морю) и осели на Северном Кавказе отдельные группы людей, которые ознакомили местные племена с определенными достижениями древневосточных цивилизаций²². По всей вероятности, морским же путем продвигались и первые строители дольменов Западного Кавказа²³.

Правда, существование культа ладьи у племен раннебронзового Северного Кавказа до сих пор не подтверждено другими археологическими материалами. Зато в орнаментации сосудов соседней куро-аракской культуры неоднократно отмечена ладья с изображенными на ней волотообразными узорами и кругами — символами древа жизни и солнца (Шреш-Блур, Кюль-тепе, Ара-

гац, Шулавери, поселения в Эчмиадзине)²⁴. К эпохе бронзы относятся и наскальные изображения лодок в Кобыстане (Азербайджан); в носовой части некоторых из них выгравировано солнце с лучами, что позволяет считать их солнечными ладьями²⁵. Как известно, мифы о ладье, и в частности о движении в ней солнца и других культов, «воплотились в очень многих памятниках эпохи бронзы», что явилось отражением широких взаимосвязей между различными областями Евразии²⁶. Можно предполагать, что и в этом отношении Центральное Предкавказье не представляло собой исключения.

Однако мы признаем, что как первый, так и особенно второй варианты интерпретации кишпекской каменной дуги, основанные на косвенных данных, требуют более веской дополнительной аргументации новыми конкретными фактами и поэтому предлагаются здесь лишь как рабочая гипотеза.

Что касается погребального инвентаря Кишпекского кургана I, то он имеет многочисленные аналогии в кавказских древностях эпохи ранней бронзы и главным образом в комплексах последнего этапа майкопской культуры.

Так, красноглиняные сосуды среднего и крупного размеров с хорошо заглаженной или пачкающей поверхностью, типа найденных нами в кургане, представляют собой типичную позднемайкопскую керамику, весьма распространенную в бытовых и погребальных памятниках Северного Кавказа²⁷. Известна подобная керамика и за пределами Северо-Кавказского региона, например на Украине, в Ростовской области, Грузии²⁸. Причем особую близость сосуд из гробницы по фактуре и характеру орнаментации проявляет с определенной частью керамики новосвободненских дольменов²⁹.

Среди находок, сделанных в Кишпекской гробнице, значительный интерес представляет бронзовый котел. Такие

сосуды, иногда украшенные жемчужным орнаментом и лишь несколько отличающиеся от кишпекского котла по своим формам и размерам, также характерны в основном для позднего этапа майкопской культуры (ст. Новосвободная³⁰, Тульская³¹, аул Кубина³², Ярославская³³, г. Иноземцево³⁴, с. Бамут³⁵ и др.). Исключение составляет лишь котел из Большого Майкопского кургана, относящийся к раннему этапу этой культуры³⁶. Наибольшее сходство кишпекский экземпляр имеет с бронзовым котлом из Нальчикской гробницы³⁷. Важно отметить, что подобные металлические котлы, напоминающие по своим формам и орнаментации некоторые глиняные сосуды майкопской культуры, за пределами Северного Кавказа не известны. Этот факт свидетельствует о местном производстве бронзовых котлов и о высоком уровне развития металлообработки у позднемайкопских племен.

Почти то же самое можно сказать и о найденных в рассматриваемом кургане бронзовых ножах-кинжалчиках с одним или двумя продольными ребрами на клинках, обнаруживаемых в основном в позднемайкопских комплексах, особенно в курганах Кабардино-Балкарии того периода³⁸. Зато остальные бронзовые предметы из Кишпекского кургана (массивный проушной топор, желобчатое долото, плоское тесло и четырехгранные шилья) распространены не только в ареале майкопской культуры, но и далеко за его пределами³⁹.

И наконец, кишпекские золотые бусы, иглы, височные кольца и фольговидные пластинки также имеют довольно многочисленные аналогии в комплексах майкопской культуры (Майкоп, Старомышатовский клад, Новосвободная, Костромская, Чегем I, Чегем II, Нальчик, Бамут, Мекенская и др.)⁴⁰. Такие украшения, как, впрочем, и некоторые бронзовые предметы из майкопских комплексов, в той или иной мере сближа-

ются с соответствующими находками в Закавказье, на Ближнем Востоке (Ур) и даже в Индии (Мохенджо-Даро, Неваса)⁴¹, что лишний раз свидетельствует о существовании определенных культурных взаимосвязей между всеми этими областями.

Особый интерес представляют две антропоморфные стелы, использованные вторично для перекрытия Кишпекской гробницы. Надо отметить, что к настоящему времени на территории Кабардино-Балкарии (близ сел Кишпек, Лечинкай и Чегем II) известно несколько новых местонахождений подобных плит и их обломков⁴². Кишпекские экземпляры обнаруживают наибольшее сходство со стелами гробницы из Нальчикского кургана, которые в свою очередь мы нашли возможным сравнить с простейшими каменными статуями эпохи бронзы Крыма, Северного Причерноморья, Юга Центральной и Западной Европы⁴³, возможно генетически связанных между собой⁴⁴. В числе известных нам памятников этого вида на Кавказе, антропоморфные статуи Кабардино-Балкарии, включая и кишпекские, можно сблизить со стелой из кромлеха кургана эпохи ранней бронзы в Кобыстане (Азербайджан)⁴⁵. Что касается единичных находок стел в других районах Северного Кавказа, то от кишпекских они отличаются более сложными формами. Так, каменная статуя женщины из с. Экибулак в Дагестане характеризуется довольно реалистической передачей в рельефе черт лица, зачесанных назад волос, ушных раковин и рук⁴⁶. На стеле из дольмена бассейна р. Кизинка в Прикубанье одинарным бордюром ограничены две выпуклости — яйцевидная и круглая, вероятно обозначающие соответственно лицо и живот⁴⁷. По всем признакам эти стелы несколько моложе кишпекских, хотя и могут быть включены в круг антропоморфных статуй одной эпохи⁴⁸. На основании ряда пря-

мых и косвенных данных стелы из Кишпекской, Нальчикской гробниц и из других мест Кабардино-Балкарии датируются нами не позднее третьей четверти III тысячелетия до н. э.⁴⁹

Обычно по традиции, распространенной в археологической литературе, антропоморфные плиты типа нальчикских и кишпекских причисляют к кругу надгробных стел, устанавливавшихся первоначально на курганах или грунтовых могилах, но не менее вероятным представляется и иное их назначение. В частности, вполне возможно, что такие плиты, как, например, монументальные каменные изваяния эпохи бронзы Минусинских степей в Сибири⁵⁰, или половецкие «каменные бабы» Восточной Европы и Предкавказья⁵¹ с самого начала использовались не как надгробные памятники-стелы, а служили в качестве идолов⁵². В таком случае они могли стоять компактно, на определенном участке древнего святилища (капища). На это наряду с определенными особенностями форм некоторых антропоморфных плит Кабардино-Балкарии в известной мере указывает их групповое распространение по отдельным пунктам. Но с какой бы целью ни изготовлялись простейшие каменные статуи, все же бесспорным кажется то, что они представляют собой древнейшую попытку центральнокавказских племен создать в монументальной скульптуре человеческий образ.

Как видно из всего изложенного, Кишпекская гробница по своему местонахождению в кургане, по некоторым особенностям своей конструкции, по погребальному обряду и инвентарю обнаруживает наибольшее сходство с дольменами ст. Новосвободная и Нальчикской гробницей, которые были сооружены в последних веках III тысячелетия до н. э. и явились усыпальницами племенных вождей⁵³.

Бесспорно к этому же времени относится и выявленная в том же Кишпек-

ском кургане грунтовая могила с каменным полукольцом, где, судя по характеру погребального инвентаря, также был захоронен какой-то представитель родо-племенной верхушки. В связи с этим Кишпекский курган можно рассматривать как еще один интересный источник для дальнейшего освещения вопроса социальной стратификации племен эпохи ранней бронзы Северного Кавказа.

Касаясь вопроса об этнокультурной принадлежности Кишпекского кургана в целом, следует обратить внимание на то, что, как и курганы у ст. Новосвободная и г. Нальчика, он сочетает в себе признаки двух культур — майкопской и дольменной. С майкопской культурой этот памятник сближается уже наличием самой курганной насыпи, особенностями труположения (скорченные на боку костяки), тяготением к южной ориентировке могильных сооружений и погребенных, характером инвентаря и др. Безусловно типичным позднемайкопским комплексом является грунтовая могила в кургане. Напом-

ним, что она синхронна первичному погребению в гробнице и хронологически близка повторному (парному) захоронению в ней. Все это позволяет причислить Кишпекский курган к кругу древностей позднемайкопской культуры. В то же время с дольменной культурой Западного Кавказа он сближается по весьма устойчивому и существенному этнокультурному признаку, а именно по характеру одного из могильных сооружений в насыпи — монументальной гробницы типа плиточных дольменов.

Таким образом, Кишпекский курган наряду с некоторыми другими памятниками конца раннебронзового века Центрального Кавказа (монументальные постройки в курганах близ аула Кубина⁵⁴, около с. Заюково⁵⁵, в местности Кишпек⁵⁶, у г. Нальчика⁵⁷ и др.) является еще одним свидетельством продвижения на данную территорию определенной части позднемайкопских племен Прикубанья, этнически родственных со строителями подкурганых дольменов ст. Новосвободная.

¹ Большие запасы подобного туфа, разрабатываемого и в настоящее время, расположены у с. Каменка, к югу от местонахождения второй Кишпекской группы курганов.

² Залежи такого розового туфа имеются у с. Заюкова, к западу от Кишпекских курганов.

³ Напомним, что и другие подобные же мегалитические сооружения эпохи ранней бронзы Северного Кавказа были не впускными, а представляли собой основные погребения в курганах. См.: *Попова Т. Б.* Дольмены станицы Новосвободной. — Труды ГИМ, 1963, вып. 34, с. 14, 15; *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973, с. 8, 9.

⁴ *Лавров Л. И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа. — Труды АБИЯЛИ, Сухуми, 1960, т. XXI, с. 102.

⁵ *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М., 1978, с. 59 и сл.

⁶ *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа, с. 60—64.

⁷ Там же, с. 64—66; ОАК за 1898 г. СПб.,

1904, с. 33—38; *Попова Т. Б.* Дольмены. . ., с. 9—15.

⁸ *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница, с. 9—12.

⁹ *Иссен А. А.* Майкопская культура и ее датировка. — Тезисы докладов на заседаниях отделения исторических наук, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962, с. 19—22; *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа, с. 278—281; *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница, с. 39.

¹⁰ *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 315—317; см. также: *Мизиев И. М., Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х.* Археологические раскопки 1972 года в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973, с. 5—16; *Чеченов И. М.* Некоторые проблемы этнической истории Центрального Кавказа в свете новейших археологических исследований в Кабардино-Балкарии. — VIII Крупновские чтения. Тезисы докладов. Нальчик, 1978, с. 4, 5.

¹¹ *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века.

- ¹² Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря: (Археологические экскурсии). — МАК. М., 1889, II, с. 4, 5. табл. 1, А и В; Фелицын Е. Д. Западно-Кавказские дольмены. — МАК. М., 1907, IX, с. 46, рис. 26; Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа, с. 22—224; Цвинария И. И. Раскопки в сел. Отхара. — АО 1977 г. М., 1978, с. 491.
- ¹³ Тушишвили Н. Н., Амираншвили Д. Ш., Мирцхулава Г. И. Археологические памятники на территории строительства Алгетского водохранилища. — В кн.: Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси, 1976, с. 50.
- ¹⁴ Там же, с. 50.
- ¹⁵ Кушнарера К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа (V—III тыс. до н. э.). Л., 1970, с. 166.
- ¹⁶ Там же, с. 166.
- ¹⁷ Чеченов И. М. Нальчикская подкурганная гробница, с. 47—50, 61—63; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века, с. 336—366.
- ¹⁸ Мещанинов И. И. Кромлехи. — ИГАИМК, Л., 1930, т. VI, вып. III, № 9, с. 7, 23—26; Шамба Г. К. Эшерские кромлехи. Сухуми, 1974, с. 31—42; Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа, с. 222, 223.
- ¹⁹ Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974, с. 42.
- ²⁰ Там же, с. 42, 43, рис. 19.
- ²¹ Иссен А. А. К хронологии «больших кубанских курганов». — СА, 1950, XII, с. 177, 185—200; Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, с. 129—152; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века, с. 332—334, 371—337, 410—412; Андреева М. В. К вопросу о южных связях майкопской культуры. — СА, 1977, № 1, с. 39—56.
- ²² Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века, с. 376 и сл.
- ²³ Марковин В. И. Дольменная культура..., с. 41—44.
- ²⁴ Кушнарера К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры..., с. 166, 167, рис. 44, 25, 28, 31, 114; 54, 32; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре..., с. 165, рис. 25, 3—5, 11, 12, 14.
- ²⁵ Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, с. 54, рис. 3, 2; 6, 1; 8, 2.
- ²⁶ Там же, с. 229, 240 и сл.
- ²⁷ Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Долипское поселение у г. Нальчика. — МИА, 1941, № 3, с. 185—190; Крупнов Е. И. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 года в Кабардинской АССР. — УЗКНИИ, Нальчик, 1948, т. IV, с. 285; Он же. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году. — УЗКНИИ, 1950, т. V, с. 226—230; Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. — МИА, 1961, № 100, с. 101—105; Он же. Кавказ на заре бронзового века, с. 329—331; Формозов А. А. Археологические исследования пещер в верховьях реки Белой Краснодарского края. — СМАА, Майкоп, 1961, т. 2, с. 50—67; Он же. Каменный век..., с. 79, 80, 117—119; Марковин В. И. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии. — КСИА, 1963, вып. 93, с. 63; Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978, с. 32, 33.
- ²⁸ Добровольский А. В. Раскопки кургана в предместье Одессы Слободка-Романовка. — ЗООИД. Одесса, 1915, с. 134; Кияшко В. Я. Константиновское поселение эпохи энеолита. — В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1973, с. 15—17; Дедабришвили Ш. Ш. Памятники эпохи ранней и средней бронзы. — В кн.: Труды Кахетской археологической экспедиции (1965—1966 гг.). Тбилиси, 1971, т. 1, с. 69—75.
- ²⁹ Попова Т. Б. Дольмены..., с. 24, табл. XIII, XV.
- ³⁰ Там же, с. 24, 25.
- ³¹ Формозов А. А. Каменный век..., с. 67.
- ³² ИАК, СПб., 1910, прибавление к вып. 37, с. 155.
- ³³ Биджиев Х. Х., Текеев М. К., Фалинов А. Ю., Рубканов Г. Ю. Исследования в Карачаево-Черкесии. — АО 1976 г. М., 1977, с. 88, 89.
- ³⁴ Петренко В. Г., Мирошина Т. В., Кореневский С. Н., Воронина Р. Ф. Раскопки Ставропольской экспедиции. — АО 1976 г., с. 115.
- ³⁵ Мунчаев Р. М. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. — СА, 1962, № 3, с. 194.
- ³⁶ ОАК за 1897 г. СПб., 1900, с. 2—11; Иссен А. А. Майкопская культура..., с. 21.
- ³⁷ Чеченов И. М. Нальчикская подкурганная гробница, с. 20, 21.
- ³⁸ Мизиев И. М., Бегрозов Р. Ж., Нагоев А. Х. Археологические раскопки..., с. 8, рис. 4; Чеченов И. М. Нальчикская подкурганная гробница, с. 19, 36, рис. 30, 40; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века, с. 401, рис. 56.
- ³⁹ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалеги. Тбилиси, 1941, вып. 1, с. 10—13; Чайльд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, с. 111, 224 и сл., рис. 30; 83; 88; 99; 104; Мерперт Н. Я., Смирнов К. Ф. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. — КСИА, 1961, вып. 84, с. 5; Попова Т. С. Дольмены..., с. 28—31; 34; Че-

- ченое И. М. Нальчикская подкурганная гробница, с. 36, 37.
- ⁴⁰ ОАК за 1897 г., с. 4, 64, 65; ОАК за 1898 г., с. 34, 38; *Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я.* Курганы у ст. Мекенской. — ДЧИ. М., 1963, с. 24, 41; *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница, с. 17—19; *Мизиев И. М., Бетрозов Р. Ж., Назоев А. Х.* Археологические раскопки..., с. 7—19; *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века, с. 304, рис. 72, 2—6, 12—13.
- ⁴¹ *Курбтин В. А.* Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, с. 79, табл. XV; *Чайльд Г.* Древнейший Восток..., с. 246 п 277, табл. XXV, В, XXXII, I; *Попова Т. Б.* Дольмены..., с. 40—43; *Щетенко А. Я.* Древнейшие земледельческие культуры Декана. Л., 1968, с. 62, рис. 20, 13, 18, 20, 21; *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века, с. 404—407.
- ⁴² *Чеченов И. М., Батчаев В. М.* Новые находки древнейших каменных стел в Кабардино-Балкарии. — В кн.: V Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы докладов. Махачкала, 1975, с. 15.
- ⁴³ *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница, с. 12, 16, 23—34.
- ⁴⁴ Там же, с. 56—60; *Формозов А. А.* Очерки..., с. 241 и сл.
- ⁴⁵ *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница, с. 23, 24, 58, 59.
- ⁴⁶ *Гаджиев М. Г., Маммаев М. М.* Каменные антропоморфные изваяния из Экибулака. — В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977, с. 52—54.
- ⁴⁷ *Марковиц В. И.* Дольмены Западного Кавказа, с. 219.
- ⁴⁸ *Гаджиев М. Г., Маммаев М. М.* Каменные антропоморфные изваяния..., с. 54—56.
- ⁴⁹ *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница, с. 23—34, 39, 40.
- ⁵⁰ *Грязнов М. П.* Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. — СА, 1950, XII, с. 129, 130, 153, 156.
- ⁵¹ *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния. — САИ, 1974, Е4-2, с. 72—76.
- ⁵² Такого же мнения придерживался и А. Хойслер относительно причерноморских и западноевропейских статуй эпохи бронзы (*Формозов А. А.* Очерки..., с. 178).
- ⁵³ *Попова П. Б.* Дольмены..., с. 9—47; *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница, с. 9—23, 34—39, 51—59; *Массон В. М.* Древние гробницы вождей на Кавказе. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 102, 110.
- ⁵⁴ *Биджиев Х. Х., Текеев М. К., Фалинов А. Ю., Рубканов Г. Ю.* Исследования в Карачаево-Черкесии, с. 88, 89.
- ⁵⁵ Археологические работы на новостройках в 1932—1933 гг. ИГАИМК, М., Л., 1935, вып. 110, ч. II, с. 13; Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.; Л., 1941, с. 224, 225.
- ⁵⁶ *Нарышкин Н.* Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (в Сванетию) с археологической целью в 1867 г. — ИРАО, СПб., 1871, т. VIII, с. 346—348. Ранее этот памятник был ошибочно включен мной в число раннесредневековых склепов (*Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, с. 57).
- ⁵⁷ *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница, с. 6 и сл.

Большой курган у аула Кубина в Карачаево-Черкесии

Х. Х. Биджиев

В 1976 г. археологическая экспедиция Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института занималась исследованием курганов, расположенных в окрестности аула Кубина недалеко от г. Усть-Джегута. Здесь было исследовано 14 курганов.

Могильник находился к югу от аула Кубина на левом берегу р. Кубань, где ее долина расширяется и образует ровное поле. На этой площади расположены исследованные нами курганы.

Наибольший интерес из них представляет курган 4, находящийся в

Рис. 1. Аул Кубина. Общий вид большого кургана

центральной части могильника. Он отличался от других своими размерами: диаметр 60 м, высота 9 м (рис. 1). Насыпь кургана до глубины 3 м от его вершины состояла из желтого суглинка с булыжником. Остальная часть насыпи представляла собой сильно утрамбованную глину. В насыпи кургана попадались кости животных, фрагменты красноглиняной керамики с пачкающей поверхностью. В насыпи кургана на разной глубине находились отдельные скопления красной краски (сурик). Много кусков красной краски особенно часто встречалось внутри второго кольца — кромлеха. Красной краской были также обсыпаны камни, составляющие кольца кромлеха, что особенно характерно для камней второго кольца. Почти все его камни были окрашены в красный цвет. На юго-восточной части пояса между камнями попадались также отдельные скопления краски —

признаки древнего погребения (рис. 2). Над могильным сооружением лежала целая куча камней. В основании его были сооружены три каменных кольца-кромлеха. Внешнее кольцо диаметром 55 м сложено из булыжника. Второе массивное кольцо-кромлех диаметром 25 м, шириной 3 м, высотой 3,5 м сложено из булыжника и обломков известняка. Третье (внутреннее) кольцо, прилегающее с внутренней стороны к кругу, сложено только из крупного булыжника. Его диаметр 12 м (рис. 2). Всего при раскопках кургана обнаружено шесть погребений. Пять из них (1, 2, 3, 4, 5) лежали на различных уровнях насыпи в пределах второго каменного кольца, а погребение 6 — на глубине 9 м в материковом грунте (рис. 2).

Погребение 1 находилось в центральной части кургана на глубине 0,6 м от вершины насыпи. Костяк хорошей сохранности лежал в вытянутом положе-

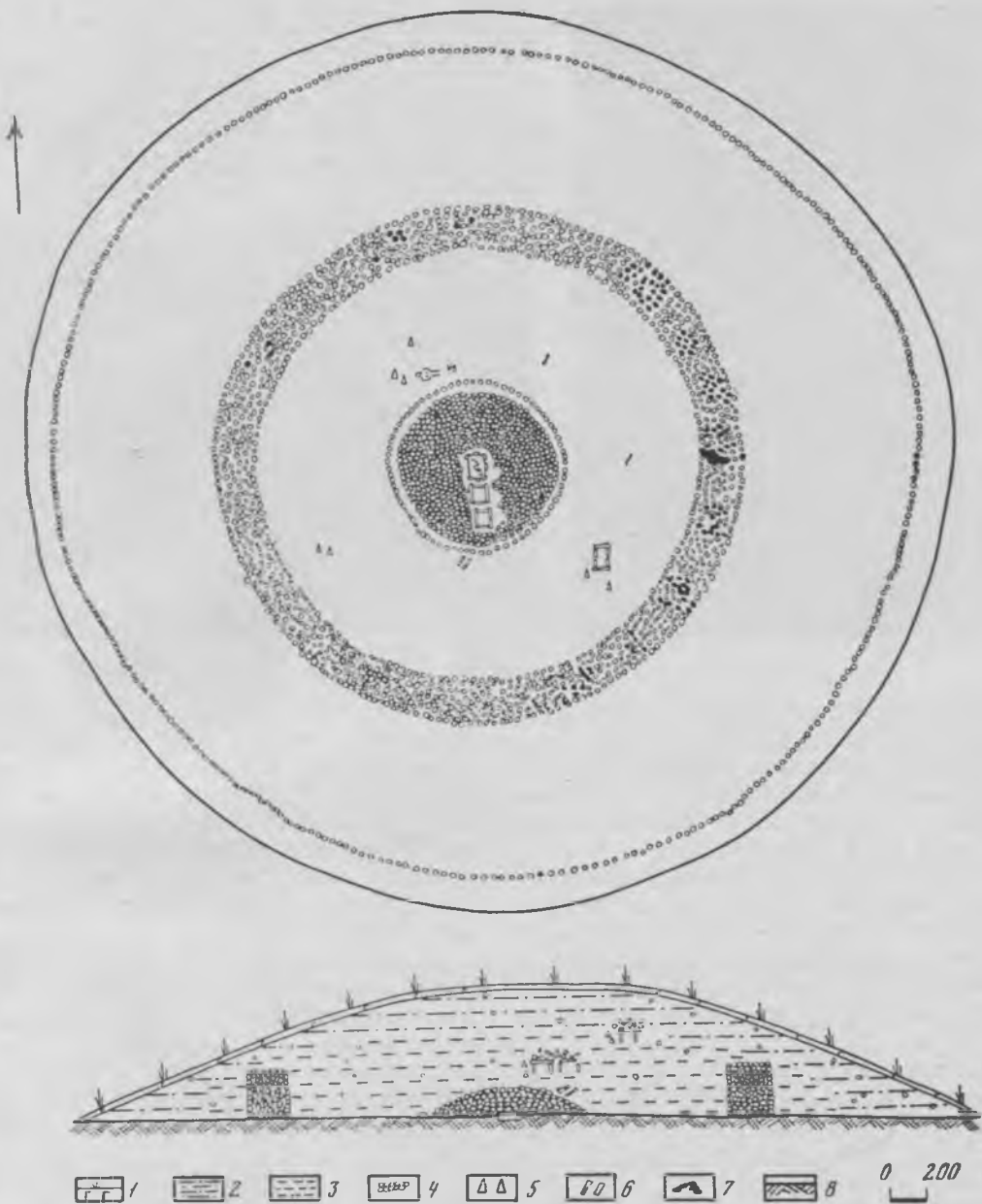

Рис. 2. Аул Кубина

план и разрез большого кургана: 1 — гумус, 2 — суглинок, 3 — глина, 4 — камни, 5 — керамика, 6 — кости животных, 7 — краска на камнях, 8 — материк

Рис. 3. Большой курган у аула Кубина.
Погребение 2

Рис. 4. Большой курган у аула Кубина.
Гробница погребения 3

нии на спине, головой на запад, руки скрещены на груди. Захоронение было совершено в насыпи кургана и сверху покрыто каменной плитой, которая раскололась на несколько частей. Длина костяка 1,7 м. Находок нет.

Погребение 2 находилось рядом с погребением 1 на том же уровне насыпи. Контуры могильной ямы не прослеживались. Можно предполагать, что и здесь не было специальной могилы. Захоронение было совершено в насыпи кургана.

Скелет лежал в сильно скорченном положении, на левом боку, ориентирован на юг с небольшим отклонением к западу. Инвентаря не было (рис. 3).

Погребение 3 сооружено в юго-восточной части насыпи на глубине 3,1 м, расчищен каменный ящик, стены которого сложены из больших плит. Ориентирован длинной осью по линии юг—север. Размеры его: длина 1,80 м, ширина 1 м, максимальная высота 0,60 м.

Сверху каменный ящик был покрыт большими плитами, которые под давлением насыпи раскололись на мелкие куски (рис. 4). Костяк истлел. На дне могилы найдено большое количество бус, фрагменты сероглиняной керамики (рис. 5), здесь же зафиксированы куски красной краски (сурик). Лежали они и вокруг ящика.

Следует отметить, что щели, образовавшиеся на стыке стен, обмазаны глиной, окрашенной в красный цвет. Окрашены были также каменные плиты, составляющие стены могилы. Над верхней плитой каменного ящика было насыпано большое количество булыжника (рис. 2).

Погребение 4 находилось в центральной части кургана на глубине 5 м от вершины насыпи и представляло собой каменный ящик (размеры 0,98×1 м) почти квадратной формы (рис. 2), сверху покрытый каменной плитой, поверх которой лежала груда булыжника

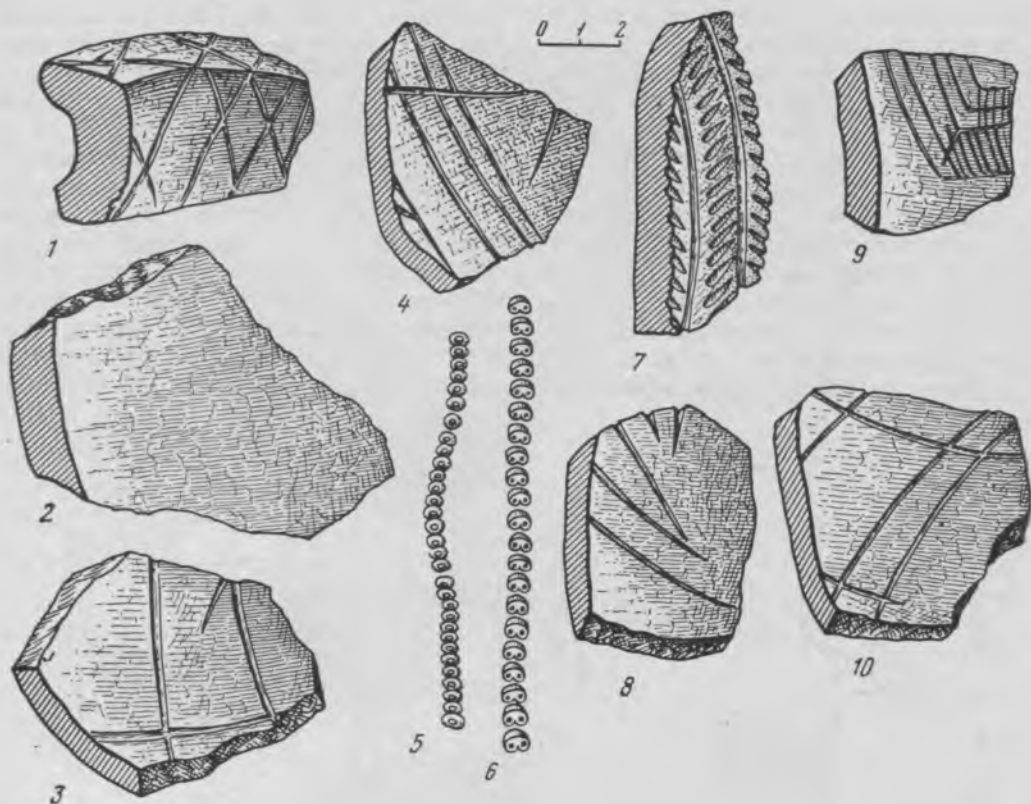

Рис. 5. Большой курган у аула Кубина

инвентарь погребения 3 (1—4, 7—10 — керамика, 5, 6 — бронзовые бусы)

(рис. 2). Северная, южная и западная стены каменного ящика состоят из одной целой плиты, а восточная стена сложена из двух плит. Величина плит: южной 0,90 м, северной 1 м, западной 1,80 м, восточной 1,42 м, толщина их в среднем 0,20 м. Внутренние размеры каменного ящика: длина с востока на запад 0,98 м, с юга на север 1 м, высота 0,50 м. Щели его обмазаны красной краской, куски которой имелись с внешней стороны и встречались над погребением. Покойник не сохранился. На дне могилы прослеживались следы истлевших костей. Из-за их плохой со-

хранности трудно судить о погребальном обряде.

Погребение 5 находилось в центральной части кургана на глубине 5 м от вершины насыпи и в 4 м к северу от погребения 4. Оно, как и предыдущее, представляет собой каменный ящик, ориентированный по линии юг—север. Сооружение покрыто большой каменной плитой (размеры плиты $1,50 \times 1,40 \times 0,20$ м), над которой также имелось скопление булыжника (рис. 2).

Размеры каменного ящика: длина 1,12 м, ширина 1 м, высота 0,70 м. Заполнение его состоит из грунта. Щели,

образовавшиеся на стыке стен, а также верхняя плита обмазаны красной краской. Покойник истлел, находок нет.

Погребение 6 являлось основным захоронением в кургане. Оно находилось в его центре, под насыпью, на глубине 9 м. Могила представляла собой едва углубленную в материк яму, которая имела четырехугольную форму. Сверху она была покрыта массивной каменной плитой, которая лежала на шести крупных булыжниках, поставленных под нее с наружной стороны, т. е. могила на уровне материка была обложена

большими камнями. Размеры могилы: длина (север—юг) 1,40 м, ширина 1,10 м, глубина от верхней плиты до дна ямы 0,42 м. Над погребением насыпан курганчик диаметром 11 м и высотой 2 м. Затем все это сооружение было обнесено кольцом-кромлехом диаметром 12 м. Курганчик и кольцо-кромлех сооружены из булыжника (рис. 2).

В насыпи упомянутого курганчика найдены фрагменты красноглиняных сосудов, кости животных, куски древесного угля. Вероятно, все это остатки тризны. Над верхней плитой погребения

Рис. 6. Большой курган у аула Кубина. Погребение 6

1 — плиты, перекрывавшие погребение, 2 — план (1, 2 — сосуды, 3—7 — отдельные находки), 3 — разрез погребения по линии А—Б; а — материк, б — глина, в — супесь

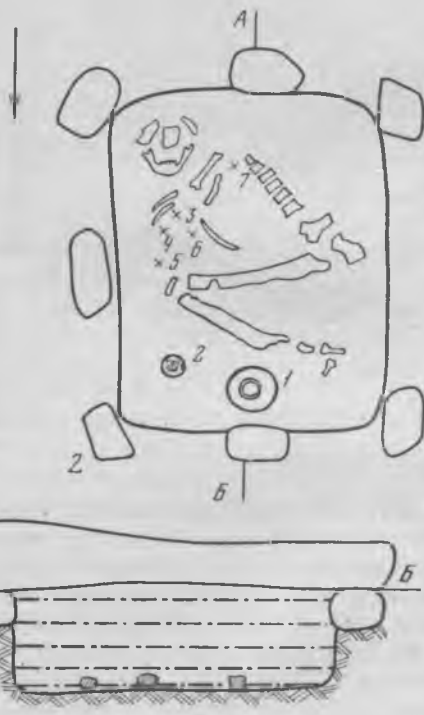

Рис. 7. Большой курган у аула Кубина. Инвентарь из погребения 6

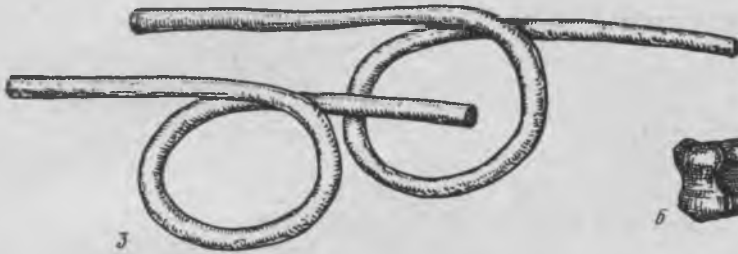
1 — котел, 2 — кинжалы, 3 — псалии, 4, 5 — шилья, 6, 12 — овечьи астрагалы, 7—8 — височные подвески; 9 — сосуд; 10 — тесло, 11, 13 — керамика; 1—3, 5, 10 — бронза, 4, 6, 12 — кость, 7, 8 — золото, 9, 11, 13 — глина

1

2

3

6

4

5

7

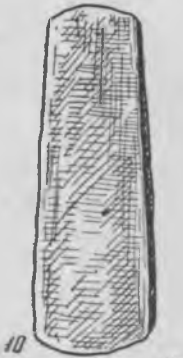
8

0 1 2

9

10

11

12

13

ния и вокруг нее хорошо прослеживались следы истлевшего дерева, комки красной краски. В красный цвет были окрашены также некоторые камни насыпи курганчика. На дне могильной ямы покоились кости взрослого мужчины. Он лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на юг. Череп раздавлен (рис. 6). Могила обильно обсыпана красной охрой. Вокруг нее и возле покойника прослеживались следы истлевшего дерева. Можно предположить, что для сооружения могилы было использовано дерево, хотя плохая сохранность его не позволяет восстановить некоторые детали погребального сооружения. Очевидно, снаружи могила была обложена бревнами и перекрыта сверху деревянным настилом. Дно могилы оказалось выложенным тонким слоем галечника.

В описанном погребении обнаружены следующие предметы.

Котел из тонкой листовой бронзы, орнаментированный по тулову «жемчужным» орнаментом. Он сохранился хорошо. Котел имеет яйцевидное тулово, вертикальную шейку и узкое дно. Размеры его: высота 0,19 м, диаметр 0,30 м (рис. 7).

Два бронзовых кинжала с черешком. Они представляют собой узкие, постепенно сужающиеся листовидные клипки, с едва заметными двойными ребрами, идущими вдоль лезвий. Размеры кинжалов: длина лезвий 13 и 7 см, длина черенков 3 и 5 см (рис. 7, 2).

Плоское бронзовое тесло. Длина его 10 см, толщина 2 см, ширина 3 см.

Золотое височное кольцо с несомкнутыми концами, изготовленное из тонкой золотой проволоки сечением 1 мм.

Золотое височное кольцо, аналогичное предыдущему (рис. 7, 7).

Бронзовое шило в виде прямого четырехгранного стержня с заостренным концом и утолщением в средней части. Его размеры: длина 6 см, толщина в сечении 2 см (рис. 7, 5).

Костяная булавка длиной 4,5 см.

Два бронзовых предмета, изготовленных из бронзового прута, свернутого в петлю. Концы их закруглены и представляют собой небольшие шишечки. Длина их 17 и 13 см, толщина в сечении 0,5 см (рис. 7, 3). Находились внутри бронзового котла, среди трухи от истлевшей кожи.

Глиняный сосуд красно-оранжевого цвета, высотой 6,5 см, диаметром 15 см (рис. 7, 9).

Кроме перечисленных вещей, найдены фрагменты крупных сосудов красно-оранжевого цвета с пачкающей поверхностью и астрагалы животных. Некоторые экземпляры керамики снабжены линейным орнаментом в виде вертикальных и горизонтальных пересекающихся линий.

Большая часть насыпи кургана состояла из плотной материковой глины желтого цвета. Одной из основных особенностей в строении кургана надо признать то, что его насыпь содержала большое количество камней. Камней особенно много было над могильными сооружениями. Обычно над погребениями и вокруг них встречалось огромное количество булыжника. Как уже говорилось, над центральным погребением был сооружен небольшой каменный курганчик.

Важной особенностью кургана надо признать кромлехи, открытые в основании его в виде кольца, сложенного из булыжника и кусков известняка. Видимо, сооружение подобных колец связано с религиозными воззрениями, указывающими на почитание солнца как источника света и тепла. Возможно, кольцо вокруг захоронения символически изображало солнечный диск. Одной из весьма интересных деталей, постоянно встречающихся при исследовании кургана, является использование во время похорон большого количества красной краски, причем ею обильно посыпались земля, окружавшая погребение.

ния, стены могильных сооружений (погребения 3, 4, 5), но не сами покойники. Среди исследованных погребений только скелет могилы 6 был сильно окрашен в красный цвет. Подобный ритуал, как полагают некоторые ученые, связан с религиозными верованиями населения древности, как символизация вечне горящего огня, который имел якобы очистительную силу.

В погребениях 3, 4, 5 все щели между плитами, стыки стен оказались тщательно обмазанными глиной или заложены мелкими камнями. Вероятно, этот факт связан со стремлением изолировать погребенного от всего земного (злых духов и проч.).

В двух случаях (погребения 1, 2) покойники лежали в насыпи кургана и не имели специального сооружения. Погребения 3, 4, 5 представляют собой каменные ящики. Они по конструкции ничем не отличаются друг от друга, кроме того, что имеют различные размеры. Ящики сооружены из массивных каменных плит, установленных вертикально, и сверху перекрыты такими же каменными плитами. Из-за плохой сохранности скелетов трудно сказать что-либо о положении покойников в этих могилах, хотя сами сооружения были ориентированы длинной осью по линии восток—запад. Исходя из этого, можно полагать, что покойники лежали в них на спине, вытянуто, головой на запад или восток. Погребение 6 представляло собой неглубокую яму, вырытую в материковом грунте. Судя по остаткам истлевшего дерева, стены ее были облицованы деревянными плахами. Дно погребения было выложено галечником, покойник сильно скорчен и засыпан красной краской.

Наиболее интересно погребение 6, которое можно отнести к майкопской культуре. Об этом свидетельствуют инвентарь и погребальный обряд. Найденные в нем металлические предметы, керамика и другие вещи являются харак-

терными для майкопской культуры. Так, бронзовые котлы найдены в новосвободненских дольменах¹ и в Бамутском курганном могильнике². Котел из погребения 6 украшен характерным для майкопской культуры «жемчужным» орнаментом. Аналогичные котлы обнаружены и среди памятников Кабардино-Балкарии³.

Особого внимания заслуживают два бронзовых предмета, которые найдены в этой же могиле. Они сделаны из круглого бронзового прута с закругленными концами. Эти находки исключительно уникальны, на территории Карачаево-Черкесии они обнаружены впервые. До наших раскопок таких предметов было известно всего семь. Все они найдены в комплексах майкопской культуры⁴.

По мнению Р. М. Мунчаева, который специально изучал эти находки, они являются древнейшими металлическими псалиями и свидетельствуют о практике верховой езды в эпоху ранней бронзы среди населения Северного Кавказа⁵. Условия находки этих предметов в кургане у аула Кубина, на мой взгляд, говорят в пользу мнения Р. М. Мунчаева. Так, внутри котла, где лежали псалии, прослежена труха от кожи. Возможно, это остатки истлевшей конской сбруи.

Широкое распространение в инвентаре майкопской культуры имеют золотые височные кольца, бронзовые тесла, шило, кинжалы⁶, подобные найденным в исследованном нами погребении.

То же самое можно сказать о керамике, обнаруженной в погребении 6. Она хорошо известна и характерна для майкопской культуры в целом⁷. Что касается погребального обряда нашего погребения, то он также является характерным для древностей майкопской культуры⁸.

Исходя из указанных аналогий, можно погребение 6 отнести к позднему этапу майкопской культуры.

Погребение 1, видимо, относится к средневековью (X—XIII вв. н. э.). В пользу этого говорит то, что покойник был захоронен по христианскому обряду. В X—XIII вв. н. э. на территории Карачаево-Черкесии появляются христианские погребения, связанные с принятием социальной верхушкой местного населения этой религии.

Следует отметить, что на территории исследованного могильника в ранне-средневековье существовало большое поселение. На нем в 1973 г. автором были исследованы погребения, аналогичные описываемому⁹. Если учесть, что недалеко от места расположения кургана находилось средневековое поселение, население которого придерживалось христианского обряда, то нет ничего удивительного в том, что в насыпи кургана эпохи бронзы оказалось подобное захоронение.

Погребение 2 лишь очень предположительно можно отнести к срубной культуре. В пользу этого говорит погребальный обряд. В 1963—1964 гг. в окрестности г. Усть-Джегуты А. Л. Нечитайло были исследованы погребения срубной культуры, аналогичные рассматриваемому. Погребения, исследованные А. Л. Нечитайло, тоже находились в насыпи кургана, обычно на вершине насыпи. Покойники лежали сильно скорченно, на боку, головой на юг, и при них был инвентарь, характерный для срубной культуры. Следует отметить, что погребения, исследованные А. Л. Нечитайло, находятся недалеко от курганной группы у аула Кубина. Видимо, все эти погребения связаны с проникновением в эпоху бронзы на территорию Карачаево-Черкесии племен срубной культуры.

Все остальные погребения можно отнести к северокавказской культуре. Причем, по форме могильных сооружений и по погребальному обряду они сближаются с памятниками северокавказской культуры района Пятигорья.

Так, над верхним перекрытием могил Пятигорья имеется огромное количество камней, в самих погребениях присутствует краска. Большинство могильных сооружений Пятигорья представляют собой каменные ящики и гробницы, стены которых состоят из массивных плит. Большинство покойников лежало на спине, вытянуто, головой на запад или восток¹⁰. Все перечисленные черты ритуала свойственны и погребениям, исследованным у аула Кубина. Здесь погребения от памятников Пятигорья отличаются лишь тем, что в отличие от последних¹¹ в них присутствует много красной краски. Однако, как уже отмечалось, в раскрытых погребениях кости окрашены слабо, хотя в самих могилах имеется краска. Возможно, это объясняется тем, что описанные нами памятники более ранние, т. е. относятся к первому этапу северокавказской культуры, или данная черта — окрашенность самого погребального сооружения — является локальной особенностью памятников Карачаево-Черкесии. Датировке кубинских могил началом II тысячелетия до н. э. не противоречит и керамика, найденная в погребении 3. Она характеризуется грубой выделкой и слабым обжигом. Ее глина содержит примесь песка. Поверхность обломков серо-черная, черепок в изломе черный. Восстанавливаемые формы сосудов, их цвет, а также качество теста находят прямые аналогии в комплексах северо-кавказской культуры II тысячелетия до н. э.¹² То же самое можно сказать и о бронзовых бусах, обнаруженных в погребении 3¹³.

Итак, в Кубинском кургане обнаружено шесть захоронений, расположенных на различных уровнях насыпи. Однако первоначально он предназначался для захоронения лишь одного человека. После того как было сооружено основное погребальное сооружение (могила 6), вокруг него сделали три каменных кольца-кромлеха из крупного бу-

лыжника и обломков известняка. Самым массивным из них являлось второе кольцо. После их сооружения был целиком насыпан курган. Судя по его величине и размерам, он предназначался для похорон уважаемого человека, возможно, родо-племенного предводителя, о чем свидетельствует и обнаружен-

ный здесь богатый инвентарь. Все остальные погребения являются впускными. В целом собранный материал представляет большую ценность для изучения этнокультурных процессов, происходивших в центральных районах Северного Кавказа в эпоху бронзы.

¹ ОАК за 1898 г. СПб., 1901, с. 34, рис. 49, 50.

² *Мунчаев Р. М.* Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. — СА, 1962, № 3, с. 194, рис. 10.

³ *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973, с. 34, рис. 31; *Мизиев И. М., Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Археологические раскопки 1972 г. в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973, с. 48.

⁴ *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 389, 390.

⁵ *Мунчаев Р. М.* Бронзовые псалы майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 71—75.

⁶ *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре... , с. 241, 254, 304, рис. 50; 56; 72, 2—6; *Мизиев И. М.,*

Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х. Археологические раскопки... , с. 9, рис. 5, 4.

⁷ *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре... , с. 233, 235—236, рис. 44—46.

⁸ Там же, с. 310—321.

⁹ *Биджиев Х. Х.* Исследования в Карачаево-Черкесии. — АО 1973 г. М., 1974, с. 98.

¹⁰ *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. — МИА, 1960, № 93, с. 53—60.

¹¹ Там же, с. 50.

¹² *Марковин В. И.* Культура племен... , с. 36—50, рис. 7, 9, 11, 25 и др.; *Мизиев И. М., Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Археологические раскопки... , с. 24—47.

¹³ *Марковин В. И.* Культура племен... , с. 37, рис. 13, 14 и др.; *Мизиев И. М., Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Археологические раскопки... , с. 24 и сл.

Утамышские курганы

В. Г. Котович, *В. М. Котович*, *С. М. Магомедов*

Среди многочисленных и разнохарактерных археологических памятников Прикаспийского Дагестана особое место занимают курганы и курганные могильники. Сосредоточенные в основном на узкой полосе приморской равнины и прилегающем к ней предгорье, они свидетельствуют о многократно имевших место проникновениях сюда в разные периоды древности и средневековья более или менее значительных групп индоевропейского степного населения.

К их числу относится и курганный могильник в урочище Токачи, находящийся к северо-востоку от сел. Утамыш Каякентского района. Названное урочище отделено от приморской равнины передовым предгорным хребтом. Оно представляет собой участок довольно обширной левобережной террасы в среднем течении р. Инчхе-озень, протяженностью около 10 км (рис. 1).

На ровной поверхности урочища Токачи четко рисуются древние курган-

Рис. 1. Схематический план местоположения Утамышского курганного поля

ные насыпи и их остатки. Обследовавший эти места в 1880 г. А. А. Русов отмечал, что «вся эта высокая равнина... покрыта множеством курганов самой разнообразной величины. Сосчитать их и составить примерный план нет никакой возможности». Два из них были тогда раскопаны¹. За минувшее время от бывшего «множества курганов» сохранились лишь единичные насыпи.

При проведении плантажных работ зимой 1971 г. механизаторами совхоза «Утамышский» была снесена небольшая (по свидетельству очевидцев, диаметром не более 15 м, высотой до 1 м) курганная насыпь. Под нею оказалось заполнение из большого количества крупного рваного камня, при выборке которого образовалась траншея глубиной до 3 м. В ходе дальнейшей работы под воздействием тяжести бульдозера дно в середине траншеи неожиданно осело. Заинтересованные этим обстоятельством, механизаторы продолжали углубляться уже вручную. Им пришлось выбрать здесь еще много камня, под которым открылось перекрытие древнего погребального сооружения, образованное двумя накатами толстых, круглых (до 25—30 см), сильно истлевших бревен. Полностью

разобрав и это перекрытие, они обнаружили под ним сооружение в виде «деревянного домика», внутри которого в «круглом деревянном гробу» находилось человеческое захоронение. Крышка этого «гроба» была ими разломана, а кости скелета сильно потревожены, частично выброшены. Около захоронения было найдено некоторое количество пастовых и сильно окисленных металлических украшений. Об открытом механизаторами древнем захоронении узнал и один из авторов данной статьи — С. М. Магомедов. Он немедленно выехал на это место и собрал большую часть обнаруженных здесь находок. По его сигналу к месту находки приехали и другие археологи. Обследованием было установлено, что сохранившиеся остатки погребального сооружения принадлежали тщательно отделанному, но сильно деформированному сруб, внутри которого находилась четырехколесная деревянная повозка с помещенным на ней массивным саркофагом, изготовленным из двух половинок толстого (до 1 м) ствола. Найденный здесь погребальный инвентарь: серебряные височные подвески в полтора оборота, серебряные пронизки, длинноцилиндрические гладкие и бородавчатые пастовые бусы, а также обломки колеса, изготовленного из трех массивных брусьев, соединенных внутренними шипами, и имевшего сильно выступающие ступицы, — не оставлял сомнения в принадлежности этого захоронения к эпохе бронзы. Сразу же стал очевидным уникальный характер выявленного здесь погребального сооружения и пышного погребального обряда.

На дне саркофага в анатомическом порядке находились грудные и поясничные позвонки, несколько ребер, лучевая кость правой руки, крестец, левая тазовая и левая бедренная кости, а также обломок правой бедренной кости. Судя по их положению, погребе-

ние было произведено лежа на спине головой на запад (с небольшим отклонением к югу); при этом ноги были сильно согнуты в коленях, а сами колени приподняты. В разных местах вне саркофага были собраны обломки выброшенного оттуда черепа, принадлежавшего, как оказалось, женщине не моложе 45—50 лет². При доисследовании остатков костяка никаких находок в саркофаге не было обнаружено. После завершения предварительного изучения погребального сооружения во избежание возможности его разрушения было вновь засыпано слоем земли толщиной до 1 м.

Более широкие работы в урочище Токачи были проведены летом 1971 г. Гамринской археологической экспедицией Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР³. В ходе этих работ было доисследовано погребальное сооружение в обнаруженном ранее кургане (1) и раскопаны еще два других кургана (2 и 3). Эти курганы оказались разновременными. Ниже последовательно характеризуются результаты раскопок изученных в окрестностях сел. Утамыш двух курганов эпохи бронзы (1 и 3) и одного — раннесредневекового (2)⁴.

Курган 1 находился недалеко от современного стана, расположенного посредине урочища Токачи. Как уже отмечалось со слов очевидцев, он имел сравнительно небольшую насыпь, диаметром около 15 м, высотой до 1 м. По их же свидетельству, основание насыпи было окружено каменным кольцом. От курганной насыпи к началу работ ничего не сохранилось, а на ее месте проходила траншея, оставленная бульдозером при выброске камня, посреди которой оконтуривались края могильной ямы. Она имела подквадратные очертания со слегка закругленными углами; ее размеры по верхнему краю 4×3,8 м, более длинной осью она ориентирована по направлению северо-

северо-запад—юго-юго-восток. После выборки заполнения на глубину 4,1—4,2 м обнажились края деревянного сруба. Дальнейшая расчистка производилась в его внутренней части.

Сруб оказался заполненным сравнительно рыхлым темноцветным суглинком. Помимо того, в него попал сверху и более плотный желтоватый суглинок, а также большое количество крупных камней. Это было многокомпонентное погребальное сооружение. Одним из главных элементов погребального сооружения являлась камера в виде сруба, образованного не менее чем из шести венцов и местами сохранившегося на высоту 1,1—1,2 м. Венцы изготовлены из крупных плах, представлявших собой расколотые пополам бревна (дубовые?). Их плоские затесанные поверхности обращены внутрь камеры. Венцы срублены «в лапу», без выступания концов. Сруб сильно деформирован, а образующие его стены значительно смещены (рис. 2). Судя по сохранившимся остаткам, он имел прямоугольные очертания и был ориентирован с запада на восток с небольшим отклонением. Длина его продольных сторон составляла не менее 3 м, поперечных — 2,6 м. Пространство между стенами сруба и краями могильной ямы было забутовано большим количеством крупного рваного камня, под давлением которого стены сруба с течением времени сильно прогнулись, значительно сократив его внутреннее пространство. Наибольшей деформации подверглась северная стена, практически ничем не удерживаемая изнутри, тогда как остальные стены оказались сдвинутыми в значительно меньшей степени, поскольку именно здесь, вдоль южной стены, находилась массивная повозка с саркофагом.

Саркофаг изготовлен из короткого (около 2 м) и чрезвычайно толстого (диаметром не менее 1,2 м) отрезка дубового ствола, расколотого по длине

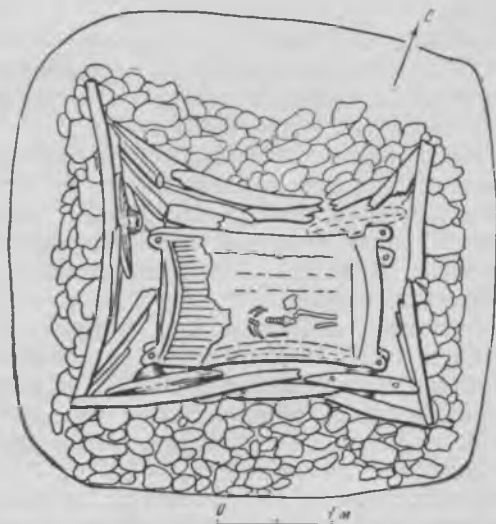

Рис. 2. Утамыш. План погребения в кургане 1

Рис. 3. Утамыш. Детали устройства сруба, саркофага и повозки в кургане 1

на две примерно равные половины. В каждой из них была затем выдолблена полость полуцилиндрической формы (рис. 3, 1, 2). Наружные поверхности обеих половинок были очищены от коры и выровнены. При этом наружная поверхность верхней половинки, служившей крышкой, тщательно отделана множеством ровных узких стесов, параллельно покрывавших ее по всей длине и придававших ей характерный, как бы граненый облик (рис. 3, 3). При изготовлении обеих половинок саркофага по их углам были оставлены снаружи специальные выступы, в которых оказались симметрично высверленными вертикальные отверстия. С их помощью обе половинки саркофага прочно соединялись одна с другой посредством пропускавшихся через эти отверстия деревянных штырей (рис. 3, 1, 3). Размеры нижней части саркофага: длина 1,65 м (с высту-

пами 1,9 м), диаметр 0,95—1 м; служившая гробовищем внутренняя полость достигала в длину 1,4 м. Верхняя половинка саркофага сохранилась лишь в обломках; вероятно, она имела такие же размеры.

Саркофаг в свою очередь был помещен на деревянную повозку, от рамы которой не сохранилось никаких следов, указывающих на ее устройство. Можно полагать, что размеры рамы в основном соответствовали размерам саркофага. Сплошные массивные колеса повозки имели крупные, выступающие с обеих сторон на 0,1—0,15 м ступицы (рис. 3, 1, 4). Каждое из них изготовлено из трех брусков, соединенных внутренними шипами.

Повозка была четырехколесной (рис. 2). Следы двух колес прослежены у восточного края саркофага. Одно из них было зажато между краем саркофага и южной стенкой сруба (оно почти полностью разломано и выброшено на поверхность обнаружившими этот памятник рабочими), от другого сохранился лишь тлен, фиксировавший, однако, его положение между краем саркофага и северной стеной сруба. Два других, отличавшихся лучшей сохранностью, колеса располагались у западного края саркофага. Одно из них, сохраняя свое первоначальное вертикальное положение, стояло между южной стеной сруба и саркофагом (рис. 3, 1, 2), другое — занимало несколько необычное положение: оно было прислонено к западной стене сруба почти перпендикулярно направлению трех других колес (рис. 2; 3, 1, 2). Его могли поставить в таком положении только при совершении захоронения.

Дно погребальной камеры (на глубине 5,04—5,1 м) образовано выровненным материковым суглинком, обильно насыщенным аллювиальными отложениями.

Таким образом, погребальное сооружение кургана 1 представляло собой

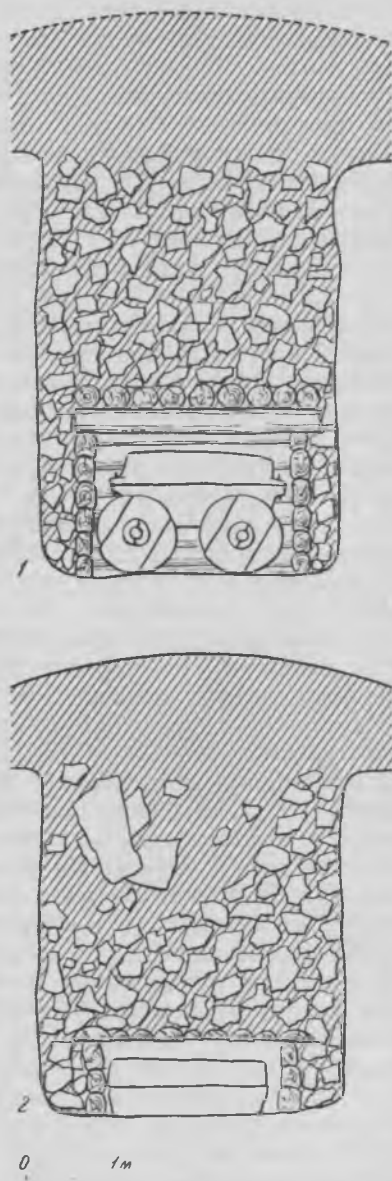

Рис. 4. Графическая реконструкция погребальных сооружений в Утамышских курганах 1 и 3

глубокую (более 5 м) подквадратную яму с возведенным на ее дне высоким, шестивенцовым, деревянным срубом, внутри которого была помещена четырехколесная повозка с саркофагом, содержавшим одиночное женское захоронение. Сруб был перекрыт двумя накатами бревен, после чего могильную яму засыпали не менее чем 70 куб. м камня и отметили курганной насыпью (рис. 4, 1).

Происходящий из этого кургана погребальный инвентарь представлен разнообразными украшениями, в большинстве своем извлеченными совхозными рабочими. При доисследовании кургана обнаружено одно серебряное височное кольцо и пять пастовых бусин, найденных около саркофага в явно перетолженном состоянии. Среди собранных таким образом находок довольно многочисленны небольшие височные кольца в полтора оборота (пять целых и два в обломках), изготовленные из серебряного прута с пластинчато раскованными, заходящими один за другой концами (рис. 5, 10—12, 14—16). Подобные украшения, появление которых на Кавказе Б. А. Куфтин справедливо связывал с месопотамскими влияниями⁵, в Дагестане и Чечено-Ингушетии особенно характерны для памятников эпохи средней бронзы⁶, в том числе и каякенско-хорочоевских⁷.

Среди других украшений отметим обломки двух бронзовых браслетов круглого сечения с незамкнутыми, заходящими один за другой концами (рис. 5, 22) и бронзовую булавку с петлевидно подвязанной, вероятно, двуволотной головкой (рис. 5, 19). Эти находки обнаруживают сходство с подобными же изделиями из ранней группы Миатлинских курганов⁸. Представляют интерес и три пронизки в виде удлинненных серебряных трубочек, украшенных геометрическим чеканным узором (рис. 5, 9, 13). Подобного рода украшения также характерны для кав-

казских памятников эпохи средней бронзы: в Дагестане они встречены в могильнике Галгалати⁹, в Закавказье — в кургане Триалети¹⁰, на Северном Кавказе — в памятниках предкавказской катакомбной культуры Прикубанья¹¹.

Оригинальной формой отличаются три подвески, представляющие собой три крестообразно соединенных посредине стерженька, к каждому из шести концов которых припаяны полусферические щитки. На верхнем щитке ее закреплена петелька для подвешивания, изготовленная из рифленой пластинки (рис. 5, 18). Подобные украшения, впервые встреченные в Дагестане, не имеют себе прямых аналогий и в сопредельных областях Закавказья и Северного Кавказа. Некоторое сходство с ними обнаруживают так называемые булавовидные подвески из памятников северокавказской и катакомбной культур Прикубанья¹². Также впервые встречена в Дагестане серебряная поделка в виде конического колпачка, украшенного concentрическими рельефными окружностями (рис. 5, 17). Типологически она может быть сопоставлена с «бляхами-колокольчиками» из памятников северокавказской культуры Прикубанья¹³.

Среди других украшений отметим бусы из горного хрусталя (рис. 5, 1, 2), пасты (рис. 5, 3, 4, 7, 8), меди (рис. 5, 5, 6), а также кольца из морских раковин (рис. 5, 20, 21). Почти все они характерны для дагестанских памятников эпохи средней бронзы¹⁴. Единственным исключением являются длинноцилиндрические бородавчатые бусы (рис. 5, 7, 8), впервые встреченные в Дагестане. Однако и они находят себе прямые аналогии в инвентаре катакомбных памятников Прикубанья¹⁵.

Совершенно не представлены в инвентаре кургана 1 керамические изделия, что, по-видимому, является особенностью погребального обряда.

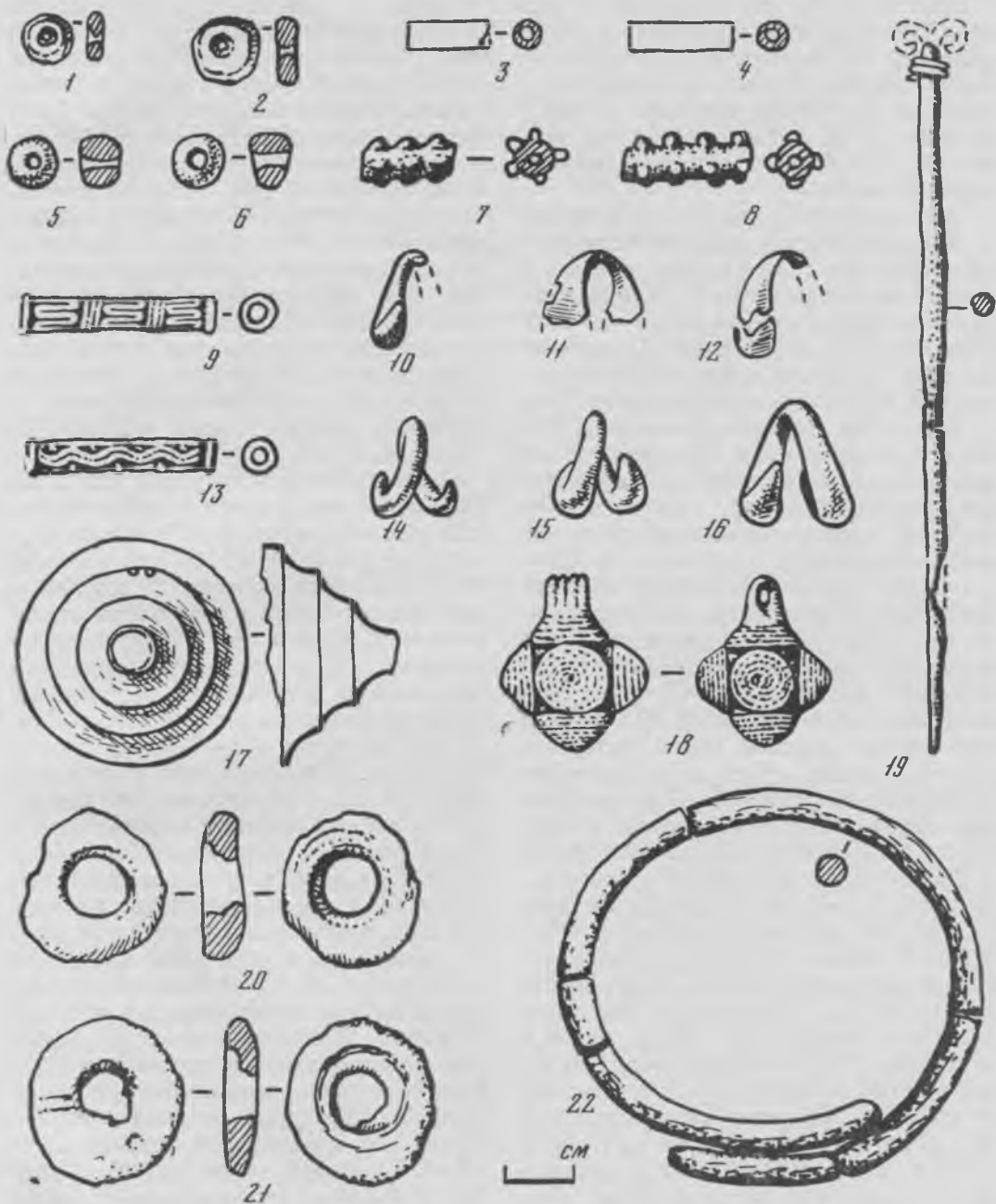

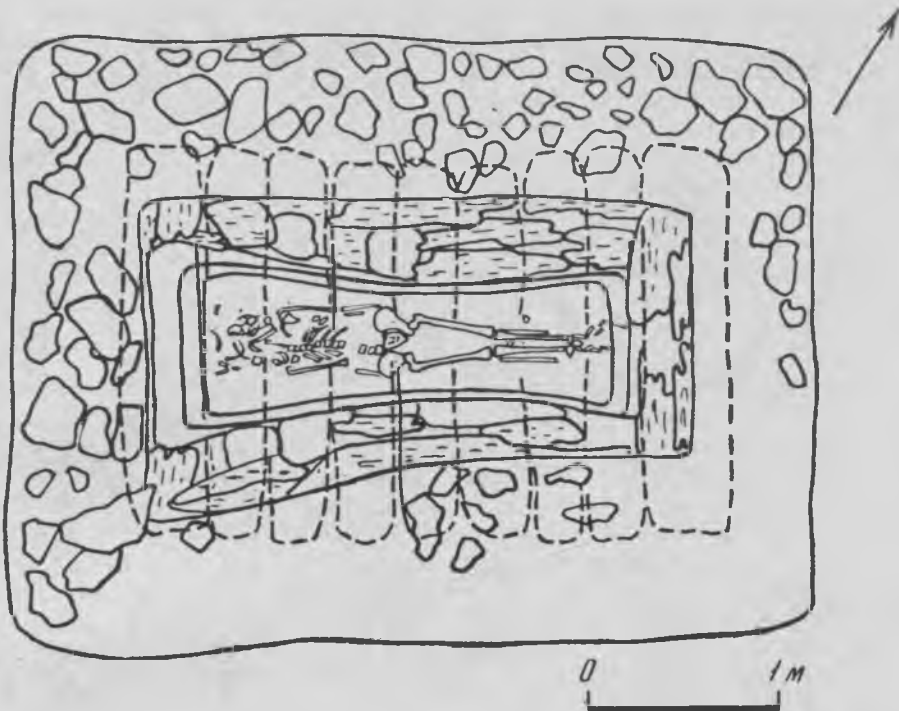
Рис. 5. Утамыш. Погребальный инвентарь из кургана 1
 1, 2 — горный хрусталь, 3, 4, 7, 8 — паста, 5, 6, 18, 19, 22 — бронза, 9—17 — серебро, 20, 21 — раковины

Судя по тому, что найденные украшения находят себе множество прямых аналогий в материалах памятников эпохи средней бронзы, особенно относящихся ко второй четверти II тысячелетия до н. э., представляется возможным датировать курган 1 именно этим временем.

Курган 3 расположен к юго-западу от полевого стана и к восток-юго-востоку от кургана 1. Его насыпь оказалась почти полностью снесенной бульдозерами в процессе проведения на этом участке плантажных работ. От нее сохранился лишь небольшой останец размерами $5 \times 2,5$ м, высотой около 1 м. В курганной насыпи прослежены три слоя: гумусированный суглинок толщинной 0,3—0,5 м (со следами многократного перепахивания), ниже него — плотный коричневато-серый суглинок, мощность которого колеблется от 0,2—0,3 до 0,6—0,7 м (это выброс глубоких материковых отложений, образовавшийся при рытье ямы и использованный затем для оформления верхней части насыпи), наконец, их подстилает щебечный слой толщиной 0,4—0,7 м (это выброс верхней свиты материковых отложений, обильно насыщенных аллювиальным щебнем). В юго-восточном обрезе останца наблюдалось нарушение этой стратиграфии, что наводило на мысль о возможности ограбления кургана. После снятия останца на уровне древней дневной поверхности обнаружены остатки насыпи в виде полукольца диаметром около 3,5 м, шириной около 1 м. Его юго-восточная часть оказалась незамкнутой. Здесь, как и в центральной части полукольца, прослежено пятно плотного коричневато-серого суглинка, вероятно образовавшегося при частичном разрушении курганной насыпи, что делало догадку о возможности ограбления кургана более обоснованной. В этом грунте, который, как оказалось, продолжался, воронкообразно сужаясь, на глубину всего 1,3—1,4 м

от древней поверхности, встречено несколько крупных тщательно отесанных плит, вероятно представлявших собой детали погребального сооружения типа каменной гробницы, а также три фрагмента керамики архаического облика, с обмазанными жидкой глиной наружными поверхностями. Можно полагать, что здесь находилось впускное захоронение, тоже относившееся к бронзовому веку, которое оказалось разрушенным при попытке грабителей проникнуть к основному захоронению. Однако грабителям не удалось преодолеть перекрывавшую его более чем 2,5-метровую толщу заполнения могильной ямы из крупного рваного камня вперемешку с землей.

После выборки заполнения оконтурились очертания прямоугольной могильной ямы со слегка закругленными углами; ее размеры $4,2 \times 3,2$ м; длинной осью она ориентирована по направлению запад—восток с небольшим отклонением. В центре ямы обнаружено перекрытие из девяти плотно подогнанных одна к другой плах, обращенных кверху выпуклыми поверхностями. Длина их достигает 1,9—1,95 м, ширина 0,2—0,4 м. Общие размеры перекрытия $2,4 \times 1,95$ м. Образующие его плахи вследствие чрезвычайно плохой сохранности частично осели до глубины 3,8—4,1 м. Под перекрытием находился деревянный сруб с деревянным же саркофагом в центре. Стенки сруба также отличались чрезвычайно плохой сохранностью: от них остался лишь тлен, поэтому невозможно судить о его конструкции. Лишь на восточной и южной стенках удалось местами проследить остатки образывавших его трех венцов. Вероятные размеры сруба: 2,8—2,9 м в длину при ширине 2,1—2,2 м. Пространство между краями могильной ямы и стенками сруба заполнено рваным камнем вперемешку с землей. Дном погребальной камеры служил выровненный материк.

Столь же плохой сохранностью отличался и саркофаг, от верхней крышки которого заметен лишь слой тлена. Его нижняя часть сохранилась в полуистлевшем состоянии, позволившем, однако, составить некоторое представление о размерах: длина 2,25 м, диаметр 0,8 м, протяженность внутреннего пространства 2 м. В саркофаге на глубине 4,4 м находилось одиночное, вероятно, мужское захоронение. Покойный лежал в вытянутом положении, на спине, головой на запад, лицом на север, с протянутыми вдоль туловища руками (рис. 6).

Итак, погребальное сооружение кургана 3 представляло собой глубокую (до 4,4 м) прямоугольную яму, на дне которой стоял трехвенцовый деревянный сруб с помещенным в него одиночным мужским захоронением в саркофаге. Он был перекрыт затем дубовыми плахами, уложенными в один

Рис. 6. Утамыш. План [погребения в кургане 3

ряд, и засыпан большим количеством (не менее 50 куб. м) камня (см. рис. 4, 2). Края могильной ямы были, по-видимому, обведены на древней дневной поверхности каменным кольцом. При возведении курганной насыпи использован грунт, образовавшийся при рытье могильной ямы.

Инвентарь, сопровождавший захоронение в кургане 3, невелик, но довольно выразителен. Он включал две золотые пластинчатые двулопастные подвески (рис. 7, 3, 4), лежавшие по обе стороны черепа, плоскочерешковый бронзовый клинок (рис. 7, 8), наверхние булавы из коричневато-зеленоватого мрамора с кольцевидным валиком у основания (рис. 7, 11) и костяной стержень (рис. 7, 2), найденные у лок-

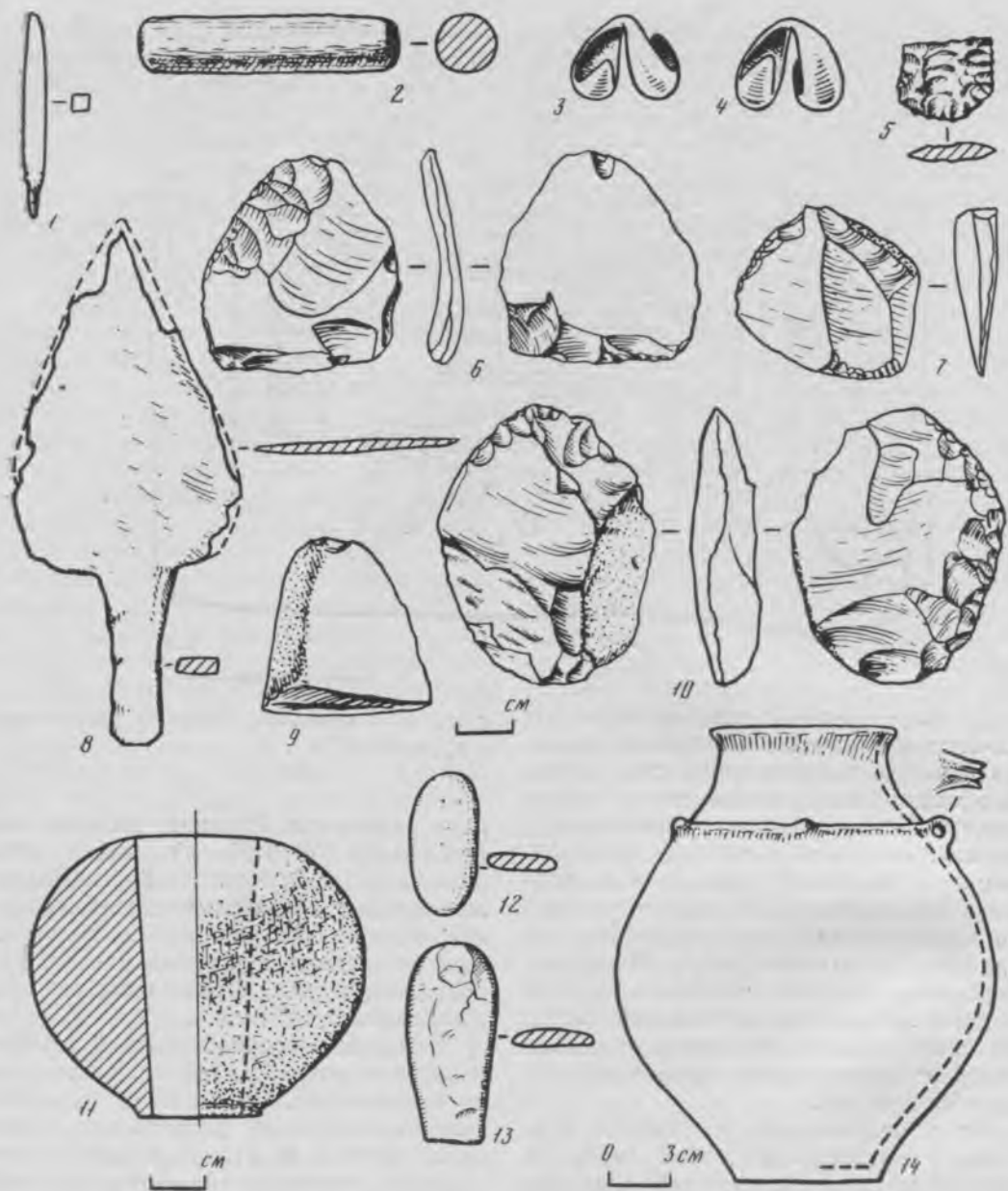

Рис. 7. Утамыш. Погребальный инвентарь из кургана 3

1, 8 — бронза, 2 — кость, 3, 4 — золото, 5 — обсидиан, 6, 7, 9, 10 — кремль, 14 — глина, 11—13 — камень

тевого сочленения левой руки; у левой тазовой кости компактно лежали (вероятно, в одном мешочке) две песчаниковые гальки (точила?) (рис. 7, 12, 13), четырехгранный бронзовый стержень с заостренными концами (шило или наконечник стрелы) (рис. 7, 1), девять кремневых отщепов, как необработанных (рис. 7, 9), так и с участками ретуши (рис. 7, 7), в том числе две заготовки для наконечников дротиков (рис. 7, 6, 10). Под дном саркофага находился раздавленный глиняный сосуд, который первоначально был, по-видимому, прислонен к нему с южной стороны. Это одноручный горшок с яйцевидным туловом, плоским дном и сравнительно невысокой, плавно суживающейся кверху шейкой, заканчивающейся слегка отогнутым венчиком. На плечиках легким желобчатым вдавлением четко обозначен горизонтальный уступ, на котором симметрично расположены три налешных орнаментальных выступа и ленточная ручка с округлым, как бы сверленным отверстием. Наружная поверхность сосуда черная, со следами лощения, внутренняя — розовая, заглаженная (рис. 7, 14).

По характерным особенностям некоторых изделий данного комплекса можно судить и о его возрасте. Так, обнаруженная здесь грушевидная булава (рис. 7, 11) находит свое место в одном ряду с подобными предметами вооружения из памятников III тысячелетия до н. э.¹⁶ Сказанное целиком относится и к плоскочерешковому клинку, и четырехгранному «шиллу» (рис. 7, 1, 8), имеющим немало аналогий в материалах памятников III тысячелетия до н. э.¹⁷, равно как и к золотым височным подвескам (рис. 7, 3, 4)¹⁸. Найденный в кургане 3 обломок обсидианового наконечника стрелы с округлым основанием (рис. 7, 5) близок к подобным наконечникам из Беденских курганов, датируемых второй половиной III—началом II тысячелетия до н. э.¹⁹

Извлеченный нами глиняный сосуд (рис. 7, 14) своей формой, пропорциями и отделкой поверхности почти аналогичен сосудам I типа из Карабудахкентского могильника конца раннебронзовой эпохи²⁰. Но пожалуй, самое яркое и удивительное сходство с утамышскими обнаруживает целый комплекс аналогичных изделий (мраморное грушевидное навершие с кольцевым валиком в основании, двулопастные височные подвески из золота, бронзовое четырехгранное «шило» и плоскочерешковый клинок) из недавно выявленной каменной гробницы в урочище Гентал, где они сопровождали погребение в деревянном саркофаге, предварительно датированное концом III—первой половиной II тысячелетия до н. э.²¹ Однако намеченный выше круг аналогий позволяет, по нашему мнению, ограничить дату Утамышского кургана 3 и бесспорно одновременной с ним гробницы в урочище Гентал концом III—рубежом II тысячелетия до н. э.

Несмотря на некоторые различия в возрасте, оба Утамышских кургана (1 и 3) объединяет общая этнокультурная принадлежность, ярко запечатленная в характерных особенностях погребального обряда. Напомним, что ему присущи подкурганые захоронения в глубоких, заполненных большим количеством камня грунтовых ямах, с помещенными на дне деревянными срубками, содержащими ориентированные в широтном направлении одиночные захоронения в массивных деревянных саркофагах (иногда на повозках) и перекрытыми бревенчатым накатом или плахами. Подобный обряд, впервые засвидетельствованный в Прикаспийском Дагестане, не имеет себе аналогий и в других областях Кавказа.

И все же Утамышские курганы не стоят здесь особняком, а по отдельным деталям погребального обряда и инвентаря увязываются с другими близкими по времени памятниками, расположен-

ными на приморской равнине Дагестана и в его нижнем предгорье. Как уже отмечалось, наибольшую близость с ними обнаруживают гробницы в урочище Гентал, где также встречены ориентированные в широтном направлении захоронения в деревянных саркофагах, сопровождавшиеся набором инвентаря²². Но по особенностям керамики Утамышские курганы связываются со вторым Карабудахкентским могильником с захоронениями в грунтовых ямах²³, а гробницы в урочище Гентал — с Манасским катакомбным могильником²⁴. Если же к рисуемой таким образом картине добавить, что на расположенных в пределах той же части Дагестана Миатлинском²⁵ и Чиркейском²⁶ могильниках представлены подкурганные захоронения в грунтовых ямах и каменных гробницах, становится особенно очевидным удивительное многообразие практиковавшихся в конце III—первой половине II тысячелетия до н. э. погребальных обрядов, очевидно отражающее этническую пестроту обитавшего здесь в ту пору населения, на что уже обращалось внимание в специальной литературе²⁷.

Какая-то часть этого населения (вероятнее всего, носители обряда захоронений в каменных гробницах и ящиках) несомненно была местной. Некоторые племена были пришлыми. К их числу относятся прежде всего носители обряда захоронений в катакомбах, которые, как установлено, представляли собой группу проникших сюда из степей Северо-Западного Прикаспия катакомбных племен, растворившихся затем среди местного населения²⁸.

Вопрос об этнокультурной принадлежности носителей представленного в Утамышских курганах 1 и 3 обряда захоронений в срубах с применением саркофагов в настоящее время может быть только поставлен. В поисках путей для его решения нельзя не обратить внимание на то обстоятельство,

что некоторые черты представленного здесь погребального обряда: земляные насыпи курганов, глубокие ямы прямоугольных очертаний, заполненные большим количеством камня, перекрытие могил плахами и бревенчатым накатом, наконец, широтная ориентация погребенных — находят себе параллели в соответствующих чертах погребального обряда курганов первой группы майкопской культуры²⁹. Отметим, что в некоторых из них в могильные ямы устанавливались деревянные столбы для поддержания перекрытия³⁰, а в отдельных курганах майкопской культуры края могильных ям обкладывались деревом³¹. Почти все те же черты погребального обряда: каменно-земляные насыпи, четырехугольные в плане могильные ямы с широтной ориентацией и деревянные перекрытия — представлены и в Беденских курганах, где также зафиксировано использование «мощных столбов» для поддержания перекрытия, а в двух случаях (курганы 5 и 8) наличие «деревянных склепов со стенами из вертикально поставленных кругляков»³². Предстоит решить, можно ли рассматривать все эти факты как свидетельства постепенного формирования на Кавказе нового типа погребального сооружения — сруба, который в сложившемся виде засвидетельствован в конце III—начале II тысячелетия до н. э. на примере Утамышских курганов 1 и 3 в Дагестане и восьми погребений ранней группы северокавказской культуры в Прикубанье³³. Не менее важным представляется и освещение вопроса о возможных связях этих древних срубных захоронений Кавказа с ранними памятниками срубной культуры Поволжья³⁴.

Рассмотрим теперь еще одну черту погребального обряда Утамышских курганов — обычай хоронить покойных в массивных деревянных саркофагах, иногда на повозках. Как известно, захоронения на повозках практиковались

во второй половине III—первой половине II тысячелетия до н. э. разными племенами в обширном ареале³⁵. Однако использование деревянных саркофагов в погребальном обряде для столь глубокой древности вообще впервые зафиксировано на примере Утамышских курганов и гробницы в урочище Гентал. Может быть, истоки этого обряда следует искать в тех же Беденских курганах, где в одном из срубов (в кургане 5) было встречено захоронение на повозке с ложем и носилками³⁶. Но и этот интересный факт, проливающий некоторый свет на возникновение самой обрядности, не может прояснить вопроса о происхождении саркофагов, который при нынешнем состоянии наших знаний остается открытым.

Курган 2 расположен к северо-востоку от совхозного стана. Он имел небольшую покатую насыпь, сильно сглаженную длительной распашкой. Южная половина насыпи частично срезана при проведении плантажных работ. Диаметр кургана в направлении запад—восток около 30 м, высота 2,1—2,25 м. Судя по различной цветности и консистенции четырех слоев насыпи, можно полагать, что она возводилась в несколько приемов. В центре она оказалась нарушенной грабительским лазом. Первоначальный диаметр кургана не превышал, по-видимому, 20 м, а его насыпь имела более правильную полусферическую форму. Этому в немалой степени способствовал особенно плотный характер ее верхнего слоя, содержащего обильные включения глины (рис. 8).

В центре кургана под насыпью обнаружена прослойка из весьма плотной, круто замешанной глины светло-желтого цвета. В плане она имела овальные очертания (размеры 7×4,5 м, наибольшая толщина 0,025 м). Залегая непосредственно на древней дневной поверхности, она надежно пе-

рекрывала ход в погребальную камеру. Этот ход, или дромос, представлял собой довольно узкую поперек (0,7 м) и несколько расширяющуюся у дна (1—1,2 м), длинную (2,7 м) яму, ориентированную по направлению северо-запад—юго-восток, которая оказалась заполненной твердой глиной, с трудом поддававшейся ударам лома и кирки. Лишь в крайней северо-восточной части и у дна, где проходил грабительский лаз, заполнение дромоса состояло из более мягкого суглинка. Дно дромоса (на глубине 5,95—6,2 м от вершины кургана) понижалось в направлении погребальной камеры, с которой он соединялся узким (ширина 0,58 м, высота 0,36 м) лазом, сделанным в северо-западной стене. Несмотря на ограбленность погребения, лаз оказался прикрытым каменной плитой (рис. 9).

Катакомба располагалась почти перпендикулярно дромосу. Это довольно крупная (длина 2,6 м, ширина 1,2—1,5 м, высота 1,2 м), подпрямоугольная в плане камера с коробовым сводом. Тщательно выровненный, обмазанный глиной пол катакомбы отделен от дромоса ступенькой высотой 0,3 м (рис. 9). Стены и свод погребальной камеры были побелены. Местами на них заметны следы теслообразного орудия, которым производились земляные работы.

В катакомбе находилось одиночное, вероятно, мужское захоронение, подвергшееся разграблению еще в древности. При этом некоторая часть костей скелета оказалась сгруженной на полу катакомбы прямо под лазом, а большинство их было извлечено оттуда и брошено кучей в западном углу дромоса. И тем не менее грабители унесли не все: в разных местах дромоса и катакомбы были найдены немногочисленные, но довольно выразительные изделия.

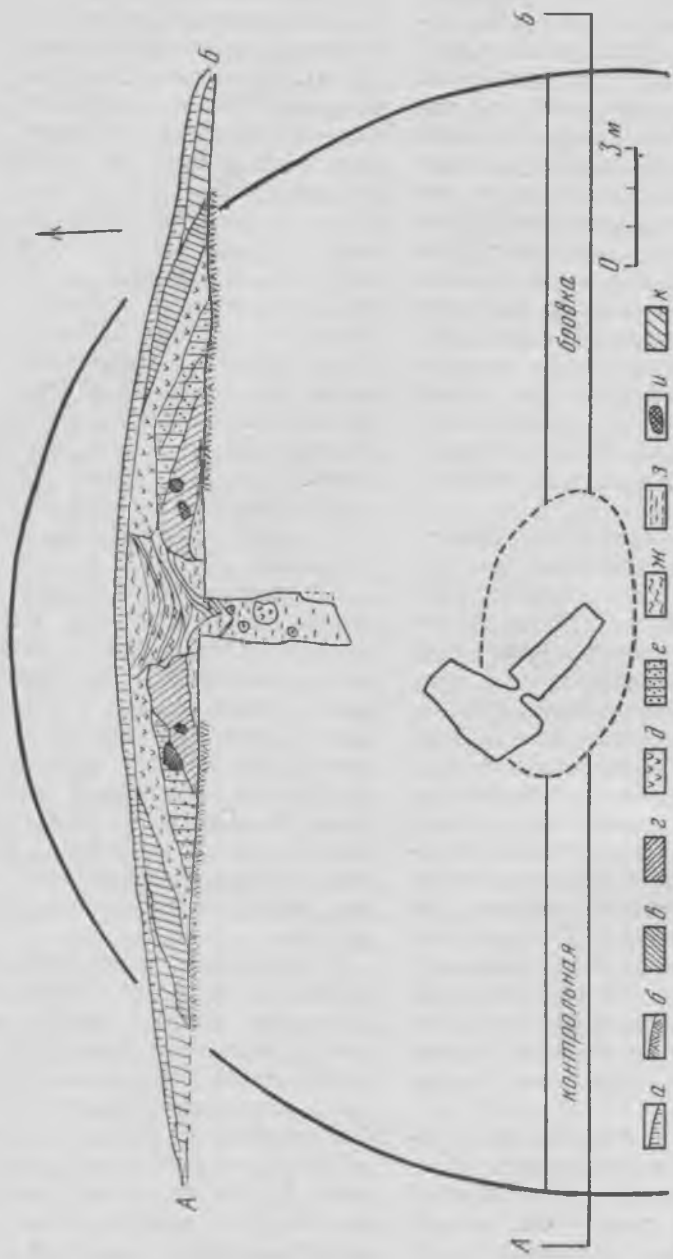

Рис. 8. Уралмыш. План кургана 2

а — вихотный слой, б — древний гумус, в — желто-серый суглинок, г — комковатый суглинок, д — коричнево-серый гумусированный суглинок, е — плотный желтовато-коричневый суглинок, ж — слоистое заполнение грабительского хода, з — желтая глина, и — норы животных, к — оплывший серый суглинок

В заполнении грабительского лаза в начале дромоса на глубине 2,45—2,5 м были обнаружены пятна древесного тлена, а среди них — серебряная обоймица в виде двух узких пластин, соединенных тремя штифтиками (рис. 10, 6) и два серебряных штифта с относительно длинными, слегка расплюснутыми на концах стержнями и ромбическими шляпками (рис. 10, 4).

В западном углу дромоса, на дне около лаза, лежала груда извлеченных грабителями костей человеческого скелета, среди которых встречено несколько вещей. Интересна золотая пряжка с округлой, слегка утолщенной в передней части рамкой, хоботовидным, загнутым на конце язычком, в основании которого имеется прямоугольное гнездо с инкрустацией из альмандина и полукруглой обоймой с тремя заклепками (рис. 10, 5). Помимо того, здесь найдены обломок узкой двупластинчатой серебряной обоймы, аналогичной вышеописанной (рис. 10, 8), обломки бронзовых штифтиков (рис. 10, 3) и скобочек, мелкие фрагменты сильно окислившегося железного предмета, тонкой серебряной пла-

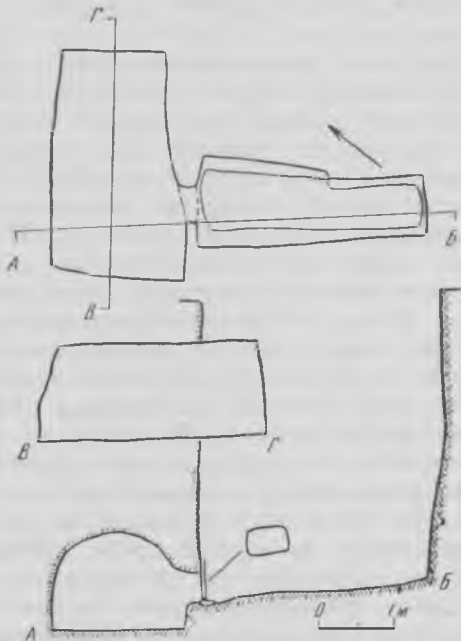
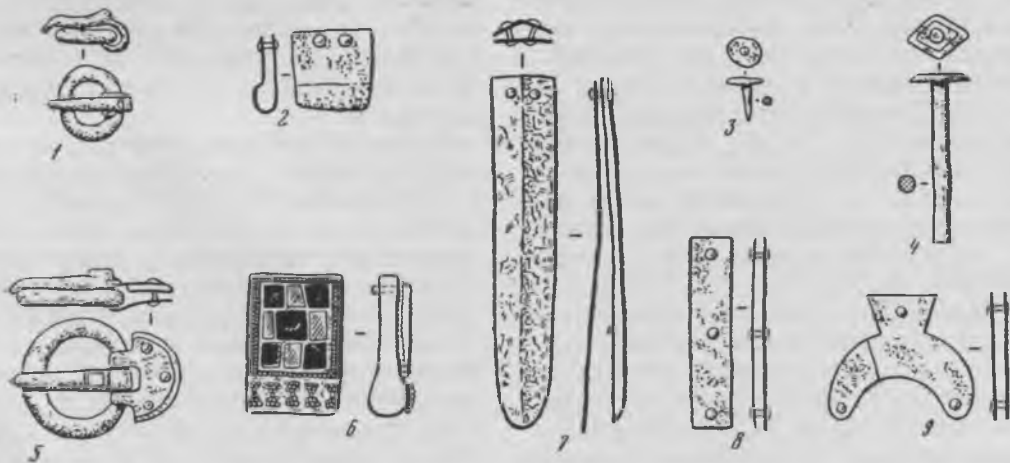

Рис. 9. Утамыш. Катакомба и дромос в кургане 2

Рис. 10. Погребальный инвентарь из Утамышского кургана 2

1, 2, 5, 6 — золото, 3 — бронза, 4, 7, 9 — серебро

стижки, а также сильно истлевшей ткани.

Но наиболее интересные находки были сделаны в самой катакомбе среди остатков костяка, сгруженных на дне перед лазом. Отметим среди них небольшую, вероятно, портупейную золотую пряжку с круглой рамкой и хоботовидным язычком (рис. 10, 1) и два, тоже золотых, наконечника от поясных ремней характерной прямоугольной формы с валикообразным утолщением внизу. Один из них гладкий, с двумя штифтиками-заклепками в верхней части (рис. 10, 2). Лицевая сторона другого (рис. 10, 6) украшена перегородчатой инкрустацией с девятью расположенными в шахматном порядке (по три в ряд) вставками из красного стекла и зеленой пасты или малахита. Она обведена по краю двумя рядами тончайшей зерни. Узором из такой же зерни в виде пяти пар соединенных вершинами треугольников украшен и валикообразный выступ в нижней части наконечника. На гладкой тыльной стороне сверху имеются две заклепки от штифтов, соединявших наконечник с ремнем. Здесь же найдены обломок небольшого (диаметр около 3,4 см) серебряного диска с позолоченной наружной поверхностью, серебряная обоймица из двух пластин в форме лунницы с трапециевидным выступом наверху, соединенных тремя штифтами (рис. 10, 9), и два серебряных наконечника ремня из пары длинных, узких, закругленных снизу пластинок (у верхней посредине намечено ребро), соединенных двумя штифтами (рис. 10, 7).

Набор этих ярких изделий достаточно выразителен, чтобы по нему составить представление о дате Утамышского кургана 2. Все они — круглорамочная пряжка (рис. 10, 1), прямоугольный (рис. 10, 2) и удлиненный (рис. 10, 7) наконечники ремней, накладка в форме лунницы (рис. 10, 9) — нахо-

дят себе множество аналогий в материалах памятников IV—V вв. н. э.³⁷, а обнаруженные с ними поясная пряжка с альмандиновой вставкой в основании язычка (рис. 10, 5) и прямоугольный наконечник ремня, украшенный перегородчатой инкрустацией и зернью (рис. 10, 6), представляют собой типичные образцы золотых ювелирных изделий полихромного стиля, господствовавшего в степях Юго-Восточной Европы и Казахстана в гуннской эпоху³⁸. К этому же времени — к концу IV—первой половине V в. н. э. — должен быть, по-видимому, отнесен и Утамышский курган 2.

Значение этого памятника определяется прежде всего тем, что найденные в нем материалы со всей очевидностью свидетельствуют о необходимости включения Прикаспийского Дагестана в зону распространения изделий полихромного стиля гуннской эпохи (до этого считалось, что они встречаются лишь на обширных степных пространствах Евразии)³⁹. Такая оценка согласуется со свидетельствами письменных источников о многократных на протяжении конца IV—первой половины V в. н. э. проникновениях гуннов на территорию⁴⁰, где они постепенно начали оседать, что привело в конечном счете к образованию здесь в VII в. «гуннского царства» со столичным городом Варачаном⁴¹.

Столь же важным является, по нашему мнению, и то обстоятельство, что в Утамышском кургане 2 золотые изделия полихромного стиля впервые обнаружены в катакомбном захоронении. До этого они встречались в захоронениях с иным погребальным ритуалом⁴². В большинстве своем это были погребения с сожжением, которые, однако, совершенно не представлены в Дагестане, где немногочисленные пока гуннские захоронения IV—V и последующих веков связаны с погребальными сооружениями катакомбного типа⁴³.

Но как известно, захоронения собственно гуннов, или хунну, хорошо известные по могильникам Забайкалья и Монголии, были совершенно иными. Обычно они производились в дощатых гробах, помещенных в грунтовые ямы, нередко имевшие еще и деревянные срубы⁴⁴. Однако подобный обряд не известен в других областях, куда, согласно свидетельствам письменных источников, позднее продвинулись эти племена. По-видимому, это не случайно, а является одним из следствий процесса «превращения хунну в гуннов», сопровождавшегося, по мнению ряда исследователей, утратой ими многих исконных черт и заменой их новыми, заимствованными в иной этнокультурной среде⁴⁵. Допустимо предположить, что процесс этот затронул и погребальный обряд, вследствие чего какая-то часть гуннов стала практиковать захоронения в катакомбах, которые ближе других типов погребальных сооружений стояли к традиционным у них за-

хоронениям в гробах, помещенных в срубы. Как уже отмечалось, обряд катакомбных захоронений мог быть заимствован гуннами у среднеазиатских, поволжских или северокавказских племен. Отметим в этой связи, что прямоугольные в плане катакомбы с коробовым сводом, подобные обнаруженной в Утамышском кургане 2, известны на Северном Кавказе уже на рубеже и в первые века н. э.⁴⁷

Основываясь на высказанных соображениях, можно заключить, что в Утамышском кургане 2 был погребен знатный воин-кочевник, возможно, гунн.

Таковы некоторые итоги рассмотрения разновременных комплексов из трех исследованных в 1971 г. Утамышских курганов. Они со всей очевидностью показывают перспективность дальнейших исследований этого интересного памятника, научное значение которого с самого начала по многим аспектам перерастает рамки собственно дагестанской проблематики.

¹ Русов А. А. Отчет о летних и осенних работах в Дагестане. — Пятый археологический съезд в Тифлисе. I. — Труды предварительных комитетов. М., 1882, с. 611—615.

² Определение антрополога доктора исторических наук А.—Р. Г. Гаджиева, которому выражаем свою признательность.

³ Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. Работы в Прикаспийском Дагестане. — АО 1971 г. М., 1972, с. 154, 155.

⁴ Нумерация курганов отражает последовательность их раскопок.

⁵ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, с. 94.

⁶ Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. — СА, 1956, т. XXVI, с. 201; Марковин В. И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне. — ДЧИ. М., 1963, с. 126; Котович В. М. Верхнегуннбское поселение. Махачкала, 1965, с. 143—145; Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969, с. 143, 144.

⁷ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. — МИА, 1958, № 68, с. 68; Марковин В. И. Дагестан

и горная Чечня в древности. М., 1969, с. 65, 66; Котович В. Г. К определению исторического места какаентско-хорочевской культуры. — В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978, рис. 2, 51—58.

⁸ Канивец В. И. Миатли — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане. — МАД, Махачкала, 1959, т. 1, с. 44, 45.

⁹ Гаджиев М. Г. Раскопки памятников бронзового века в горном Дагестане. — АО 1968 г. М., 1969, с. 103.

¹⁰ Куфтин Б. А. Археологические раскопки. . ., табл. ХСVI, С; Джапаридзе О. М. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1969, с. 262, табл. XIX.

¹¹ Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978, с. 131, рис. 44, 66—69.

¹² Там же, с. 96, 131, рис. 39, 90; 44, 65.

¹³ Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье. . ., с. 95, рис. 37, 5, 6; 39, 93, 94.

¹⁴ Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф. Памятники эпохи бронзы. . ., с. 201—203; Канивец В. И. Миатли. . ., с. 44, 45; Котович В. М. Верхнегуннбское поселение, с. 139—141, 143;

- Гаджиев М. Г.* Из истории культуры... с. 142, 147—149.
- ¹⁵ *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье... с. 129, рис. 44, 51.
- ¹⁶ *Мирзоев Р. Н.* К типологии предметов вооружения из раннебронзовых памятников Дагестана. — В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977, с. 43.
- ¹⁷ *Абесадае Ц. Н.* Производство металла в Закавказье в III тысячелетии до н. э. (на груз. яз.). Тбилиси, 1969, с. 128, 129; *Кушнарера К. Х., Чубиншвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, с. 116.
- ¹⁸ *Гуммель Я. И.* Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана. — КСИИМК, 1948, XX, с. 20; *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 404.
- ¹⁹ *Гобеджишвили Г. Ф.* Беденские курганы. — Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых — археологических и этнографических исследований в 1970 г.: (Тезисы докладов). Тбилиси, 1971, с. 46.
- ²⁰ *Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф.* Археологические памятники близ сел. Карабудухкент. — МИА, 1958, № 68, с. 162, 163.
- ²¹ *Магомедов М. Г.* Гробницы эпохи бронзы в урочище Гентал. — В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977, с. 17, 21.
- ²² *Магомедов М. Г.* Гробницы эпохи бронзы... с. 16, 17.
- ²³ *Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф.* Археологические памятники..., с. 162, 163, рис. 4; 5, 1, 2.
- ²⁴ *Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф.* Памятники эпохи бронзы... с. 193, 195, рис. 7, 1—4; 10, 2; *Федоров Г. С.* Еще одна Манасская катакомба. — В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа, с. 23, 25, табл. I, 16, 17.
- ²⁵ *Канивец В. И.* Миятли... с. 37—39.
- ²⁶ *Гаджиев М. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М., Федоров Г. С.* Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1965 г. — РФ ИИЯЛ, д. 227, л. 65—110.
- ²⁷ *Гаджиев М. Г.* Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы. — В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 14, 15; *Магомедов М. Г.* Гробницы эпохи бронзы... с. 20, 21; Невозможно, однако, согласиться с утверждением М. Г. Магомедова, что различия в погребальном обряде этих могильников были порождены «не столько этнокультурными причинами, сколько спецификой условий, при которых они сооружались» (с. 21).
- ²⁸ *Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф.* Памятники эпохи бронзы... с. 186—189; *Мунчаев Р. М.* Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 92—96.
- ²⁹ *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре... с. 310, 311.
- ³⁰ См., например: ОАК за 1897 г., с. 3; *Чеченов И. М., Батчаев В. М.* Исследование курганов у селений Кишпек и Чегем II. — АО 1975 г. М., 1976, с. 150.
- ³¹ *Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я.* Курганы у станицы Мекенской. — ДЧИ. М., 1963, с. 24. 36—40; *Мунчаев Р. М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. — МИА, 1961, № 100, с. 141, 142; *Он же.* Кавказ на заре... с. 257, 300.
- ³² *Гобеджишвили Г. Ф.* Беденские курганы, с. 45.
- ³³ *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье... с. 49, 51.
- ³⁴ *Котович В. Г.* Археологические данные к древней истории Прикаспийского пути. — В кн.: Проблемы археологии. Л., 1978, вып. 2, с. 56.
- ³⁵ *Кузьмина Е. Е.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории южнорусских степей. — ВДИ, 1974, № 4, с. 68, 87.
- ³⁶ *Гобеджишвили Г. Ф.* Беденские курганы, с. 46.
- ³⁷ См., например: *Генинг В. Ф.* Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье. — ВАУ, 1962, вып. 2, с. 72—80, рис. 31; *Мажитов М. А.* Бахмутинская культура. М., 1968, с. 17, 20, 23, табл. 2, 18—21, 5, 5—8; 6, 8; *Амброз А. К.* Проблемы ранне-средневековой хронологии Восточной Европы. — СА, 1971, № 2/3, рис. 2, 7, 10, 14, 21, 22; рис. 9, 14, 19, табл. III, 1, 5—8; *Ковалевская В. Б.* Башкирия и евразийские степи IV—IX вв. — В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, рис. 1, 1, 2, 6а; *Засецкая И. П.* О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи. — СА, 1978, № 1, с. 55, 62, рис. 1, 2, 4, 5, 9, 13.
- ³⁸ *Амброз А. К.* Проблемы ранне-средневековой хронологии..., рис. 2, 13, 23; *Засецкая И. П.* Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975, с. 19—23, рис. 25, 26, 39, 67; *Она же.* О хронологии и культурной принадлежности..., с. 62.
- ³⁹ *Засецкая И. П.* Подхромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья. — АСГЭ. Л., 1968, вып. 10, с. 50—53.
- ⁴⁰ *Пигулевская Н. В.* Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. М.; Л., 1940, с. 84—85, 131; *Она же.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941, с. 45, 46 и сл.;

- Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 53, 54.
- ⁴¹ Артамонов М. И. История хазар, с. 57—61, 181—192; Котович В. Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу. — В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 182—196, 220—228; *Он же*. К характеристике этно-исторической ситуации в Прикаспийском Дагестане в V—VII вв. — VIII Крупновские чтения: (Тезисы докладов). Нальчик, 1978, с. 20.
- ⁴² Засецкая И. П. Гунны в южнорусских степях. Автореф. . . канд. дис. Л., 1971, с. 11—16.
- ⁴³ Круглов А. П. Археологические работы на Северном Кавказе. — КСИИМК, 1940, V, с. 6, 7; Смирнов К. Ф. Отчет о работе Дагестанской археологической экспедиции в 1951 г. (рукопись). — Дагмузей, л. 15—16; Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957, т. I, с. 83; Гаджиев А. Г. Происхождение народов Дагестана. Махачкала, 1965, с. 89—91; Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. Археологические работы на территории средневекового княжества Хамрин. — В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1971—1972 гг.: (Тезисы докладов). Махачкала, 1973, с. 5.
- ⁴⁴ Руденко С. И. Культура хуннов и Ноипулинские курганы. М.; Л., 1962, с. 6—23; Давыдов А. В. Раскопки Иволгинского могильника. — АО 1970 г. М., 1971, с. 208—209.
- ⁴⁵ Артамонов М. И. История хазар, с. 42, 43.
- ⁴⁶ Котович В. Г. Об этнической принадлежности раннесредневековых катакомбных захоронений Прикаспийского Дагестана. — В кн.: V Крупновские чтения (Тезисы докладов). Махачкала, 1975, с. 98, 99.
- ⁴⁷ Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972, с. 9.

Бронзовые молоточковидные булавки из Тлийского могильника

(к вопросу о проникновении элементов
катакомбной культуры на южные склоны
Главного Кавказского хребта)

Б. В. Тетов

В большой серии украшений Тлийского могильника особого внимания заслуживают молоточковидные булавки, представленные всего лишь 8 экз., тогда как некоторые другие формы встречены в большом количестве.

Молоточковидные булавки выделяются нами специально потому, что они не характерны для памятников эпохи бронзы южного склона Главного Кавказского хребта. Эта форма бронзовых булавок зафиксирована пока только в Тлийском могильнике. В других синхронных с ним памятниках Закавказья они нигде не известны. Правда, в 1971 г. в одной из своих работ мы отмечали,

что наверхие молоточковидной булавки, обнаруженное в с. Корниси, имеется в фондах Юго-Осетинского музея краеведения¹. Позже этот предмет опубликовался в работах, посвященных классификации и происхождению костяных молоточковидных булавок².

В 1974 г. при раскопках стырфазского кромлеха № 10 открыто 11 погребений. В трех из них (погребения 8, 9, 11) обнаружены совершенно аналогичные корнисскому экземпляру бронзовые привески (рис. 1, 9—12). Эти находки заставили нас еще раз обратиться к фондам музея Юго-Осетии проверить функциональное назначение

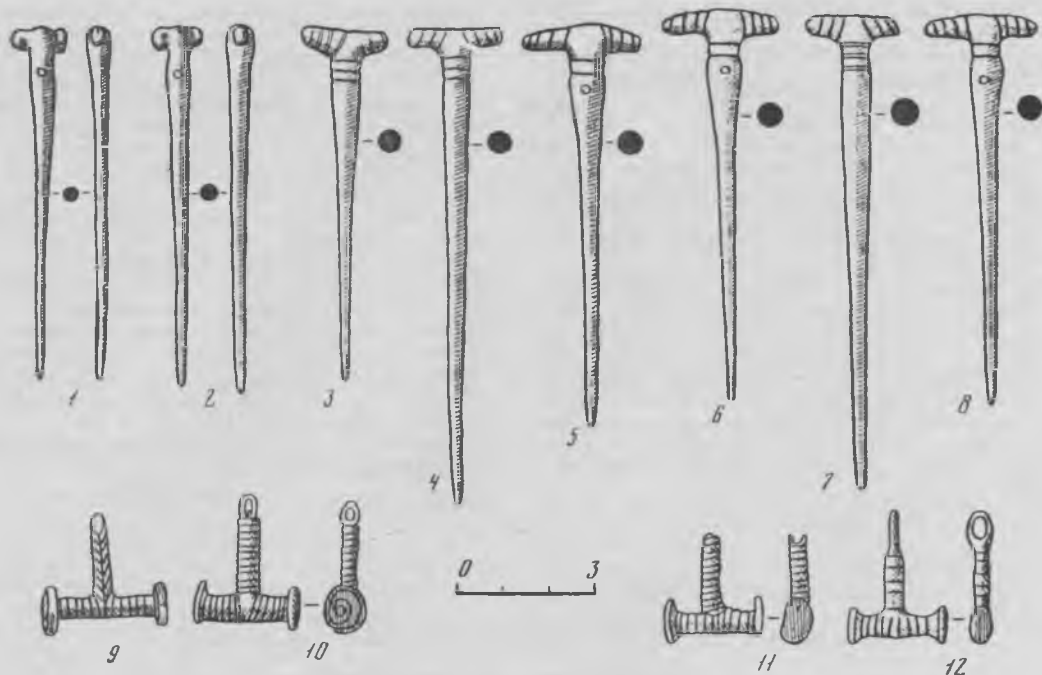

Рис. 1. Бронзовые молоточковидные булавки и подвески из Закавказья

корниского «навершия». Выяснилось, что оно вовсе не навершие молоточковидной булавки, а бронзовая привеска. В свое время нам трудно было точно определить, является этот предмет навершием или привеской, потому что на нем петля оказалась поврежденной. На трех из стырфазских привесок с молоточковидными выступами петли для привешивания оказались целыми. Это обстоятельство заставило нас с большей уверенностью причислить корниское «навершие» к группе привесок.

Интересующие нас булавки из Тли составляют два вида: булавки с небольшими молоточками, под которыми в утолщенной части стержня имеется по одному сквозному отверстию (рис. 1, 1, 2), и булавки с более удлиненными выступами, но без молоточных концов. Последние представлены шестью экземплярами. Выступы у этих булавок

охвачены кольцеобразными линиями или же косыми нарезками, а стержень между круглым сквозным отверстием и молоточковидной головкой — двумя или тремя кольцеобразными линиями (рис. 1, 3—8). Стержни булавок как первого, так и второго вида круглые в сечении. По размеру они составляют группу мелких булавок, служивших для скрепления одежды, головного убора и, быть может, волос.

Рассматриваемые из Тлийского могильника молоточковидные булавки не связаны ни с погребальными комплексами, ни с керамикой. Поэтому трудно дать им точную датировку. Однако мы не сомневаемся в том, что они не уходят дальше XVI—XV вв. до н. э., т. е. середины II тысячелетия до н. э. Такая датировка, безусловно, не может быть окончательной, так как, отмечаем еще раз, они не связаны с погребальными

комплексами, а более ранние, чем XVI в. до н. э., комплексы на этом могильнике не были выявлены. Поздние экземпляры молоточковидных булавок настолько упрощены, что отверстия оказались не между молоточками, а под молоточковидной головкой, подобно всем другим булавкам Тлийского могильника. Они совершенно лишены дополнительных шипек-молоточков. Таким образом, булавки из Тли, по всей вероятности, являются «отмирающей» формой северокавказских молоточковидных булавок и должны быть датированы серединой, а может быть, началом второй половины II тысячелетия до н. э.

За пределами Северного Кавказа и Украины эти булавки известны в Малой Азии. Серебряные экземпляры их найдены в Аладже (Турция).

О назначении интересующих нас булавок, особенно костяных, были высказаны самые различные мнения. Так, польский археолог Эразм Маевский высказал предположение о том, что они должны были быть амулетами³.

Против мнения Маевского высказался финский археолог Тальгрэн, который вполне резонно заметил, что для амулетов не нужна такая длинная и острая игла⁴, как у этих булавок. Молоточковидная булавка, по предположению Тальгрэна, должна была служить для зашпиливания одежды.

На назначении этих булавок останавливался австрийский археолог Франц Ганчар⁵, которому не ясно, почему орнамент расположен на той именно части булавок, которая была бы скрыта под тканью. Кроме того, по его же мнению, некоторые экземпляры настолько массивны, что они портили бы одежду, торчали бы из нее и создавали бы всяческие неудобства владельцу.

Все вышесказанное относится к булавкам, имеющим длинные молоточковидные выступы, и не распространяется на молоточковидные булавки Тли, так

как они лишены орнаментальных мотивов, массивности и могли быть применены не только для зашпиливания одежды, но также для закрепления женского головного убора и даже прически.

Таким образом, у населения, оставившего Тлийский могильник, молоточковидные булавки выполняли двойную функцию. Они, по-видимому, представляют собой форму Т-образных булавок, которые были характерны для материальной культуры племен Центрального Кавказа в первой половине II тысячелетия до н. э. По конструкции булавки с продолговатыми молоточками отличаются от аналогичных экземпляров простыми кольцеобразными линиями, которыми украшены их молоточковидные выступы. Такими же кольцеобразными линиями охвачены стержни под молоточковидной головкой, причем количество этих линий различное. На трех булавках имеется по две, на двух — по три и на одной — по шесть кольцеобразных линий (рис. 1, 3—8). Ниже этих линий стержни утолщены и снабжены круглыми сквозными отверстиями. Все булавки покрыты благородной патиной, стержни постепенно утончаются и кончаются колющим заострением.

В археологической литературе была высказана точка зрения, согласно которой молоточковидные булавки имели одним из своих прототипов западногрузинские формы (Сачхере)⁶. Однако отметим, что ранние молоточковидные булавки появляются одновременно с сачхерскими булавками, и поэтому трудно принимать последние за прототипы первых.

В результате постепенной эволюции сачхерских молоточковидных булавок уменьшается расстояние между молоточковидными выступами, и к концу II тысячелетия до н. э. вместо булавок появляются привески такой же точно конструкции (рис. 1, 9—12).

Возможно, что формы молоточковидных булавок формировались на Северном Кавказе и отсюда проникли на южные склоны хребта. В эпоху бронзы на Северном Кавказе были известны не только бронзовые, но такие же и костяные булавки⁷, являющиеся наиболее древними и специфическими украшениями, характерными для ямной и катакомбной культур⁸. Оказавшись близко к предгорьям Главного Кавказского хребта, «катакомбники» устанавливали добрососедские отношения с местными аборигенами и тем самым способствовали распространению некоторых достижений своей культуры, т. е. отдельные элементы катакомбной культуры проникали в культуру северокавказских племен.

Обнаруженные в северокавказских погребениях костяные молоточковидные булавки датируются концом III—началом II тысячелетия до н. э. Что же касается бронзовых экземпляров, то они датируются первой половиной II тысячелетия до н. э.

На территории Центрального Кавказа, где не было особой необходимости в изготовлении роговых или костяных булавок при наличии прекрасного сырья — бронзы, молоточковидные булавки оказались изготовленными из нее. По этому поводу А. А. Иессен отмечал, что наличие молоточковидных булавок ранних форм (с короткими выступающими и рельефной орнаментацией стержня) только в предгорной и степной зонах, а не в горах, позволяет предположить, что центры по производству этих вещей находились на северном склоне Кавказского хребта⁹.

В степных районах костяные молоточковидные булавки известны еще в ямных погребениях¹⁰. Именно с этой культурой, а не с катакомбной, по заключению Л. С. Клейна, связываются молоточковидные булавки¹¹. Однако вывод Л. С. Клейна не основан на фактическом археологическом материале.

Молоточковидные булавки, как костяные, так и бронзовые, не менее характерны для катакомбной культуры Северного Кавказа и Украины.

В 1967 г. появилась монографическая работа Б. А. Латынина¹². В ней автор собрал почти все сведения о находках молоточковидных булавок. Б. А. Латынин рассматривает погребения с молоточковидными булавками как Северного Причерноморья, так и Предкавказья, где он учитывает 37 памятников, давших 26 роговых (костяных) и 24 «медных», а всего 50 молоточковидных булавок. Анализируя эти булавки и сопровождавшую их керамику, он относит их к ямной и майкопской культурам. Автор отмечает, что погребальный обряд памятников, в состав инвентаря которых входили в Предкавказье молоточковидные булавки, является майкопским (для него характерны положение умершего на спине, ноги, согнутые в коленях, голова обращена к югу, обилие краски, галечная вымостка). Этот обряд архаичен и во всем аналогичен погребальному обряду древнеямной культуры¹³.

Относя молоточковидные булавки к ямной и майкопской культурам, Б. А. Латынин рассматривает их как две разные, но территориально смежные и синхронные археологические культуры¹⁴.

Таким образом, вслед за Л. С. Клейном Б. А. Латынин пытается опровергнуть мнения тех исследователей, которые относили молоточковидные булавки к катакомбной культуре. Трудно согласиться с мнением Б. А. Латынина, так как на позднем этапе ямная культура, так же как и майкопская, существовала с катакомбной культурой. Именно поэтому в катакомбных погребениях часто встречались молоточковидные булавки. Возможно, первоначально они появились у племен ямной культуры. Дальнейшее свое развитие получили в катакомбной культуре, носители кото-

рой во второй половине II тысячелетия до н. э. широко расселились по предкавказским степям. А в их ареал входили предгорья западной части Кавказского хребта (между Колхидской дорогой и Мамисонским перевалом) ¹⁵.

Большинство авторов связывают эти булавки с ямной и катакомбной культурами, и поэтому прототипами бронзовых молоточковидных булавок следует считать костяные экземпляры той же схемы ¹⁶, хотя имеется точка зрения и о том, что самые ранние молоточковидные булавки сделаны не из кости, а из металла и оленьего рога ¹⁷.

Следует отметить, что костяные и бронзовые молоточковидные булавки Северного Кавказа в большинстве случаев украшены орнаментальными мотивами. Стержни некоторых булавок покрыты выпуклым орнаментом в виде имитации шнура, спиралек, кружочков, волн, змеек с треугольной головкой ¹⁸. Последний мотив, возможно, сохранился в изобразительном искусстве кобанской культуры, для которой изображение извивающейся змеи является весьма характерным. Оно часто встречается на бронзовых топорах, браслетах из листовых бронзы и на других предметах. Этот и некоторые другие мотивы изобразительного искусства, как, например, елочный узор, встречающийся на многих бронзовых изделиях древних кобанцев, по-видимому, тесно связаны с культурой катакомбников степей Северного Кавказа. Возможно, к концу II тысячелетия до н. э. отдельные группы скотоводов-«катакомбников» продвинулись в горные районы Центрального Кавказа, стремясь овладеть высокогорными пастбищами, весьма благоприятными для осуществления отгонной (яйлажной) системы скотоводства. Это тем более вероятно, что зимние прикаспийские пастбища также находились в их руках.

Осевшие в горах «катакомбники», по-видимому, от катакомбного обряда

погребения постепенно перешли к более доступным в этих условиях грунтовым погребениям. Продвинувшись в горные районы, отдельные группы носителей катакомбной культуры стали заселять ущелья и сыграли определенную роль в формировании богатой бронзовой культуры конца II—начала I тысячелетия до н. э. Они, видимо, постепенно слились с аборигенными племенами, восприняв у них местный погребальный обряд и некоторые другие традиции. Вместе с тем «катакомбники» внесли в производственную технику горцев Центрального Кавказа некоторые элементы орнаментации, форм оружия и т. д.

В культуре северокавказских племен самым распространенным орнаментом керамики и металла во второй половине II тысячелетия до н. э. был шнур, или плетеная веревочка. Этот мотив орнамента сохранился и в более позднее время. Плетеная веревочка, по-видимому, была позаимствована у катакомбников.

Еще в эпоху средней бронзы элементы катакомбной культуры прослеживаются в культуре местных племен Центрального Кавказа, и наоборот, многие кавказские изделия обнаружены в памятниках катакомбной культуры. Из кавказского металлопроизводящего очага в районы, занятые катакомбной культурой поступали как готовые изделия, так и сырье, ибо Кавказ служил рудной базой для древнего населения южнорусских степей ¹⁹. Однако нельзя отрицать тот факт, что во II тысячелетии до н. э. степные племена имели собственную рудную базу и были знакомы с выплавкой металла. Благодаря связям с Кавказом носители катакомбной культуры не только научились добывать руду и выплавлять медь, но и восприняли технику литья по восковой модели ²⁰. Племена Кавказа, особенно Центрального, таким образом, оказали существенное влияние на оформление

материальной культуры Северного Причерноморья²¹. На этой территории основной археологической культурой в эпоху бронзы была срубная культура, носители которой принадлежали к индоевропейской языковой группе²². К ней принадлежали и носители катакомбной археологической культуры, являвшейся предшественницей срубной культуры.

Ряд исследователей связывают катакомбную культуру с киммерийцами или их предками. В свое время М. И. Артамонов приписал киммерийцам культуру Прикубанья, и особенно дольмены станицы Царской, расположенные недалеко от районов Причерноморья с киммерийской топонимикой. Он также считал киммерийской катакомбную культуру, дожившую в степном Предкавказье до предскифского времени²³. Возражая М. И. Артамонову, Т. Б. Попова высказала мысль о том, что ранние памятники Прикубанья, может быть, не следует сопоставлять с киммерийцами, но позднекатакомбные памятники с большим правом могут быть уже связаны с ними²⁴. В конце II тысячелетия до н. э. киммерийцы освоили территорию Северного Причерноморья и частично слились с местным населением, а в начале I тысячелетия до н. э. они под натиском скифов вынуждены были оставить эту территорию и двинуться в сторону Передней Азии. По мнению Б. Н. Гракова, этот период скифов можно рассматривать как вторую волну продвижения в Причерноморские степи племен срубной культуры Поволжья²⁵.

В последнее время высказана точка зрения о том, что катакомбная культура в ее предкавказском варианте называется протоскифской, точнее, первоосновой культуры скифов царских (а следовательно, ираноязычной)²⁶. Если это так, то протоскифами обычно считаются киммерийцы (тоже ираноязычные), которые и должны быть связаны

с катакомбной культурой, по крайней мере с ее поздним этапом. Об этом, впрочем, говорят некоторые письменные источники и данные лингвистики. Племена катакомбной культуры были расселены в основном на территории Восточной Европы. По мнению В. И. Абаева, на этой территории ираноязычные племена пребывали с незапамятных времен. В этой связи В. И. Абаев приводит многочисленные изогlossы: лексические, фонетические, грамматические, мифологические, связывающие скифский язык с языком и мифологией европейских народов²⁷. Он, в частности, отмечает, что участие скифского языка в изогlossах, общих для всего древнеевропейского круга, а также сепаратные скифо-латинские изогlossы свидетельствуют о том, что древнейший слой рассмотренных в его работе изогloss относится ко времени, когда древнеевропейские языки находились еще в непосредственном общении между собой и со скифским языком, а предки италиков не переселились еще из Средней Европы в Италию. Далее В. И. Абаев отмечает, что это переселение относится к концу II тысячелетия до н. э. и, следовательно, древнейшие скифо-европейские изогlossы приходится датировать временем не позднее второй половины II тысячелетия до н. э.²⁸

В последней четверти II тысячелетия до н. э. племена—носители последнего этапа развития предкавказского варианта катакомбной культуры продвинулись вплотную к предгорьям Северного Кавказа, где, по-видимому, они частично ассимилировали, а частично оттеснили в горы аборигенов края²⁹. Это подтверждается тем обстоятельством, что погребения наиболее позднего этапа местного варианта катакомбной культуры концентрируются главным образом на крайнем юге предкавказских степей, заходя в предгорье, где для этого времени неизвестны памят-

ники северокавказской культуры, существовавшей здесь в предшествующие эпохи³⁰. В то же время наблюдалась экспансия срубного населения в степные просторы Северного Кавказа, т. е. на основную территорию расселения предкавказских «катакомбников»³¹. Последние, не смешиваясь с племенами срубной культуры, отодвинулись на юг, в кавказские предгорья, где слились с населением северокавказской культуры позднего этапа³². Таким образом, во второй половине II тысячелетия до н. э. (ближе к концу) на обширной территории Предкавказья, главным образом Кабардино-Пятигорья, бытовала синкретическая культура, в которой выявляются черты двух культур — северокавказской и катакомбной. Носителями катакомбной культуры, как полагают некоторые исследователи, были индоевропейские племена, установившие в конце III—начале II тысячелетия до н. э. тесные контакты с аборигенами Кавказа. Это было связано с продвижением индоевропейцев из Юго-Восточной Европы в сторону Передней Азии.

Одни исследователи полагают, что это продвижение совершалось через Кавказ в начале II тысячелетия до н. э.³³ В последнее время высказана точка зрения о том, что древнейшее население Закавказья эпохи ранней бронзы, т. е. III тысячелетия до н. э., являлось индоевропейским по языку³⁴.

По мнению И. М. Дьяконова, на Кавказе и в сопредельных областях Малой Азии и Северного Ирана в III тысячелетии до н. э. обитали племена и народы, говорившие на языках четырех групп. К первой из них он относит хаттский язык, являвшийся либо очень древним ответвлением от абхазо-адыгской группы, либо промежуточным звеном между этими языками и языками картвельской группы³⁵.

Симптоматично, что отдельные герои осетинского нартского эпоса говорили на не понятном нартскому обществу

языке, т. е. на хаттском. В простонародной осетинской речи по настоящее время сохранилось любопытное выражение. Если во время беседы один из собеседников не совсем хорошо понимает другого, обязательно переспрашивает: «Ты что, говоришь по-хаттски? (хатиагау дзурыс мийаг?)». Это не что иное, как отголосок того отдаленного времени, когда на Кавказе обитали племена, говорившие на хаттском языке.

О продвижении индоевропейцев через Кавказ и о их присутствии в Малой Азии в конце III тысячелетия до н. э. неоднократно говорилось в специальной литературе. Этими индоевропейцами оказались хеттолувийцы; с которыми связывается уже возникновение Хеттского царства³⁶, население которого продвигалось из более восточных районов и заняло между 1900 и 1850 гг. до н. э. области Центральной Анатолии³⁷. Продвигаясь через Кавказ, эти племена должны были оставить следы своей культуры, так как они могли воспользоваться, помимо основных путей, и перевалами Кавказского хребта. Кстати, заметим, что с фактом проникновения индоевропейских племен, позднее ассимилированных местными кавказскими племенами, связывается появление на Кавказе в III тысячелетии до н. э. куро-аракской культуры³⁸, которая охватывала обширную территорию Закавказья, Восточной Анатолии и Северо-Восточного Кавказа.

Прародиной этих индоевропейских племен, по-видимому, была территория Юго-Восточной Европы, в том числе южнорусские степи³⁹, хотя некоторые исследователи вопрос о прародине индоевропейских племен в Юго-Восточной Европе ставят под сомнение, отмечая, что эти племена бытуют здесь с довольно раннего времени, но считать южнорусские степи их прародиной пока трудно⁴⁰.

Другие исследователи древнеямную культуру данной территории связыва-

ют с индоевропейскими племенами ⁴¹.

С распространением этих племен связывали и так называемую «культуру с боевыми топорами», о происхождении которой высказано много различных точек зрения. По мнению А. Я. Брюсова, миграция носителей «культуры с боевыми топорами» должна была произойти из южнорусских степей, где большую роль играли племена — носители катакомбной культуры ⁴².

Как бы то ни было, но пока не ясно, по какой дороге продвигались индоевропейские племена на Древний Восток ⁴³. Одни считают, что это происходило через Балканский полуостров ⁴⁴, другие — через Кавказ ⁴⁵. В. В. Иванов, например, полагает, что индоевропейские племена расселились с территории своей прародины через Кавказ не позднее III тысячелетия до н. э. С индоевропейцами он связывает также появление в Малой Азии культа лошади ⁴⁶ и так называемой кашпадокийской керамики ⁴⁷. О продвижении индоевропейских племен через Кавказ в Малую Азию достаточно убедительно пишет и Т. В. Гамкрелидзе ⁴⁸.

О древнейших длительных контактах индоевропейских племен с картвельскими племенами, о их продвижении в Малую Азию через Кавказ пишет и Г. И. Мачавариани ⁴⁹. И Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани находят в структуре древнекартвельских языков много общего с индоевропейскими языками, что, по их мнению, является результатом длительных контактов, существовавших между названными группами ⁵⁰. Эти близкие взаимоотношения с картвельскими племенами индоевропейцы могли установить в III тысячелетии до н. э., когда происходило их продвижение через территорию Кавказа. По мнению Г. А. Меликишвили, такой маршрут продвижения индоевропейских племен в Малую Азию является маловероятным ⁵¹, хотя в одной из своих последних работ он высказы-

вает предположение о том, что носителями так называемой куро-аракской культуры эпохи ранней бронзы считать племена иберо-кавказской языковой группы весьма затруднительно ⁵². Рассматривая древний слой картвельских языков, Г. А. Меликишвили находит много заимствований из индоевропейских языков, причем эти заимствования вошли в картвельские языки не внезапно и не из одного источника, а постепенно, в результате длительных контактов, существовавших между индоевропейцами и картвельскими племенами с древнейших времен ⁵³. В период расцвета куро-аракской культуры обширная область Закавказья и к северу от него, видимо, была занята племенами индоевропейского происхождения. Они постепенно сблизились с картвельскими племенами и с течением времени были ими ассимилированы. Г. А. Меликишвили полагает, что эти индоевропейские элементы сыграли роль субстрата для картвельского языка, оказавшего значительное влияние как на структуру, так и на лексический состав картвельских языков ⁵⁴. Это тем более вероятно, что во второй половине III тысячелетия до н. э. территория куро-аракской культуры была занята картвельскими племенами ⁵⁵, оказавшимися в самых близких контактах с индоевропейцами. Последние в начальный период оставили определенный след ⁵⁶ в развитии материальной культуры этой обширной области. Во второй половине III тысячелетия до н. э. контакты между картвельскими и индоевропейскими племенами еще больше усилились.

Индоевропейский язык-основа, вероятно, расчленился на отдельные группы задолго до III тысячелетия до н. э. Процесс распада должен был при этом произойти в VI—IV тысячелетиях до н. э. Тогда же, видимо, существовали четыре самостоятельные группы: северная (балтийско-славяно-германская),

западная (кельтско-италико-венетусская), центральная (индоиранская) и южная (хетто-лувийская)⁵⁷.

Таким образом, в III тысячелетии до н. э. на Кавказе не было общекавказского языкового единства. Население Кавказа в разных областях говорило на различных языках, относящихся к хуррито-урартской, хаттской, картвельской, нахско-дагестанской и абхазо-адыгской группам⁵⁸. Распад общекавказского языка — основы, так же как и индоевропейского языка — основы, произошел, видимо, значительно раньше. Нельзя считать аргументированной точку зрения Е. И. Крупнова, высказанную в пользу языковой и этнической общности древнейшего населения Кавказа, так как ни археологическими, ни лингвистическими данными она не подтверждается.

По мнению английского археолога Л. Вулли, в пределах ареала куро-аракской археологической культуры еще с эпохи неолита проживали племена хеттов, которые в эпоху неолита создали культуру, отличавшуюся своеобразным керамическим производством. Затем по ряду причин они были вынуждены оставить свои «насиженные места» и двинуться в поисках новых плодородных земель. Таким краем оказалась амульская долина в северной Сирии⁵⁹. Но и отсюда отдельные волны этих племен продвигались в разные области — Сирию, Палестину, северо-восточную Анатолию⁶⁰ и т. д.

Если в III тысячелетии до н. э. территория куро-аракской культуры была занята индоевропейскими племенами, то влияние их культуры не должно было исчезнуть; наоборот, она в какой-то степени должна была развиваться и во II тысячелетии до н. э. Более того, если индоевропейские племена продвигались в Малую Азию через Кавказ, то здесь должны были остаться следы их культуры.

Однако в материальной культуре

Кавказа их трудно найти, так как длительное соседство и тесные контакты между кавказскими аборигенами и индоевропейцами способствовали их постепенному сближению.

Что же касается языковых контактов, то они неоднократно выявляются специалистами в иберо-кавказской семье языков, главным образом в картвельском.

Говоря о материальной культуре Кавказа, можно полагать, что в ней прослеживаются черты, свидетельствующие о культурных связях между Кавказом и Передней и Малой Азией⁶¹.

В III тысячелетии до н. э. куро-аракская культура распространяется с территории Закавказья на северные склоны Главного Кавказского хребта⁶², а не наоборот. Более того, некоторые исследователи в распространении этой культуры на северные склоны видят и перемещения этнического характера⁶³. По мнению О. М. Джапаридзе, движение культур в III тысячелетии до н. э. больше чувствуется с юга на север⁶⁴, хотя трудно утверждать, что до того, когда эта культура стала распространяться на север, картвельские племена полностью не ассимилировали бывших на данной территории индоевропейцев. По-видимому, полное растворение индоевропейского слоя среди картвельских племен ко второй половине III тысячелетия до н. э. уже было завершено. Иначе чем можно объяснить наличие индоевропейских языковых заимствований в картвельском? К концу III тысячелетия до н. э. индоевропейцы настолько слились с картвельскими и другими кавказскими племенами, что их трудно было различить как по культуре, так и по языку.

Продвижение племен и проникновение культуры происходили не только в III тысячелетии до н. э., но и в последующие периоды. В первой половине II тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе наблюдается продвижение ин-

доевропейских племен и усиление влияния степной культуры. В Закавказье такой миграции не наблюдалось, хотя отдельные элементы катакомбной культуры проникали и на южные склоны

Главного Кавказского хребта. К такому можно отнести молоточковидные булавки из Тли, о которых говорится в данной статье.

- ¹ *Техов Б. В.* Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, с. 74, рис. 15, 5.
- ² *Сафронов В. А.* Классификация предкавказских молоточковидных костяных булавок. — КСИА, 1973, вып. 134; *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Происхождение костяных молоточковидных булавок. — КСИА, 1975, вып. 142.
- ³ *Majevski E.* O charakterze starszych Kurhanow grupy Jackowuckiej. — Swiatowit, Warszawa, VI, 1905.
- ⁴ *Tallgren A. M.* La pontide prescitiques apres l'introduction des metaux. — ESA, Helsinki, 1926, II, s. 94.
- ⁵ *Hantar F.* Die Nadelformen des Kaukasusgebietes. — ESA, Helsinki, 1932, VII, s. 120.
- ⁶ *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. — МИА, 1960, № 93, с. 114.
- ⁷ *Деген Б. Е.* Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. — МИА, 1941, № 3, с. 94, 95, рис. 43, 5; *Синицын И. В., Эрдниева У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыкской АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.) ТКМ. Элиста, 1966, вып. 2, с. 8, 9, табл. 43.
- ⁸ *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры. — Труды ГИМ, 1955, вып. 25, с. 27.
- ⁹ *Иссен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. — ИГАИМК, М.; Л., 1935, вып. 120, с. 101.
- ¹⁰ *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры, с. 25 и 70; *Марковин В. И.* Культура племен..., с. 114.
- ¹¹ *Клейн Л. С.* О хронологических и генетических взаимоотношениях локальных вариантов катакомбной культуры. В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961, с. 76.
- ¹² *Латынин Б. А.* Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка. — АСГЭ. Л., 1967, вып. 9.
- ¹³ *Латынин Б. А.* Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка, с. 93.
- ¹⁴ Там же, с. 34.
- ¹⁵ *Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф.* Памятники эпохи бронзы в Дагестане. — СА, 1956, XXVI, с. 201—203.
- ¹⁶ *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры, с. 120—121.
- ¹⁷ *Клейн Л. С.* Маленькие загадки археологии. — Наука и жизнь, 1967, № 3, с. 143;

Латынин Б. А. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка, с. 65.

- ¹⁸ *Марковин В. И.* Культура племен..., с. 95.
- ¹⁹ *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры, с. 95.
- ²⁰ Там же, с. 98.
- ²¹ Там же, с. 175.
- ²² *Мерперт Н. Я.* Некоторые вопросы истории Восточного Средиземноморья в связи с индоевропейской проблемой. — КСИА, 1961, вып. 83, с. 5.
- ²³ *Артамонов М. И.* К вопросу о происхождении скифов. — ВДИ, 1950, № 2, с. 47.
- ²⁴ *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры, с. 177.
- ²⁵ *Граков Б. Н.* Каменское городище. — МИА, 1954, № 36.
- ²⁶ *Клейн Л. С.* Происхождение скифов царских по археологическим данным. — СА, 1963, № 4, с. 33.
- ²⁷ *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, с. 119.
- ²⁸ Там же, с. 120.
- ²⁹ *Иерусалимская А. А.* О предкавказском варианте катакомбной культуры. — СА, 1958, № 2, с. 46, 47.
- ³⁰ Там же, с. 47.
- ³¹ *Сафронов В. А.* Хронология памятников II тыс. до н. э. юга Восточной Европы. — Автореф. канд. дис. М., 1970, с. 23, 32—35; *Иерусалимская А. А.* О предкавказском варианте..., с. 47.
- ³² *Черных Е. Н.* История древней металлургии Восточной Европы. М., 1966, с. 79.
- ³³ *Грозный Б.* Доисторические судьбы Передней Азии. — ВДИ, 1940, № 3/4, с. 45; *Мерперт Н. Я.* Некоторые вопросы истории Восточного Средиземноморья..., с. 5; *Гамкрелидзе Т. В.* Анатолийские языки и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен. — VII МКАЭН. М., 1964, с. 5.
- ³⁴ *Берсегян Л. А.* Из истории древнейших племенных союзов Армянского нагорья в XV—XIII вв. до н. э. (Хайаса-Аззи). Автореф..., канд. дис. Ереван, 1964, с. 9.
- ³⁵ *Дьяконов И. М.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, с. 10—13.
- ³⁶ *Меликишвили Г. А.* Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии. — ВДИ, 1965, № 1, с. 13, 15.

- ³⁷ Мерперт Н. Я. Некоторые вопросы истории Восточного Средиземноморья. — с. 5.
- ³⁸ Меликишвили Г. А. Возникновение Хеттского царства ... , с. 30.
- ³⁹ Грозный Б. Хеттские народы и языки. — ВДИ, 1938, № 2, с. 29; Piggot S. Ancient Europe. Edinburg, 1965, S. 80—82; Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы, с. 121—124.
- ⁴⁰ Джапаридзе О. М. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1969, с. 266.
- ⁴¹ Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, с. 240.
- ⁴² Брюсов А. Я. Об экспансии «культуры с боевыми топорами». — СА, 1961, № 3, с. 24.
- ⁴³ Десницкая А. В. Древние языки Малой Азии и сравнительная грамматика. — ВЯ, 1952, № 4, с. 50, 51.
- ⁴⁴ Дунаевская И. Рецензия на работу: Фридрих И. Краткая грамматика хеттского языка. — ВДИ, 1954, № 1, с. 76; Меликишвили Г. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965, с. 156; Mellart I. The end of the Early Bronze age in Anatolia and the Aegean. — АИА, 1958, vol. 62, N 1, с. 26; Джапаридзе О. М. Археологические раскопки в Триалети, с. 217.
- ⁴⁵ Грозный Б. Хеттские народы и языки, с. 29; Он же. Доисторические судьбы Передней Азии. — ВДИ, 1940, № 3/4, с. 45; Sommer F. Hethiter und Hethisch. Stuttgart, 1947, S. 9.
- ⁴⁶ Иванов В. В. Хеттский язык. М., 1963, с. 10.
- ⁴⁷ Там же, с. 17, 18.
- ⁴⁸ Гамкрелидзе Т. В. Хеттские языки и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен. — Труды Института языкознания АН Грузинской ССР, 1957, Тбилиси, т. II, с. 48.
- ⁴⁹ Мачавариани Г. И. К вопросу об индоевропейско-картвельских (южнокавказских) типологических параллелях. — VII МКАЭН. с. 4 и сл.
- ⁵⁰ Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965, с. 365—379; Мачавариани Г. И. К типологической характеристике общекартвельского языка-основы. — ВЯ, 1966, № 1, с. 9; Он же. К вопросу об индоевропейско-картвельских (южнокавказских) типологических параллелях, с. 4; Гамкрелидзе Т. В. Анатолийские языки и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен. — VII МКАЭН, с. 5.
- ⁵¹ Меликишвили Г. А. К вопросу о древнейшем населении... , с. 205, 244.
- ⁵² Там же, с. 203—205.
- ⁵³ Там же, с. 244.
- ⁵⁴ Там же; Джапаридзе О. М. Археологические раскопки в Триалети, с. 214.
- ⁵⁵ Джапаридзе О. М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, с. 250; Он же. Археологические раскопки в Триалети, с. 212.
- ⁵⁶ Меликишвили Г. А. К вопросу о древнейшем населении... , с. 245.
- ⁵⁷ Георгиев В. Исследования по сравнительному языковедению. М., 1958, с. 241, 242 и сл.
- ⁵⁸ Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1966, с. 10—13; Мунчаев Р. М. Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы (V—III тыс. до н. э.). Автореф. ... докт. дис. Тбилиси, 1971, с. 57; Он же. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 411.
- ⁵⁹ Woolley L. A Forgotten Kingdom. — Pelican, 1953, p. 32.
- ⁶⁰ Джапаридзе О. М. К истории грузинских племен... , с. 251.
- ⁶¹ Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, с. 130; Иессен А. А. К хронологии «больших кубанских курганов». — СА, 1950, X, с. 191; Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я. Курганы у станицы Мекенской. — ДЧИ. М., 1963, с. 41.
- ⁶² Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. — МИА, 1961, 100, с. 154; Он же: Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы, с. 40, 41.
- ⁶³ Котович В. М. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965, с. 98.
- ⁶⁴ Джапаридзе О. М. Археологические раскопки в Триалети, с. 215.

Комплексы сарматского времени из станицы Ново-Титаровская (Краснодарский край)

В. И. Козенкова

Взаимоотношения древнего населения Кавказа и народов соседнего степного региона и в связи с этим характер материальной культуры этих народов в контактных зонах остаются одной из сложных и острых проблем в кавказоведении. Сложность эта в равной мере ощущается при анализе источников как по древним, так и по самым поздним культурам.

Для Северо-Западного Кавказа такой главной сложностью остается вопрос этнической принадлежности погребальных памятников сарматского времени. Наблюдаемое здесь тесное слияние и переплетение элементов и признаков разных культур часто ставит исследователей в затруднение относительно того, к какой из культур — местной, меотской, или пришлой, сарматской, — отнести тот или иной памятник. В специальной литературе прижился даже своеобразный термин «место-сарматские племена», что вряд ли отражало существовавшую действительность.

Только дальнейшее накопление материалов может внести ясность в этот вопрос, а потому каждая новая публикация конкретных материалов оказывается настоятельно необходимой.

Летом 1970 г. отрядом Института археологии АН СССР совместно с сотрудниками Краснодарского краевого краеведческого музея была раскопана группа курганов на правобережье р. Кубани, севернее г. Краснодара. Курганы находились непосредственно на юго-западной окраине станицы Ново-Титаровская (Улица Выгонная, б. хут. Осечки) Динского района. Они располагались на

расстоянии около 2 км тремя компактными группами. Общее число их было 15, но к началу археологических изысканий шесть курганов оказались полностью распаханными, а насыпи еще двух (1 и 10) были значительно повреждены. Таким образом, исследовано было девять оставшихся курганов, в том числе и полуразрушенные (рис. 1). Большинство из них имели вид распылчатых вспухлостей овальных очертаний. Диаметр их 25—45 м, высота от 0,7 до 2 м. Исключение составлял лишь курган 1, высота которого достигала 8 м, а диаметр по подошве составлял около 90 м. Насыпи курганов земляные, из плотного коричневатого или темного гумусированного суглинка. Погребения в курганах разновременные. Большинство из них относились к эпохе ранней бронзы¹, но имелись и более поздние. Последние, как правило, были впущены в насыпи курганов более древнего периода. Лишь в единичных случаях они являлись основными захоронениями. Могилы грунтовые, без какого-либо внешнего оформления, что не позволяло заранее выявить их контуры. Самое значительное число среди поздних погребений составляли могилы сарматского периода. Они обнаружены в семи курганах (1—3, 10, 11, 13, 14). Общее число могил 11.

Курган 1, погребение 2 (впускное). Контуры ямы сверху не были видны, овальные очертания размером 1×1,9 м. Скелет лежал на глубине 1,2 м от вершины кургана на остатках коричневатого тлена, возможно, от деревянной подстилки (рис. 2, 1). Поза погребен-

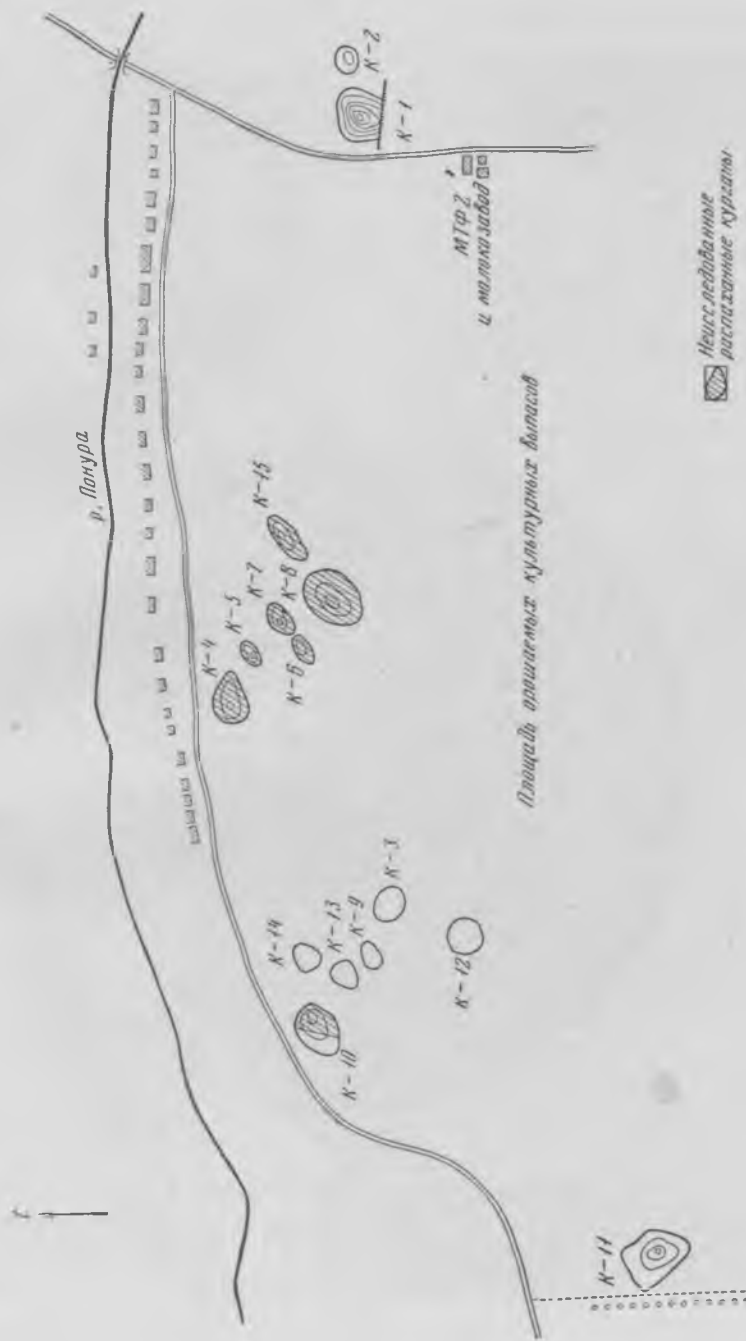
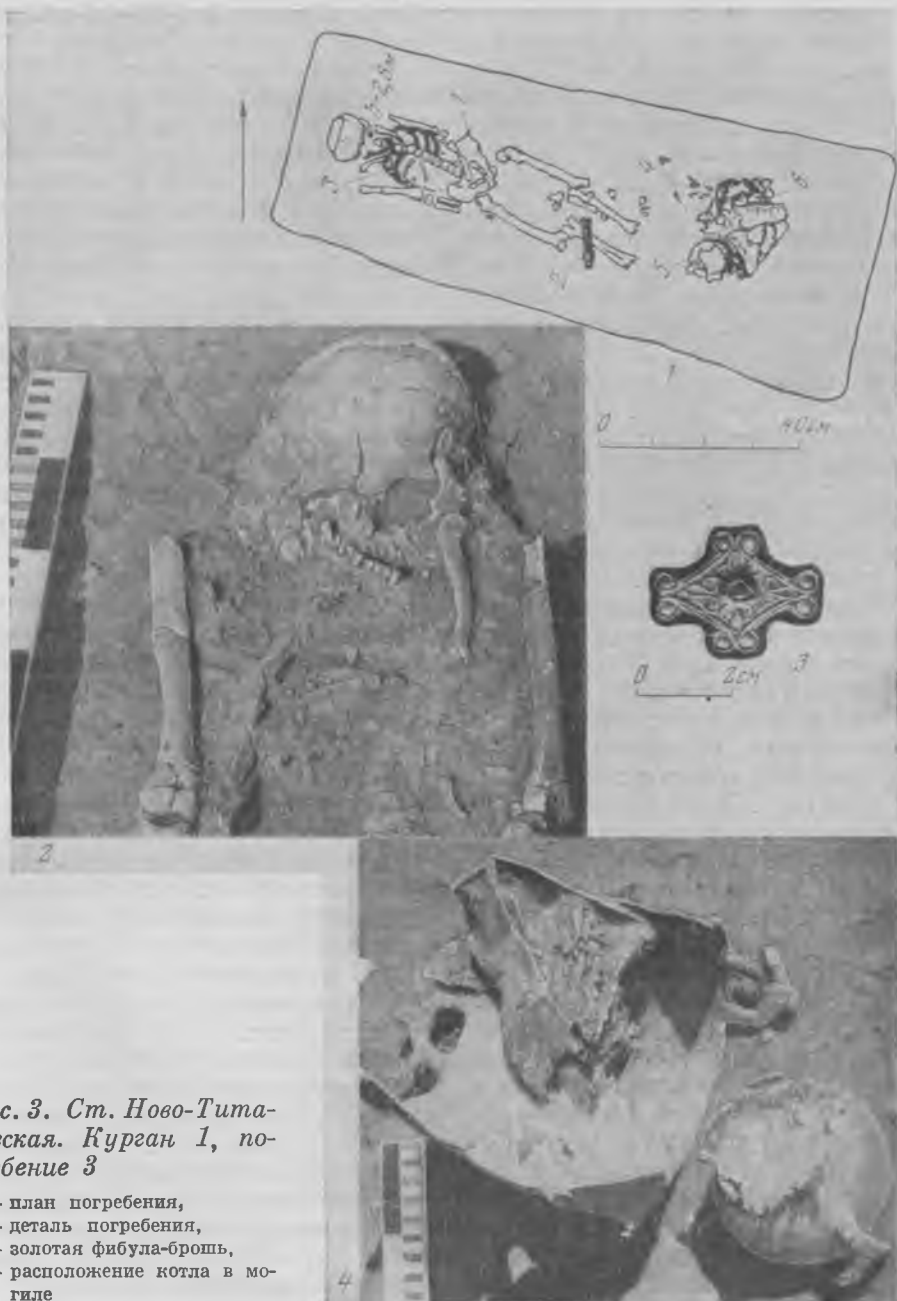

Рис. 1. План расположения курганной группы у ст. Ново-Гитаровская

Рис. 2. Ст. Ново-Титаровская. Курган 1, погребение 2
 1 — план погребения, 2, 3 — сосуды, 4, 5 — бронзовое зеркало

Рис. 3. Ст. Ново-Титаровская. Курган 1, погребение 3

- 1 — план погребения,
 2 — деталь погребения,
 3 — золотая фибула-брошь,
 4 — расположение котла в могиле

ного вытянутая, на спине, головой на запад. Череп оказался раздавленным, плохо сохранились кости ног и рук. На груди скелета лежало бронзовое зеркало с высоким бортиком и с отломанным гвоздиком — ручкой. Диаметр зеркала 13,6 см (рис. 2, 5). Около головы, с южной стороны, находилась во фрагментах серолощенная круглодонная миска с широким краем диаметром 16 см. Край украшен орнаментированными ломаными линиями, образующими геометрический узор (рис. 2, 2). Внутри миски лежал бронзовый гвоздик — ручка от зеркала (рис. 2, 4). С северной стороны около костяка расчищена плотная меловая или известковая площадка размером 1,28×0,31 м, неровных очертаний. В западной части площадки стоял в раздавленном виде небольшой грубый горшок (рис. 2, 3).

Восточнее сосуда на площадке обнаружена россыпь прозрачных стеклянных бус белого цвета. В 20 см восточнее бус лежала лопатка животного. Севернее известковой площадки, почти у самой стенки ямы, обнаружен кусочек железа, возможно, обломок ножа.

Для даты погребения важна находка миски с широким орнаментированным бортиком и круглым дном. Такого типа миски (или курительницы II типа по М. Г. Мошковой) имели место в погребениях III—II вв. до н. э. прохоровской культуры Приуралья и Нижнего Поволжья². Изредка подобные сосуды, рассматриваемые как ритуальные чаши, встречены и на Кавказе среди материалов III—I вв. до н. э.³ Особенно заметны они в Таркинском могильнике (Приморский Дагестан), где датируются в пределах I в. до н. э. — I—II вв. н. э.⁴ Однако к столь позднему времени не позволяет отнести погребение 2 находка в нем большого дисковидного зеркала с высоким тонким бортиком и гвоздиком-ручкой в центре. По размеру и оформлению края оно напоминает зеркала (отдел II, тип I) из прохоров-

ских комплексов III—II вв. до н. э.⁵ Лепной горшок из погребения находит близкие соответствия среди сосудов второй хронологической группы IV—конца III в. до н. э. (по Н. В. Анфимову) Усть-Лабинского грунтового могильника 2⁶, принадлежность которого определена как меото-сарматская. Все вышесказанное заставляет отнести погребение 2 ко времени не позднее II в. до н. э.

Курган 1, погребение 3 (впускное). Обнаружено на глубине 2,88 м от вершины. Сверху в насыпи контур могилы также не прослеживался; ее очертания были зафиксированы только около дна, на уровне расположения костяка. Яма прямоугольная, удлинённая, вытянута по линии запад-северо-запад — восточного-восток. Восточная сторона более широкая. Размеры ямы: длина 2,6 м, ширина (запад) 0,9 м, ширина (восток) 1,15 м. На дне коричневатый тлен от подстилки (рис. 3, 1). Именно следы тлена позволили определить размер ямы. Погребенный лежал на спине, вытянуто, лицом вверх, головой на запад-северо-запад. Правая рука положена вдоль тела, левая, слегка согнутая в локте, кистью покоилась на локте. Поверх скелета также отмечены органические остатки — следы покрытия. На груди погребенного обнаружена золотая фибула — брошь с ромбовидной формой щитка и железной иглой (рис. 3, 2). Щиток орнаментирован сердоликовой вставкой (рис. 3, 3). На правой ноге лежала железная секира с остатками дерева от рукоятки в проухе. Длина секиры 21,3 см, диаметр отверстия проуха 2,6 см (рис. 4, 1). Около таза, с левой стороны, лежал железный втульчатый трехгранный удлинённый наконечник стрелы. В ногах скелета были сложены кучкой фрагменты большого сильно закопченного бронзового котла на высоком коническом поддоне и с двумя ручками, украшенными тремя выпуклыми шишечками (рис. 3, 4). Котел

Рис. 4. Ст. Ново-Титаровская. Курган 1, инвентарь из погребения 3

1 — секира, 2—12 — наконечники стрел, 13 — фибула-брошь, 14 — сосуд; 1—12 — железо, 13 — золото, железо, сердолик; 14 — глина

имеет следы намеренной поломки. Он был не только разломан на куски, но и имел в стенках отверстия с рваными краями — результат насильственного повреждения. Рядом с котлом стоял сероглиняный круговой кувшин с лощеной поверхностью. Он имел шаровидное тулово, невысокую шейку и прямой, слегка отогнутый венчик. Ручка кувшина украшена в верхней части острым выступом (полная схематизация зооморфного мотива). Поверхность тулова кувшина была украшена прочерченными вертикальными полосками. Размеры кувшина: высота 17 см, диаметр горла 11,3 см, диаметр тулова 17,5 см, диаметр дна 8,5 (рис. 4, 14).

Кувшин был прикрыт куском котла. Около котла, с западной стороны, обнаружено скопление из более чем 50 железных наконечников стрел длиной 4—5,5 см. Наконечники втульчатые, трехгранные (рис. 4, 2—12). Они, видимо, находились в колчане, так как плотно прилегали друг к другу, образуя единую спекшуюся массу.

Дата могилы 3 определяется перекрестной датировкой найденных в ней предметов погребального инвентаря. Железная секира, к сожалению, не имеет аналогий. Однако набор железных удлиненных втульчатых трехгранных наконечников стрел находит самые близкие параллели в памятниках предгорной и равнинной части Северного Кавказа (бесленевские курганы из раскопок Н. И. Веселовского, Пашковский и Усть-Лабинский, Нижне-Джулатский могильники, курганы у станицы Мекенской, захоронения в г. Грозном и т. д.)⁷. По мнению Е. И. Крупнова и Н. Я. Мерперта, эта форма наконечников характерна для северокавказских могильников начиная с середины I тысячелетия до н. э., а время наибольшего распространения, как считает В. Б. Виноградов, — IV—II вв. до н. э.⁸ Однако исследования могильника Усть-Лабинского 2 Н. В. Анфимовым и Нижне-Джулатского М. П. Абрамовой свидетельствуют об их бытовании как в западных, так и в центральных районах Кавказа в качестве вооружения вплоть до I в. н. э.⁹, после чего им на смену пришли черешковые трехпластные наконечники стрел.

Золотая ромбическая фибула-брошь с завитками по углам, с сердоликовой вставкой в центре и железной иглой сопоставима с подобными фибулами из кургана у станицы Бесленевской (II в. до н. э.)¹⁰ и из каменной гробницы II—I вв. до н. э. мавзолея Неаполя скифского¹¹. По мнению Н. Н. Погребовой, позднее появляются ромбические фибулы-броши с эмалью, известные сейчас среди материалов Ольвии и Танаиса¹². Последнее обстоятельство позволяет отнести фибулу в погребении 3 к важному датирующему признаку.

Бронзовые котлы, близкие по форме к новотитаровскому, встречены в могилах I в. до н. э. — начала I в. н. э. на нижнем Дону в районе Новочеркасска и хутора Верхне-Янченкова Ростовской

области. С. И. Капошина отметила также в этих могилах, как она считала, «сарматской знати» обычай намеренной поломки котлов¹³. На Кубани близкий котел входил в комплекс, случайно найденный в кургане близ аула Кунчукохабль в Адыгее. Комплекс датирован П. А. Дитлером I—II вв. н. э.¹⁴

Глиняный круговой кувшин из погребения 3 чрезвычайно близок к кругу сосудов II—I вв. до н. э. из предкавказских памятников, например к таким, как сосуд из впускного погребения 12 в кургане 4 близ станицы Мекенской (дата по В. Б. Виноградову I в. до н. э.)¹⁵. Близкой формы сосуд известен в погребении 46 в Нижне-Джулатском могильнике. М. П. Абрамова отнесла его к концу I в. до н. э.¹⁶ Отмечены такие сосуды и у собственно сарматов. Аналогичен новотитаровскому сосуд с орнаментом из Калмыкова (Южное Приуралье), который, по мнению М. Г. Мошковой, «сближает его с кубанскими формами»¹⁷. Погребение 1 в кургане 1 близ Калмыкова датировано II в. до н. э.¹⁸ Таким образом, на основе сопоставления всех данных дата погребения 3, скорее всего, может быть определена I в. до н. э., т. е. относительно более поздним временем, чем погребение 2.

Курган 2, погребение 2 (впускное). Обнаружено на глубине 0,73 м от вершины. Контур ямы не прослеживался. Скелет лежал в насыпи вытянуто, на спине, головой на юго-восток (рис. 5, 1). Сохранность костей плохая. Череп раздавлен, челюсть и лицевые кости не сохранились. Кости рук и ног переломаны. Около черепа лежал на боку круговой желтоглиняный кувшинчик биконической формы с узким горлом. Размеры сосуда: высота 9 см, диаметр горла 7,2 см, диаметр тулова 9,5 см, диаметр дна 3 см (рис. 5, 2). Ручка не сохранилась.

Курган 2, погребение 4 (впускное). Обнаружено на глубине 0,72 м от вершины. Контуры ямы не прослежива-

лись. Костяк лежал вытянуто, на спине, головой на запад (рис. 5, 3). Череп раздавлен, ребра и плечевая кость левой руки отсутствуют. Около остатков кисти левой руки лежали обломки железного черешкового ножа. Около правой ступни, с южной стороны, стоял круговой кувшин с шаровидным туловом и прикрепленной поперек ручкой. Тесто ярко-желтого обжига. Размеры сосуда: высота 13,5 см, диаметр 8,5 см, диаметр тулова 13 см, диаметр дна 7,6 (рис. 5, 4).

Итак, в погребениях 2 и 4 кургана 2 отсутствуют ярко выраженные датирующие предметы. Однако сосуды, найденные здесь, различаясь формой, объединены несомненным технологическим сходством, что, скорее всего, может свидетельствовать об относительной одновременности захоронений. Оба сосуда изготовлены на станке из тонкоотмученной без грубых примесей глины и имеют одинаковый ярко-желтый ровный цвет обжига, что отличает керамику ремесленного производства причерноморских античных центров. Кувшинчик из погребения 2 напоминает сосуды близкой формы из погребений I—II вв. н. э. могильника Бельбек IV в. Крыму (горшочки типа 12 по И. И. Гуциной)¹⁹. Сосуд из погребения 4 с горизонтально прикрепленной ручкой находит аналогию среди подобных же сосудов из погребений III—I вв. до н. э. Усть-Лабинского 2 могильника. Они характерны только для могил третьей хронологической группы и позднее здесь не встречаются²⁰. Еще ближе по форме к анализируемому сосуду сосуд из погребения 34 Таркинского могильника в Дагестане²¹. Погребение отнесено к группе могил I в. до н. э. — I в. н. э.²² К. Ф. Смирнов связывает появление таких сосудов в Таркинском могильнике с влиянием культуры памятников типа Ялойлу-Гапа и Джафархан в Азербайджане²³. Однако не исключено их появление здесь, как и круглодонных ритуаль-

ных чашек с широким орнаментированным краем, с запада вместе с передвижением сарматов на предкавказских равнинах в конце II—начале I в. до н. э. Именно этим временем, видимо, датируются впускные погребения в кургане 2 Ново-Титаровской группы.

Курган 3, погребение 2 (впускное). Обнаружено в западной половине насыпи, в 3 м к северу и 1,5 м к западу от центрального репера, на глубине 0,9 м от вершины (рис. 6, 1). Контуры погребальной ямы проследить не удалось. Скелет плохой сохранности лежал вытянуто, на спине, головой на запад, с небольшим отклонением к югу. Левая рука была слегка согнута в локте (рис. 6, 2). Около головы, с южной стороны, стоял раздавленный сероглиняный горшок (рис. 6, 3). Рядом с сосудом — небольшое скопление костей животных. Около остатков черепа лежал зуб животного. Около костей таза, с северной стороны, — несколько полуразложившихся стеклянных бус, круглых, зеленоватого цвета.

Лепные сосуды, близкие к сосуду из погребения 2 по размерам и пропорциям, имели место в третьей хронологической группе Усть-Лабинского 2 могильника²⁴ и в некрополе Танаиса в могилах, датированных Т. М. Арсеньевой концом II—началом I в. до н. э.²⁵ Однако подобные горшки известны на Северном Кавказе в более раннее время и живут значительно дольше рубежа н. э. Обряд погребения, а также то, что могила 2 впущена в курган с основным погребением, несомненно относящимся ко времени не позднее II в. до н. э. (о чем будет сказано ниже), позволяет нам условно датировать его в пределах II—I вв. до н. э.

Курган 3, погребение 3 (основное; рис. 6, 4). Обнаружено после снятия насыпи в восточной половине кургана, в 4,5 м к северу и в 2,5 м к востоку от центрального репера, на глубине 2 м от вершины (рис. 6, 2). Погребение, таким

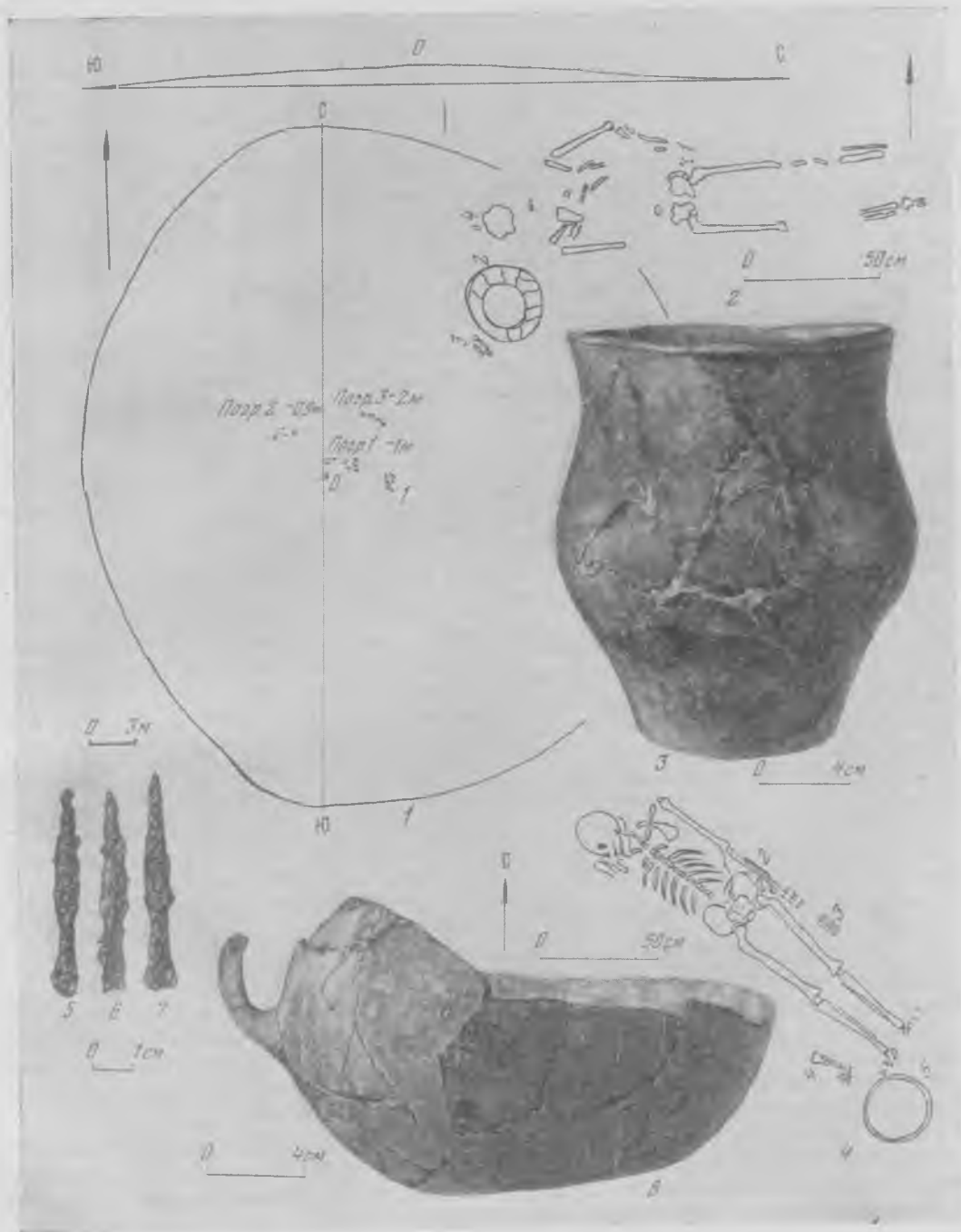

Рис. 5. Ст. Ново-Титаровская. Курган 2

1 — план погребения 2, 2 — сосуд из погребения 2, 3 — план погребения 4, 4 — сосуд из погребения 4

Рис. 6. Ст. Ново-Титаровская. Курган 3

1 — план и разрез кургана, 2 — план погребения 2, 3 — сосуд из погребения 2, 4 — план погребения 3, 5-7 — наконечники стрел из погребения 3, 8 — сосуд из погребения 3; 3, 8 — глина, 5-7 — железо

образом, было в материке на 0,7 м ниже уровня горизонта. Однако контуры погребальной ямы выявить не удалось. Скелет лежал вытянуто, на спине, головой на северо-запад, лицом в южную сторону. Кости сохранились довольно хорошо. Под скелетом отмечен желтовато-коричневый мягкий тлеп, скорее всего, от кожаной или шерстяной подстилки. В области таза, с северной стороны, обнаружено девять железных скипевшихся наконечников стрел, трехгранные, втульчатые, длиной 4,5 см (рис. 6, 5—7). Рядом лежал обломок какого-то совершенно разложившегося железного предмета небольшого размера. Около фаланг левой руки расщеплены остатки деревянного или кожаного предмета размером 5×6 см, прямоугольной формы, со следами ярко-белых и малиновых продольных полос на поверхности. Скорее всего, это могли быть остатки колчана. Около правой ноги стоял большой лепной чернолощенный сосуд с шаровидным туловом и с ручкой, вероятно, кувшин. На дне отверстия — следы починки. Сосуд найден в раздавленном состоянии (рис. 6, 8). Диаметр корпуса 25—26 см. Фаланги пальцев правой ноги упирались в стенку сосуда. С северо-западной стороны, рядом с сосудом, лежали кости животного (лопатка и ребра).

Дата могилы устанавливается по наконечникам стрел, аналогичным тем, что найдены в погребении 3 кургана 1, т. е. примерно конец II в. до н. э., когда, по мнению Н. В. Анфимова, такой тип наконечника «становится более вытянутой изящной формы»²⁶.

Курган 10, разрушенное погребение. Находилось на глубине 1,4 м от вершины насыпи. К началу работ насыпь была снесена более чем наполовину; сохранился лишь останец западной части насыпи высотой 1,68 м. Обряд погребения остался невыясненным; имеются лишь указания рабочих, что скелет лежал вытянуто, на спине, головой на запад.

Из погребения происходят следующие предметы.

Амфориск, или флакон-бальзамарий, из ярко-желтой глины, с отбитым горлом. Сосуд изготовлен на кругу. Тесто плотное, с примесью ракушечника. Верхняя часть корпуса украшена росписью красной краской. Орнамент стилизованно-растительный. Размеры сосуда: высота 20,2 см, диаметр корпуса 10,5 см, диаметр ножки 3,5 см, диаметр дна 5,3 см (рис. 9, 3).

Сосуд с ручкой аналогичен сосуду из погребения 2 кургана 3. Форма конусовидная сверху, с небольшим перегибом около дна. Венчик прямой, слегка отогнутый наружу. Тесто ярко-красное. Поверхность хорошо заглажена. Изготовлен на кругу. Размеры: высота 10,6 см, диаметр горла 7,2 см, диаметр самой широкой части корпуса на перегибе 10,6 см, диаметр дна 5,5 см (рис. 9, 4).

Сероглиняная хорошо лощеная вазочка, с широким краем и полой конической ножкой. По поверхности ножки поясok из нарезных косых штрихов. По краю вазочки орнамент в виде ломаной линии. Размеры: высота 6,2 см, диаметр 14,1 см, диаметр ножки 6,5 см (рис. 9, 1).

Бронзовое зеркало в обломках. Форма овальная, на краю выступающий бортик. Сохранился небольшой уступ с отверстием для крепления ручки. В отверстии следы железной заклепки. Размеры зеркала 16,8×18 см (рис. 7, 5).

Два целых электровых браслета из круглой в сечении проволоки и три обломка от третьего такого же браслета. Диаметры сохранившихся браслетов 6,9 и 7 см, диаметры сечения 0,3 и 0,4 см (рис. 7, 1—2).

Бронзовый браслет, изготовленный довольно грубо из прута. На поверхности через равные интервалы были припаяны тройные шпешечки. Размер 8××6,2 см (рис. 8, 2).

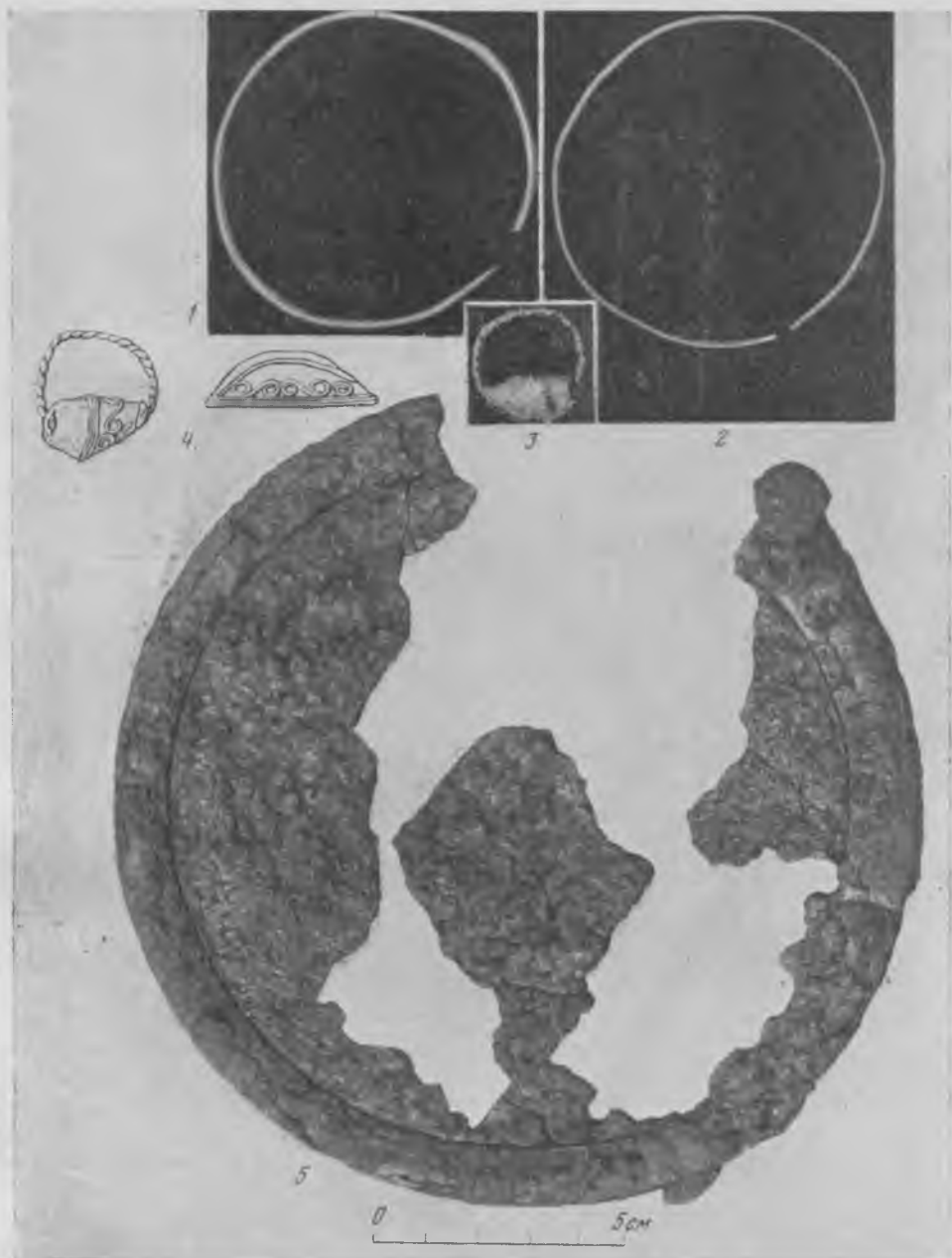

Рис. 7. Ст. Ново-Титаровская. Курган 10, инвентарь из разрушенного погребения

1, 2 — браслеты; 3—4 — серьга; 5 — зеркало; 1—4 — золото, 5 — бронза

Рис. 8. Ст. Ново-Титаровская. Курган 10, инвентарь из разрушенного погребения
1 — шпилька, 2 — браслет, 3 — бусы; 1, 2 — бронза, 3 — сердолик, стекло, египетская паста

Рис. 9. Ст. Ново-Титаровская. Курган 10, инвентарь разрушенного погребения

1 — вазочка, 2 — обломок дна миски, 3 — сосуд с росписью, 4 — сосуд; 1—4 — глина

Бронзовая шпилька с двумя остриями. Скручена из тонкого прута. Диаметр сечения 0,1—0,2 см, длина 5,1 см (рис. 8, 1).

Бусы. Сердоликовые бочонковидные — 64 экз.; стеклянные: плоские ромбовидные — три; подтреугольная подвеска — одна; шаровидные — девять; амфоровидная — одна; пастовая ребристая — одна (рис. 8, 3).

Позднее нам была передана серьга, найденная в этом же захоронении.

Серьга золотая, имела форму витого кольца, на которое была пасажена биконическая подвеска, украшенная тонкой напаянной провололочкой по поверхности. Орнамент в виде двойных закрученных волют (рис. 7, 3—4).

В вывезенном грунте насыпи обнаружены обломки красноглиняной станковой миски с утолщенным округлым венчиком и кольцевым выступающим поддоном (рис. 9, 2).

Большинство предметов из комплекса имеют аналогии в памятниках III—I вв. до н. э. Прикубанья, Северного Причерноморья, Крыма. Так, глиняный расписной веретенообразный амфориск близок к аналогичным предметам из кургана Черкеса в Крыму (дата III—II вв. до н. э.), из кургана 8, из погребения 1 близ с. Ильичевка в Восточном Крыму (дата III в. до н. э.), из погребения 261 некрополя Танаиса (дата II в. до н. э.)²⁷. Довольно много их обнаружено в погребениях мавзолея Неаполя скифского. По мнению Н. Н. Погребовой, глиняные флаконы в основном бытуют в памятниках Причерноморья во II в. до н. э. и к концу I в. до н. э. исчезают. В Ольвии, Херсонесе, Фанагории, по наблюдениям Т. Н. Книпович, они доживают до I в. до н. э.²⁸ Наиболее близки к новотитаровскому амфориски II в., например, из погребения XI мавзолея Неаполя скифского. Он также был покрыт красным лаком коричневатого оттенка и имел широкую ножку²⁹.

Серолощенная вазочка не имеет прямых аналогий, однако такие сосуды на конической ножке известны в погребениях Усть-Лабинского могильника 2 с III в. до н. э. и до рубежа н. э.³⁰ В Таркинском могильнике, в погребении 15, имелся такой же сосуд, названный миской. По мнению К. Ф. Смирнова, подобные сосуды характерны для Прикубанья I в. до н. э.³¹

Бронзовое зеркало с высоким плоским валиком по краю — характерный предмет прохоровской культуры Южного Приуралья и Нижнего Поволжья³². Ближе всего зеркало из кургана 10 к зеркалам III—II вв. до н. э. (II отдел, тип 3 по М. Г. Мошковой). Так же как и поволжские, оно имело небольшой выступ для прикрепления ручки³³. По мнению В. П. Шилова, зеркала эти характерны в Прикубанье для памятников II—I вв. до н. э.³⁴ Рубежом II—I вв. до н. э. датируется и погребение

III мавзолея Неаполя скифского, где обнаружено такое же зеркало³⁵. Подобные же зеркала из погребений Моздокского могильника, из кургана у Червленной, из погребения Пседахского могильника и других памятников Северо-Восточного Кавказа В. Б. Виноградов относит к III—концу II—I вв. до н. э.³⁶

Бронзовый браслет с шишечками, латенский по происхождению³⁷, считается ножным. Форма эта известна в позднескифских памятниках Украины IV—III вв. до н. э.³⁸ Встречены они в грунтовом могильнике Неаполя скифского в погребениях I в. до н. э. — первых веков н. э.³⁹ Особенно многочисленны они в могилах Бельбека IV⁴⁰. Например, в погребении 3 такой браслет найден вместе с чашкой италийского производства конца I в. до н. э. — первой половины I в. н. э.⁴¹

Бронзовая шпилька не имеет точных аналогий. Можно предполагать происхождение таких украшений от более простой формы шпилек, известных в скифских памятниках V—IV вв. до н. э.⁴² Более важна для датировки комплекса золотая серьга с биконической привеской, украшенной спиральным орнаментом. Форма ее представляет разновидность золотых серег, хорошо известных в материалах античных памятников II—начала I в. до н. э. Близкие серьги найдены в ряде погребений некрополя Танаиса⁴³, где они также датированы античной керамикой II—I вв. до н. э.

Состав ожерелья из белых и желтых стеклянных бус, сердоликовых (бочковидной формы) ребристых бус из египетского фаянса аналогичен ожерельям из Фанагории, Неаполя скифского, Кеп, Тирамбы и датируется в пределах II в. до н. э.—I в. н. э.⁴⁴

Таким образом, анализ предметов из кургана 10 свидетельствует о том, что наиболее вероятной датой погребения следует считать II в. до н. э., может быть, начало I в. до н. э.

Курган 11, погребение I (впускное). Обнаружено на глубине 1,55 м от вершины. Контуры ямы не прослеживались (рис. 10, 1). Скелет лежал вытянуто, на спине, головой на юго-запад, лицом вверх. Сохранность костей плохая (рис. 10, 2). В ногах погребенного стоял красноглиняный кувшин с витой ручкой и на кольцевом поддоне (рис. 10, 3). Сосуд изготовлен на станке и имел хороший ровный обжиг. Точные аналогии сосуду неизвестны, однако по пропорциям, по наличию витой ручки его можно сопоставить с кувшинами четвертого типа из Усть-Лабинского могильника 2. Подобные кувшины являются характерными для четвертой хронологической группы второй половины I в. до н. э.—II в. н. э.⁴⁵ Однако в отличие от новотитаровского они сероглиняные. Появление красноглиняных кувшинов в сарматских могильниках М. П. Абрамова рассматривает как отражение торговых связей с Боспором⁴⁶. Видимо, погребение I относится к самым поздним в новотитаровской группе и может быть ориентировочно датировано концом I в. до н. э.

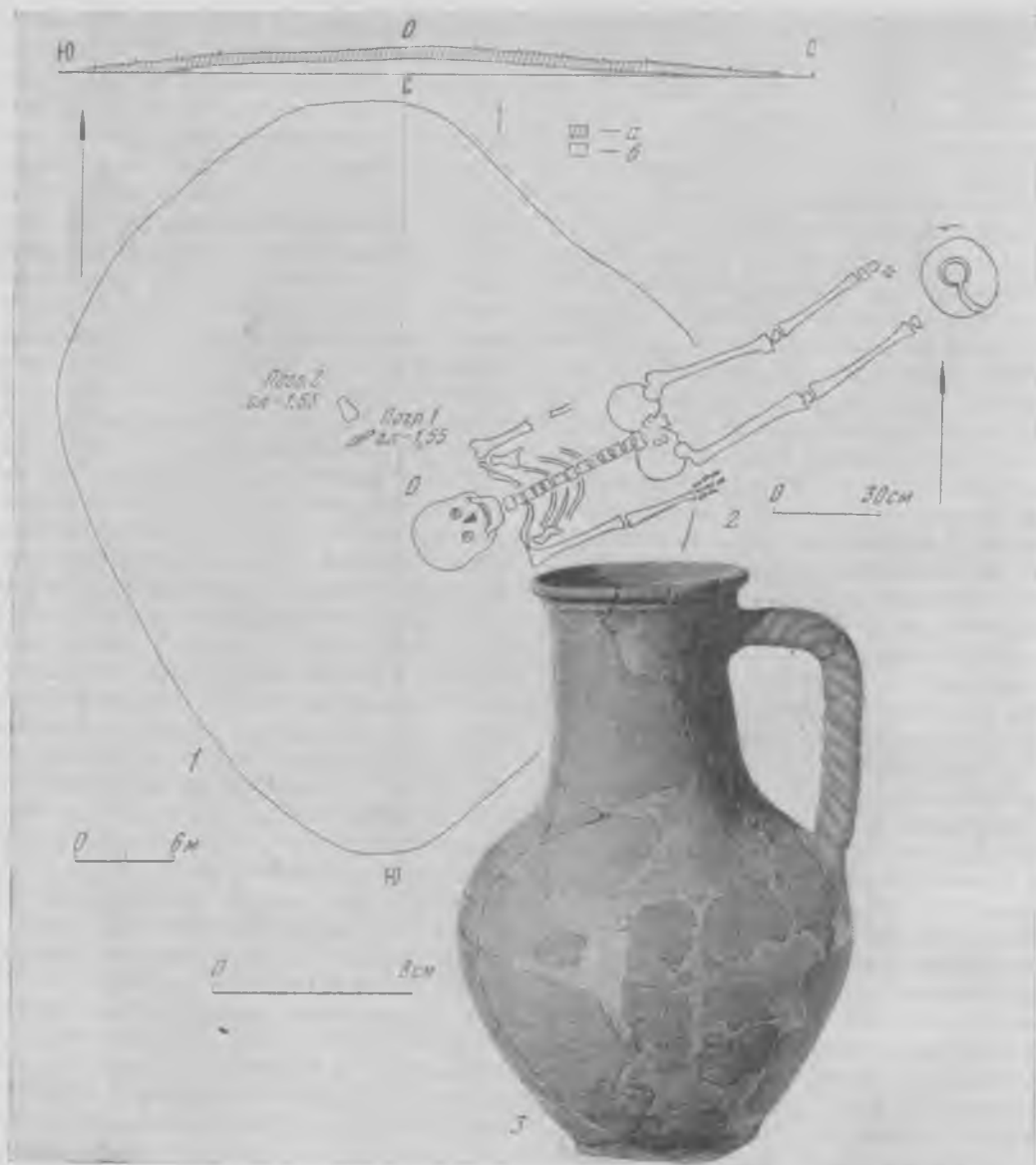
Курган 13, погребение 1 (основное). Обнаружено в центре кургана, на глубине 0,7 м от вершины. Контур могилы не прослеживался (рис. 11, 1). Скелет лежал на спине, вытянуто, с протянутыми вдоль туловища руками. Головой ориентирован на северо-восток. Глубина захоронения от вершины 0,7 м, т. е. на уровне древней поверхности. Кости плохой сохранности. От черепа осталось три обломка, кости грудной клетки превратились в труху (рис. 11, 2). Погребальный инвентарь отсутствовал.

Курган 14, погребение 1 (впускное). Обнаружено в самом центре кургана, на глубине 1,05 м, т. е. на уровне древнего горизонта. Скелет лежал вытянуто, на спине, головой на северо-восток. Кости очень плохой сохранности. Никаких предметов в погребении не найдено (рис. 11, 3).

Курган 14, погребение 2 (основное). Обнаружено в 1,5 м к северу от центрального репера, на глубине 1,35 м от вершины, ниже уровня горизонта. Контур ямы выявить не удалось. Костяк лежал в светло-желтом материковом грунте вытянуто, на спине, головой на юго-запад (рис. 11, 4). Правая рука покоилась кистью в области таза; левая, согнутая в локте, лежала на груди. Ноги были тесно сдвинуты. Череп повернут слегка в южную сторону. В области виска обнаружена миниатюрная проволочная бронзовая подвеска в виде колечка. Около кисти правой руки оказалась черная плоская круглая гагатовая буса диаметром 1 см.

Итак, погребальные комплексы из станицы Ново-Титаровской составляют несомненно компактную группу со сходными чертами погребального обряда и близким составом погребального инвентаря. Все это позволяет рассматривать могильник как кладбище единой этнической группы, хоронившей на указанной территории членов своего коллектива на протяжении довольно ограниченного времени — со II в. до н. э. по I в. до н. э. Большинство могил в группе впускные в более древние или синхронные курганы с одиночными погребениями в грунтовых ямах. Однако есть данные, позволяющие предполагать, что курганный обряд был главной формой надмогильного сооружения над основными захоронениями (курганы 3, 13, 14). Захоронения производились или в неглубоких ямах, или на горизонте (погребение 3 в кургане 3; погребение 2 в кургане 14; погребение в кургане 13). Форма ямы не прослеживалась в местном грунте, но косвенные признаки (остатки подстилки, расположение вещей) говорят за то, что она была вытянуто-прямоугольной формы, с закругленными углами, иногда с расширением к голове (погребения 1 и 2 в кургане 1; погребение в кургане 13). В отдельных случаях сохранились следы покрытия и

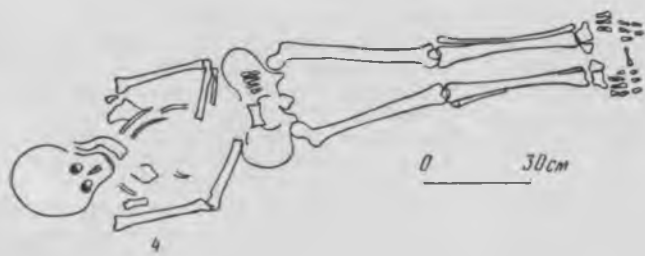
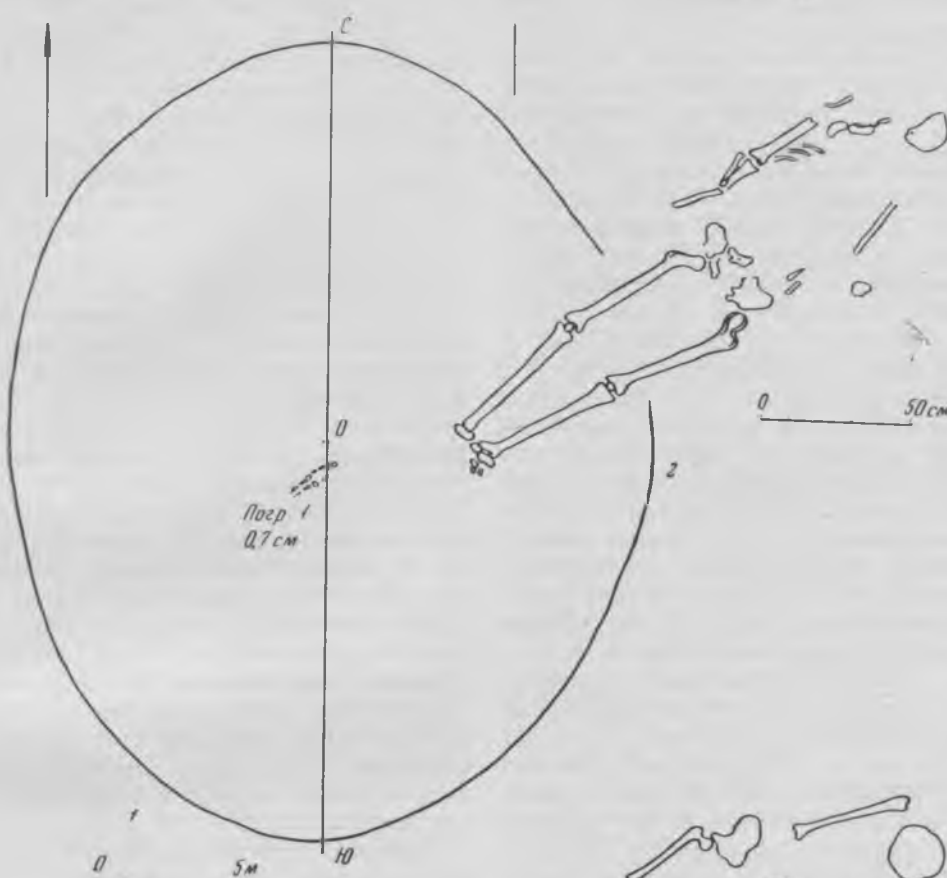
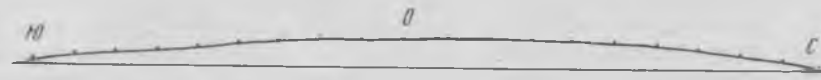

Рис. 10. Ст. Ново-Титаровская. Курган 11

1 — план и разрез кургана, 2 — план погребения, 3 — глиняный кувшин

Рис. 11. Ст. Ново-Титаровская. Погребения в курганах 13, 14

1 — план и разрез кургана 13, 2 — курган 13, погребение 1, 3 — курган 14, погребение 1; 4 — курган 14, погребение 2

подстилки из органического вещества (дерево? войлок? кожа?), от которого имелся плотный коричневатый тлен. Поза погребенных во всех без исключения могилах вытянутая, на спине, с руками, положенными вдоль туловища или в область таза (погребения 2, 3, курган 1 — одна рука; погребение 2, курган 14 — обе руки). Ориентировка погребенных головой в основном западная (погребение 2, курган 1; погребение 4, курган 2; погребение 2, курган 3; погребение в кургане 10), с небольшим отклонением к северу (погребение 3, курган 1; погребение 3, курган 3). Однако имелись в группе погребения с юго-западной (погребение 1 курган 11; погребение 2, курган 14) и юго-восточной (погребение 2, курган 2) ориентировкой покойников, характерной для сарматов прохоровской культуры и сусловского этапа. Два основных погребения в курганах 13 и 14 имели северо-восточную ориентировку, характерную, по мнению М. П. Абрамовой, для позднесарматского времени⁴⁷. В погребении 2 кургана 1 рядом со скелетом расчищена меловая площадка — признак, также характерный для погребального обряда сарматской культуры II в. до н. э. — I в. н. э. В трех погребениях была положена заупокойная пища, ребра и лопатки животных (погребения 2 и 3 в кургане 3; погребение 2 в кургане 1). Устойчивое сочетание большинства признаков погребального обряда новотитаровской группы находит аналогии в погребениях Нижнего По-

вожья среднесарматского периода. Исключение составляет лишь западная ориентировка покойников, совершенно нехарактерная для сарматской культуры IV—II вв. до н. э.⁴⁸ Отличается комплекс признаков погребального обряда изучаемого памятника и от погребального обряда синхронных памятников меотского населения Прикубанья.

Аналогичные по погребальному обряду погребения известны на Северо-Восточном Кавказе (Моздокский могильник, курганы у ст. Мекенской, погребения у хут. Новый Аршти, курганы близ сел. Ачикулак)⁴⁹, причем большинство из них по инвентарю, скорее всего, несколько более ранние, чем новотитаровские (III—II вв. до н. э.). Не исключено, что именно отсюда, с северо-востока, распространилась группа степного населения с близким обрядом. В погребальном инвентаре изучаемой группы особо следует отметить наряду с сарматскими чертами (зеркало «прохоровского типа», ритуальные чашки с широким бортиком, котел) и местными (наконечники стрел, лещина и круговая серолощенная посуда) значительное вкрапление предметов, прямо или косвенно связанных с античным импортом (круговая красноглиняная посуда, амфориск, бусы, шпилька, золотая фибула и т. п.).

Взвешивая соотношение всех признаков культуры, представленной в погребениях в ст. Ново-Титаровской, мы склонны относить их к сарматским.

¹ Козенкова В. И. Новые материалы по бронзовому веку в Западном Предкавказье. — КСИА, 1973, вып. 134, с. 60.

² Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. — САИ, 1963, Д1-10, с. 29, табл. 11, 9—10.

³ Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 195, рис. 19.

⁴ Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения

Тарки в 1948—1949 гг. — МИА, 1951, № 23, с. 268, рис. 20, 5—7.

⁵ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской..., с. 42, табл. 27, 14.

⁶ Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. — МИА, 1951, № 23, с. 165, рис. 3, 2.

⁷ Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник..., с. 167, рис. 4, 10; с. 187, рис. 14, 35, 36; Крупнов Е. И., Мерперт Н. В. Курганы у станции Мекенской. — ДЧИ. М., 1963,

- с. 47; *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 54, рис. 17; *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник. Напчик, 1972, рис. 3—7.
- ⁸ *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа... с. 52.
- ⁹ *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник... с. 203; *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник... с. 23.
- ¹⁰ *Амброс А. К.* Фибулы Юга Европейской части СССР.—САИ, 1966, Д1-30, с. 33, табл. 15, 5.
- ¹¹ *Погребова Н. Н.* Погребения в мавзолее Неаполя скифского.—МИА, 1961, № 96, с. 156, рис. 6, 10.
- ¹² *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса. М., 1977, с. 72, табл. XXVIII, 2.
- ¹³ *Капошина С. И.* Итоги работ Кобяковской экспедиции.—КСИА, 1965, вып. 103, с. 49, 50, рис. 17, 1.
- ¹⁴ *Дитлер П. А.* Комплекс из кургана близ аула Кунчукохабль.—В кн.: Материалы по археологии Адыгеи. Майкоп, 1972, т. III, с. 67, рис. 1.
- ¹⁵ *Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я.* Курганы у станции Мекенской... рис. 8, 2; *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа... рис. 12.
- ¹⁶ *Абрамова М. П.* Исследование Нижне-Джулатского могильника в 1967 г.—КСИА, 1970, вып. 124, с. 91, рис. 35, 19.
- ¹⁷ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской... с. 27, табл. 5, 27.
- ¹⁸ Там же, с. 27.
- ¹⁹ *Гущина И. И.* Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников).—В кн.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974, с. 36, табл. XI, 8.
- ²⁰ *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник... с. 174, рис. 7, 10—11.
- ²¹ *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования... рис. 20, 10.
- ²² Там же, с. 271.
- ²³ Там же, с. 268.
- ²⁴ *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник... с. 174, 172, рис. 5, 2.
- ²⁵ *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса, с. 32, табл. XV, 6.
- ²⁶ *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник... с. 190.
- ²⁷ *Троицкая Т. Н.* Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее.—В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, с. 180, 181, рис. 6д; *Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н.* Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма.—В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, с. 145—147, рис. 5, 2; *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса, с. 79—81, табл. XXVI, 3.
- ²⁸ *Погребова Н. Н.* Погребения в мавзолее... с. 112, рис. 13, 2; 27, 7; 30, 2.
- ²⁹ Там же, с. 111, рис. 21, 9.
- ³⁰ *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник... с. 176, рис. 8, 10.
- ³¹ *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования... с. 263, рис. 20, 2.
- ³² *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской... с. 42, табл. 28.
- ³³ Там же, с. 42, табл. 28, 10, 11.
- ³⁴ *Шилов В. П.* Калиновский могильник.—МИА, 1959, № 60, с. 436.
- ³⁵ *Погребова Н. Н.* Погребения в мавзолее... с. 174, рис. 14, 6; 26, 4.
- ³⁶ *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 59, рис. 15, 8; 16, 23, 24.
- ³⁷ *Кухаренко Ю. В.* Распространение лагенских вещей на территории Восточной Европы.—СА, 1959, № 1, с. 36.
- ³⁸ *Петренко В. Г.* Культура правобережного Среднего Приднестровья в IV—III вв. до н. э.—МИА, 1961, № 96, с. 72, 73, рис. 5, 3.
- ³⁹ *Бабенчиков В. П.* Некрополь Неаполя скифского.—В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, с. 122, 123, табл. III, 5.
- ⁴⁰ *Гущина И. И.* Население сарматского времени... рис. XII, 41, 42, XIII, 26, 40, 48; XVI, 10, 13; XVII, 7.
- ⁴¹ Там же, с. 45, рис. IX, 1.
- ⁴² *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.—САИ, 1978, Д4-5, с. 19, табл. 14, 1—13 (тип 23).
- ⁴³ *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса, с. 64, табл. XXXI, 3 (погребение 203); XXXI, 1 (погребение 18).
- ⁴⁴ Состав ожерелья датирован Е. М. Алексеевой, за что приношу ей свою благодарность.
- ⁴⁵ *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник... с. 194, 195, рис. 16, 4.
- ⁴⁶ *Абрамова М. П.* Сарматская культура II в. до н. э.—I в. н. э.—СА, 1959, № 1, с. 55.
- ⁴⁷ *Абрамова М. П.* Сарматская культура... с. 54 и сл.; *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 61 и сл.
- ⁴⁸ *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник... с. 205 и сл.
- ⁴⁹ *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 41—48, 61—64.

Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа

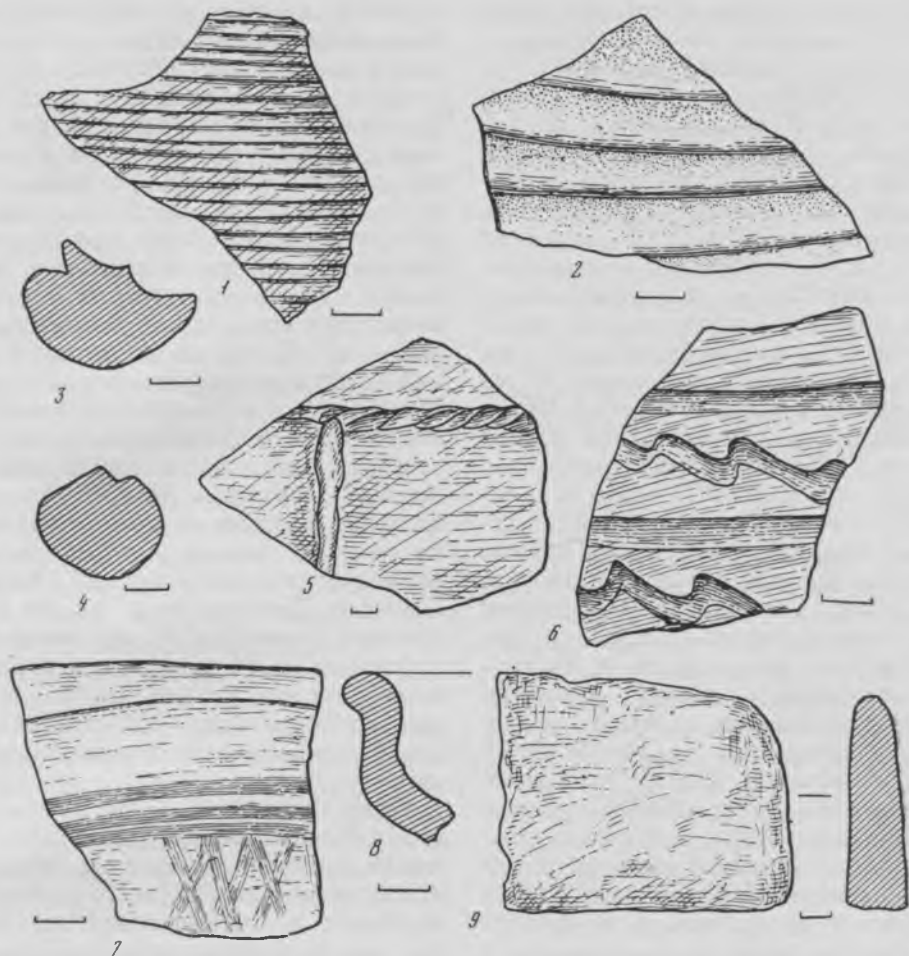
Н. В. Анфимов

Эпоха раннего средневековья для территории Северо-Западного Кавказа изучена еще очень слабо. Между тем этот период чрезвычайно важен, так как с него начинается процесс консолидации отдельных меотских племен Закубанья и племен Черноморского побережья Кавказа в адыгскую народность. К V в. н. э., согласно письменным источникам, побережье между нынешним Геленджиком и р. Пезуансе (или р. Шахе) было заселено зихами, образовавшими довольно мощный племенной союз.

Письменные источники для данного периода чрезвычайно скудны. Сохранившиеся известия позднеантичных и раннесредневековых авторов представляют собой в большинстве случаев дорожники, перечисляющие отдельные племена Кавказского побережья, названия населенных пунктов и расстояния между ними. Таким образом, основным источником для изучения данной эпохи являются археологические памятники. На Черноморском побережье Кавказа известно несколько раннесредневековых могильников и крепостей. Два могильника были исследованы еще в дореволюционное время (Борисовский и Агойский), и материалы из них опубликованы¹. Большой интерес представляет район с. Ново-Михайловского, где имеется ряд раннесредневековых памятников.

Недалеко от центра села, на берегу моря, сохранились до настоящего времени остатки крепости, носившей у местного адыгского населения название «Дузу-кале». Еще в 1905 г. здесь были обнаружены погребения, сопровождавшиеся инвентарем. Вещи из могильни-

ка опубликовал А. А. Спицын, который относил их к двум эпохам — к VI—VII и XIV—XV вв.² В 1907 г. А. А. Миллером была обследована сама крепость «Дузу-кале» и составлено краткое ее описание³. Она была обнесена стенами с западной и восточной сторон, а также частично и со стороны моря. В юго-восточном углу крепости, на склоне, в то время сохранились еще полуразрушенные остатки хода со сводом. За домом находился большой холм, состоящий из строительных остатков, керамики и мусора⁴. В настоящее время крепость сильно разрушена. В течение ряда лет местными жителями из стен брался камень, что привело к их полному уничтожению. Частично стена сохранилась только с восточной стороны, на склоне, где она прослеживается на протяжении 15 м (высота ее 1—1,20 м). Квадры наружного панциря выбраны так, что сохранилась только внутренняя забутовка, сложенная на известковом растворе. В юго-восточном углу крепости, на обрыве, обращенном к морю, до недавнего времени сохранялась кладка из хорошо отесанных прямоугольных квадров высотой около 1 м и протяженностью 4,5 м. Стена эта под углом поворачивала на север, образуя небольшое помещение. Возможно, что это были остатки угловой башни. Вход в подземный ход засыпан, и обнаружить его не удалось. Большой холм, расположенный в северной части крепости, за домом, сохранился примерно в том виде, как описан А. А. Миллером, только остатки каменных построек уже не прослеживаются. По южной стороне холма и его подошве идет кладка крепостной сте-

Рис. 1. Керамический материал из Ново-Михайловской крепости

1, 2 — стенки амфоры, 3, 4 — поперечные сечения амфорных ручек, 5—7 — стенки сероглиняных сосудов, 8 — край сероглиняной миски, 9 — стоячая плитка

ны, окружавшей холм. Ее наружный панцирь сложен из больших прямоугольных квадратов на известковом растворе (сохранился лишь местами на высоту до двух рядов кладки более 1 м).

Кроме крепости «Дузу-кале», на юго-восточной окраине с. Ново-Михайлов-

ского находится вторая небольшая крепость. Она расположена в долине р. Нечепсухо, на левом ее берегу, у подножия гор, на расстоянии около 1 км от моря. Крепость занимает холмообразную овальную в плане возвышенность, вытянутую с востока на запад и представляющую собой оконечность невысокого хребта, понижающегося к долине. С трех сторон возвышенность имеет довольно крутые склоны, будучи ограничена с севера и юга небольшими ущельями; с восточной стороны проходит ров. Площадь крепости около

3000 кв. м. В древности крепость была окружена каменной стеной, разобранной в недавнее время⁵. В 1957 г. по западной границе была вырыта траншея, в которой обнаружилась кладка крепостной стены, достигавшая толщины 1,70 м и сложенная из грубо отесанных плит на известковом растворе. В северо-восточной части крепости имеется курганообразная возвышенность (высота 1,5 м), в центре которой вырыта яма. В ней и по склонам возвышенности встречаются бутовый камень, обломки кирпичей и черепицы. С западной стороны возвышенности в 1956 г. был заложен разведочный раскоп (15 кв. м)⁶. Толщина культурного слоя равнялась в среднем 0,75—0,85 м. В самом верхнем горизонте в большом количестве встречались бутовый камень и щебенка, местами образуя завал.

Основным материалом, найденным при раскопках, являлась керамика (кости животных встречались в небольшом количестве). Среди керамики (рис. 1) преобладали обломки красноглиняных сосудов, в том числе фрагменты желобчатых амфор, составлявших довольно значительный процент. Сероглиняные сосуды, а также лепные встречены значительно меньше. Некоторые фрагменты в большинстве своем принадлежат сравнительно небольшим круглодонным амфорам с невысоким горлом, с профилированными ручками: тулово и горло у них покрыты широкими желобками. Аналогичные амфоры известны из Агойского могильника и из Херсонеса, датируются они V—VI вв.⁷ Кроме того, встречены отдельные фрагменты стенок амфор с рифлением. Однако преобладали фрагменты простых красноглиняных сосудов. Часть из них происходит от одноручных кувшинов средней величины, найдены также стенки крупных сосудов с рельефным орнаментом в виде валика с вдавлениями. Кроме кувшинов, встречены фрагменты небольших плоскодонных пифосов,

горшков и мисочек. Во всех слоях встречались фрагменты позднеантичных краснолаковых сосудов.

Сероглиняная керамика представлена обломками кувшинов, мисок и крупных сосудов (горшков). На одном из них имеется рельефный орнамент в виде продольного и перпендикулярно от него отходящего валика с вдавлениями. Встречены стенки кувшинов с линейным лощением и крупных сосудов с волнистым орнаментом. Найденные миски — небольшие по размерам и средней величины, с вертикальным гладким краем, под углом переходящим в тулово, и слегка утолщенным венчиком, отогнутым наружу и иногда нависающим над бортиком. Данный тип миски восходит к позднеэоетским образцам и продолжает бытовать в Закубанье в раннесредневековое время (городище близ сел. Красного на р. Марте, Гатлукайское первое и др.). Лепная керамика представлена в основном горшками с вертикальным или слегка отогнутым наружу краем. На стенке одного из горшков имеется вертикальный налп.

Кроме керамики, были найдены обломки стеклянных сосудов (края стаканчиков прозрачного стекла и ножка рюмочки зеленоватого стекла), фрагмент зеркала с концентрическими валиками, часть круглого жернова (диаметр 35 см, толщина 7 см), куски железного шлака, обуглившиеся зерна проса и кости домашних животных (коровы, овцы, свиньи). Особо следует отметить находку (среди подъемного материала) глиняной плитки с широким основанием, так называемой стоячей плитки (назначение ее неизвестно). Они характерны для позднеэоетской культуры как правобережья Кубани (Краснодарские, Старо-Корсунские, Воронежские и другие городища), так и Закубанья, причем на последних встречаются и в слоях IV—VI вв. н. э. Находка «стоячей» плитки, наравне с местной серо-

глиняной керамикой, говорит об известной общности позднемеотской и зихской культур.

В раскопе в значительном количестве были встречены строительные материалы: кирпичи, куски застывшего раствора, фрагменты черепиц, мраморные обломки с хорошо сглаженной поверхностью (от облицовки), а также три обломка капителей из крупнозернистого белого мрамора. Капители византийско-коринфского типа украшены рельефно высеченными листьями аканфа. Ближайшей аналогией является капитель из тиритакской базилики конца V—начала VI в. н. э.⁸ Найденные кирпичи все однотипны, плоские (ширина 24—26 см, толщина 3—3,5 см), на верхней поверхности их часто заметны широкие желобки в виде концентрических кругов, спиралей, иногда перекрещивающиеся. Вдоль краев — врезанные линии, образующие рамку. На многих образцах сохранился строительный раствор. Плоские прямоугольные кирпичи характерны для раннесредневекового времени (подобные с перекрещивающимися бороздками были найдены при раскопках вышеупомянутой базилики)⁹. Черепицы встречены двух типов — плоские керамиды с вертикальным краем и желобчатые калиптеры. На одном фрагменте имеется клеймо с частично сохранившейся надписью.

Скопление на незначительной площади упоминавшихся строительных остатков дает право предполагать, что в непосредственной близости от раскопа находилось какое-то монументальное сооружение, возможно, базилика, руины которой могут быть скрыты под вышеупомянутой курганообразной насыпью. Найденный при раскопках материал укладывается в рамки конца IV—VI вв. н. э.

Крепость, расположенная в долине р. Нечепсухо недалеко от впадения ее в море, занимала очень выгодное стратегическое и экономическое положение,

контролируя путь с побережья в глубь гор.

Одновременным памятником, расположенным в окрестностях с. Ново-Михайловское, является могильник в урочище Сопино, расположенный среди гор в долине р. Нечепсухо, на север от с. Ново-Михайловское. Его территория представляет собой ровную поляну на правом берегу р. Нечепсухо: поляну от реки отделяет полоса пойменного леса, по западной окраине которой протекает безымянный ручей (ерик). В летние месяцы ручей совершенно пересыхает, но во время паводков он размывает берега, что ведет к разрушению могил.

В течение ряда лет местный житель П. Н. Кабылкевич собирал вымываемые из разрушенных могил вещи, в результате чего образовалась довольно большая коллекция, переданная им в Туапсинский музей. В 1958 г. на могильнике были проведены раскопки, которые носили разведочный характер¹⁰. Всего было исследовано восемь могил. В 1960 г. работы были продолжены. Вскрытая за два года площадь примерно равнялась 170 кв. м. В 1961 г. И. Н. Ремизовым была доисследована одна могила, обнажившаяся в результате размыва берега. Таким образом, на могильнике Сопино было исследовано 29 могил, которые одновременны и составляют единую хронологическую группу. Видимых признаков могил на поверхности в виде насыпей, каменных обкладок на территории могильника не было заметно. Форму могил ввиду однородности грунта установить не всегда представлялось возможным. В подавляющем большинстве это были узкие грунтовые ямы прямоугольной формы, длиной 1,80—2 м, шириной 0,70—0,80 м. Некоторые могилы (1, 4, 5, 7, 8, 9) внутри были обложены камнями, причем каменная обкладка, как правило, не доходила до дна могилы на 10—25 см. Камни клались обычно на высоту от двух до четырех рядов (25—35 см). Поперечные

Рис. 2. Могильник Сопино
1 — погребение 11; 2 — погребения 14 и 15

стенки в некоторых ямах (4, 5, 8) состояли из одного плоского камня, поставленного вертикально и также не доходящего до могильного дна. Стенки обкладывались речным булыжником и камнями средних размеров, взятыми из русла реки. В могиле 9 каменная обкладка состояла из плоских средней величины камней, лежащих плашмя в один ряд. Только однажды было встречено погребение (детское) в каменном ящике прямоугольной формы, слегка расширяющемся у головы (№ 10). Сложен он был из четырех тонких плит, причем две длинные продольные плиты выступали за линию поперечных камней на 5 см. Сверху ящик был перекрыт тремя тонкими поперечными плитами, которые частично раскололись и провалились внутрь. Размеры ящика: длина 0,95 м, ширина у головы 0,31 м, у ног 0,28 м, высота 0,25—0,27 м.

В четырех могилах (2, 15, 19, 22) прослеживались следы совершенно обуглившихся досок (в могиле 15 в виде полосок угля шириной 3—5 см по обеим сторонам скелета) как по дну могилы, так и на боковых стенках. Возможно, они являлись или остатками гробов, или досками, которыми обкладывалась яма, так как в могилах с каменной обкладкой следы досок прослежены не были. Средняя глубина могил 0,90—1,10 м. Могилы с каменной обкладкой, как правило, мельче (0,60—0,75 м).

Ориентировка погребений очень устойчива: большинство скелетов лежало головой на запад, иногда с небольшим отклонением к югу и северу (ориентировка на запад — 11, запад-юго-запад — 7, запад-северо-запад — 5 погребений), 4 погребения — с направлением на юго-запад. Таким образом, для данного могильника характерна западная ориентировка. В погребениях, за исключением одного, скелеты лежали вытянуто, на спине (рис. 2, 1, 2). Положение рук было различно: в 8 погребениях

одна рука лежала на тазовых костях (в большинстве случаев левая), а вторая была более резко согнута и покоилась наискось или поперек туловища, в трех случаях обе руки лежали на тазовых костях, в двух — одна рука была поднята к лицу, так что кости предплечья лежали параллельно плечевой кости, а вторая рука лежала поперек туловища и, наконец, у одного скелета обе руки были подняты к лицу. В 12 могилах кости рук не сохранились (обвалились или истлели у детских скелетов). Ноги у всех скелетов были вытянуты, только в одной могиле (24) голени в нижней трети перекрещивались, что было обусловлено неправильным положением правой голени в связи с прижизненным повреждением коленного сустава (анкилоз). Из раскопанных погребений 21 принадлежит взрослым, 5 — детям и 2 — подросткам. Из взрослых погребений, судя по инвентарю, 12 мужских и 5 женских. Рост погребенных сравнительно небольшой, в среднем 1,60—1,65 м.

Лишь в одной могиле (7), обложенной камнями и по величине равной обычным могилам с труположением, обнаружена кремация (рис. 3). В ее западной части кучкой лежали обломки кальцинированных костей человека вместе с угольками и золой и рядом с ними — вещи. Все погребения сопровождалось инвентарем; только в четырех, большая часть из которых обвалилась, вещи не были обнаружены. По количеству предметов, клавшихся в могилу, все исследованные погребения более или менее одинаковы. В трех захоронениях (12, 13 и 24) встречены кости животных — по две трубчатые кости овцы (?), лежавшие в ногах покойника. В отдельных случаях встречались кусочки древесного угля (погребение 6). В могиле 13 над скелетом (на 10—15 см выше него) по всей площади прослеживался древесный уголь.

Рис. 3. Могильник Сопино. Погребение с кремацией

А — план: 1 — браслет, 2 — нож, 3 — пряжка, 4 — кивжал;
 Б — поперечный профиль;
 В — продольный профиль

Инвентарь погребений состоял из глиняных и стеклянных сосудов, предметов вооружения, украшений, зеркал, фибул, пряжек, ножичков и серпа. В расположении инвентаря наблюдалась известная закономерность, иногда обусловленная функциональным назначением предмета. Так, бусы составляли ожерелья и находились в области шеи и верхней части груди (в двух случаях связки бус были брошены прямо в могилу); бисер, вернее всего, служил обшивкой ворота одежды и также встречался возле шеи; фибулы, служившие для закалывания одежды, лежали на груди; браслеты — на костях предплечий (в могилах 12 и 13 — по одному, в могилах 14 и 21 — по одному на каждой руке, а у одного скелета погребения 3 — по два на каждой руке). Глиняные сосуды ставились, как правило, в ногах покойника, в области ступней, или вдоль ног. Оружие лежало вдоль плечевой кости как справа, так и слева, или у черепа, ножички находились в разных местах — большей частью у таза или у бедра, иногда около костей рук, на груди. В трех мужских погребениях (11, 24 и 29) были найдены украшения (бусы, браслеты, фибула, зеркальца), которые лежали кучкой у ног костяка (у правой ступни в погребении 11 и у правого бедра в погребении 24). Они не входили в состав инвентаря погребенного и были брошены в могилу близкими родственниками покойного в качестве своеобразной жертвы.

Глиняные сосуды большей частью местного производства и представлены двумя группами: сосудами, изготовленными на гончарном круге серой или коричневой глины (только два кувши-

на красноглиняные), и лепными горшками. Из привозной керамики найдены две амфоры и красноглиняный кувшин.

Первая группа сосудов представлена почти исключительно кувшинами, различающимися между собой некоторыми деталями форм. Кроме кувшинов, встречены две миски и горшочек.

Большинство сероглиняных кувшинов небольшой величины, с приземистым, иногда округлым туловом, с относительно широким горлом и одной ручкой; дно плоское (рис. 4). У кувшинчика из погребения 16 имеется носик, образованный изгибом венчика (рис. 5, 4), у сосуда из погребения 12 по плечикам идут две концентрические линии (рис. 4, 2); у кувшинчика, происходящего из случайных находок, по горлу проведены четыре желобка (рис. 5, 3). Несколько отличается по форме кувшин из погребения 11, он имеет биконическое тулово и более узкое горло (рис. 5, 1). Средние размеры описанных сосудов следующие: высота 15—20 см, диаметр по венчику 8—9 см, диаметр дна 8—12 см. Лишь один кувшин несколько больших размеров (высота 30 см). У него относительно высокое желобчатое горло и носик, образованный изгибом венчика, по плечикам его проходят концентрические линии (рис. 6, 1). Из погребения 11 происходит большой одноручный кувшин с яйцевидным туловом и с носиком. По горлу, плечикам и тулову идут нанесенные концентрические линии (рис. 7). Описанные сероглиняные сосуды находят аналогии в раннесредневековых черноморских могильниках Кавказа — Агойском, Борисовском¹¹ и Пашковском первом¹². Сосудик, близкий по форме к кувшину из погребения 12, был найден на Тахтамукайском первом городище, верхний слой которого датируется IV—V вв. н. э. Красноглиняный кувшинчик из погребения 15 по форме близок сероглиняным: он имеет приземистое тулово, сравнительно высокое горло с носиком

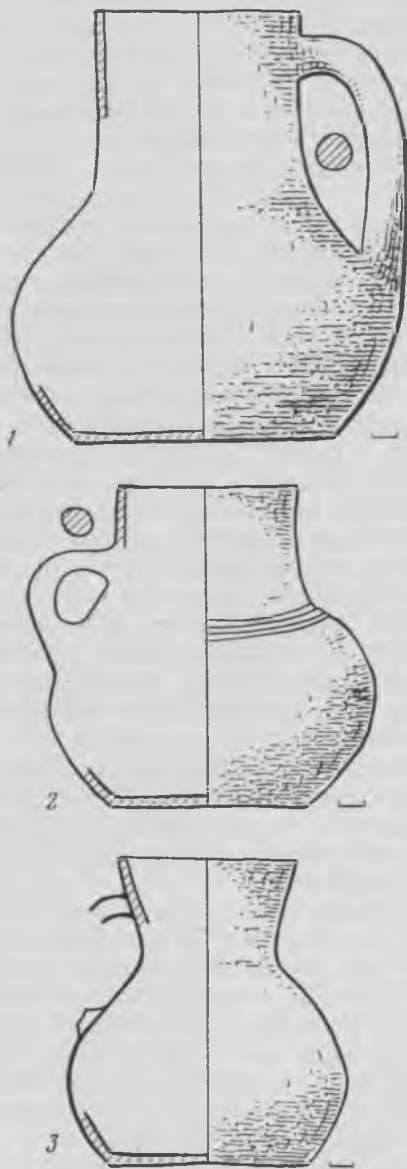

Рис. 4. Могильник Сопино. Сероглиняные кувшины

1 — из погребения 22, 2 — из погребения 12, 3 — из погребения 15

и одну ручку (рис. 5, 2). Второй кувшин (погребение 13) более вытянутых пропорций, с узким горлом и двумя ручками (рис. 8, 1). Аналогичные сосуды, но с несколько более широким горлом известны из Борисовского¹³ и Агойского¹⁴ могильников. Кувшины эти, по-видимому, местного изготовления.

Миски. В Сопинском могильнике встречены всего две сероглиняные миски (погребения 2 и 11). Миска из второго погребения имеет несколько вдавленный бортик и слегка нависающий над ним край (рис. 6, 3). Аналогии ей в большом количестве были найдены в верхнем слое Тахтамукайского первого городища, а также на городище у сел. Красного и на Гатлукайском¹⁵, встречены они также в Пашковском первом могильнике¹⁶. Вторая миска имеет вертикальный бортик, под углом переходящий в тулово, и слегка отогнутый наружу край; дно плоское (рис. 8, 3). Близкие миски имеются в Пашковском первом могильнике. По форме они повторяют более раннюю посуду позднемеотского времени.

Горшок происходит из погребения 29. Он небольшой величины, с выпуклыми плечиками, с небольшим, отогнутым наружу венчиком, на плоском дне, коричневой глины.

Лепные сосуды представлены небольшими горшочками баночной формы, с венчиком или прямым краем (погребения 11, 25, 27); один горшочек (погребение 18) имеет биконическое тулово и небольшой слив — носик (рис. 6, 4). В погребении 3 найден большой горшок баночной формы, несколько сужающийся ко дну.

Привозная керамика представлена двумя амфорами (погребения 6 и 24) и красноглиняным сосудом (погребение 24; рис. 8, 2). Амфоры имеют яйцевидное, несколько вытянутое желобчатое тулово и округлое дно. Горло низкое, с утолщенным венчиком; ручки при-

крепляются несколько ниже венчика. Амфоры с желобчатым яйцевидным или несколько вытянутым туловом, с округлым дном и невысоким горлом характерны для V—VI вв. н. э., близкая описанной найдена в Агойском могильнике, но тулово у нее было яйцевидное¹⁷.

Стеклопосуда в могильнике была встречена только в погребении 11. Здесь было найдено два сосуда: кувшинчик, по форме напоминающий графин из прозрачного стекла, вытянутой формы, с расширяющимся в нижней части туловом, высоким узким горлом на ножке (рис. 6, 2), и бокал на профилированной ножке из прозрачного стекла (рис. 9, 11)¹⁸. Аналогичный бокал происходит из могилы 8 Узун-Колского могильника (верховья р. Кубани), которая датируется III—V вв. н. э.¹⁹ Близкий по форме бокал, но несколько более вытянутых пропорций был найден в погребении 9 Агойского могильника²⁰. Ножка такого же сосуда обнаружена в Борисовском могильнике (погребение 52).

Оружие было найдено в 11 погребениях и представлено мечом, 12 кинжалами и двумя наконечниками копий. Кроме того, из случайных находок происходит один кинжал и наконечник копья.

Рис. 5. Могильник Сопино. Кувшины

1 — из погребения 11, 2 — из погребения 15, 3 — случайная находка, 4 — погребение 16

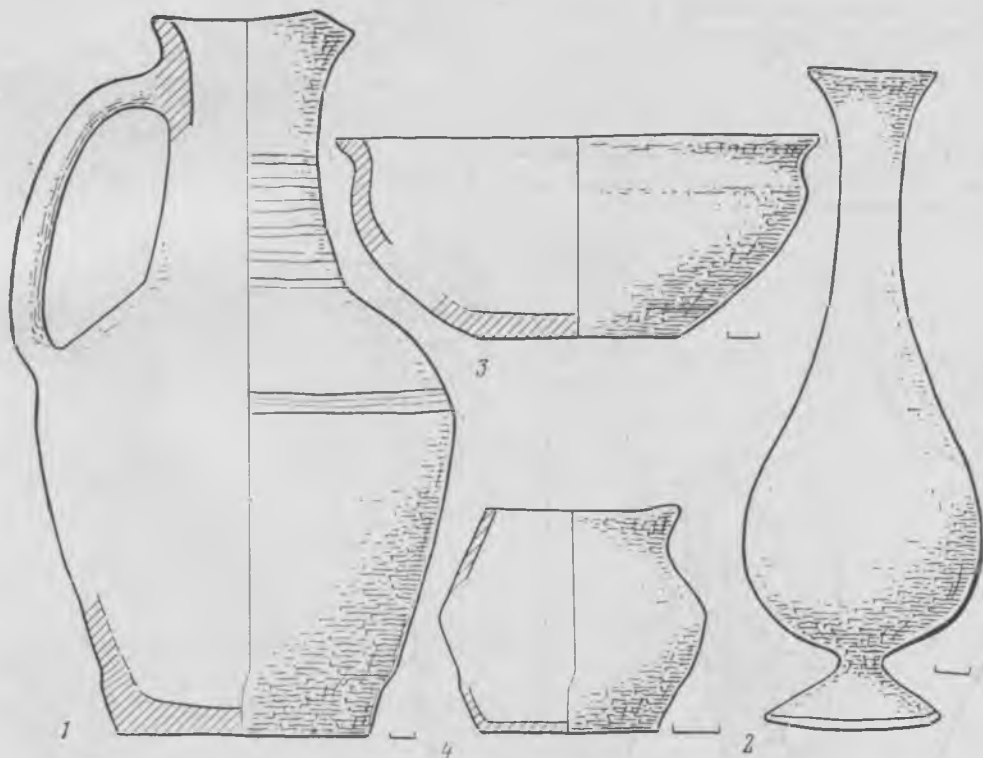

Рис. 6. Могильник Сопино. Образцы посуды

1 — из случайных находок, 2 — из погребения 11, 3 — из погребения 2, 4 — из погребения 18; 1, 3, 4 — керамика, 2 — стекло

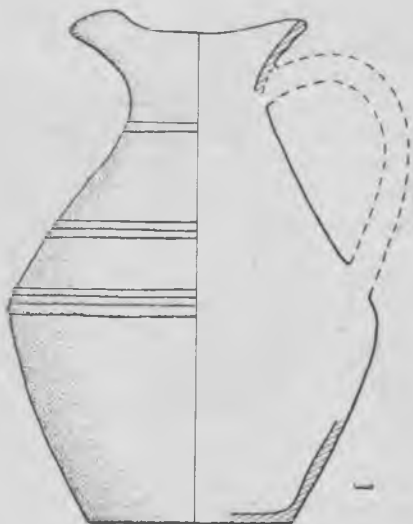

Рис. 7. Могильник Сопино. Сероглиняный кувшин из погребения 11

Рис. 8. Могильник Сопино. Керамика.
1 — из погребения 13, 2 — из погребения 24,
3 — из погребения 11

Меч обоюдоострый, относительно широкий, с черенком для рукоятки (рис. 10, 2). Длина его 66 см, ширина 4 см. Лежал он с правой стороны, вдоль верхней части скелета, в погребении 11. Аналогичный меч происходит из Агойского могильника и найден в могиле 10 с желобчатой амфорой V—VI вв. н. э.²¹ В Борисовском могильнике найдены подобные же мечи, но более длинные²².

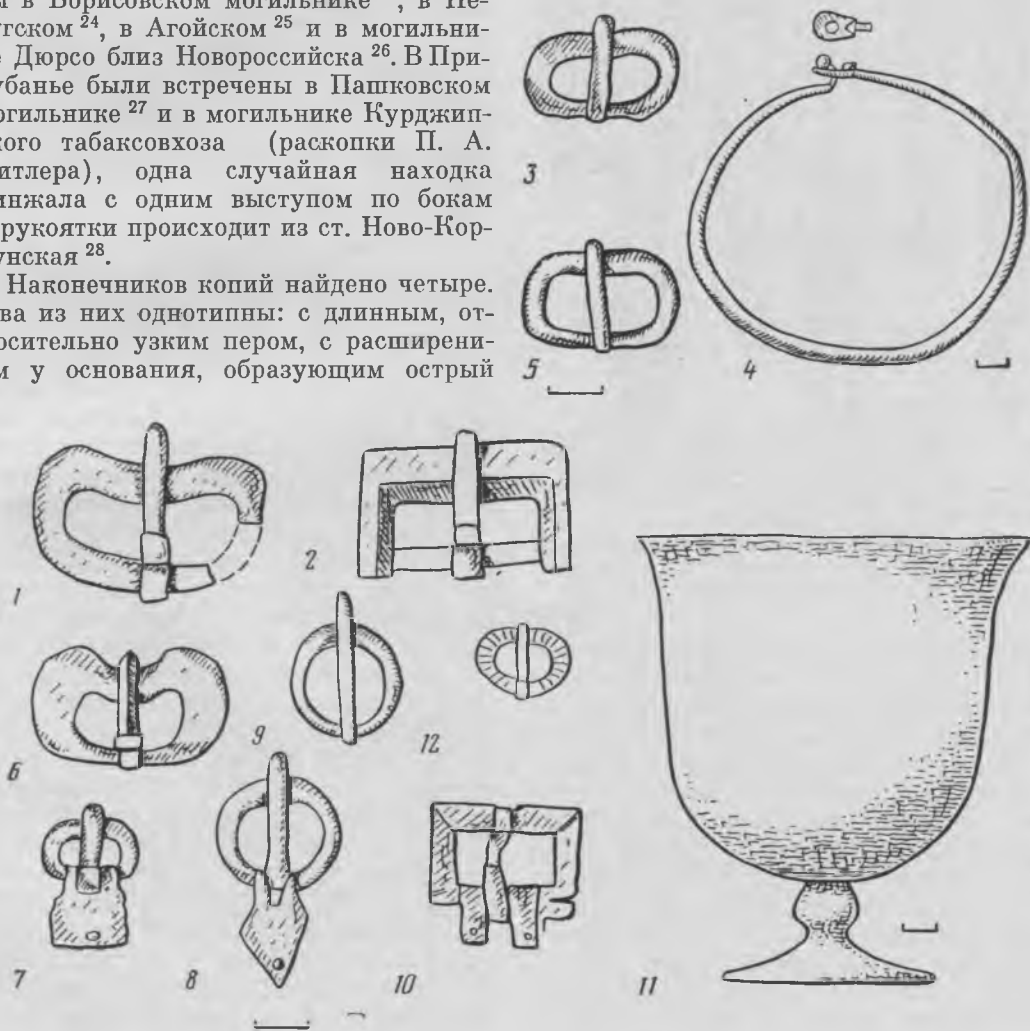
Кинжалы являются характерным видом вооружения для населения, оставшего Сопинский могильник. Почти все мужские погребения, как правило, сопровождалось кинжалами. Найдены они в могилах 2, 6, 7, 11, 12, 15, 17, 19, 22, 24, 29. Кроме того, один клинок происходит из случайных находок. Все кинжалы однотипны и отличаются наличием или отсутствием боковых выступов у рукоятки. Лезвие у них сравнительно широкое и массивное, уплощено-овальное в сечении, с черенком для рукоятки. Последняя была деревянной и в погребениях не сохраняется. У ру-

коятки в большинстве случаев имеется по два выступа (у 7 кинжалов из 12, рис. 10, 4), иногда только по одному (рис. 10, 5), встречены кинжалы и без выступов (погребения 2, 12 и случайная находка). Ножны у кинжалов были деревянные (следы дерева на лезвиях), иногда обитые внизу железом (рис. 10, 3). Тип кинжала с боковыми выступами является характерным для ранне-средневековых могильников Черноморского побережья Кавказа. Они найдены в Борисовском могильнике²³, в Небугском²⁴, в Агойском²⁵ и в могильнике Дюрсо близ Новороссийска²⁶. В Прикубанье были встречены в Пашковском могильнике²⁷ и в могильнике Курджицкого табаксовхоза (раскопки П. А. Дитлера), одна случайная находка кинжала с одним выступом по бокам у рукоятки происходит из ст. Ново-Корсунская²⁸.

Наконечников копий найдено четыре. Два из них однотипны: с длинным, относительно узким пером, с расширением у основания, образующим острый

Рис. 9. Могильник Сопино. Погребальный инвентарь

1—3, 5—10, 12 — пряжки, 4 — гривна, 11 — бокал;
1 — из погребения 7, 2 — из погребения 1, 3, 12 — из погребения 2, 4, 8 — случайные находки,
5 — из погребения 6, 6 — из погребения 5,
7 — из погребения 29, 9 — из погребения 8,
10 — из погребения 22, 11 — из погребения 11;
1, 3, 5 — железо; 2, 8 — серебро;
4, 6, 7, 9, 10, 12 — бронза, 11 — стекло

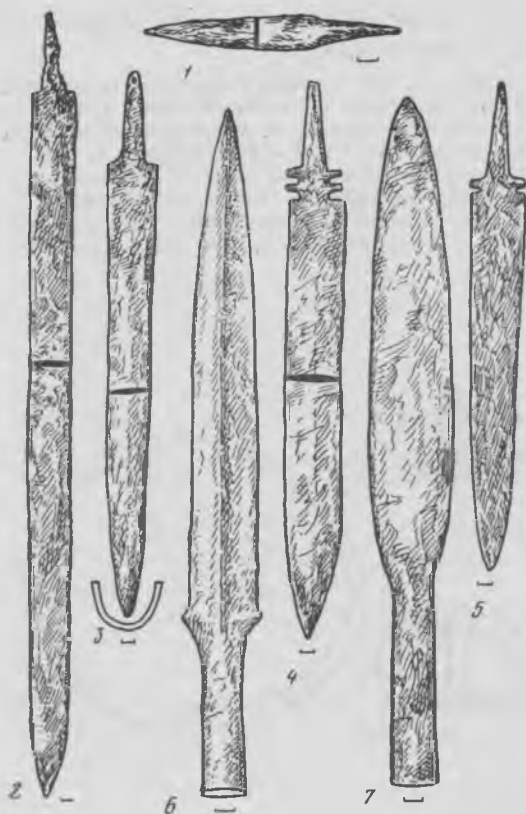

Рис. 10. Могильник Сопино. Оружие (железо)

1 — нож, случайная находка, 2 — меч, погребение 11; 3—5 — кинжалы из погребений 2, 7, 11; 6, 7 — наконечники копий из погребений 12 и 2

угол при переходе к втулке (погребение 2, рис. 10, 6). Четвертый наконечник по форме близок предыдущему, но меньшей величины (погребение 29).

Ножички были найдены в 14 могилах (мужских и женских) и клались от одного до трех. Они довольно однотипны: небольшой величины, с прямой спинкой и черенком для рукоятки, более узким, чем лезвие, и оттого четко от него отделяющимся (рис. 10, 1). У одного ножичка конец слегка загнут вверх (погребение 25). Средние размеры их следующие: длина 10—11 см, ширина

1—1,5 см; один ножик из погребения 12 несколько больших размеров (длина 19 см). В первой могиле был встречен большой массивный нож, по форме и размерам приближающийся к кинжалам (рис. 11, 1). Вернее всего, он является охотничьим ножом.

Серп был найден вне погребения, в русле оврага. Он сравнительно небольших размеров, лезвие изогнуто и на одном конце имеет плоский в сечении стержень, служивший основанием деревянной рукоятки (рис. 11, 2). Стержень его является непосредственным продолжением лезвия и оканчивается петлей для закрепления рукоятки. Этот серп по форме очень близок ко второму типу меотских серпов Прикубанья (I—III вв. н. э.)²⁹ и является дальнейшим его развитием.

Украшения и принадлежности туалета. К ним относятся бусы, серьги, браслеты, гривна, фибулы, бронзовая цепочка и зеркала. Украшения, как правило, встречались в женских погребениях, за исключением браслетов, которые носили как женщины, так и мужчины (погребение 12). Кроме того, как выше было указано, украшения были найдены в нескольких мужских погребениях, куда они были брошены родственниками умерших.

Бусы найдены в 10 погребениях. По материалу их можно разделить на три группы: янтарные, каменные и стеклянные, а также пастовые. Янтарные бусы по количеству — на втором месте. Они дисковидной или неправильной формы, средней величины (рис. 11, 6, 7), встречены также отдельные более крупные бусы (рис. 11, 3); кроме того, найдены мелкие круглые и удлинённые. Янтарные бусы являются характерными для Пашковского 1 могильника и Борисовского³⁰, встречаются они также в памятниках Кавказа³¹ и Крыма (могильник Суук-су)³². Каменные бусы представлены мелкими круглыми сердоликовыми и хрустальными сред-

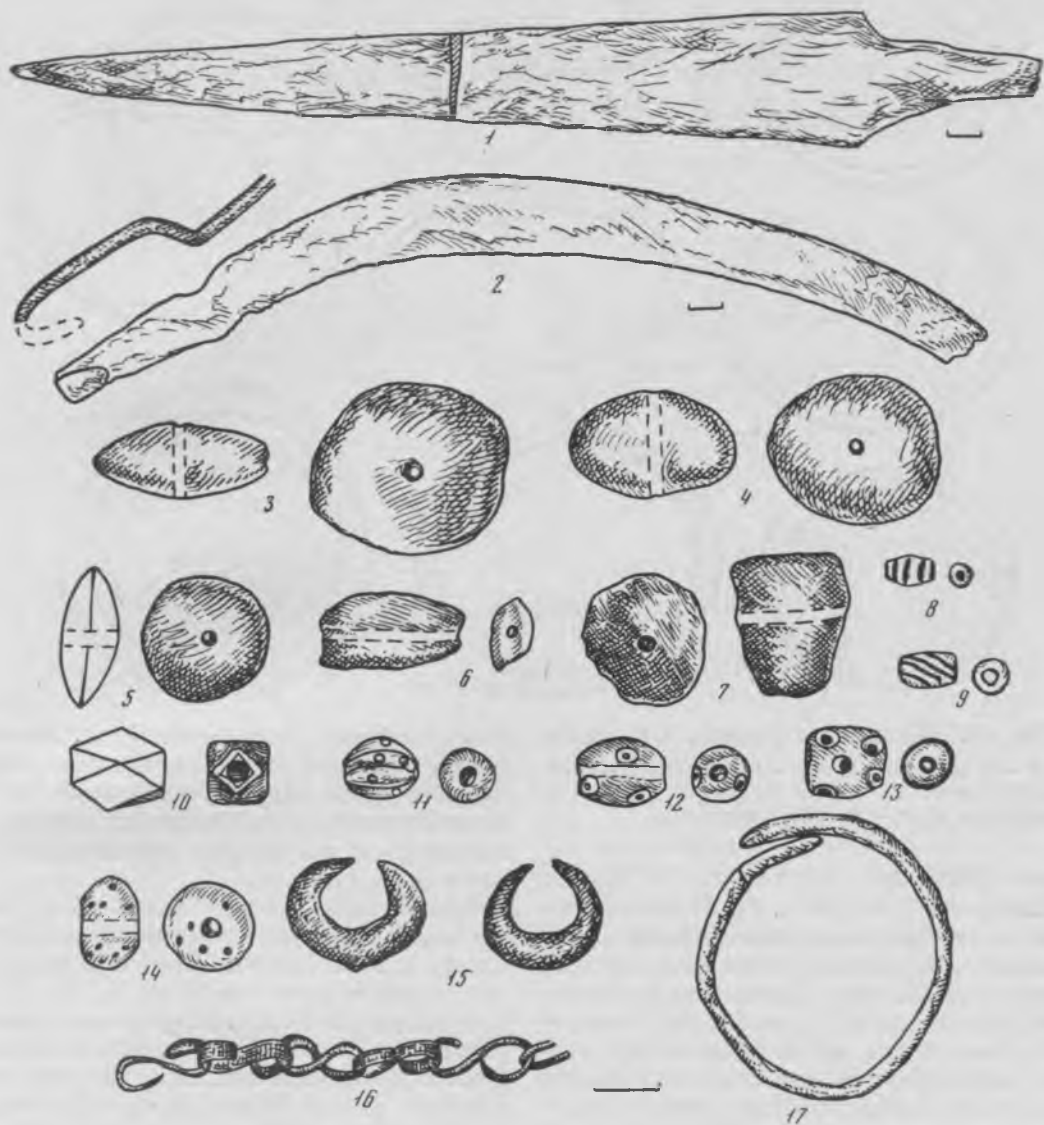
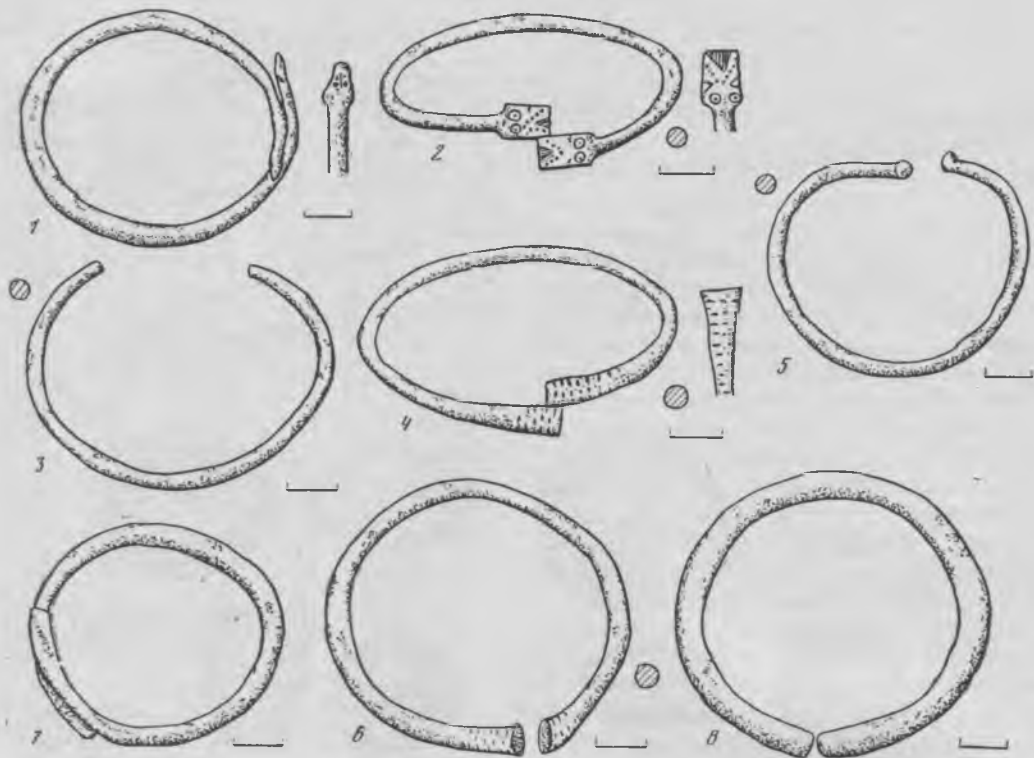

Рис. 11. Могильник Сопино. Погребальный инвентарь

1 — нож, 2 — серп, 3—14 — бусы, 15 — серьги, 16 — цепочка, 17 — височное кольцо; 1, 2, 17 — случайные находки, 3, 4, 7, 10—12, 15 — из погребения 13, 5, 6 — из погребения 3, 8 — из погребения 12, 9, 13, 16 — из погребения 11; 1, 2 — железо, 3, 6, 7 — янтарь, 4, 5 — горный хрусталь, 8—11, 14 — стекло, 12, 13 — паста красная и светло-зеленая, 15 — серебро, 16, 17 — бронза

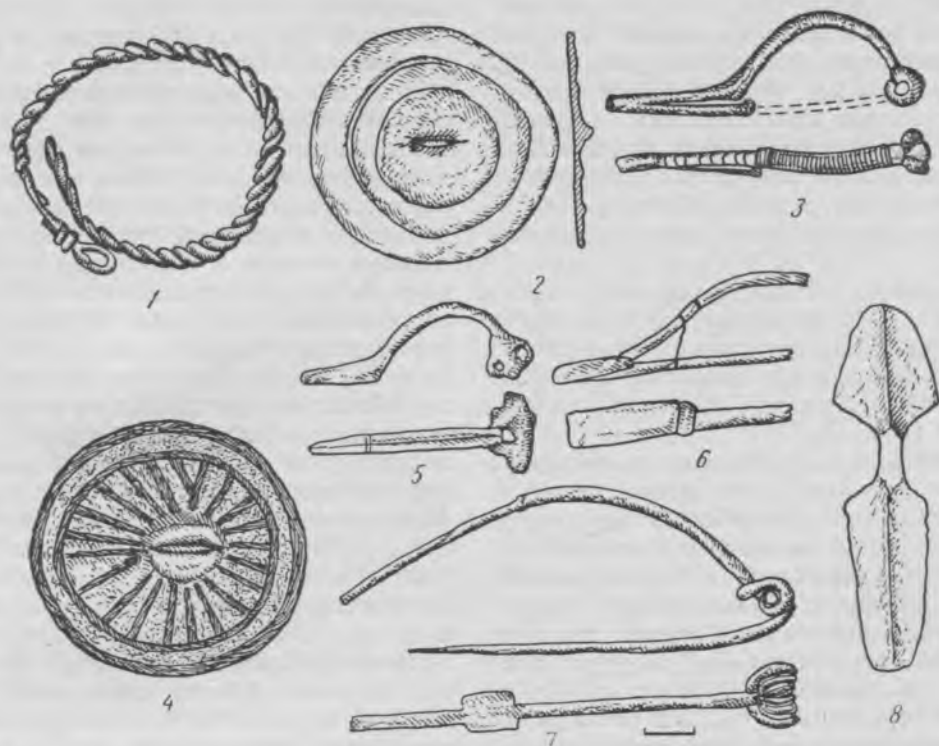
Рис. 12. Могильник Сопино. Браслеты
 1, 7 — из погребения 3, 2, 4 — из погребения 11, 3 —
 из погребения 15, 5 — из погребения 21, 6 — из
 погребения 13, 8 — случайная находка

ней величины. Они округлы и слегка уплощены (рис. 11, 4, 5). Большинство бус — стеклянные (сюда отнесены и пастовые). Это одноцветные бусы, глазчатые и полосатые. Одноцветные: граненая синего цвета (рис. 11, 10), мелкие круглые, в том числе темно-синяя; пастовые биконические красные; мелкие пастовые белые; найдены также глазчатые бусы, среди них — круглая, черного цвета, с красными глазками-крапинками (рис. 11, 14); зеленая, овальная, с легкой ребристостью и с красными глазками-крапинками (рис. 11, 11); пастовая, цилиндрическая светло-зеленого цвета с темно-синими глазками с белым ободком (рис. 11, 13); неболь-

шие пастовые, биконические, красного цвета, с синими глазками и с зеленым ободком (рис. 11, 12); полосатые: цилиндрическая, с поперечными синими полосами, и такая же с косыми поло-

сами (рис. 11, 8, 9). Кроме того, в погребениях 14 и 18 в области шеи был найден гешировый бисер, а в погребении 3 — стеклянный темно-коричневого цвета.

Аналогичные бусы встречены в Борисовском, Пашковском могильниках и других раннесредневековых памятниках Кавказа. Так, в Борисовском могильнике найдены одноцветные граненые стеклянные бусы, красная буса с синими глазками с зеленым ободком, черные стеклянные бусы с цветными глазками-крапинками и др.³³ В Пашковском могильнике — полосатые и белые пастовые (находки 1939 г.), граненая синяя (погребение 11, 1936 г.) и др.

Серьги небольшие, серебряные, в виде калачика с сильно утолщенной средней частью (рис. 11, 15). В раскопках 1960 г. были найдены две серьги в погребении 13, кроме того, одна серьга происходит из случайных находок 1956 г. Такие серьги являются характерными для V в. н. э.³⁴ В Борисовском могильнике встречены серьги только данного типа³⁵. Такие же серьги найдены в Пашковском 1³⁶ и в Агойском³⁷ могильниках.

Браслеты найдены в могилах 3, 7, 11, 12, 13, 14, 15, 21, 24, 29. Встречались они по одному или по два при скелете и только в могиле 3 — четыре. Всего в погребениях было найдено 18 браслетов, и 7 браслетов происходят из случайных находок. Все они бронзовые, проволочные и представлены двумя видами: 1) простые проволочные со стержневидными концами и с расплю-

Рис. 13. Могильник Сопино. Погребаль-
ный инвентарь

1 — браслет, 2, 4 — зеркала, 3, 5—8 — фибулы;
1, 4, 8 — случайные находки, 2, 3 — из погребения 11;
5 — из погребения 3, 6 — из погребения 2, 7 — из
погребения 29; 1—7 — бронза; 8 — серебро

щенными орнаментированными концами. Первый тип преобладает. Сделаны они из бронзовой толстой проволоки, круглой в сечении, с заходящими друг на друга концами (рис. 12, 7) или с несходящимися концами (рис. 12, 3); у одного браслета концы слегка закручены (рис. 12, 5), у другого — имеют слегка утолщение и циркулярные насечки (рис. 12, 6). Браслеты с расплющенными концами декорированы схематическими изображениями змеиных головок (рис. 12, 1) или мордочек (рис. 12, 2), у одного браслета концы покрыты пунктирными насечками (рис.

12, 4); кроме того, найден детский проволочный браслет, концы которого оканчиваются петельками (рис. 13, 1).

Браслеты как первого, так и второго вида находят многочисленными параллели в раннесредневековых могильниках Черноморского побережья (Агойском, Борисовском), Крыма (Суук-су, Херсонеса) и Пашковском первом могильнике.

Височные кольца бронзовые, проволочные, с заходящими друг на друга концами, у одного кольца один конец расплюснут и имеет точечный орнамент. Все они происходят из случайных находок (рис. 11, 17).

Гривна детская, бронзовая, проволочная, с петелькой на одном конце и крючком для застегивания на другом (рис. 9, 4). Аналогичные гривны были найдены в Пашковском первом могильнике. Фибулы, обнаруженные в погребениях, представлены тремя типами: поздним вариантом фибулы с подвижным приемником, фибулами с пластинчатым (трубчатым) приемником и двухпластинчатые фибулы с треугольными щитками. Фибула первого типа найдена в погребении 2. Она железная, ножка у нее широкая, расплюснутая, пружина не сохранилась (рис. 13, 6). Вариантом данного типа является большая бронзовая фибула из могилы 29, имеющая прямоугольное расширение (щиток) на дужке (рис. 13, 7). Фибулы с узкой пластинчатой дужкой и с трубчатым приемником встречены в трех погребениях (3, 11, 21). Все они бронзовые, с железными иглами; у одной фибулы дужка украшена поперечными полосами (рис. 13, 3). Из случайных находок происходят серебряная двухпластинчатая фибула с треугольными удлинненными щитками (рис. 13, 8) и фрагмент такой же бронзовой фибулы. Аналогичные предметы встречались в могильниках Черноморского побережья Кавказа³⁸ и в Пашковском 1 могильнике³⁹.

Зеркала найдены только в трех погребениях (3, 11, 29), причем в двух случаях они были брошены в могилы воинов, и пять зеркалец происходят из случайных находок. Все они однотипны и представлены обычным для средневекового времени типом маленького диска из белого сплава с гладко отшлифованной зеркальной стороной, с маленькой петелькой на обратной стороне и ободком по краю. Отличаются они по количеству выпуклых ободков, расположенных между краем и петелькой (рис. 13, 2). На одном из зеркалец из случайных находок 1956 г. от центрального ушка к краю радиально расходятся полосы (рис. 13, 4). Они довольно широко распространены на Северном Кавказе: известны из Агойского могильника, Борисовского, из катакомб Кобани и Чми, из могильника Кумбулты, Пашковского первого могильника⁴⁰ и др.

Цепочка бронзовая, состоящая из шести звеньев (сохранилась не полностью), служившая для подвешивания туалетных принадлежностей (погребение 11, рис. 11, 16). Отдельными звеньями такой же цепочки были соединены два браслета, брошенные в могилу воина (погребение 29).

Пряжки являются наиболее частой находкой в погребениях Сопинского могильника (всего 21 экз., одна происходит из случайных находок). Обнаружены в 15 погребениях, где встречались от одной до трех. Пряжки обычной для раннесредневековой эпохи формы — овальные, бантообразные, круглые и прямоугольные, сделаны они из бронзы, железа и серебра. Большинство пряжек железные, овальной формы, без щитка (рис. 9, 3, 5), некоторые с легким изгибом дужки (рис. 9, 1). Бронзовые пряжки встречены как бантообразные (погребения 5 и 29, рис. 9, 6), так и круглые. Последние небольшой величины, без щитков (рис. 9, 9, 12), кроме одной, имеющей небольшой щиток

(рис. 9, 7). Одна круглая пряжка серебряная, с небольшим ромбическим щитком (рис. 9, 8). Прямоугольных пряжек (со скошенными гранями) найдено две: одна — серебряная, с бронзовым язычком (погребение 1, рис. 9, 2), вторая — бронзовая, с двумя пластинчатыми шарнирами для крепления к ремню (погребение 13, рис. 9, 10). У многих пряжек у основания язычка имеется квадратное утолщение. Подобные пряжки в эпоху раннего средневековья широко были распространены на Северном Кавказе, в Крыму и в Северном Причерноморье, они встречаются в Агойском, Небугском, Борисовском могильниках, в могильнике Дюрсо, Пашковском I, а также в крымских могильниках (Суук-су, Херсонеса) и могильниках черняховской культуры.

Анализ инвентаря Сопинского могильника показывает почти полную тождественность его с инвентарем из раннесредневековых памятников Черноморского побережья Кавказа (Агойский, Небугский и Борисовский могильники) и Прикубанья (Пашковский первый, Елизаветинский второй и Бжегокайский могильники).

Привозные вещи, найденные в могильнике, — бусы, фибулы, зеркала, браслеты, серьги, стеклянные сосуды, амфоры происходят в большинстве своем из городских центров Северного Причерноморья (Боспора, Херсонеса), откуда они широко расходились среди соседних племен Крыма, Прикубанья и Кавказа. Часть вещей поступала из Византии. Предметы вооружения — мечи, кинжалы, наконечники копий были, вернее всего, местного производства, и типы их, как нами уже отмечалось, характерны для Северо-Западного Кавказа. Что касается сероглиняной керамики, найденной в могильнике Сопино, то она совершенно тождественна, как по типу своему, так и по характеру выработки, керамике Прикубанья — из Пашковского первого и Бжегокайского мо-

гильников и закубанских городищ Адыгеи (хут. Красный, верхние слои Гатлукайского I и Тахтамукайского I городищ и др.). Пашковский могильник датируется V—VI вв. н. э., причем К. Ф. Смирнов нижнюю хронологическую границу Пашковского могильника отодвигает в IV в., сужая, таким образом, общие хронологические рамки могильника концом IV—V вв. н. э. Достаточно веских доводов в пользу вышеуказанной датировки К. Ф. Смирнов в опубликованных работах не приводит. Общие черты в сероглиняной керамике, в частности мисок, отмечаемые автором для Пашковского I могильника, с поздней группой приднепровских полей погребений черняховского времени⁴¹, а также обычай ставить в могилу миску с сосудиком внутри ее не могут являться «свидетельством проникновения какой-то группы населения из восточных районов культуры полей погребений в Среднее Прикубанье», как пишет К. Ф. Смирнов⁴². Сероглиняные миски Пашковского могильника, имея общие черты с керамикой полей погребения, генетически с ними не связаны. Формы мисок находят ближайшие прототипы в позднемеотской керамике Прикубанья первых веков нашей эры, от которой они и происходят. То же самое надо сказать и относительно обычая помещать сосуд в миску, отмечаемого для Пашковского могильника. В данном случае находят отражение старые меото-сарматские традиции.

В позднемеотских могильниках Прикубанья этот обычай был довольно широко распространен (Краснодарский могильник на ул. Тельмана, Пашковский второй, Тахтамукайский⁴³, Елизаветинский второй и др.). Иногда специально изготовлялись двойные сосуды, представлявшие собой плоскую чашечку или вазочку на поддоне с горшочком внутри, вылепленные из одного куска глины (Краснодарский могильник на ул. Тельмана, курган 18 у ст. Тбилис-

ская) ⁴⁴. Проникновение в Пашковский могильник нового обряда трупосожжения, очевидно, не следует связывать с приднепровскими полями погребения ⁴⁵. В это же время обряд кремации появляется и в могильниках Черноморского побережья Кавказа (Сопинский и Борисовский могильники), и в последующие эпохи он здесь широко распространяется. Вопрос о появлении этого обряда на Северо-Западном Кавказе в эпоху раннего средневековья недостаточно еще ясен и требует специального исследования. Кроме того, необходимо учитывать, что вторая половина IV в. н. э. связана с гуннским нашествием, и трудно предполагать, чтобы на правобережье Кубани в это время существовала какая-то небольшая группа оседлого населения, оставившего Пашковский могильник.

Материалы Пашковского могильника находят ближайшие аналогии в Агойском, Борисовском могильниках и в Крыму (Суук-су). Время Агойского могильника определяется находками раннесредневековых амфор ⁴⁶, стеклянных сосудов, пряжек, украшений и предметов вооружения. Первую часть Борисовского могильника исследователь его, В. В. Саханев, датирует V—VII вв. н. э. ⁴⁷, добавляя при этом, что «правильнее всего будет датировать эту часть могильника VI в.» ⁴⁸. Нижний слой могильника Суук-су Н. П. Репников относит к V—VII вв. ⁴⁹ Большинство исследователей (А. А. Спицын, Л. А. Мацулевич, Б. А. Рыбаков, В. В. Крopotкин, А. Л. Якобсон и др.) придерживаются этой даты, иногда расширяя ее до VIII в., иногда сужая до VI—VII вв. ⁵⁰ В последней из вышедших работ о могильнике Суук-су автор ее, В. К. Пудовин, определяет время нижнего слоя могильника 550—650 гг. ⁵¹

Таким образом, на основании анализа инвентаря Сопинского могильника и сопоставления его с аналогичными вещами из вышеперечисленных могиль-

ников мы можем датировать его V—VI вв. н. э.

Для определения этнической принадлежности Сопинского могильника необходимо установить, кем было заселено Черноморское побережье Кавказа в интересующее нас время. У позднеантичных и раннесредневековых авторов можно найти наименования ряда племен, заселявших в разные периоды побережье Черного моря между Таманским полуостровом и Абхазией. Еще Страбон при описании кавказских земель от р. Танаиса до Колхиды писал, что «за Синдикой и Горгиппией идет вдоль моря побережье ахеев, зигов и генихов, по большей части не имеющей гаваней и гористое, так как оно составляет уже часть Кавказа». И далее, уточняя месторасположение отдельных племен, он отмечает, что «историки митридатových деяний, которым следует придавать более значения, первыми называют ахеев, за ними зихов, затем генихов, далее керкетов, мосхов, колхов. . .» ⁵². В перипле Понта Эвксинского Арриана на Черноморском побережье Кавказа также упоминаются зихи (зилхи), территория которых простирается до р. Ахеунт, отделяющей их от санигов ⁵³. Реку Ахеунт большинство современных авторов локализуют южнее г. Туапсе. Для интересующего нас времени сведения о племенах Черноморского побережья Кавказа мы находим у Прокопия Кесарийского («Война с готами»), согласно которому территория между Абхазией и тетракситами была заселена «зихами» ⁵⁴, и в анонимном перипле Понта Эвксинского V в. н. э. (псевдо-Арриана). Согласно Безыменному, «от Старой Ахеи до Старой Лазики и затем до реки Ахеунта прежде жили народы, носившие имена: генихи, кораксы, колики, меланхлены, махелоны, колхи и лазы, а ныне живут зихи. От Старой Ахеи до гавани Пагры (ныне называемой гаванью Гептала) 350 стадиев, $46\frac{2}{3}$ мили. От гавани Пагры до Старой Ахеи

прежде жили так называемые ахеицы, а ныне живут зихи»⁵⁵. Гавань Пагры правильнее всего, по-видимому, отождествлять с Геленджиком. Следовательно, в V—VI вв. н. э. пространство между Геленджиком и р. Псезуансе (или р. Шахе) было заселено зихами, а от Анапы до Геленджика жили эвдусиане⁵⁶. Таким образом, вышеописанные раннесредневековые могильники находились на территории, занятой зихами. Сопинский могильник, таким образом, расположенный приблизительно в центре вышеуказанной территории, мы вправе относить также к зихам. Все могильники данного участка принадлежат к одной культуре. Общность их сказывается не только в инвентаре, но и в общих чертах обряда погребения. Вместе с тем необходимо отметить и свои локальные особенности для каждого памятника. Территориально наиболее близкими к Сопинскому могильнику являются Небугский и Агойский могильники. Из первого происходят только случайные находки, обряд погребения в нем неизвестен. В Агойском могильнике имеются простые грунтовые могилы, как правило, неглубокие (0,45—0,80 м), с вытянутым на спине положением скелетов. Характер и расположение в могиле инвентаря (сосуды — в погах, оружие — у черепа и вдоль верхней части туловища, браслеты — на обеих руках и т. д.) совершенно аналогичен Сопинскому могильнику. Некоторые различия заключаются в том, что в Агойском могильнике не были встречены могилы, обложенные камнями, и каменные гробницы, а также нет ни одного случая кремации. Кроме того, господствующей ориентировкой здесь является юго-восточная и южная, тогда как в Сопинском могильнике — западная, иногда с отклонением к югу. В первой группе Борисовского могильника, который был расположен на западной границе расселения зихских племен, ориентировка неустойчи-

ва и различна. Большинство погребений представляют собой каменные гробницы, но встречаются простые грунтовые ямы, одна могила была с каменными плитами на узких концах⁵⁷. Важно отметить, что при господствующем обряде труположения были отмечены единичные случаи трупосожжения⁵⁸. По обряду погребения наиболее близким Сопинскому могильнику является Пашковский первый могильник. В последнем господствующей ориентировкой является западная, могилы грунтовые, с труположением, причем встречен один случай кремации⁵⁹. Общность обоих памятников сказывается и в типах местной сероглиняной керамики. Все это указывает на некоторую этническую близость обоих могильников.

В середине I тысячелетия н. э. зихи образовали союз племен, объединивший более мелкие племена Черноморского побережья, на которые с течением времени и перешло наименование зихов⁶⁰. Этим и объясняются некоторые различия в обряде погребения, наблюдаемые в Черноморских могильниках. Так, Борисовский могильник, будучи расположен на западной границе расселения зихов, дал наименее устойчивую ориентацию, что может являться свидетельством смешанного здесь населения.

Зихский племенной союз мог объединять, как нам представляется, не только племена Черноморского побережья в очерченных выше границах, но и часть племен северного склона Кавказского хребта. Этническая близость этих племен сказывается как в обряде погребения грунтовых могильников, что выше было отмечено, так и в общности материальной культуры могильников и городищ Закубанья.

В педрах зихского племенного союза, объединявших ряд мелких племен Северо-Западного Кавказа, как совершенно правильно считает Л. И. Лавров, на-

чинается процесс консолидации этих племен в адыгейскую народность⁶¹.

В более позднее время, в XIII—

XV вв., термин «зихи» встречается у итальянских писателей уже применительно ко всем адыгам.

- 1 ИАК. СПб., 1909, вып. 33; ИАК. Пг., 1914, вып. 56.
- 2 *Спицын А. А.* Могильники VI—VII вв. в Черноморской области. — ИАК. СПб., 1907, вып. 25, с. 188—192.
- 3 *Миллер А. А.* Разведки на Черноморском побережье Кавказа. — ИАК. СПб., 1909, вып. 33, с. 97—101.
- 4 Там же, с. 98.
- 5 С северной стороны стена частично сохранилась и кладка выходит на поверхность.
- 6 Раскопки проводились экспедицией Туапсинского музея под руководством автора. В экспедиции принимали участие А. Л. Медведев, М. Л. Стрельченко, Т. Н. Анфимова.
- 7 *Якобсон А. Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья. — СА, 1951, XV, с. 328, рис. 2, 6, 8.
- 8 *Гайдукевич В. Ф.* Памятники раннего средневековья в Тиритаке. — СА, 1940, VI, с. 197—199, рис. 9, 10.
- 9 Там же, с. 200, рис. 12.
- 10 В 1958 г. в экспедиции принимали участие Н. В. Анфимов (начальник экспедиции), сотрудники Туапсинского музея А. Л. Зеленин, Л. М. Киселева, А. Ф. Гулич и студенты КПИ А. П. Лях, Р. С. Христюк, М. А. Аленина; в 1960 г. — Н. В. Анфимов, В. М. Гагашьян, М. Л. Стрельченко, П. И. Гончаренко, А. П. Лях, Р. С. Христюк, В. Черновол, А. Степко, З. Шевченко, В. Трофимова.
- 11 *Миллер А. А.* Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. — ИАК. СПб., 1909, 33, с. 89, рис. 19, 1, 6; *Саханев В. В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. — ИАК. Пг., 1914, 56, с. 138, рис. 25.
- 12 *Покровский М. В.* Пашковский могильник № 1. — СА, 1936, I, с. 167, рис. 8; *Смирнов К. Ф.* О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. — КСИИМК. 1951, XXXVII, с. 154, рис. 2, 1.
- 13 *Саханев В. В.* Раскопки..., с. 138, рис. 25.
- 14 *Миллер А. А.* Разведки..., с. 89, рис. 19, 7.
- 15 *Анфимов Н. В.* Археологические памятники нижнего течения рек Марта, Пчаса и Псекупса. — СМАА. Майкоп, 1972, т. III, с. 79 и сл., рис. 7, 20.
- 16 *Покровский М. В.* Пашковский могильник...; *Анфимов Н. В.* Пашковский могильник. — В кн.: Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг. М.; Л., 1941, с. 219, табл. XXXVI, 21.
- 17 *Якобсон А. А.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья — СА, 1951, XV, с. 328, рис. 2, 5.
- 18 Н. П. Сорокина датирует его V в. н. э. Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 152, рис. 9.
- 19 *Минаева Т. М.* Поселение в устье р. Урзун-Кол. — СА, 1960, № 2, с. 196—199, рис. 5.
- 20 *Миллер А. А.* Разведки..., с. 89, рис. 19, 2.
- 21 Там же, с. 90.
- 22 *Саханев В. В.* Раскопки..., с. 126, рис. 17.
- 23 *Саханев В. В.* Раскопки..., с. 125, 126, рис. 16.
- 24 ОАК за 1897 г., с. 83.
- 25 *Миллер А. А.* Разведки..., с. 94.
- 26 В могильнике Дюрсо (раскопки А. В. Дмитриева, 1976 г.) найдено 26 кияжалов с двумя выступами (доклад А. В. Дмитриева на VIII Крупновских чтениях в г. Черкасске, 16 апреля 1977 г.).
- 27 *Покровский М. В.* Пашковский могильник..., с. 163, рис. 2.
- 28 Хранится в Гос. Эрмитаже (К-1902, 1/3). *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 24, табл. XII, 6.
- 29 *Анфимов Н. В.* Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. — МИА, 1951, № 23, с. 149, 150.
- 30 *Саханев В. В.* Раскопки..., с. 134, 135.
- 31 *Деоник В. Б.* Классификация бус Северного Кавказа. — СА, 1959, № 3, с. 49.
- 32 *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов. — ЗООИД. Одесса, 1907, т. XXVII, с. 45—48, 133—135.
- 33 *Саханев В. В.* Раскопки..., с. 135, 136, рис. 4, 5, 9.
- 34 *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. — СА, 1971, № 2, с. 103.
- 35 *Саханев В. В.* Раскопки..., с. 131, 132, рис. 22, 9, 11.
- 36 *Смирнов К. Ф.* О некоторых итогах..., с. 158, рис. 51, 4.
- 37 *Миллер Н. А.* Разведки..., с. 91, рис. 22, 16.
- 38 *Саханев В. В.* Раскопки..., с. 131, 132, рис. 22.
- 39 *Смирнов К. Ф.* О некоторых итогах..., с. 157—168, рис. 506, 8, 13; *Покровский М. В.* Пашковский могильник..., с. 163, рис. 4; *Анфимов Н. В.* Земледелие..., с. 219, рис. 13.
- 40 *Миллер А. А.* Разведки..., с. 91, рис. 22, 8; *Саханев В. В.* Раскопки..., с. 133, табл. II, 5; *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа. — МАК. М., 1900,

- вып. VIII, с. 91, 224, табл. 1—3; *Смирнов К. Ф.* О некоторых итогах..., с. 157, рис. 506, 10; *Покровский М. В.* Папиковский могильник..., с. 163, рис. 4.
- ⁴¹ *Смирнов К. Ф.* Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. — КСИИМК, 1950, XXXII, с. 125.
- ⁴² *Смирнов К. Ф.* О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. — КСИИМК, 1951, XXXVI, с. 159.
- ⁴³ *Анфимов Н. В.* Тахтамукаевский могильник. — Материалы по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Т. II.
- ⁴⁴ ОАК за 1902 г., с. 72, рис. 150.
- ⁴⁵ *Смирнов К. Ф.* О некоторых итогах..., с. 159.
- ⁴⁶ *Якобсон А. Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья, с. 330, рис. 2, б.
- ⁴⁷ *Саханев В. В.* Раскопки..., с. 159.
- ⁴⁸ Там же, с. 160.
- ⁴⁹ *Репников Н. П.* Раскопки в окрестностях Гурзуфа в 1905 г. — Известия Таврической

- ученой архивной комиссии, Симферополь, 1907, вып. 39, с. 108—110.
- ⁵⁰ *Пудовин В. К.* Датировка нижнего слоя могильника Суук-су. — СА, 1961, № 1, с. 180, 181.
- ⁵¹ Там же, с. 177.
- ⁵² *Страбон*, XI, 2, 14. — ВДИ, 1947, № 4, с. 213, 214.
- ⁵³ *Арриан*, 27. — ВДИ, 1948, № 1, с. 271.
- ⁵⁴ *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. М., 1950. с. 383.
- ⁵⁵ *Псевдо-Арриан*, 59—60. — ВДИ, 1948 г. № 4, с. 232.
- ⁵⁶ *Саханев В. В.* Раскопки..., с. 169.
- ⁵⁷ Там же, с. 125.
- ⁵⁸ Там же, с. 123.
- ⁵⁹ *Смирнов К. Ф.* О некоторых итогах..., с. 159.
- ⁶⁰ *Лавров Л. И.* Адыги в раннем средневековье. — В кн.: Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1955, вып. 4, с. 37.
- ⁶¹ Там же, с. 39.

Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии

Р. Ж. Бетров

Археологическая экспедиция Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики завершила свои работы в зоне строительства Чегемской осушительной системы. Одним из важных объектов ее исследований явились окрестности сел. Кишпек в Бакасанском районе КБАССР. Исследования четырех полевых сезонов показали, что окрестности этого селения богаты оригинальными памятниками разных эпох¹.

В 1974—1975 гг. второй отряд указанной экспедиции (под руководством автора этих строк) был занят раскопками курганной группы, располагавшейся в 1,5 км к югу от селения и насчитывавшей 14 насыпей (III курганная группа). Осенью 1974 г. в этой группе было исследовано шесть курганов,

давших богатые комплексы эпохи ранней бронзы (майкопская культура). Остальные восемь курганов были доисследованы в 1975 г.

Большинство из них оказались начисто ограбленными и разрушенными еще в древности, а некоторые представляли собой кенотафы (курганы 7, 9, 10). Ниже дается краткое описание и датировка комплекса из кургана 13, к счастью уцелевшего от грабителей. По внешним признакам этот курган ничем не отличался от других. Поверхность его из-за длительных распахиваний имела сильно оплывшую форму. Диаметр его достигал 41 м при высоте 1,3 м. После снятия насыпи в юго-западной части кургана, на уровне древнего горизонта, выявились остатки

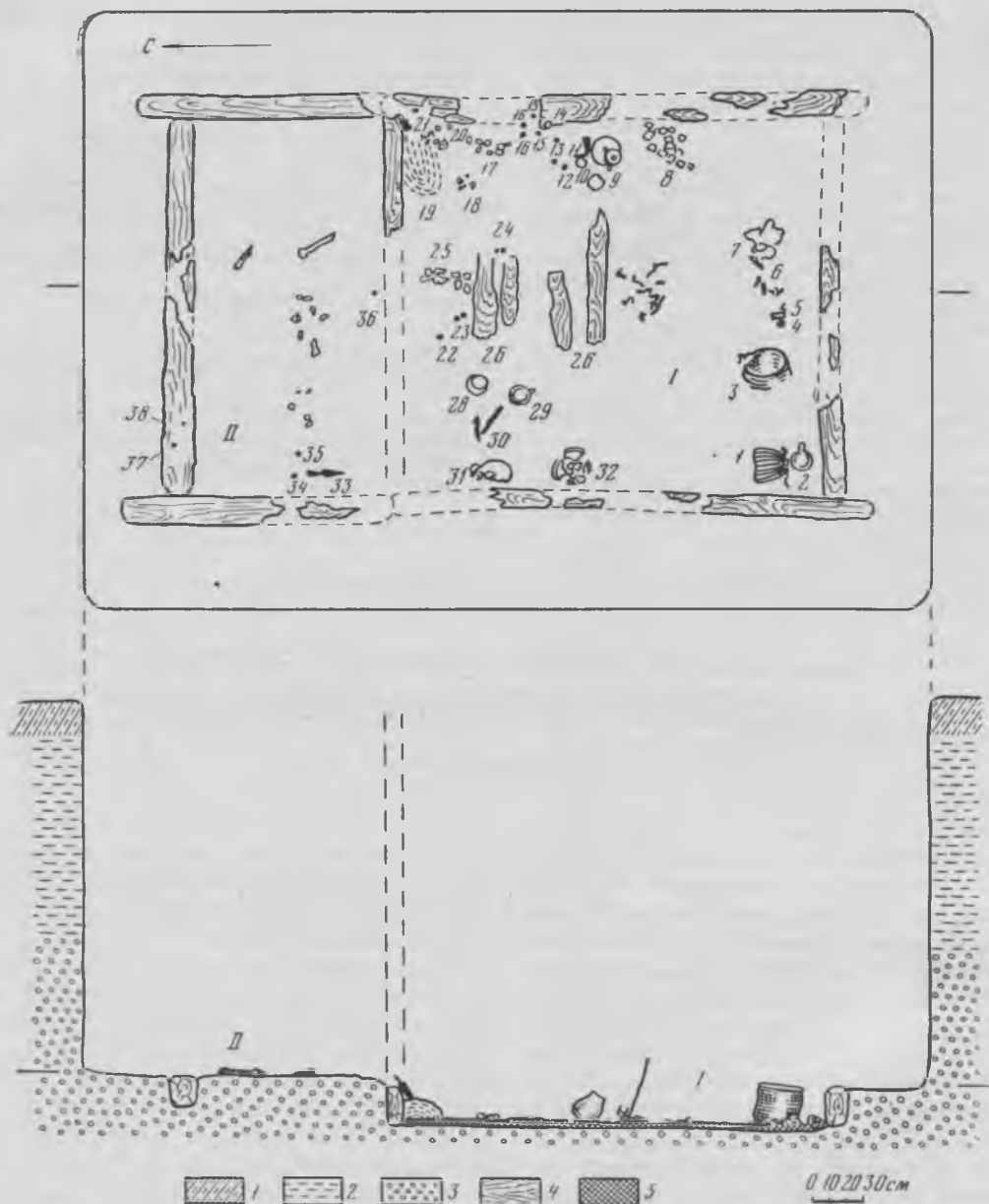
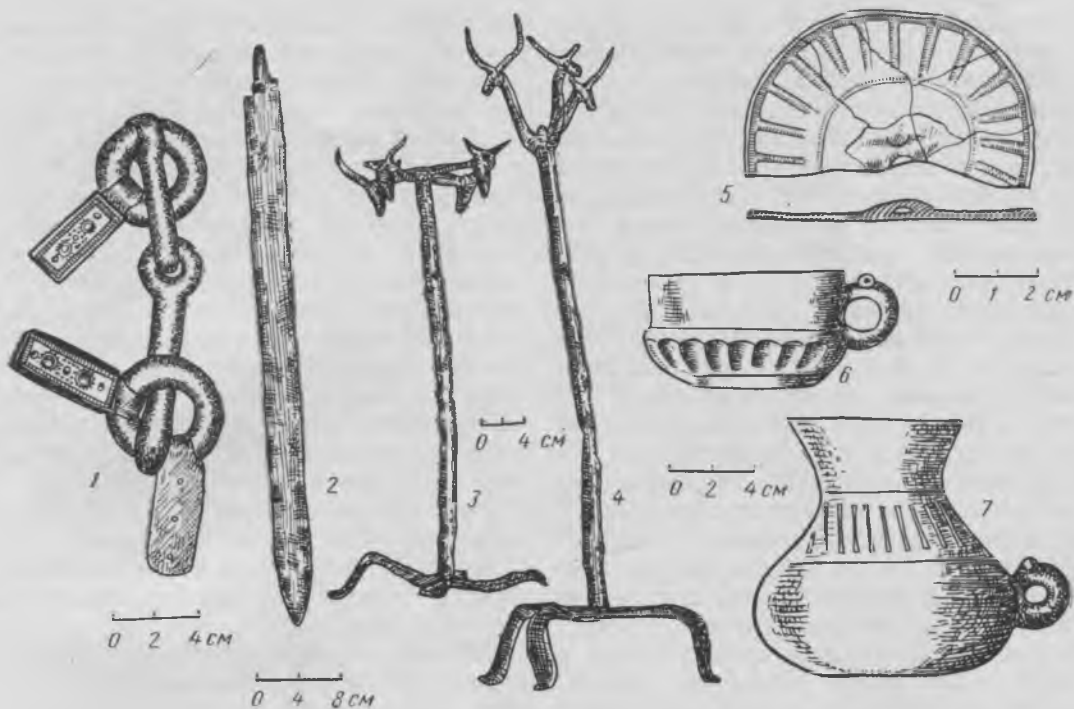

Рис. 1. Сел. Кишпек. План и разрез погребения гуннского времени

I, II — части погребальной камеры; 1 — шлем, 2 — кружка, 3 — котел, 4, 5 — обломки колец, 6 — обломки серпа, 7 — остатки котелка, 8, 9 — сосуды, 10, 20 — фалары, 11 — удила, 12 — наконечник ремня, 13, 14, 15 — предметы в виде сплюснутого шара, 16, 22, 24, 37 — пряжки, 17 — бляхи и наконечники ремней, частично покрытые остатками седла, 18 — вырезки из фольги и прямоугольные бляшки, 19 — остатки кольчуги, 21 — меч, 23 — розетки, 25 — кости, 26 — остатки дерева, 27 — обломки канделябров, 28 — черпак, 29 — кружка, 30 — стрижни, 31 — кувшин, 32 — миска, 33 — наконечник копыта, 34 — штампованное изображение лица человека, 35 — стрелка, 36 — ключ, 38 — кольцевидная подвеска; рис. внизу: 1 — погребенная почва, 2 — глина, 3 — гравий—материк, 4 — дерево, 5 — глиняная обмазка

восьми деревянных бревен. Ими была перекрыта прямоугольная погребальная яма значительных размеров ($4,8 \times 3,55$ м), ориентированная с юга на север. Глубина ямы 2,5 м. При этом деревянное перекрытие в северной половине ямы совершенно отсутствовало. Погребенный и сопровождавший его инвентарь покоились на дне ямы, на специально приготовленной площадке (рис. 1). По размерам она была меньше, чем яма в целом. Эта площадка длиной 3,6 м и шириной 2,25 м со всех сторон была обложена обтесанными деревянными бревнами (рис. 1). Расстояние от них до стен ямы составляло 0,5 м (рис. 1). Покойник находился в северной оконечности ямы на специально оставленном для этого материковом гравийном возвышении (рис. 1, II) высотой до 0,3 м при длине 2,2 м и ширине 1,1 м. Эта площадка отделена в южной части специальным попереч-

Рис. 2. Сел. Кишипек. Захоронение гуннского времени. Вещи из камеры 1

1 — удила, 2 — меч, 3, 4 — канделябры, 5 — зеркало, 6 — кружка, 7 — кувшин; 1 — железо, бронза, золото и синее стекло, 2, 3, 4 — железо; 5 — бронза, 6, 7 — глина

ным бревном (рис. 1). Таким образом, погребальная яма состояла как бы из двух неравных по величине камер. В южной, большей, камере (впредь будем именовать ее камерой I), по размерам превышавшей северную ($2,2 \times 2,35$ м), размещался обильный погребальный инвентарь. Пол ее в отличие от северной камеры II был обмазан слоем глины толщиной около 5 см.

Ниже дано описание могильного инвентаря, найденного в камере I (его расположение указано на рис. 1). В юго-западном ее углу находились остатки железного шлема, вместе с которыми лежали бронзовая цепочка и

накладка из золотой фольги прямоугольной формы. Рядом стояла чернолощенная, прекрасной выделки глиняная кружка со стилизованной зооморфной ручкой, украшенная по бокам орнаментом из вдавленных параллельных и вертикальных полос, нанесенных лощилом (рис. 2, 6). Вдоль южной стены камеры лежали изготовленные из листовой бронзы котел и небольшой фрагментированный котелок. Корпус котла, имеющий форму цилиндра, был обтянут кожей. Возле него найдены пять обломков от железных колец, одно бронзовое кольцо и два фрагмента от ручки. Последние представляют собой изогнутые железные стержни, прямоугольные в поперечном сечении и заканчивающиеся крючком.

Около восточной стенки камеры найдены два кувшина (целый и в обломках). Целый кувшин (красного обжига) имеет яйцевидное тулово, шейка у него узкая, горло раструбом. Второй кувшин, с черной лощеной поверхностью и горлом-раструбом, имеет стилизованную зооморфную ручку. Вместе с кувшинами лежали три бронзовых фалара в виде выпуклых дисков. Тут же находились железные удила, заканчивающиеся петлей с продетыми в них кольчатыми бронзовыми псалнями, которые соединялись с уздечными ремнями при помощи зажимов (они представляют собой сложенные вдвое серебряные пластины).

Рядом с вышеописанными предметами, но ближе к северо-восточному углу камеры I найдены две железные пряжки и восемь предметов в виде сплюснутого шара с отверстиями посередине. Изготовлены они из дерева, снаружи покрыты серебряными листами. Здесь же обнаружен золотой наконечник ремня прямоугольной формы. Сделан из сложной вдвое и спаянной сзади пластины (рис. 3, 11). На его лицевой стороне три припаянных золотых овальных гнезда с вставками из

сердолика. Гнезда окружены ободками из золотой зерни. Края наконечника украшены филигранным орнаментом — «плетенкой», образованной двумя поясками — «веревочками».

В северо-восточном углу камеры находились остальные многочисленные принадлежности конской сбруи, частично покрытые совершенно разложившимися остатками железной кольчуги и деревянного седла, которое было настолько плохой сохранности, что определить его приблизительную форму не удалось. Вместе с ним лежали 14 блях из бронзы и серебра и четыре ременных наконечника из бронзы, но покрытые листовым золотом.

Под остатками железной кольчуги оказались следующие предметы.

Фалары, изготовленные из листовой бронзы и имеющие форму выпуклого диска (7 штук).

Железные удила, которые соединялись с уздечными ремнями при помощи зажимов, представляющих сложенные вдвое бронзовые пластины, лицевая сторона которых покрыта золотым листом с заранее вытесненным орнаментом и круглыми вставками из синего стекла (рис. 2, 1).

Бронзовые привески к уздечным ремням в виде полумесяца (8 штук; рис. 3, 5).

Здесь же найдено 20 пряжек (19 из бронзы и одна серебряная). Все пряжки овально-рамчатые и сделаны из круглого и многогранного в сечении прута. Язычки подвижные, многогранные, обычно с одним прогибом и опущенным вниз кончиком. Эти пряжки различаются в основном наличием или отсутствием щитка или его формой (прямоугольной или овальной). Размеры пряжек различные.

Недалеко от вышеописанных предметов, ближе к центру камеры, найдены следующие золотые вещи: три бляшки прямоугольной формы, инкрустированные вставками из синего стек-

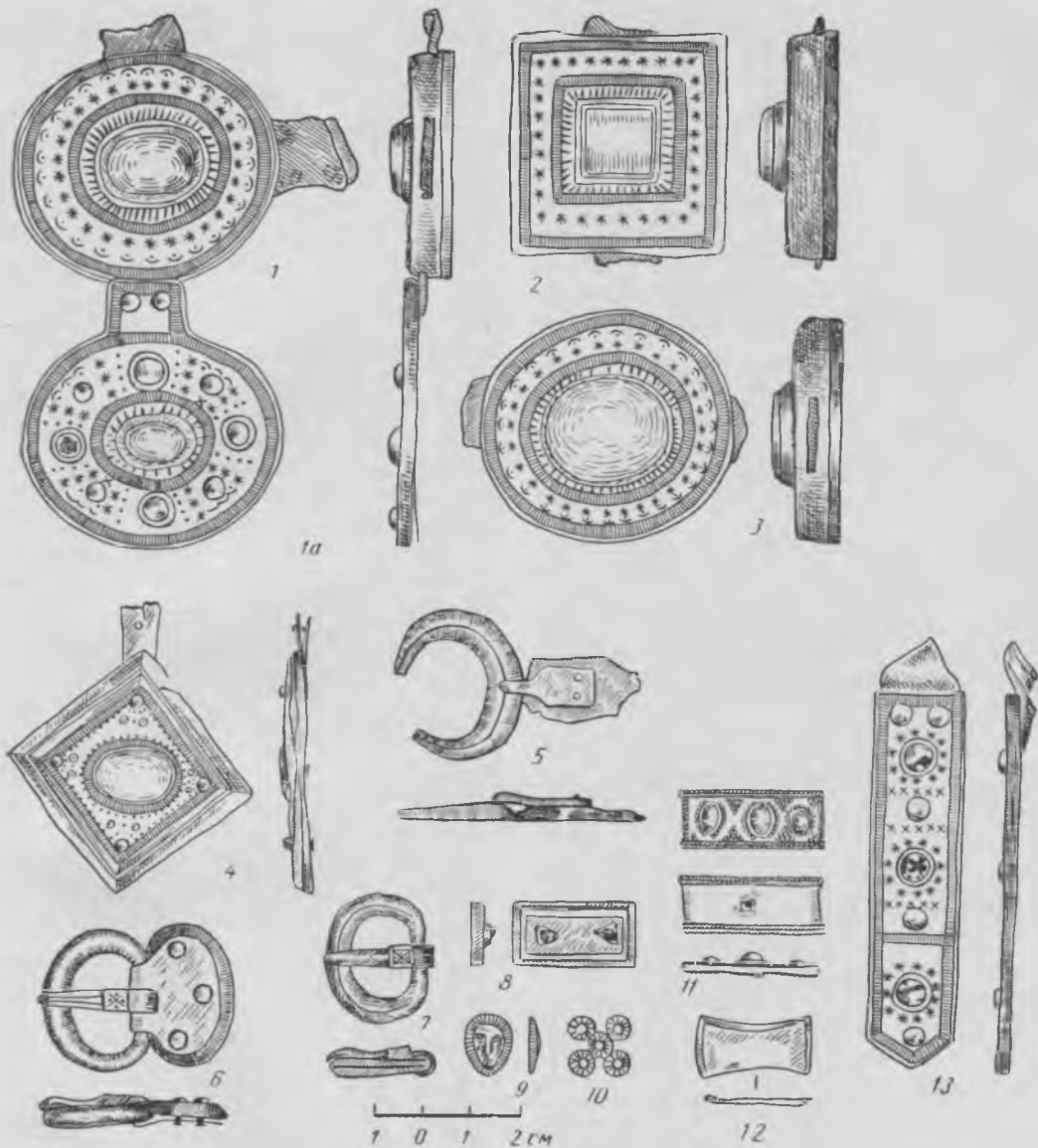

Рис. 3. Сел. Кишпек. Захоронение гуннского времени. Полихромные изделия и другие предметы

1, 1а, 2, 3, 4 — бляхи, 5 — подвеска к уздечным ремням, 6—7 — пряжки; 8 — бляшка, 9 — штампованное изображение лица человека, 10 — розетка, 11 — наконечник ремня, 12 — накладка из фольги; 13 — наконечник ремня; 1, 1а, 2, 3 — бронза, золото, сердолик и синее стекло, 4 — серебро, золото, сердолик, 5 — бронза, 6, 9, 10, 12 — золото, 7 — серебро, 8 — золото и синее стекло, 11 — золото и сердолик, 13 — бронза, золото и синее стекло

ла в напаянных гнездах (рис. 3, 8); вырезки из фольги разных форм, которые, по-видимому, использовались как обкладки деревянных предметов; три вырезки круглой формы; четыре вырезки прямоугольной формы с загнутыми краями (рис. 3, 12).

В этом же северо-восточном углу камеры, рядом с остатками кольчуги, наклонно стоял железный двулезвийный меч с плоским обоюдоострым клинком и двумя боковыми вырезами у основания (рис. 2, 2).

Возле северной стены камеры I найдены две одинаковые четырехлепестковые розетки из золота (рис. 3, 10), а также три золотые пряжки — две миниатюрные и одна более массивная (рис. 3, 7).

Около западной стены камеры, у северо-западного угла, обнаружены глиняная миска с красной лощеной поверхностью и круглым поддоном, а также кувшин с черной лощеной поверхностью и стилизованной зооморфной ручкой (рис. 2, 7).

Недалеко от этих сосудов находились остатки деревянной чашечки, железный черпак и глиняная кружка. Чашка сохранилась очень плохо. Края ее в 12 местах обхвачены золотыми, серебряными и бронзовыми обоями. Внутри глиняной кружки лежали обломок фибулы и половина преднамеренно разломанного бронзового зеркала (рис. 2, 5). Оно снабжено центральной петлей и литым выпуклым узором — стилизованным изображением солнечного диска (рис. 2, 5).

Упомянутая бронзовая фибула имеет завиток на конце. Часть ее стержня пластинчатая, другая — перевита и обмотана золотой проволокой.

Почти в середине камеры найдены два железных светильника — канделябра, которые оказались преднамеренно разломанными на 20 частей. Они состоят из квадратных в поперечном сечении стержней, вертикально уста-

новленных на трех плавно изогнутых ножках. Верхние части канделябров оканчиваются грубо выкованными головками туров (рис. 2, 3, 4).

Как уже отмечалось, захороненный находился в северной части ямы в специально отгороженной камере II. Проследить положение погребенного не удалось из-за плохой сохранности скелета (остались лишь несколько позвонков, ключица и два обломка костей ног; рис. 1, II). Около западной оконечности этой камеры, у юго-западного угла, лежал железный втульчатый наконечник копья с плоским листовидным пером, посередине которого проходит выпуклая грань. Здесь же найдены штампованное из золотой пластинки изображение лица человека (рис. 3, 9) и золотая стрелка. Около северной стенки камеры, среди остатков дерева, найдена массивная золотая пряжка овальной формы (рис. 3, 6). Язычок у нее многогранный, подвижной, с прогибом и опущенным вниз кончиком. У основания язычка — плоская площадка, на которой видны две перекрещивающиеся нарезные линии с четырьмя вдавленными точками между ними (рис. 3, 6).

Таково общее описание исследованного нами погребения. Хотелось бы остановиться более подробно на некоторых предметах из камеры I.

Это бронзовые и серебряные бляхи, наконечники ремней и шлем. Последний состоял из 27 плотно подогнанных друг к другу подтреугольных пластин (длина их в среднем 17—17,5 см), покрытых тонкими серебряными листами, края которых загибались внутрь. Верхушку шлема с наружной стороны обхватывали три напаянные пластинчатые кольца, а в нижней части пластины изнутри скреплены плоским железным ободком посредством бронзовых заклепок (к сожалению, ободок проржавел и пластины шлема рассыпались). Шлем украшен сердоликовыми

вставками в специальных золотых гнездах. На двух пластинах имеется по одной вставке овальной формы, а к третьей припаяны два гнезда прямоугольной формы. Края золотых гнезд в свою очередь украшены филигранным орнаментом — «плетенкой», состоящим из трех параллельно расположенных поясков, свитых из трех тонких золотых проволочек.

Бляхи изготовлены из разного материала: из серебра — 3 экз. (круглая и две квадратные), из бронзы — 11 экз. (из них 4 круглой, 5 овальной и 2 квадратной формы). Четыре круглые и четыре овальные бляхи были соединены попарно (рис. 3, 1, 1а). Однако они различны не только по форме, но и по технике изготовления, образуя два типа. Круглые бляшки (отнесем их к первому типу) двухслойные (рис. 3, 1, а): на тонкую бронзовую основу накладывался золотой лист с заранее выдавленным рельефным узором. Пространство между ними заполнено тонким слоем какой-то зеленоватой массы. Крепление произведено с помощью шести бронзовых заклепок с насаженными на них шляпками из такого-же листового золота. Затем все это дополнительно скреплялось плоским бронзовым обручем, обхватывающим бляшку по краям (рис. 3, 1а). На лицевой стороне бляшек можно видеть по пять вырезанных на золотом листе гнезд с круглыми вставками из синего стекла и сердолика (вставка с этим камнем располагалась в центре; рис. 3, 1а).

Ко второму типу можно отнести овальные бляшки, спаренные с вышеописанными, и еще три бляхи (две квадратные и одну овальную), изготовленные отдельно, но в точно такой же технике (рис. 3, 1, 2, 3). Они составлены из двух бронзовых пластинок, между которыми имеется пространство. Пластина верхней части имеет отогнутые края в виде блюдца. На нее наложен золотой лист с заранее вытесан-

ным рельефным орнаментом, в середине которого сделан вырез овальной или квадратной формы и также с сердоликовой вставкой (рис. 3, 1, 2, 3). По краям бляшки этого типа обхвачены миниатюрным обручем из листового золота. Снизу каждую бляшку обхватывает бронзовая пластина с загнутыми вверх краями, составляя их основание. В образовавшееся между верхней и нижней пластинами пустое пространство через специальные боковые вырезы прямоугольной формы просовывались кожаные ремни (рис. 3, 1, 2, 3).

И наконец, в третий, самостоятельный тип можно выделить три бляхи, сделанные из серебра (рис. 3, 4). На тонкую серебряную основу — пластину накладывалась квадратная или круглая (в зависимости от формы бляшки) рамка, сделанная из согнутого под прямым углом серебряного листка. Внутрь этой рамки вставлялось отдельно приготовленное серебряное гнездо овальной формы с сердоликовой вставкой. Затем на бляшку накладывался золотой лист с заранее выбитым орнаментом и овальным вырезом посередине для упомянутой вставки. При этом пространство между золотым листом и серебряной основой заполнялось какой-то белой массой. Детали бляшек скреплялись с четырьмя серебряными заклепками с шаровидными головками (рис. 3, 4).

Мы уже говорили, что вместе с бляхами найдены четыре наконечника ремней прямоугольной формы с закругленными концами (рис. 3, 13). Они изготовлены в описанной технике, как и первый тип круглых бляшек, описанных нами. Они также покрыты золотым листом с заранее вытесненным орнаментом и украшены круглыми вставками из синего стекла (рис. 3, 13). Очевидно, этими наконечниками могли завершаться дополнительные ремешки конской сбруи.

Как видно из сделанного описания, погребальное сооружение в исследован-

ном кургане имело несколько необычную и оригинальную конструкцию: во-первых, гробница состояла из двух неодинаковых по своей глубине и размерам камер и была только частично перекрыта деревом; во-вторых, пол в южной, более обширной, камере был обмазан слоем глины, в то время как в северной камере обмазка отсутствовала и захороненный покоился на материковой гальке; в-третьих, размеры могильной ямы значительно превышали величину камер.

Выяснить этническую принадлежность данного погребального комплекса не представляется пока возможным. Что же касается определения времени сооружения памятника, то здесь решающее значение приобретает вещевой материал. Он включает в себя предметы явно сарматского типа и со следами гуннского влияния. С сарматской культурой беспорно связаны бронзовое зеркало и железный меч с боковыми прорезями. Бронзовое зеркало, а также железные светильники были преднамеренно разломаны на мелкие части. Такой обычай был широко распространен среди сарматских племен. Наиболее ранние экземпляры с центральной петлей на обратной стороне диска датируются II—III вв. н. э. В IV—V вв. они становятся господствующей формой зеркала в Восточной Европе и встречаются на обширной территории, включающей и Северный Кавказ. Найдены они, например, в погребениях Нижне-Джуглатского могильника (Кабардино-Балкария) ²⁻⁴. В дальнейшем, почти до конца I тысячелетия н. э. (VI—IX вв.), такие зеркала встречаются в северокавказских памятниках в значительном количестве.

Находит аналогии среди сарматских памятников и железный меч из кургана 13, хотя подобные мечи встречаются нечасто среди памятников Северного Кавказа и происходят в основном из северо-восточных его районов ⁵⁻⁶. Н. И.

Сокольский мечи подобного типа относят к II—III вв. н. э.⁷, а другие определяют появление их сарматским временем, а верхней датой считают VI в.

Решающее значение в вопросах датировки рассматриваемого комплекса могут иметь описанные разнотипные бляхи, наконечники ремней, накладные или нашивные пластинки, часть из которых выполнена в технике известного полихромного стиля. Эти предметы служили в основном украшением конской сбруи.

Предметы полихромного стиля появляются на Юге нашей страны в эллинистическое время и получают наибольшее распространение в IV—V вв., во время так называемого «великого переселения народов» ⁸⁻⁹. Нашествие гуннов на Запад в конце IV в. имело следствием не только массовые передвижения племен Восточной Европы, но и сложение в первой половине V в. новых элементов культуры, выразившееся в появлении многообразия погребального обряда и возникновении новых черт в материальной культуре ¹⁰. Различия, отмеченные в погребальном ритуале, свидетельствуют прежде всего о пестром этническом составе гуннского союза: сюда входили и тюркские, и германские, и иранские племена ¹¹.

Новое в материальной культуре проявляется прежде всего в ювелирном искусстве. В частности, формируется своеобразный полихромный стиль гуннской эпохи. Как видно, пришельцы-гунны сыграли ведущую роль в формировании этого стиля, придав ему своеобразный характер ¹². По мнению специалистов, ювелирные изделия гуннского времени относятся к двум группам. Первая группа — это предметы с цветными вставками в напаянных гнездах, вторая — изделия, исполненные в технике перегородчатой инкрустации ¹³. В данном случае нас особенно интересует первая группа изделий, т. е.

предметы с цветными вставками в гнездах, наличие декора из зерни и филигранных или штампованных поясков в виде «плетенки», «всереочки». Эта группа наиболее многочисленна и разнообразна. Сюда входят наконецники поясов, предметы конской упряжи и пр.

Предметы полихромного стиля найдены в ряде погребений степной полосы на юге России, в Крыму, в Нижнем Поволжье и других местах. Так, например, в 1959 г. в Крыму, в Красногвардейском районе был разрушен курган, из впускного погребения которого происходят украшения конской сбруи — золотые пластинки, накладные бляшки, инкрустированные вставками из сердоликов и алмандинов в напаянных гнездах. Весь комплекс из этого погребения датируется концом IV—V в.¹⁴ Полихромные изделия встречены в ряде погребений Нижнего Поволжья, у г. Ленинска, у с. Нижняя Добринка и т. д. В богатом захоронении у г. Ленинска, например, были обнаружены вместе с другими вещами два обломка от золотого изделия, украшенные вставками сердолика, янтаря и орнаментом из зерни, а также бляшки, вырезанные из тонкого золотого листа. Все эти погребения по характеру инвентаря, типичного для гуннского времени, относятся к группе могил конца IV—первой половины V в. н. э. (период господства гуннского племенного союза в Восточной Европе)¹⁵. Очень интересный комплекс предметов выявлен в одной из катакомб могильника 2 у Лермонтовской скалы близ г. Кисловодска (в так называемой Кисловодской котловине). Он включает фрагменты от стеклянных кубков, бронзовые и серебряные украшения различного типа, обложенные золотой фольгой и инкрустированные вставками из алмандинов и стекла, бронзовое зеркало с центральной петлей на обратной стороне диска и др.¹⁶ Это погребение датиро-

вано IV—V вв. Вероятно, некоторые предметы из этого комплекса указывают «на существование каких-то контактов между гуннами и племенами, которым принадлежало это захоронение»¹⁷.

Среди вещей гуннской эпохи находят близкие аналоги подвески в виде полумесяца и удила из раскопанного нами кургана 13. После прихода гуннов в степи Северного Причерноморья здесь появляется своеобразное убранство коня: кожаные ремни украшаются бляшками геометрических форм, декорированных вставками цветных камней в напаянных гнездах и штампованным орнаментом, имеющих, как правило, в основе бронзовую пластину, покрытую золотым листом¹⁸. Бляшки «лунницы» украшали налобный и носный ремни¹⁹. Железные удила соединялись с уздечными ремнями с помощью зажимов, лицевая сторона которых часто покрывалась золотым листом и декорировалась полудрагоценными камнями²⁰.

Некоторые золотые и бронзовые пряжки из Кишпекского кургана обнаруживают явное сходство с пряжками гуннского времени, найденными в бывшей Пермской губернии в 1884—1895 гг. Например, из деревни Муслимово (1895 г.) происходит пряжка овальной формы²¹. Ее детали имеют такие же особенности, как золотая пряжка из кишпекской камеры II (рис. 3, б). Такие же квадратные выступы у основания язычка имеются и на некоторых бронзовых пряжках из камеры I.

Таким образом, многие предметы рассматриваемого комплекса находят близкие аналоги среди памятников, относящихся к гуннскому периоду в Восточной Европе. Учитывая все сказанное, нам представляется возможным датировать материалы из кургана у с. Кишпек в пределах самого конца IV—V в. н. э. Что касается его этнокультурной принадлежности, то этот вопрос пока

не может еще быть окончательно решенным. Мы имели возможность убедиться, что исследованный погребальный памятник оригинален во многих отношениях. В кавказской археологии его можно расценивать как явление совершенно новое, но вполне закономерное, если вспомнить ситуацию, сложившуюся здесь в рассматриваемое время.

После нашествия гуннов в степной полосе Восточной Европы преобладающее положение заняли тюркоязычные племена, истребившие, изгнавшие и ассимилировавшие ее старое ираноязычное население²². Гунны разгромили также алан, занимавших своими кочевьями прикаспийские степи до Дона²³. Следствием этих событий во второй половине V в. н. э. явилось также появление в степях Каспийско-Азовского междуморья и около Кавказских гор тюркоязычных племен, наиболее известными из которых были савиры, су-

щественным образом не отличавшиеся от гуннов²⁴.

Сделанное небольшое отступление не имеет целью безоговорочно связать исследованный курган с ираноязычными племенами, или с савирами, или даже с какими-либо иными тюркоязычными кочевниками, хотя вероятность принадлежности данного памятника к какой-либо из названных этнических групп исключать полностью не следует. Здесь же хотелось только еще раз подчеркнуть, что появление на Северном Кавказе подобных памятников явилось следствием (и в этом надо быть уверенным) сильного гуннского влияния на местное население и той сложной обстановки, которая возникла здесь после гуннского нашествия.

Описанный комплекс, впервые выявленный на Северном Кавказе, в будущем может иметь большое значение в деле изучения его раннесредневековой истории.

¹ В 1972—1975 гг. около этого селения исследованы три небольшие курганные группы с материалами в основном эпохи бронзы и раннего средневековья. Подробные научные отчеты об этих раскопках имеются в Отделе полевых исследований Института археологии АН СССР.

²⁻⁴ *Абрамова М. П.* Нижне-Джуглатский могильник. Нальчик, 1972, с. 44.

⁵⁻⁶ *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 92, рис. 41, 1, 2, 3, 4.

⁷ *Сокольский Н. И.* Боспорские мечи. — МИА, 1954, № 33, с. 159.

⁸⁻⁹ *Высотская Т. Н., Черепанова Е. Н.* Находки из погребений IV—V вв. в Крыму. — СА, 1963, № 3, с. 187.

¹⁰ *Засецкая И. П.* Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975, с. 5—10.

¹¹ *Высотская Т. Н., Черепанова Е. Н.* Находки из погребений. . . , с. 10.

¹² *Засецкая И. П.* Золотые украшения. . . , с. 5—10.

¹³ Там же, с. 7.

¹⁴ *Высотская Т. Н., Черепанова Е. Н.* Находки из погребений. . . , с. 195.

¹⁵ *Засецкая И. П.* Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья. — СА, 1968, 10, с. 38, рис. 24, 3, 5.

¹⁶ *Рунич А. П.* Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины. — СА, 1976, № 3, с. 256, 266, рис. 2, 3, 4, 5, 6.

¹⁷ Там же, с. 266.

¹⁸ *Засецкая И. П.* Золотые украшения. . . , с. 18, 19.

¹⁹ Там же, с. 19, 58.

²⁰ Там же, с. 19, табл. VII.

²¹ Там же, с. 56, табл. III.

²² *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 43.

²³ Там же, с. 45.

²⁴ Там же, с. 74.

О происхождении культуры Андрей-аульского городища

М. П. Абрамова, М. Г. Магомедов

Северо-восточные районы Дагестана, особенно Терско-Сулакское междуречье, привлекают в последние годы все возрастающее внимание археологов. Судя по данным письменных источников, территория эта служила в IV—VI вв. ареной непрерывных столкновений между разрозненными и неустойчивыми объединениями кочевых племен и местных народов. Здесь формировались и распались обширные объединения кочевников¹, к середине VII в. в Приморском Дагестане сложился Хазарский каганат, представлявший собой первое феодальное государственное образование в Восточной Европе². События, происходившие в нем, отразились не только на Дагестане, но оказали огромное влияние и на историю народов Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы, поэтому очевидна важность исследования местных памятников для понимания сложных процессов взаимоотношений кочевников и местных народов. Они представлены крупными (иногда до 100 га) городищами, выступавшими важными экономическими и политическими центрами раннесредневековой эпохи³. К городищам тяготеют многочисленные поселения, расположенные в долинах рек Сулака, Акташа, Ярыксу, Терека и др. Среди них выделяются небольшие крепости (феодальные замки), укрепленные массивными оборонительными сооружениями⁴.

Локальной особенностью памятников Терско-Сулакского междуречья является общность их культуры с характерной серолощенной керамикой, а также значительные, нередко достигающие

более 2 м толщины, их отложения. Общая стратиграфия памятников свидетельствует о единых процессах исторического развития населения этого региона в I—IX вв. В VII—VIII вв. культура серолощенной керамики, найденной на памятниках Терско-Сулакского междуречья, получает распространение за пределами этого региона. Она имеется на многочисленных поселениях, расположенных в предгорных долинах, сливающихся с приморской полосой к югу от Сулака⁵. Хронологический диапазон, а также территория распространения культуры, которой сопутствует преимущественно серолощенная керамика, свидетельствуют о ее связи не только с местными народами, но и с многочисленными кочевниками, оседавшими здесь. Поэтому несомненно, что изучение вопросов, связанных с происхождением этой яркой и своеобразной культуры, а также путей и причин ее распространения за пределы Терско-Сулакского региона представляет значительный интерес для понимания сложных этнокультурных процессов, происходивших здесь в раннесредневековую эпоху. Конкретно эти вопросы встали перед исследователями в процессе раскопок археологических памятников в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в бассейне Сулака в 1956—1958 гг. Особенно ярко культура серолощенной керамики (название условное) была прослежена в эти годы на Верхнечирюртовском и Бавтугайском городищах и могильниках. Уже первые исследователи памятников на Сулаке указывали на местное происхождение этой керамики⁶. Другие ис-

следователи склонны сопоставлять культуру Верхнечирюртовского городища и могильников с аланами⁷. Существуют и иные предположения о происхождении культуры данного региона. Одни сопоставляют ее с царством Серир, другие — с пришлыми гунно-савирскими племенами⁸. На более сложные процессы формирования культуры указывали В. Г. Котович и Н. Б. Шейхов. Они отмечают близость верхнечирюртовской культуры с синхронными культурами Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы. Однако причину этой близости они объясняют влиянием «алано-хазарской» или «аланской» культуры на племена Северного Дагестана, находившиеся в составе Хазарского каганата. Это привело, по их мнению, к длительному отрыву местных племен от общедагестанского культурно-исторического развития и к переформированию их культуры под влиянием «алано-хазарской, хотя местная основа ее превалирует и в последующем»⁹. Следует отметить и новую точку зрения, согласно которой культура верхнечирюртовского типа якобы сформировалась не в Дагестане, а за его пределами. Автор подобного мнения А. В. Гадло в процессе исследования стратиграфии городища Хазар-кала, расположенного на р. Ярык-су (в Северном Дагестане), отмечает, что культура заключительного периода не только Хазар-калы, но и аналогичных ему памятников Терско-Сулакского междуречья появляется в Северном Дагестане¹⁰ извне, в готовой форме.

Таким образом, подобные, порой взаимоисключающие предположения исследователей о происхождении культуры верхнечирюртовского типа являются следствием ее слабой изученности, что не удивительно: стационарные раскопки памятников этого региона были предприняты лишь в 1956—1958 гг. в связи со строительством Чирюртовской ГЭС. Дальнейшее изучение

происхождения культуры указанных памятников, вместе с этим — взаимоотношений кочевого и оседло-земледельческого мира в приморских районах Дагестана потребовало возобновления их раскопок. Новые разведочные и стационарные работы были произведены начиная с 1970 г. на целом ряде памятников Терско-Сулакского междуречья¹¹. Наиболее значительные раскопочные работы были сосредоточены на Верхнечирюртовском и особенно на Андрей-аульском городищах. Исследования различных объектов обширного Верхнечирюртовского городища были возобновлены в связи с сопоставлением его остатков с ранней столицей Хазарии г. Беленджер¹². На городище выявлены новые обширные материалы, проливающие свет на историю зарождения Хазарского каганата. Однако проследить истоки распространившейся здесь в хазарскую эпоху культуры было невозможно, поскольку на городище не представлены отложения предшествующих эпох. В этом плане наиболее интересным памятником, позволяющим воссоздать процесс формирования культуры, широко распространившейся в Приморском Дагестане в хазарскую эпоху, является Андрей-аульское городище, на котором четко сохранились и отложения дохазарской эпохи. Остатки городища растянулись по обрывистому левому берегу р. Акташ к югу от г. Хасавюрт¹³. Оно имеет неправильные очертания, обусловленные рельефом местности, протяженностью более 1,5 км и шириной до 450 м. С открытой napольной стороны городище ограничено мощной системой валов и рвов, рельефно сохранившиеся остатки которых воссоздают сложную топографию памятника, состоявшего из нескольких частей. Основной его массив — сам город размером 500×450 м — укреплен с napольной стороны внушительной системой валов и рвов.

В пределах городища, на надречной его стороне, рельефно выделяется вытянутая с севера на юг цитадель, также укрепленная рвом и валом. К северу от городища, на расстоянии более 1 км, простираются остатки еще одной обособленной его территории, большая часть которой уничтожена рекой. От нее сохранилась лишь небольшая южная часть размером 250×200 м, ограниченная оборонительными валами и рекой. С напольной стороны она защищена системой валов и рвов, являющихся продолжением городских¹⁴. Изолированная от основных пределов городища, но связанная с ним общей планировкой и единой системой оборонительных сооружений, эта обособленная территория выступает посадской частью городища. Уцелевшая северная оконечность его размером 350×250 м также ограждена валом и рвом. Сохранность памятника не позволяет точно воссоздать былую конфигурацию посада. Можно лишь предположить, что ограждение разраставшихся его частей вдоль реки производилось отдельными отрезками оборонительных сооружений.

Огромные размеры Андрей-аульского городища, укрепленного системой оборонительных сооружений, придают ему облик важного экономического и торгово-ремесленного центра Северо-Восточного Дагестана раннесредневековой эпохи, а ярко выраженная трехчастная структура городища отражает социальную дифференциацию его обитателей.

В процессе раскопок различных частей городища прослежена сложная стратиграфия культурных отложений и получен обширный материал, проливающий свет на многие вопросы социально-экономического и культурного развития его обитателей. Наиболее выразительно характер представленной здесь культуры прослежен на южной части городища. Здесь на раскопе 3 расчищены массивные, достигающие 3,5 м толщины культурные отложения,

состоявшие из характерных для памятников этого региона рыхлых, золотистых и суглинистых слоев, насыщенных серолощенной керамикой, костями животных и другими бытовыми остатками¹⁵. Толщина напластований местами достигает 8—10 стратиграфических прослоек, расчлененных между собой полосами прокаленной земли. Они свидетельствуют о неоднократных пожарах и разрушениях, учинявшихся на городище, очевидно, в результате военных столкновений. Однако, несмотря на эти неоднократные прекращения жизни, на городище не отмечено резкой смены культур. Наоборот, обширные керамические материалы из всех стратиграфических слоев свидетельствуют о генетической связи между керамическими комплексами на всех этапах бытования городища.

Для выяснения вопроса о происхождении представленной в нижних слоях городища культуры большое значение имеют раскопки связанного с ним могильника, давшего сочетание грунтовых и курганных захоронений. В процессе его исследования выявлены разнообразные и хорошо сохранившиеся типы сосудов, аналогичные керамике, оставленной основателями городища. Погребальный инвентарь могильника не только позволяет точно датировать нижние слои городища, но и дает выразительные образцы керамики, проливающей свет на истоки культуры памятников Терско-Сулакского региона.

Могильник Андрей-аульского городища занимает обширную территорию, примыкавшую к городищу с запада. В 1976 г. во время проведения траншеи для ограждения виноградника, заложенного на территории могильника, в ее восточном участке, проходящем в 400—500 м к западу от посада, было обнаружено несколько разрушенных погребений, содержавших большое количество глиняных сосудов (рис. 1), а также бронзовые предметы: зеркала,

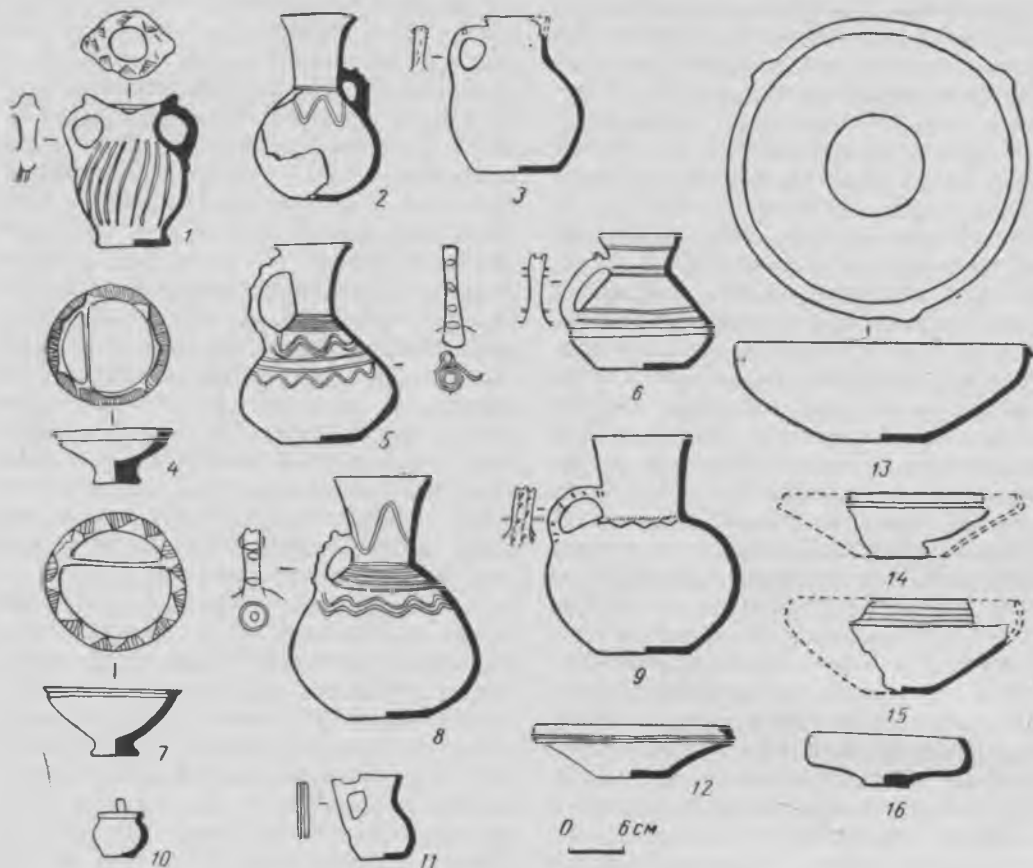

Рис. 1. Андрей-аульское городище. Керамика из траншеи

фибулы, бусы (рис. 2) и др., которые датируются в пределах I—III вв. н. э. Следы древних погребений видны также и в обрыве левого, постоянно размываемого берега р. Акташ, в непосредственной близости к посаду. Уже эти данные дают некоторое представление о значительных размерах грунтового могильника, принадлежавшего городищу.

Здесь же, на территории могильника, расположены курганы диаметром 20—25 м, высотой 1,5—2 м. К городищу,

уже, по-видимому, за пределами грунтового могильника, примыкают также большие одиночные курганы высотой до 5 м, диаметром более 50 м, которые, располагаясь на значительном расстоянии один от другого, тянутся и на юг, по левому берегу р. Акташ, и на запад, достигая окраин г. Хасавюрта. Все курганы носят следы ограбленности.

На могильнике был раскопан один из курганов, расположенных перед городским оборонительным валом, а также была заложена разведочная траншея для исследования грунтовых могил.

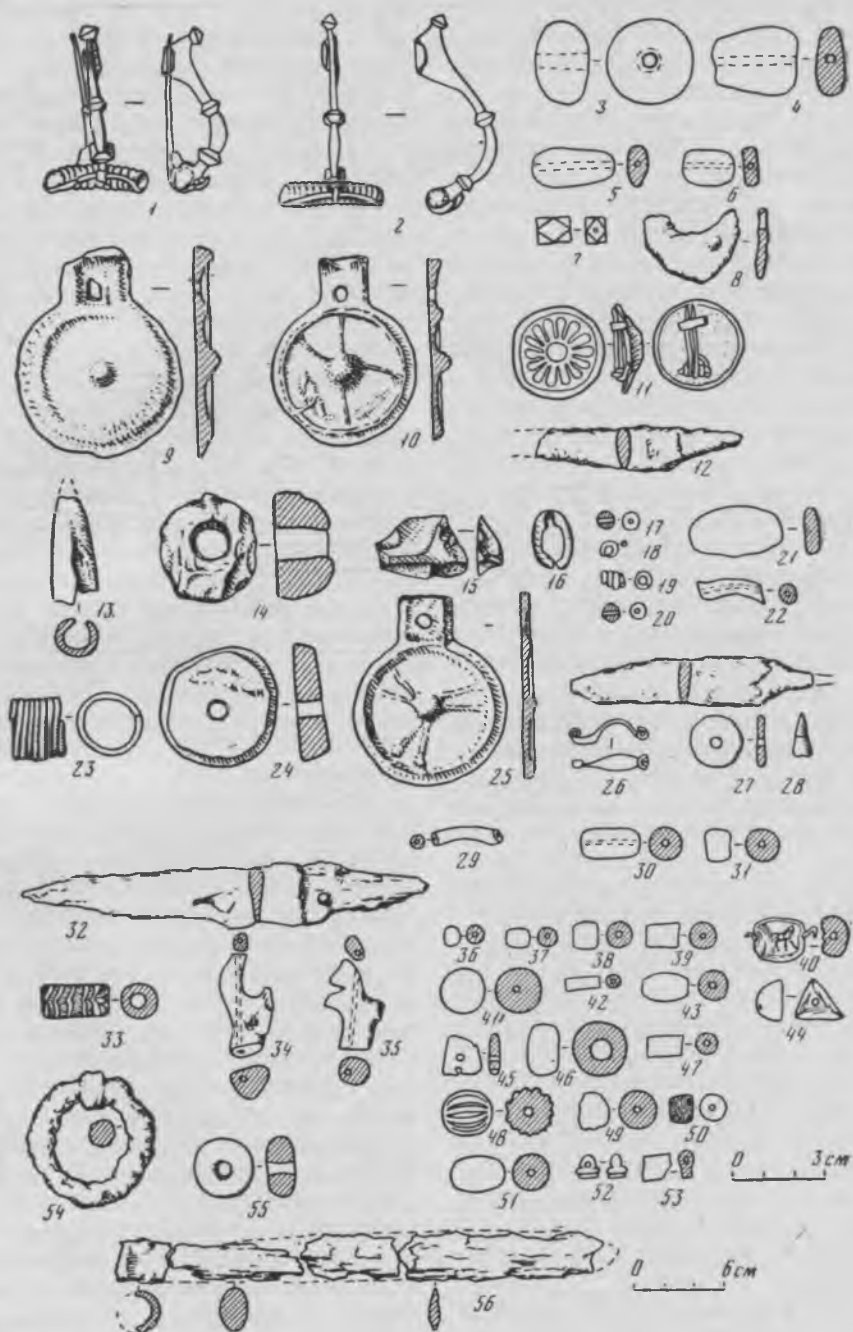

Рис. 2. Андрей-аульское городище. Погребальный инвентарь из траншеи

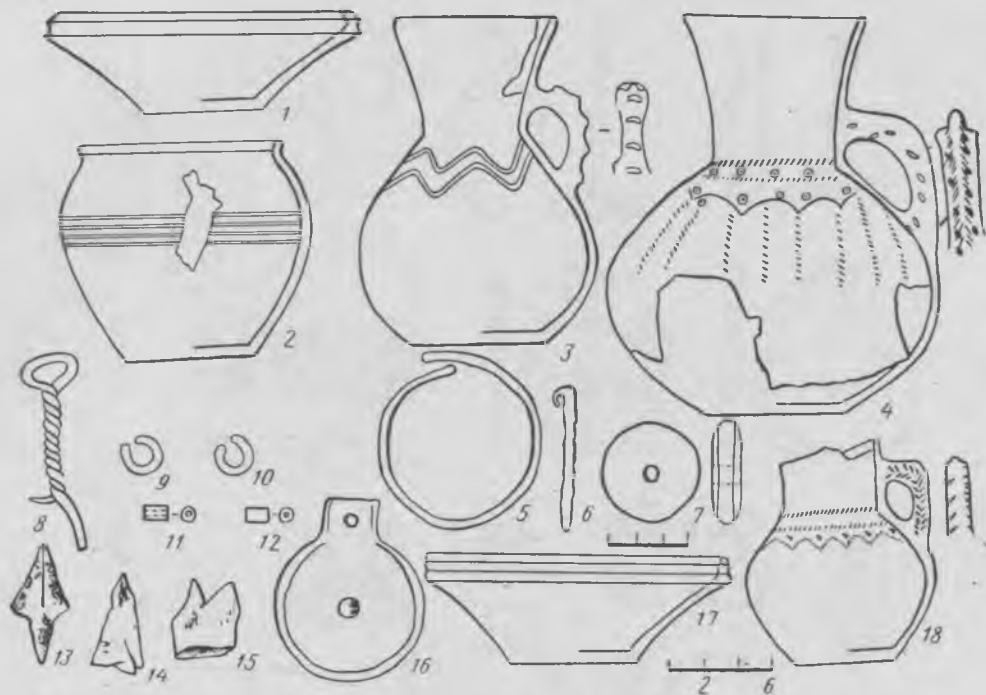

Рис. 3. Могильник на Андрей-аульском городище. Инвентарь из погребений

1—3, 9—12 — погребение 2, 4 — погребение 4, 5—7, 16—18 — погребение 1, 8, 13—15 — погребение 5

Из пяти открытых на могильнике грунтовых погребений три имели тяготение к широтной ориентировке, два — к меридиональной. Погребения 1, 2 и 4 были совершены в узких подпрямоугольных ямах глубиной до 1,30—1,40 м от современной поверхности. Костяки лежали в вытянутом положении, на спине, преимущественно с западной ориентировкой (погребения 1 и 4 — юго-запад-запад, погребение 2 — северо-запад). Они сопровождалась керамикой: в могиле 1 найдены миска и в ней кувшин, лежащие в ногах костяка, в могиле 2 — миска у черепа, у колен горшок и в ногах кувшин. В могиле 4, почти полностью разрушенной при проведении траншеи, сохрани-

лись только кости ног (до колен) и глиняный кувшин.

Остальной сопутствующий инвентарь довольно невыразителен. В могиле 1 на запястье правой руки погребенного найден проволочный браслет с заходящими один за другой концами, оформленными в виде округлых утолщений, у пояса справа — бронзовое зеркало с боковой петлей, небольшим валиком по краю и слабо выраженным утолщением в центре, между колен — каменное цилиндрическое пряслице, между бедер — фрагмент железной булавки в виде стержня с уплощенным и свернутым в петлю концом. Поперек голени и между ними найдены мелкие стеклянные бусы, которыми, очевидно, был обшит подол одежды погребенной. В могиле 2, содержащей костяк подростка с согнутыми в локтях руками так, что левая кисть лежала на тазовых костях, а правая на груди, помимо

трех глиняных сосудов, найдены у черепа два бронзовых проволочных височных колечка с сомкнутыми концами, среди грудных костей — бусы и фрагмент железного стержня, очевидно, от булавки (рис. 3).

Весь этот инвентарь, несмотря на его невыразительность, находит близкие аналогии в инвентаре Карабудахкентского могильника I первых веков н. э. Это — зеркала со слабо выраженным валиком по краю и небольшим утолщением в центре, датируемые, по-видимому, концом I — началом II в. н. э., булавки с загнутым в петлю концом, проволочные привески и цилиндрические пряслица¹⁶. Встречены они и в Таркинском могильнике¹⁷. Судя по этим аналогиям, рассмотренные погребения можно датировать первыми веками нашей эры, скорее всего первой половиной II в., исходя из типа зеркала, найденного в погребении 1, и учитывая очевидную синхронность вскрытых могил (близкое их расположение друг к другу, сходство ориентировки и форм керампки, о которой будет сказано ниже).

Погребения 3 и 5 грунтового могильника имели меридиональную ориентировку и отличались наличием деревянных конструкций. Так, в могиле 3 костяк был положен в сруб, от которого сохранилась лишь продольная восточная стена в виде полуистлевшего бревна длиной 1,60 м, шириной 0,10—0,20 м, толщиной 0,15 м. Более четко прослеживается конструкция в могиле 5 благодаря большей углубленности ее в материк. Здесь на дне ямы (2 × 2,60 м) обнаружены остатки рамы, собранной из стоявших на продольном ребре досок (сохранились северная и западная ее стороны и частично восточная и южная). Длина рамы 2,40 м, ширина — 1,40 м. Остатки ее имеют высоту 0,20 м. Оба эти погребения были разграблены, кости лежали в беспорядке, однако можно предполагать, что погребенный в могиле 3 имел, по-види-

мому, южную ориентировку (в могиле 5 найдены остатки двух костяков — взрослого и ребенка, но ориентировка их не установлена). Сохранившийся инвентарь (в погребении 3 — фрагмент железной обоймы, в погребении 5 — четыре железных трехлопастных наконечника стрел с коротким черешком, а также фрагменты глиняного сосуда с круглой в сечении ручкой, горлом со сливом и резным волнистым орнаментом на плечиках, обломок перевитой бронзовой проволоки с петлей на конце и миниатюрная золотая бляшка в виде колпачка с отверстием в центре) позволяют датировать эти погребения II—III вв. н. э. Полная разграбленность могил, наличие в них деревянных конструкций и золотой бляшки в погребении 5 свидетельствуют о принадлежности этих погребений более зажиточной группе населения по сравнению с погребениями, рассмотренными выше.

Завершая обзор погребений грунтового могильника, необходимо отметить остатки тризны, обнаруженные в северо-западном углу раскопа, к северо-востоку от погребения 4. Здесь на глубине 0,60 м, т. е. в верхних слоях древнего почвенного слоя, обнаружено скопление фрагментов нескольких сосудов — разбитых кувшинов и миски.

Наибольший интерес с точки зрения устройства погребального сооружения вызывает подкурганное захоронение, вскрытое в 250 м к юго-востоку от описанных грунтовых могил. Диаметр кургана 22 м, высота — 1,50 м. Под насыпью кургана обнаружена большая могильная яма подпрямоугольной формы, вытянутая с севера на юг. В южной полё кургана на уровне древнего горизонта, рядом с могильной ямой, обнаружено золотое пятно диаметром до 1 м, с тонкой прослойкой золы и угля, вероятно, остатки тризны. В верхней части (на глубине 1 м от уровня древнего горизонта) могильная яма достигала в длину 4,10—4,30 м, в шири-

пу — 3,50—3,60 м (ко дну она слегка сужалась). Три ее стены (северная, западная и южная) были почти вертикальными, а в восточной стене (у ее северного угла) имелся спуск в яму — плохо выраженный дромос в виде покатой ступени, начинавшейся от уровня древнего горизонта. Далее, у самого дна могилы, находящегося на глубине 2,40—2,50 м от уровня древнего горизонта, почти во всю длину восточной стены проходит сильно наклоненная ступень шириной 0,30—0,50 м. Дно могильной ямы горизонтальное, несколько повышающееся к востоку и северу. В нем обнаружено шесть ям, расположенных по кругу и углубленных на 0,50—0,60 м (рис.4). Они имели подпрямоугольную форму и достигали в длину 0,30—0,40 м (рис. 5). В ямах найдены остатки деревянных столбов, обложенных мелкими камнями. Таким образом, могильная яма содержала конструкцию в виде перекрытия из дерева, покоящегося на столбах. Наиболее крупные ямы, содержавшие, очевидно, мощные столбы, расположены у восточной стены могилы, где, как отмечалось, был устроен спуск в нее. Эти столбы, возможно, поддерживали перекрытие над входом. О наличии такого перекрытия свидетельствуют и остатки деревянных плах (в том числе одна крупная, обгоревшая), найденные главным образом в верхних слоях засыпки могилы, начиная с глубины 1 м от уровня древнего горизонта. По-видимому, примерно на этом уровне, т. е. ниже древней поверхности, и находилось перекрытие могилы. Сверху оно было завалено камнями, которые после того, как дерево сгнило, провалились внутрь и встречались при расчистке нижних слоев заполнения по всей площади могилы (рис. 4). Слой каменной засыпки шел, очевидно, от перекрытия до уровня древнего горизонта, так как в насыпи кургана камней не обнаружено.

Преимущественно возле северной и

южной стен и частично у западной обнаружены остатки камышового тлена. Спрессованные стебли камыша узкими горизонтальными рядами лежали непосредственно вдоль стен, прижатые к ним завалом мелких камней. Прослойки камыша прослежены от дна могилы на высоту 0,65 м у южной стены и 1,20 м — у северной. Имеются они и близ северо-западного угла ямы, находясь в 0,25 м от стены, примыкая вплотную к яме от столба (параллельно стене). Камышом была обложена лишь западная часть могильной ямы, находившаяся напротив входа, т. е., по-видимому, та часть могилы, где располагался погребенный, но, поскольку могила была полностью ограблена, восстановить местоположение погребенного не удалось.

Подкурганые захоронения в больших могильных ямах с деревянными перекрытиями, покоящимися на столбах, характерны для разных эпох и территорий¹⁸. Наиболее характерны деревянные конструкции для подкурганых захоронений Прикубанья. Наряду с могилами, имеющими шатровые перекрытия, здесь известны и прямоугольные большие грунтовые ямы с плоскими деревянными перекрытиями, поддерживаемыми столбами. Такие сооружения были найдены в кургане у станиц Воздвиженской¹⁹, Некрасовской²⁰, Марьевки²¹. Погребения зубовско-воздвиженской группы, датируемые последними веками I тысячелетия до н. э., принадлежали, по мнению К. Ф. Смирнова, верхушке сиракского населения, однако в конструкции их он прослеживает древнюю местную традицию²². Наличие деревянных конструкций в погребениях можно часто рассматривать не как этнический, а как социальный признак. Несомненно, что исследованный курган Андрей-аульского городища содержал богатое захоронение, кладбищем рядового населения был, по-видимому, грунтовой могильник. Косвенным

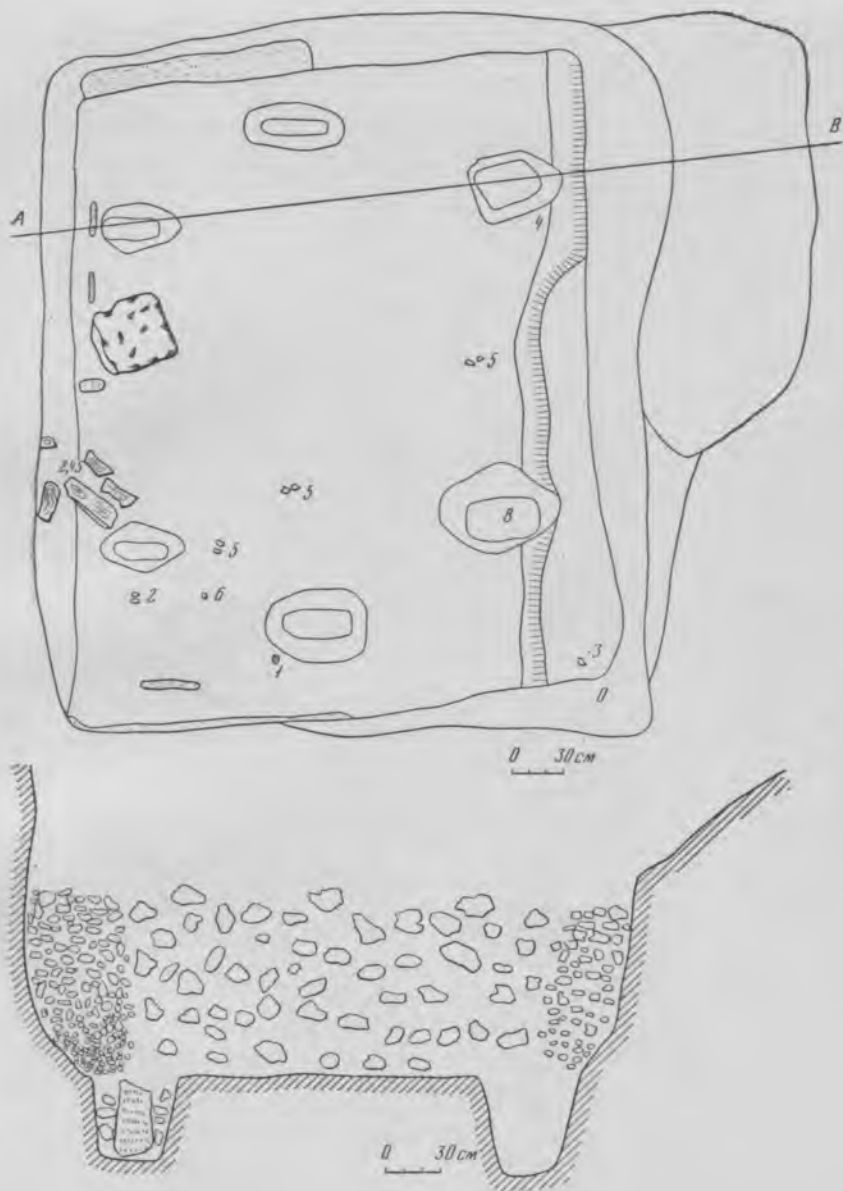

Рис. 4. Могильник на Андрей-аульском городище. План и профиль погребальной ямы

1 — горло сосуда, 2 — фрагменты стекла, 3 — фрагменты красноглиняного сосуда, 4 — фрагменты кольчуги, 5 — фрагменты сероглиняного кувшина, 6 — золотая бляшка

Рис. 5. Могильник на Андрей-аульском городище. Ямы от столбов в погребальной яме

Погребальный инвентарь из кургана №1

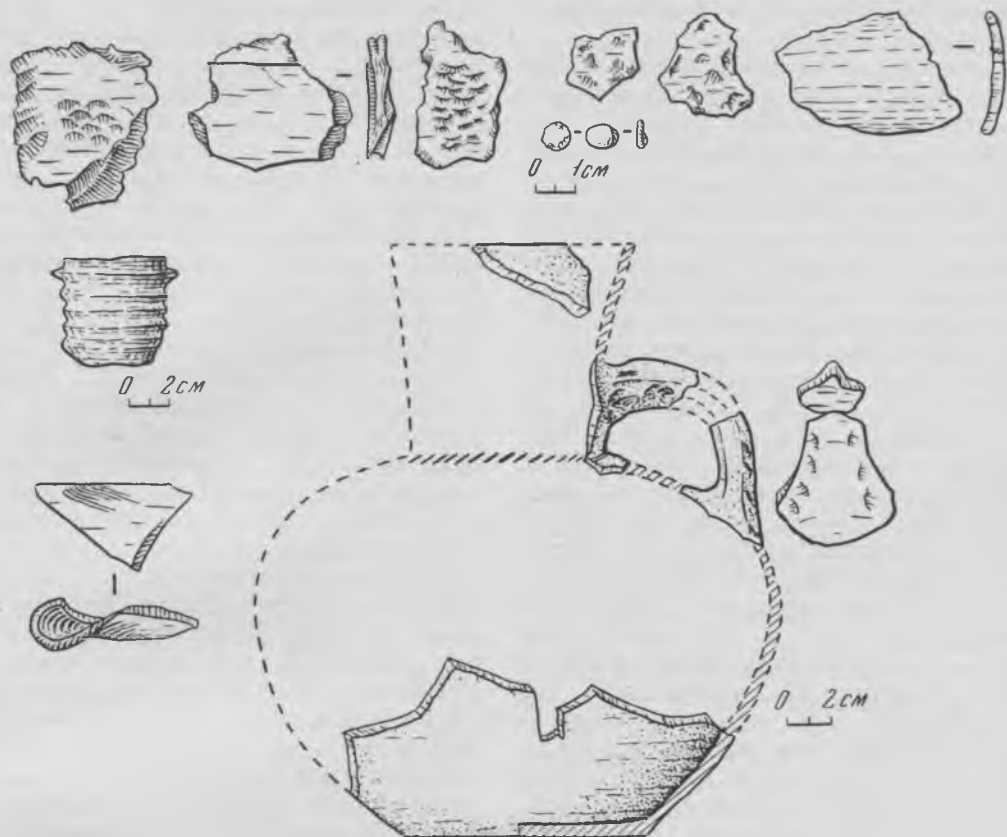

Рис. 6. Могильник на Андрей-аульском городище. Инвентарь из подкурганного погребения

подтверждением высокого положения погребенного и богатства сопровождавшего инвентаря является полная разграбленность могилы. При расчистке могильной ямы в верхних слоях ее заполнения найдены разрозненные кости человека, горловины двух сосудов — коричневой глины с горизонтальными каннелюрами и красноангобированного кувшина. В могильной засыпке найдены также фрагменты сероглиняного кувшина с насечками на ручке и у основания горла, миниатюрная золотая бляшка с двумя петлями на обороте и

разрозненные фрагменты железной кольчуги (рис. 6). Казалось бы, разграбленность могилы и невыразительность сохранившегося инвентаря не дают оснований для датировки кургана. Однако найденные в погребении фрагменты сероглиняного кувшина после реставрации показали полную его идентичность по форме и некоторым элементам орнамента кувшинам из грунтового могильника, в частности кувшину из погребения 4. Это позволяет говорить о синхронности исследованных погребений грунтового могильника и

подкурганного захоронения, и, следовательно, последнее также можно датировать II—III вв. н. э.

Среди сохранившегося в могиле инвентаря вызывают интерес фрагменты кольчуги. Некоторые считают, что время и место появления кольчужных доспехов нельзя считать установленными, хотя наиболее вероятно, что родиной их был Иран или эллинистический Восток. У сарматских племен кольчуги неизвестны, наиболее ранние находки кольчуг происходят из Прикубанья. Куски кольчужного плетения встречаются в курганах зубовско-воздвиженской группы уже в I в. до н. э., однако вряд ли они являлись местным изобретением, скорее всего, кольчуги проникли на Северный Кавказ с юга²⁴. По-видимому, распространению кольчуги (во II—III вв. встречаются во многих погребениях Прикубанья) предшествовал комбинированный доспех, т. е. кольчужная основа для защиты наиболее уязвимых мест покрывалась чешуйками или пластинами²⁵. В кургане Андрей-аульского городища найдено несколько кусков кольчуг. Один из фрагментов сверху покрыт пластиной, имевшей, возможно, круглую форму (сохранился только один край ее, рис. 6). По-видимому, здесь мы имеем образец того самого комбинированного доспеха, о котором уже говорилось.

Наибольший интерес среди добытых материалов представляет керамика. Вся она сероглиняная, за исключением горла красноангобированного кувшина из кургана. Сосуды, происходящие из исследованных комплексов, представлены в основном двумя формами — кувшинами и мисками. Однако в упоминавшейся траншее (ею разрушены отдельные захоронения), помимо кувшинов и мисок, имеются две курильницы — на коническом поддоне, с прямым бортиком, покрытым резным орнаментом (заштрихованные треугольники), и с от-

делением внутри (рис. 1), а также один канфаровидный сосуд с двумя ручками, вертикальными каннелюрами на тулове и резным орнаментом из заштрихованных треугольников на внутренней части горла у края. Курильницы с отделением хорошо известны в памятниках Северного Кавказа. В центральных районах Северного Кавказа они встречены в Моздокских могильниках скифского времени; претерпевая дальнейшие изменения в форме, они употреблялись и в первых веках н. э. Н. В. Анфимов приводит сводку находок такого типа из комплексов Прикубанья рубежа и первых веков н. э.²⁶ Близкие по форме миски на высоких поддонах, но без отделений известны и с территории Северо-Восточного Кавказа²⁷. Иногда они имели полый поддон с заключенным в него камешком, т. е. играли роль погремушки²⁸. Найдки курильниц с отделением в Дагестане говорят об общности некоторых культурных традиций населения Северного Кавказа от Прикубанья до Дагестана. То же самое, по-видимому, можно сказать и по поводу канфаровидных сосудов. Они известны из комплексов Дагестана первых веков н. э.²⁹, с территории Чечено-Ингушетии³⁰ и Кабардино-Балкарии³¹, где они датируются последними веками I тысячелетия до н. э. Все они, несомненно, местного производства, но на происхождение сосудов этого типа оказали влияние керамические традиции Кавказской Албании, где двуручные сосуды близких форм получили широкое распространение во второй половине I тысячелетия до н. э.³²

Сильное влияние традиций Кавказской Албании прослеживается и при рассмотрении кувшинов Андрей-аульского могильника. В подавляющем большинстве своем они довольно однотипны: имеют высокое, расширяющееся кверху горло, округлое раздутое тулово и одну ручку, богато декорированы. По характеру орнамента и некоторым

особенностям формы их можно разбить на два варианта. К первому варианту относятся кувшины с рельефным орнаментом: верхняя часть тулова покрыта горизонтальными прямыми и волнистыми валиками (на одном кувшине волнистый валик проходит и по горлу), ручки украшены поперечными налестами, иногда у основания ручки имеется налест в виде окружности. Сосуды с рельефным орнаментом имеют изящную форму, узкое горло и в целом более нарядный вид, чем кувшины II варианта. Один такой кувшин происходит из погребения 2 и три — из разрушенных могил (рис. 1, 4). Ко второму варианту относятся кувшины с резным орнаментом из рядов косых насечек, которые проходят у основания горла в виде горизонтальных прямых и зигзагообразных линий. Ряды подобных насечек нанесены и на обеих сторонах ручек. Иногда резной орнамент дополняется рельефным — в виде округлых налестов на тулове, ручка в большинстве случаев имеет продольный валик. Такие сосуды найдены в погребениях 1 и 4 грунтового могильника, в подкурганной могиле и в разрушенных погребениях. Эти кувшины имеют более короткое, часто подцилиндрическое горло и округлое тулово. Наиболее богатая орнаментация у кувшина из погребения 4. Помимо насечек, тулово его покрыто едва выраженными вертикальными валиками, покрытыми косыми насечками, завершающимися круглыми плоскими налестами (рис. 3). Кувшины близкой формы с подобным орнаментом происходят из погребения ранней группы (II—III вв.) Буйнакского кургана в Дагестане³³, найдены они и в сарматских памятниках Поволжья первых веков н. э.³⁴ Возможно, эти сосуды были прикубанского производства, если их прототипом считать чашу Северского кургана с привесками в виде цепочек³⁵. Однако глиняные сосуды подобного типа из Прикубанья нам неизвест-

ны. Учитывая широкое распространение подобной посуды в погребениях Андрей-аульского городища и могильника, наличие сосуда такого типа в Буйнакском могильнике, можно говорить об их дагестанском происхождении и рассматривать подобные кувшины сарматского Поволжья как импорт с территории Северо-Восточного Кавказа.

Говоря о местном производстве керамических форм, необходимо учитывать и тот факт, что сложение форм этих сосудов, а главное — приемов их орнаментации проходило под воздействием керамических традиций Кавказской Албании, где уже во второй половине I тысячелетия до н. э. широко применялись такие приемы орнаментации сосудов, как рельефные налесты в виде валиков, прямых и волнистых (иногда покрытых насечками), круглые налесты, резной орнамент в виде прямых линий, косых насечек на тулове и ручках и т. д.³⁶ Довольно широкое распространение в керамике Кавказской Албании получила и сама форма стройных, узкогорлых (часто со сливом) кувшинов, близких к сосудам с рельефным орнаментом из Андрей-аульского могильника³⁷. В целом влияние керамических традиций Кавказской Албании на сложение форм керамики и приемов ее орнаментации в Дагестане не вызывает сомнения. Подтверждает это и отмеченная близость некоторых форм посуды Андрей-аульского могильника, с одной стороны, и Таркинского, Карабудахкентского и Буйнакского могильников — с другой. Резной орнамент, часто в виде косых насечек, был широко распространен на металлических изделиях Кавказа конца II—начала I тысячелетия до н. э. Следовательно, те элементы орнамента, которые мы находим на глиняных сосудах, были широко известны на металлических изделиях Кавказа более древнего времени³⁸. Рассмотренные выше об-

Рис. 7. Керамика из нижних слоев Андрей-аульского городища

разцы сосудов с Андрей-аульского могильника находят полные аналогии в керамических комплексах нижних слоев городища. Причем керамика здесь не только повторяет формы, представленные на могильнике, но и выделяется значительным их разнообразием и богатством орнамента. В большом количестве на городище представлена керамика бытового назначения, образцы которой лишь изредка встречаются в погребениях могильника.

Как и на могильнике, двумя характерными вариантами представлены кувшины и в нижних слоях городища.

Первый вариант кувшинов с рельефным орнаментом представлен здесь многочисленными сильно фрагментированными обломками горловин и тулов, покрытыми горизонтальными и волнистыми валиками. Встречаются здесь и более нарядные фрагменты кувшинов, украшенные валиками, образующими рельефные растительные узоры. Поверхность подобных фрагментов покрыта сплошным лощением.

Лучше сохранились в нижних слоях городища кувшины второго типа, с резным орнаментом из косых насечек. Они обычно имеют более короткое, расши-

ряющееся кверху горло и раздутое тулово. Наиболее выразителен из этой категории кувшин из нижних слоев цитадели Андрей-аульского городища. Он имеет обычное раздутое тулово, расширяющееся кверху, горловину, украшенную по основанию густой косой насечкой, от которой свисают рельефные треугольники, также украшенные косой насечкой. Насечкой покрыты и вертикальные валики, свисавшие от углов треугольников до середины тулова. Общее количество валиков, напоминающих шнуры, достигает 13. Косой насечкой и налечами по основанию украшена и ручка кувшина с продольными валиками (рис. 7). Различные варианты кувшинов этой категории представлены в нижних слоях городища огромным количеством фрагментов. Они или просто залощены, или же покрыты разным количеством вертикальных валиков с косой насечкой. На некоторых образцах количество валиков достигает 30 (рис. 7). Разнообразны и густо покрытые насечкой ручки кувшинов ленточной формы, которые украшены нередко одним—тремя продольными валиками.

Особую группу керамики могильника составляют миски, представленные двумя разновидностями. Первую группу составляют миски-курильницы на коническом поддоне, с отделением внутри (рис. 1, 4, 7). Подобные миски имели ритуальное назначение, они обычно содержат внутри гальку и встречаются лишь в погребениях. На территории Центрального Предкавказья их также находят только в курганах и грунтовых могильниках, в слоях же городищ они не обнаружены³⁹. Вторую группу составляют миски бытового назначения. Они происходят из траншей, прорытой на территории могильника (рис. 1, 12—16), две миски обнаружены в грунтовых погребениях 1, 2 (рис. 4). Особенно много аналогичных мисок выявлено в нижних слоях городища, где они

представлены тысячами фрагментов. Более разнообразны здесь и формы мисок, а также приемы их орнаментации. Бортики их имеют самые разнообразные наружные профили (рифленые, реберчатые, граненые, вогнутые). Особенно нарядны миски со змеевидными налечами на бортах (рис. 7). Как и курильницы с отделениями, миски с гранеными и рифлеными бортиками известны и из других районов Северного Кавказа⁴⁰. Однако массовый характер и разнообразие форм и приемов орнаментации мисок, представленных не только на Андрей-аульском городище, но и на других памятниках Терско-Сулакского междуречья⁴¹, не оставляют сомнения в местной основе данной керамики.

И наконец, наиболее распространенную группу керамики на городище составляют горшки, которые представлены на грунтовом могильнике всего одним экземпляром (в погребении 2, рис. 3). Горшки имеют обычно шаровидную или яйцевидную форму и украшены врезными линиями (рифлением) и, реже, насечкой или валиками. По характеру венчиков они подразделяются на несколько типов. Наиболее распространены в нижних слоях городища горшки с загнутым наружу пухлым венчиком, иногда с желобком для крышки. Наряду с ними здесь представлены и горшки с высокими отогнутыми венчиками, которые, как и предыдущие, подразделяются на несколько вариантов (рис. 7). Как и рассмотренные выше кувшины и миски, обломки горшков на городище представлены десятками тысяч фрагментов, что также указывает на их несомненное местное производство.

Целый производственный комплекс гончарных обжигательных печей, исследованных на Андрей-аульском городище, свидетельствует не только о древних традициях, но и о специализации

и стандартизации гончарного производства, особенно в VI—VIII вв.⁴²

Необходимо особо отметить, что единая линия развития всех рассмотренных выше групп керамики проходит через все слои городища на протяжении I—VIII вв. Некоторые изменения форм сосудов и особенно элементов их орнаментации свидетельствуют о хронологической модификации ведущих типов керамики, отчасти связанных с притоком новых волн населения в Приморский Дагестан.

Следует также отметить, что все рассмотренные керамические комплексы Андрей-аульского городища и могильника распространены и на других памятниках Терско-Сулакского междуречья⁴³.

Однако при явной общности керамического производства, выявленного среди памятников этого региона, здесь наблюдаются и некоторые различия. Прослеживаемые в отдельных формах и размерах сосудов и особенно в приемах их украшения, эти различия обусловлены локальным своеобразием. При общности технологических приемов производства серолощенной керамики на памятниках Терско-Сулакского междуречья такие локальные особенности были не только обусловлены специализацией и стандартизацией гончарного производства, но и связаны с неоднородным составом населения отдельных керамических центров. Важно, что при наличии различий локального характера керамика всех памятников этого региона имеет больше общих признаков, свидетельствующих о единых путях формирования культуры серолощенной керамики, восходящей своими корнями к древним традициям гончарного производства местных народов⁴⁴. Причем эти традиции доживают здесь до VI—VIII вв. и получают широкое распространение не только в керамическом производстве Терско-Сулакского междуречья, но и на

памятниках салтово-маяцкой культуры⁴⁵.

Очевидно, распространение единой культуры на памятниках Терско-Сулакского междуречья, особенно в тревожную эпоху кочевнических вторжений, происходило, возможно, при стабилизации военно-политической обстановки в Приморском Дагестане. Сложившееся здесь молодое Хазарское государство и способствовало развитию производительных сил и нивелировке материальной культуры, прослеживаемой по памятникам этого региона. Приморский Дагестан, или древняя Берсилия, известная византийским (Феофану и Никифору) и арабским авторам (Балазури и Кудаму)⁴⁶, выступает, таким образом, колыбелью Хазарии не только в свете древних письменных сведений, но и по археологическим данным. В настоящее время здесь известно более 40 памятников, на которых представлена единая культура серолощенной керамики⁴⁷. Локальный расцвет этой оригинальной культуры связан с древними земледельческими племенами Северо-Восточного Дагестана, находившимися в составе Кавказской Албании, территория которой, по мнению ряда исследователей, простиралась на север вплоть до Терека⁴⁸. Начиная с IV в. развитие культуры неоднократно нарушается. Однако, несмотря на эти разрывы, связанные с вторжениями кочевников, основные элементы культуры местных земледельцев продолжают бытовать вплоть до прекращения жизни на памятниках Терско-Сулакского междуречья. Особенно ярко это прослеживается по керамике. Основные типы и формы сосудов, представленные в нижних слоях Андрей-аульского городища, доживают здесь до VIII—IX вв. Развитие культуры заключительных слоев Андрей-аульского и аналогичных ему городищ относится к VII—IX вв. и связано с ранней историей Хазарского каганата. С хазарами связано и распро-

странение этой местной в своей основе культуры за пределы Терско-Сулакского региона. В VII—VIII вв. серолощевая керамика распространяется на многочисленных памятниках, протянувшихся по предгорному Дагестану от Сулака до Дербента включительно. Завладев северными провинциями Кавказской Албании, Хазария оказалась наследницей не только богатых земледельческих районов, но и сложившихся здесь с глубокой древности оседло-земледельческих и ремесленных традиций. Эти факторы в конечном итоге и создали прочную основу для возникновения и быстрого расцвета Хазарского государства.

С началом арабо-хазарских войн в VIII в. Приморский Дагестан стал ареной жестоких схваток двух молодых и динамично развивавшихся раннефеодальных империй. От исхода этих схваток за владычество на Кавказе зависела судьба не только Хазарии, но и многих народов Северного Кавказа. Хазары выдержали длительный и ожесточенный натиск арабов и не допустили их в Юго-Восточную Европу. Однако отстояли они свои владения на Кавказе, а главное — политическую независи-

мость ценой больших потерь. В конце VIII и в начале IX в. в большинстве своем были разрушены хазарские города и поселения в Приморском Дагестане. Основная масса хазар и подвластных им народов — барсил, беленджерцев, савир, болгар, алан и др. — под натиском арабов покинула Приморский Дагестан и переместилась на Волгу и Дон. Здесь возникает новая столица Хазарии и складываются новые хозяйственно-экономические центры. Не только аланы⁴⁹, но и переселенцы из Дагестана перенесли в юго-восточную часть Европы некоторые компоненты хозяйственно-культурного типа. В силу чего нельзя считать случайностью, что элементы культуры, распространившиеся в различных вариантах салтовомаяцкой культуры, еще до указанного переселения оказались представленными на многочисленных археологических памятниках Терско-Сулакского междуречья (древней Барсиллии). Здесь, на землях древней Албании, оформилась Хазария в культурно-экономическом и политическом плане и соответственно здесь сохранилась основа всей последующей культуры Хазарского каганата.

¹ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 78, 183.

² Там же, с. 116.

³ Магомедов М. Г. Древние политические центры Хазарии. — СА, 1975, № 3, с. 63.

⁴ Магомедов М. Г. Хазарские поселения в Дагестане. — СА, 1975, № 2, с. 200.

⁵ Магомедов М. Г. Хазарские поселения. ..., с. 214.

⁶ Пикуль М. И. Некоторые сведения о средневековых поселениях Дагестана. — РФ ИИЯЛ, ф. 3, № 19, с. 38; Канивец В. И. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. — УЗИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, Махачкала, 1957, т. III, с. 163; Пугинцева Н. Д. Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья. Махачкала, 1961; РФ ИИЯЛ, ф. 3, 113, с. 133.

⁷ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. — МИА, 1962, № 106, с. 34;

Федоров Г. С. Погребальные сооружения и обряды погребений Верхнечирюртовских могильников и их этническая интерпретация. — Сб. ДГУ, Махачкала, 1974, вып. 5, с. 224; Ковалевская В. Б. Древние болгары на Северном Кавказе. — V Крупновские чтения: Тезисы докладов. Махачкала, 1975, с. 78 и др.

⁸ Брэдс К. А. Отчет об археологических разведках на берегах Сулака и доисследования Сигитминского нижнего поселения в 1958 г. — РФ ИИЯЛ, д. № 82, с. 9—17; Костюченко И. П. Предварительное сообщение о раскопках раннесредневекового Верхнечирюртовского могильника: Материалы отчетной сессии ИИЯЛ за 1956 г. — РФ ИИЯЛ, д. 2378, с. 72; Кондукторова Т. С. Антропологическая характеристика черепов из Верхнечирюртовского могильника в Дагестане. — В кн.: Вопросы антропологии. М., 1967, вып. 25, с. 128.

- ⁹ Котович В. Г., Шейхов Н. Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. — УЗИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1960, т. VIII, с. 358.
- ¹⁰ Гадло А. В. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья. — В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 152.
- ¹¹ Магомедов М. Г. Хазарские поселения. . ., с. 202.
- ¹² Магомедов М. Г. Древние политические центры Хазарии, с. 66.
- ¹³ Атаев Д. М., Магомедов М. Г. Андрей-аульское городище. — В кн.: Древности Дагестана, с. 121.
- ¹⁴ Магомедов М. Г. Хазарские поселения. . ., с. 204.
- ¹⁵ Магомедов М. Г. Отчет о работе Верхне-чирюртовской археологической экспедиции за 1975—1976 гг. — РФ ИИЯЛ, ф. № 3, с. 31.
- ¹⁶ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабуздакент. — МАД. Махачкала, 1961, т. II, с. 171, 172, рис. 4 (57, 75, 78), 5 (141), 10 (151, 189, 205), 26 (340).
- ¹⁷ Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского сел. Тарки в 1948—1949 гг. — МИА, 1951, № 23, с. 261, рис. 17, 2, 11; 18, 3, 4, 10, 19.
- ¹⁸ Кувшин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, т. 1, с. 81; Бобринский А. А. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1912 г. — МАР, 1914, вып. 54, с. 99, 100; ОАК за 1909 г., с. 100; Бобринский А. А. Отчет об исследовании курганов в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губ. — ИАК. СПб., 1914, вып. 40, с. 51, 52.
- ¹⁹ ОАК за 1899 г., с. 43.
- ²⁰ ОАК за 1905 г., с. 74.
- ²¹ ОАК за 1912 г., с. 51—52.
- ²² Смирнов К. Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Прикубанья. — КСИИМК, 1952, вып. XLVI, с. 8, 14, 15.
- ²³⁻²⁶ Анфимов Н. В. Глиняные курильницы сарматского времени с Северного Кавказа. — КСИИМК, 1955, вып. 58, с. 31—34.
- ²⁷ Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. — Труды ЧИНИИ, Грозный, 1963, т. IV, с. 59, 197, рис. 22.
- ²⁸ Крупнов Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана. — МИА, 1951, № 23, с. 218, рис. 9, 34; Виноградов В. Б. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 г. — АЭС, 1968, т. II, с. 212, рис. 8, 1.
- ²⁹ Смирнов К. Ф. Археологические исследования. . . с. 269, рис. 22, 4.
- ³⁰ Байбик В. Д., Виноградов В. Б., Гантимурова Т. М., Магомедов И. Д. Заметки о древней культовой керамике из памятников археологии Чечено-Ингушетии. — АЭС, 1969, т. III, с. 93, рис. 1, 5, 6.
- ³¹ Абрамова М. П. Нижне-Джуглатский могильник. Нальчик, 1972, с. 64, рис. 3, 26.
- ³² Раев Н. И. Художественная керамика Кавказской Албании. Баку, 1964, с. 127, рис. 8—10; с. 129, рис. 22; с. 133, рис. 41; Казиев С. М. Альбом кушанных погребений Мингечаура. Баку, 1960, табл. XIX, 2, 3; XXIX, 13.
- ³³ Абрамова М. П. Большой Буйнакский курган. — МАД, 1977, вып. VII, с. 53.
- ³⁴ Смирнов К. Ф. Курганы у сел. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. — МИА, 1959, № 60, рис. 26, 8; Сивуцын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана. — МИА, 1960, № 78, с. 97, рис. 36, 8.
- ³⁵ Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 89, 90.
- ³⁶ Раев Н. И. Художественная керамика, с. 128, рис. 12, 16; с. 139, рис. 28; с. 135, рис. 55—57; Казиев С. М. Альбом кушанных погребений, табл. IV, VII, IX, XXI.
- ³⁷ Исмизаде О. Ш. Ялойлутепинская культура. Баку, 1956, табл. XXXII, 4; Раев Н. И. Художественная керамика, с. 129, рис. 18; с. 139, рис. 75; Казиев С. М. Альбом. . ., табл. XXIX, 12, 14.
- ³⁸ Крупнов Е. И. Новый памятник. . ., с. 223; Смирнов К. Ф. Археологические исследования. . ., с. 264, 268.
- ³⁹ Байбик В. Д., Виноградов В. Б., Гантимурова Т. М., Магомедов И. Д. Заметки о древней культовой керамике. . ., с. 82.
- ⁴⁰ Анфимов Н. В. Глиняные курильницы сарматского времени. . ., с. 31—34; Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 59.
- ⁴¹ Пиккуль М. И. Отчет о результатах археологических исследований в 1957 г. — РФ ИИЯЛ, р—1, № 1531, 1958; Гадло А. В. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья, с. 152; Магомедов М. Г. Хазарские поселения. . ., с. 207.
- ⁴² Маммаев М. М. Из истории гончарного производства в раннесредневековом Дагестане. — УЗИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1970, вып. XX, с. 234.
- ⁴³ Магомедов М. Г. Хазарские поселения. . ., с. 214.
- ⁴⁴ Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969, с. 128; Пиккуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 105; История Дагестана. Махачкала, 1967, с. 69.

⁴⁵ Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, с. 103, рис. 25, 26, 28, 31.

⁴⁶ Артамонов М. И. История хазар, с. 116—130.

⁴⁷ Магомедов М. Г. Хазарские поселения. . ., с. 200.

⁴⁸ Юшков С. В. К вопросу о границах древней Албании. — В кн.: Исторические записки. М., 1937, с. 139.

⁴⁹ Кузнецов В. И. Аланы и тюрки в верховьях Кубани. — В кн.: Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974, вып. 1, с. 76.

Пряжки катакомбного могильника Мокрая Балка у г. Кисловодска

Г. Е. Афанасьев

Среди разнообразных категорий археологического материала важное место, как хронологический показатель, занимают пряжки. Раскопки катакомбного могильника Мокрая Балка, датированного второй половиной V—первой половиной VIII в., позволили получить большую разнообразную коллекцию (табл. 1) серебряных, бронзовых, железных и костяных пряжек, которая позволяет в значительной мере уточнить хронологические рамки бытования отдельных типов.

При описании пряжек мы делим их по материалу на группы, по форме рамки — на отделы, по виду щитка, язычка и размерам — на типы. Датировка выделенных типов определяется на базе разработанной ранее хронологии могильника¹. В итоге было выделено четыре этапа функционирования могильника: I — вторая половина V—первая половина VI в.; II — вторая половина VI—первая четверть VII в.; III — вторая четверть VII—рубеж VII—VIII вв.; IV — первая половина VIII в. Каждый из этапов характеризуется определенным набором пряжек.

Группа 1. Бронзовые и серебряные пряжки (88 экз.)

Отдел I. Круглорамчатые (7 экз.)

Тип 1. Круглорамчатые пряжки с хоботовым язычком, ступенчато срезанным сзади. Язычок в основании утолщен, а затем постепенно утончается. У основания язычка рамка имеет толщину 2—3 мм, а на противоположной стороне — 4—5 мм. Соотношение диаметра рамки и длины язычка 1:1,3. Составляют 42,8% отдела (рис. 1, 1—3).

Тип 2. Пряжки с равномерно утолщенным язычком. Соотношение диаметра рамки и длины язычка 1:1. Составляют 57,2% отдела (рис. 1, 4—7).

Отдел II. Овальнорамчатые (38 экз.)

Тип 3. Безщитковые пряжки с удлиненным язычком. По форме различны: равномерно утолщенные, с утолщенным основанием, утонченным основанием, с выступом у основания. Составляют 23,6% отдела (рис. 1, 8—15).

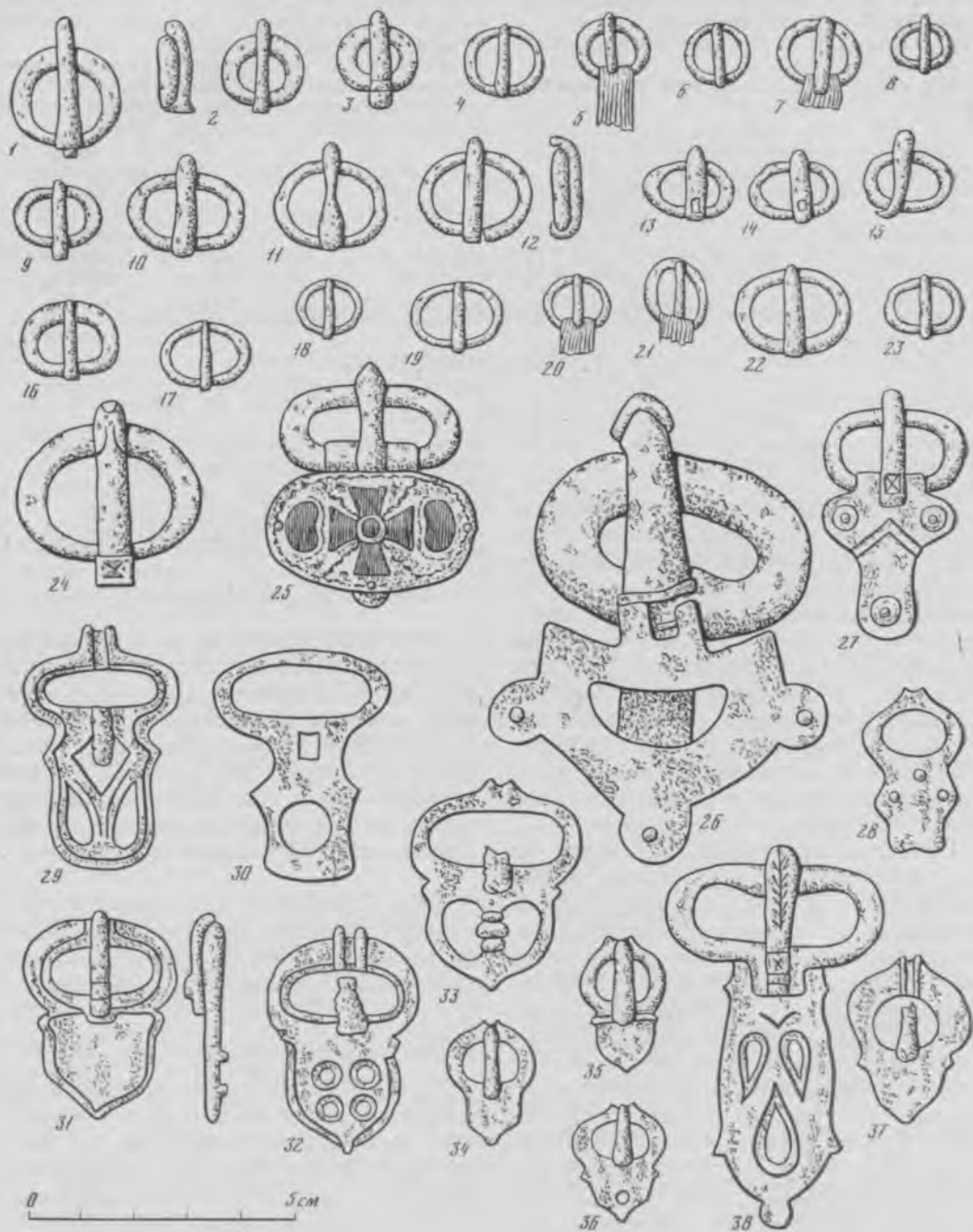

Рис. 1. Могильник Мокрая Балка. Кругло- и овальнорамчатые пряжки

Тип 4. Безщитковые пряжки с коротким язычком. К этому типу относятся пряжки, язычок которых равен или близок к вертикальному диаметру рамки. Соотношение вертикального и горизонтального диаметров 1:1,4. Составляют 34,6% отдела (рис. 1, 16—23).

Тип 5. Серебряная безщитковая пряжка с зооморфным язычком (рис. 1, 24). Соотношение вертикального диаметра и длины язычка 1:1,36. Передняя часть язычка оформлена в виде морды животного с длинными прижатыми ушами, задняя — ступенчато приподнята и украшена двумя треугольниками, соединенными острыми вершинами.

Тип 6. Позолоченная пряжка с овальным подвижным щитком. Наружная поверхность щитка украшена вставками синего и красного стекла, образующими в центральной части крест (рис. 1, 25). По краю щиток оформлен зигзагообразными линиями, соединяющимися затем в центре креста.

Тип 7. Бронзовая пряжка с подвижным серповидным щитком, края которого оформлены тремя полукруглыми выступами с отверстиями. В центре щитка полукруглый вырез. Язычок толстый, массивный, выступающий за пределы рамки (рис. 1, 26).

Тип 8. Бронзовая пряжка с подвижным Т-образным щитком. Соотношение вертикального диаметра рамки и длины язычка 1:1,3. Основание язычка украшено квадратом с двумя диагоналями, а нижняя часть щитка и концы крестовины украшены кружками в центре — двойной угольник (рис. 1, 27).

Тип 9. Бронзовая односоставная пряжка с фигурным щитком. Сделана из тонкой штампованной пластинки. Рамка имеет выступающий приемник для язычка. В боковых выступающих

частях щитка — два отверстия (рис. 1, 28). Использовалась для стягивания ноговиц.

Тип 10. Бронзовая односоставная пряжка с щитком, имеющим боковые выступы и закругленный нижний конец. Рамка снабжена выступающим приемником для железного язычка. Щиток украшает орнамент из ромба и двух каплевидных фигур (рис. 1, 29).

Тип 11. Бронзовые односоставные пряжки, близкие по форме к вышеописанному типу. Разница заключается в том, что рамка не имеет выступающего приемника для язычка, а в центре щитка — круглое отверстие (рис. 1, 30). Составляют 5,2% отдела.

Тип 12. Серебряная литая односоставная пряжка с геральдическим щитком. Рамка имеет невыступающий приемник для язычка. В нижней части язычка — квадратный выступ (рис. 1, 31).

Тип 13. Бронзовая односоставная пряжка с геральдическим щитком, украшенным четырьмя круглыми отверстиями. Рамка снабжена выступающим приемником для железного язычка (рис. 1, 32).

Тип 14. Бронзовая односоставная пряжка с геральдическим щитком, имеющим два яйцевидных выреза. Щиток снабжен шпеньками для крепления к ремню. На рамке выступающий приемник для железного язычка (рис. 1, 33).

Тип 15. Маленькие односоставные пряжки с геральдическими непрорезными щитками. Один экземпляр сделан из серебра, остальные — из бронзы. Все они имеют приемник для язычка. Составляют 13,1% отдела (рис. 1, 34—37).

Тип 16. Бронзовая пряжка с щитком «византийского типа» и массивным украшенным язычком (рис. 1, 38).

Отдел III. Лирорамчатые (10 экз.)

Тип 17. Бронзовые безщитковые пряжки. Почти все они найдены в области поясицы погребенных. На 3 экз. сохранились железные язычки,

на 2 — парные бронзовые оковки, с помощью которых они крепились к ремню. Составляют 70% отдела. По устройству нижней части эти пряжки могут быть разделены на два под-типа.

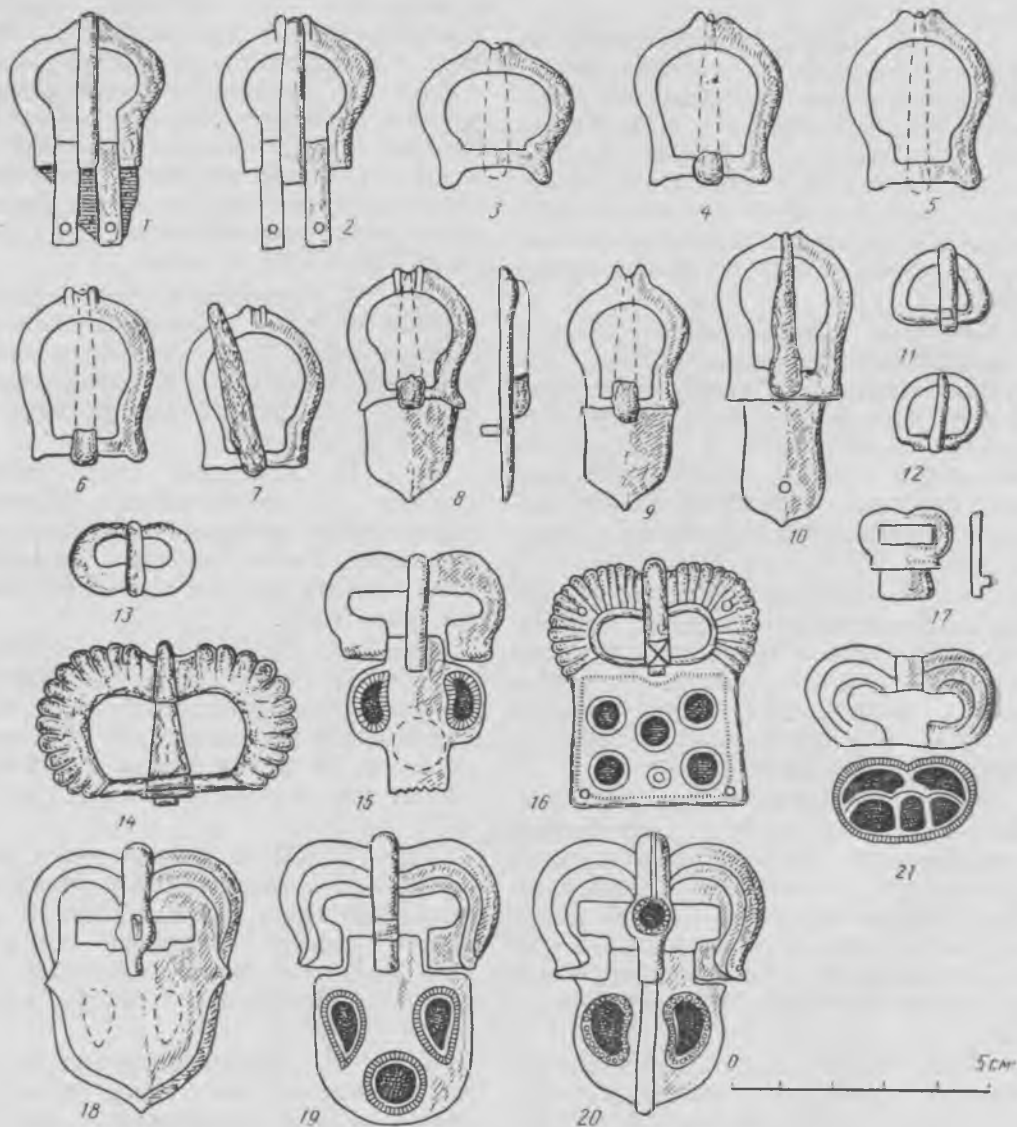

Рис. 2. Могильник Мокрая Балка. Лировидные пряжки

Подтип 1. Характеризуется тем, что нижняя часть рамки имеет прямые параллельные стороны. Наиболее ярко этот подтип представляют пряжки из катакомб 59, 103 (рис. 2, 1, 2).

Подтип 2. Нижняя часть рамок пряжек этого подтипа оформлена в виде расходящихся в разные стороны рожек. Найдены в катакомбах 20, 25 (рис. 2, 3, 4).

Остальные экземпляры (рис. 2, 5—7) относятся к переходным вариантам.

Тип 18. Бронзовые пряжки с геральдическим щитком. Все, за исключением одной, односоставные. Язычки железные (рис. 2, 8—10). Составляют 30% отдела.

Отдел IV. Сегменторамчатые (3 экз.)

Тип 19. Бронзовые пряжки с рамкой сегментовидной формы. Массивный язычок имеет у основания выступающую прямоугольную площадку (рис. 2, 11).

Тип 20. Бронзовая пряжка с рамкой округло-сегментовидной формы (рис. 2, 12).

Отдел V. В-образные (9 экз.)

Тип 21. Бронзовая безщитковая штампованная пряжка (рис. 2, 13).

Тип 22. Крупная бронзовая безщитковая пряжка с рифлением по краю рамки. Язычок массивный, стреловидной формы (рис. 2, 14).

Тип 23. Бронзовая пряжка с Т-образным подвижным щитком. Нижняя часть щитка отломана, а боковые края украшены двумя каплевидными стеклянными вставками (рис. 2, 15).

Тип 24. Бронзовая односоставная пряжка с прямоугольным щитком. На обратной стороне щитка шпенец (рис. 2, 17).

Тип 25. Бронзовая штампованная односоставная пряжка с трапециевидным щитком. Рамка украшена рифле-

нием. У основания язычка крестообразный знак. Щиток по периметру оформлен вертикальными черточками, в центральной части — круглые стеклянные вставки (рис. 2, 16).

Тип 26. Пряжки с геральдическим щитком составляют 33,3% отдела. По своим параметрам и принципам оформления они объединяются в один тип. Однако по способу крепления щитка к рамке можно выделить два подтипа.

Подтип 1. Характеризуется бронзовой односоставной пряжкой, найденной в катакомбе 89 (рис. 2, 18). Первоначально щиток был украшен двумя каплевидными стеклянными вставками, позже утраченными.

Подтип 2. Представлен пряжками, имеющими подвижные геральдические щитки. Из катакомбы 100 происходит пряжка, щиток которой украшен двумя каплевидными и одной круглой стеклянными вставками (рис. 2, 19). На щитке пряжки из катакомбы 122 — две каплевидные вставки, кроме того, круглая вставка украшает ее язычок (рис. 2, 20).

Тип 27. Серебряная пряжка с накладным В-образным щитком, инкрустированная красным стеклом (рис. 2, 21).

Отдел VI. Прямоугольнорамчатые (14 экз.)

Тип 28. Бронзовая безщитковая пряжка. Боковые стороны изнутри ступенчато срезаны. Нижняя часть язычка имеет прямоугольное утолщение (рис. 3, 1).

Тип 29. Бронзовая безщитковая пряжка. Центральная часть язычка оформлена рельефными жгутами (рис. 3, 2).

Тип 30. Бронзовая безщитковая пряжка. Нижние углы рамки имеют снаружи полукруглые выемки (рис. 3, 3). Язычок в сечении треугольный и имеет в нижней части овальный бугор-

рок. Перекладину рамки охватывают две скобки с отверстиями для шпенокков.

Тип 31. Односоставные пряжки с геральдическим щитком. Один экземпляр сделан из серебра (рис. 3, 4), остальные — бронзовые (рис. 3, 5—8). Составляют 42,8% отдела. Некоторые экземпляры использовались для крепления обувных ремней.

Тип 32. Бронзовая односоставная пряжка с щитком, имеющим прогнутые стороны (рис. 3, 9).

Тип 33. Бронзовые односоставные пряжки с щитком в виде стилизованных соколиных головок. Составляют 21,2% отдела. По ряду особенностей щитка выделяются три подтипа.

Подтип 1. Характеризуется более заостренными головками на щитке пряжки. Рамка крупнее других экземпляров и снабжена четко выраженным приемником (рис. 3, 10). Язычок железный. Найдена в катакомбе 7.

Подтип 2. Соколиные головки щитка округлы и более стилизованы. На

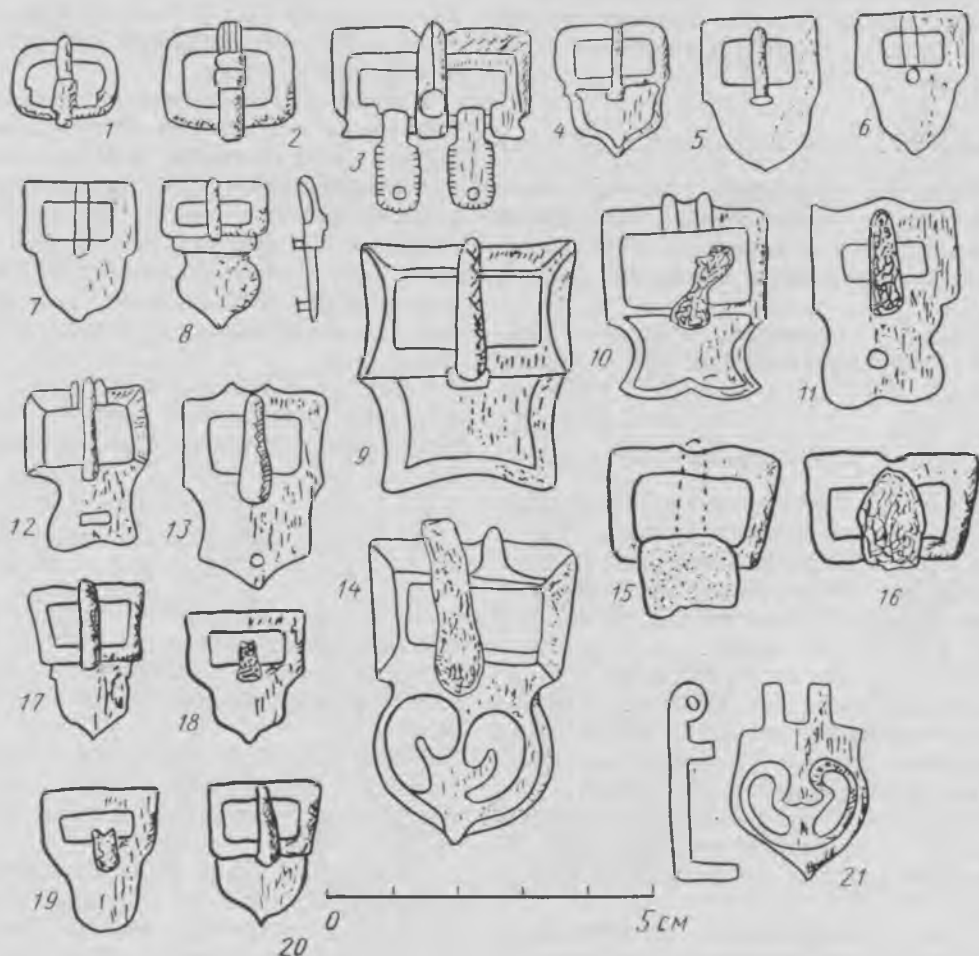

Рис. 3. Могильник Мокрая Балка. Прямоугольнорамчатые пряжки

щитке имеется круглое отверстие, видимо, для шпенька. Ширина рамки меньше предыдущей. Язычок железный (рис. 3, 11).

Подтип 3. Размеры пряжки меньше других. Соколиные головки сильно стилизованы. На щитке имеется прямоугольное отверстие, четко выражен приемник язычка (рис. 3, 12).

Тип 34. Бронзовая одноставная пряжка с пятиконечным щитком, имеющим прогнутые стороны. Рамка снабжена выступающим приемником для железного язычка (рис. 3, 13).

Отдел VII. Трапециерамчатые (7 экз.)

Тип 35. Бронзовые безщитковые пряжки. В верхней части рамки имеется небольшая выемка для язычка. На одной сохранился кусочек сыромятной кожи (рис. 3, 15) шириной 15 мм, а на другой — железный язычок (рис. 3, 16).

Тип 36. Бронзовые одноставные пряжки с геральдическим щитком имеют железные язычки. Составляют 57,1% отдела (рис. 3, 17—20).

Тип 37. Бронзовые пряжки, имеющие щиток ажурной геральдической формы с тяжем в виде якоря. Выделяются два подтипа.

Подтип 1. Бронзовая литая одноставная пряжка снабжена выступающим приемником и железным язычком (рис. 3, 14).

Подтип 2. Данный экземпляр отнесен к отделу трапециерамчатых условно. Фактически от пряжки сохранился только бронзовый подвижной щиток ажурной геральдической формы с тяжем в виде якоря (рис. 3, 21).

Группа 2. Железные пряжки (49 экз.)

Отдел I. Круглорамчатые (6 экз.)

Тип 38. Железные безщитковые пряжки (рис. 4, 1—4).

Тип 39. Одноставные пряжки с прямоугольным щитком (рис. 4, 5, 6).

Отдел II. Овальнорамчатые (18 экз.)

Тип 40. Небольшие безщитковые пряжки. На экземплярах из катакомб 11, 17 — бронзовые язычки (рис. 4, 7, 8) составляют 44,5% пряжек отдела.

Тип 41. Крупные безщитковые пряжки (рис. 4, 9) составляют 27,7% отдела.

Тип 42. Железная одноставная пряжка с трапециевидным щитком (рис. 4, 10).

Тип 43. Железные одноставные пряжки с прямоугольным щитком (рис. 4, 11) составляют 22,3% отдела.

Отдел III. Лирорамчатые (6 экз.)

Тип 44. Безщитковые лирорамчатые пряжки и пряжки с прогнутыми боковыми сторонами. Так как в результате плохой сохранности железа трудно различить эти, казалось бы, два различных типа, мы объединяем их в один тип. Наиболее четко приближаются к лирорамчатым пряжки из катакомб 26, 117, остальные походят на пряжки с прогнутыми боковыми сторонами (рис. 4, 12—14), составляют 100% отдела.

Отдел IV. Сегменторамчатые (2 экз.)

Тип 45. Безщитковые сегменторамчатые пряжки (рис. 4, 15, 16).

Отдел V. Прямоугольнорамчатые (14 экз.)

Тип 46. Крупные пряжки с язычком, расположенным параллельно длинной стороне рамки (рис. 4, 17—19), составляют 21,4% отдела.

Тип 47. Небольшие пряжки с язычком, расположенным параллельно длин-

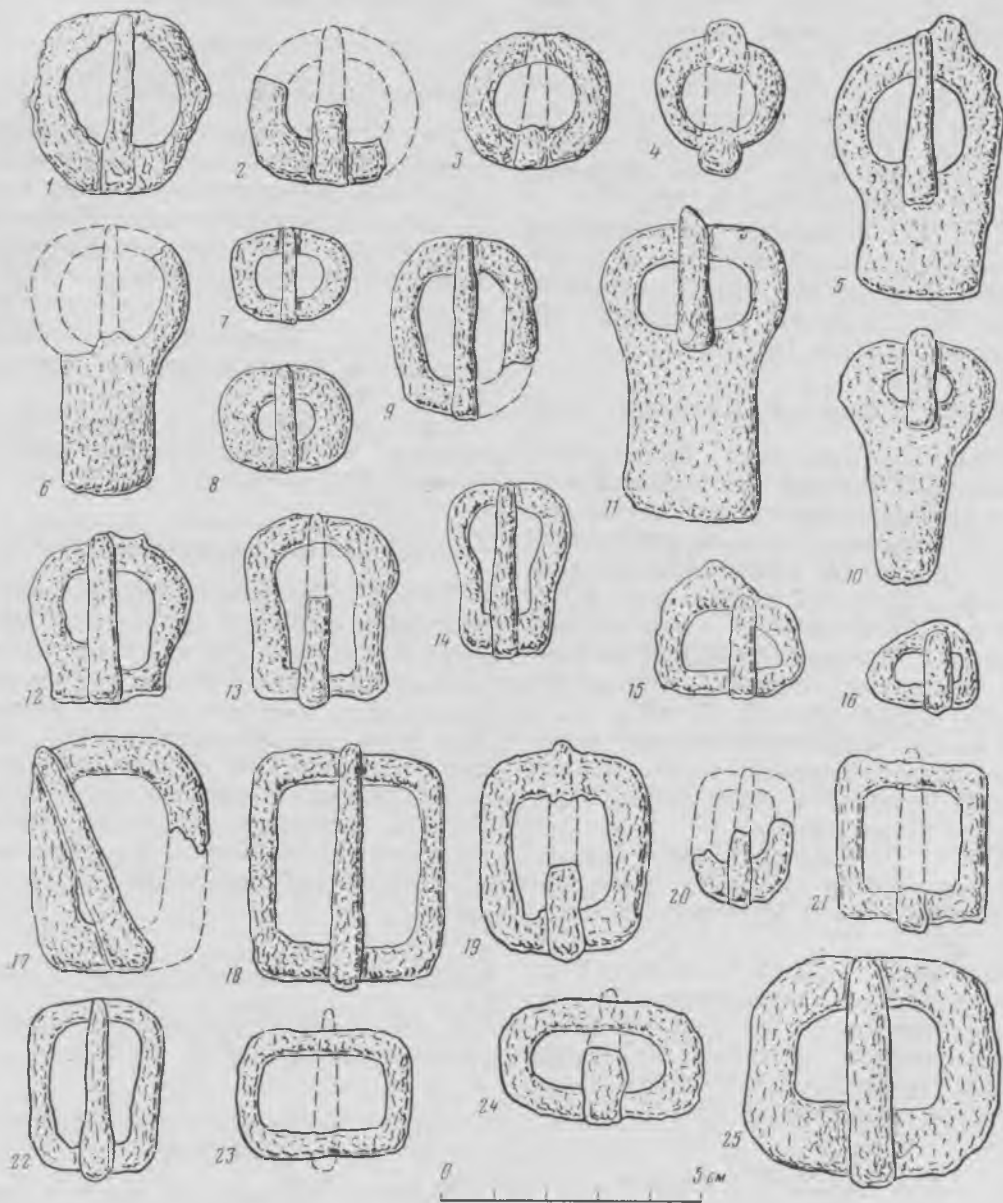

Рис. 4. Могильник Мокрая Балка. Железные пряжки

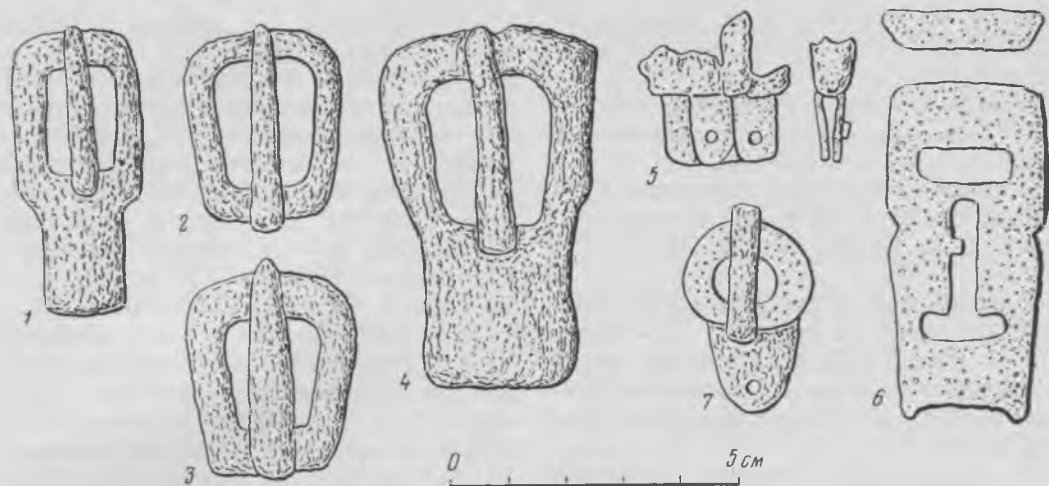

Рис. 5. Могильник Мокрая Балка. Железные пряжки

ной стороне рамки (рис. 4, 20—22), составляют 50% отдела.

Тип 48. Крупная безщитковая пряжка с язычком, расположенным параллельно короткой стороне рамки (рис. 4, 25).

Тип 49. Небольшие безщитковые пряжки с язычком, расположенным параллельно короткой стороне рамки (рис. 4, 23, 24).

Тип 50. Односоставная прямоугольнорамчатая пряжка с прямоугольным щитком (рис. 5, 1).

Отдел VI. Трапециерамчатые (3 экз.)

Тип 51. Безщитковые пряжки (рис. 5, 2, 3).

Тип 52. Односоставная пряжка с прямоугольным щитком (рис. 5, 4).

Тип 53. В катакомбе 11-К найден фрагмент железной рамки с бронзовыми скобками (щитком). Так как рамка почти не сохранилась, мы включаем ее в отдел трапециерамчатых условно (рис. 5, 5).

Группа 3. Костяные пряжки (2 экз.)

Отдел I. Круглорамчатые (1 экз.)

Тип 54. Круглорамчатая костяная пряжка с железным геральдическим щитком (рис. 5, 7).

Отдел II. Трапециерамчатые (1 экз.)

Тип 55. Костяная пряжка, относящаяся к типу подпружных. Наружная сторона округлая, внутренняя имеет плоскую поверхность (рис. 5, 6).

Таблица распределения бронзовых и серебряных пряжек в датированных комплексах (табл. 2) наглядно показывает, что одни типы пряжек характерны только для определенных хронологических этапов, другие — для двух этапов и более. Прежде всего на протяжении второй половины V—рубежа VII—VIII вв. встречаются пряжки типов 3 и 4. 57,1% пряжек типа 3 приходится на вторую половину VI—первую четверть VII в. 88,8% пряжек

типа 4 из датированных комплексов приходится на вторую половину VI—конец VII в.

Вторая половина V—первая половина VI в. характеризуется пряжками типов 1, 5, 6, 22, 25, 28, 29.

В комплексах второй половины VI—первой четверти VII в. найдены пряжки типов 7, 8, 12, 19, 21, 23, 24, 26, 27, 30, 35.

Пряжки типа 31 встречаются в пределах второй половины VI—конца VII в. Однако 75% этих пряжек из датированных комплексов связано со второй половиной VI—первой четвертью VII в.

В погребениях второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв. найдены пряжки типов 15, 16, 17, 18, 32, 34, 36.

В первой половине VIII в. появляются пряжки типов 9, 10, 11, 13, 14, 37. Пряжки типа 33 найдены как в комплексе второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв., так и в погребениях первой половины VIII в.

Таблица распределения пряжек показывает, что каждый хронологический этап характеризуется наиболее распространенной формой рамки пряжек.

Круглорамчатые пряжки бытуют в одинаковых соотношениях на протяжении первого, второго и третьего хронологического этапов. 16,1% овальнорамчатых пряжек найдено в погребениях второй половины V—первой половины VI в.; 35,5% — в захоронениях второй половины VI—первой четверти VII в.; 32,2% — в комплексах второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв.; 16,1% — в катакомбах первой половины VIII в. Все лирорамчатые пряжки связаны только с комплексами второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв., а сегменторамчатые — с погребениями второй половины VI—первой четверти VII в.; 22,2% пряжек с В-образной рамкой происходит из комплексов второй половины V—первой половины VI в., а 77,7% связано с погребениями

второй половины VI—первой четверти VII в. Пряжки с прямоугольной рамкой встречаются на протяжении всего периода функционирования могильника — со второй половины V в. до середины VIII в. включительно. Однако 16,6% таких пряжек приходится на вторую половину V—первую половину VI в.; 33,3% — на вторую половину VI—первую четверть VII в.; 33,3% — на вторую четверть VII—рубеж VII—VIII вв.; 16,6% — на первую половину VIII в. Пряжки с трапецевидной рамкой распределяются следующим образом: 28,6% происходит из комплексов второй половины VI—первой четверти VII в.; 57,1% — из погребений второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв.; 14,3% — из катакомб первой половины VIII в.

Таким образом, в период второй половины V—первой половине VI в. встречаются круглорамчатые, овальнорамчатые и В-образные пряжки. Преобладающие пряжки второй половины VI—первой четверти VII в. имеют В-образную и прямоугольную рамку. Во второй четверти—конце VII в. бытуют лиро- и трапециерамчатые пряжки, но наряду с ними встречаются овально- и прямоугольнорамчатые. Первая половина VIII в. — период господства овальнорамчатых пряжек, однако встречаются прямоугольно- и трапециерамчатые.

71,4% пряжек с подвижным щитком приходится на вторую половину VI—первую четверть VII в. Одноставные пряжки распределяются следующим образом: 3,45% таких пряжек из датированных комплексов приходится на вторую половину V—первую половину VI в.; 20,69% — на вторую половину VI—первую четверть VII в.; 48,27% — на вторую четверть VII—рубеж VII—VIII вв.; 27,58% — на первую половину VIII в.

Распределение пряжек второй группы в датированных комплексах

Таблица 1. Классификация пряжек могильника Мокрая Балка

Группа	Отдел	Тип	Количество экз.	Номер катакомбы	Группа	Отдел	Тип	Количество экз.	Номер катакомбы	
1	I	1	3	3-A, 84	1	VI	28	1	61	
		2	4	9-K, 86, 109			29	1	121	
	II	3	9	1-A, 4-K, 9-K, 22, 58, 71, 89, 106			30	1	107	
		4	13	3-A, 10, 17, 20, 28, 29, 92, 105, 109			31	6	1, 90, 107, 2-A	
		5	1	3-A			32	1	21	
		6	1	121			33	3	7, 103, 15-K	
		7	1	25-K			34	1	113	
		8	1	58		VII	35	2	30, 94	
		9	1	15-K			36	4	92, 113, 114, 117	
		10	1	120			37	1	15-K	
		11	2	21-K		2	I	38	4	4-A, 7, 24, 37
		12	1	2-A				39	2	1, 69
		13	1	1-K			II	40	8	5-A, 11-K, 11, 17, 25, 26, 41, 54
		14	1	110				41	5	1, 9, 103
		15	4	17, 78, 92, 113			42	1	75	
		16	1	113			43	4	3-K, 47, 97, 99	
	III	17	7	15, 20, 25, 59, 74, 114			III	44	6	26, 31, 52, 73, 117
		18	3	33, 104, 117				45	2	3-K, 11-K
	IV	19	2	4-K			V	46	3	69, 70, 90
		20	1					47	7	19, 78, 80, 90, 94, 11
	V	21	1	28			48	1	111	
		22	1	42			49	2	73, 77	
		23	1	122			50	1	17	
		24	1	1			VI	51	2	57, 74
		25	1	41				52	1	1
		26	3	89, 100, 122				53	1	11-K
		27	1	4-K		3	54	1	3-A-A	
			55	1			2-A			

Таблица 2. Распределение пряжек первой группы в датированных комплексах

Отдел	Тип	Хронологический этап				Отдел	Тип	Хронологический этап			
		I	II	III	IV			I	II	III	IV
I	1	1	—	—	—	1	9	—	—	—	1
	2	—	1?	2	—		10	—	—	—	1
II	3	2	4	1	—		11	—	—	—	1
	4	1	4	4	—		12	—	1	—	—
	5	1	—	—	—		13	—	—	—	1
	6	1	—	—	—		14	—	—	—	1
	7	—	1?	—	—		15	—	—	4	—
	8	—	1	—	—		16	—	—	1	—

Таблица 2 (продолжение)

Отдел	Тип	Хронологический этап				Отдел	Тип	Хронологический этап			
		I	II	III	IV			I	II	III	IV
III	17	—	—	6	—	VI	28	1	—	—	—
	18	—	—	3	—		29	1	—	—	—
IV	19	—	1	—	—	30	—	1	—	—	
	20	—	—	—	—	31	—	3	1	—	
V	21	—	1	—	—	32	—	—	1	—	
	22	1	—	—	—	33	—	—	1	2	
	23	—	1	—	—	34	—	—	1	—	
	24	—	1	—	—	VII	35	—	2	—	—
	25	1	—	—	—		36	—	—	4	—
	26	—	3	—	—		37	—	—	—	1
	27	—	1	—	—						

Таблица 3. Распределение пряжек второй и третьей групп в датированных комплексах

Тип	Хронологический этап				Тип	Хронологический этап				Тип	Хронологический этап			
	I	II	III	IV		I	II	III	IV		I	II	III	IV
38	2	—	1?	1	44	—	—	4	—	50	—	—	1	—
39	—	1	1?	—	45	—	1	—	1	51	—	—	1	—
40	1	3	2	1	46	—	—	1	2	52	—	1	—	—
41	—	1	1	1	47	1	1	3	1	53	—	1	—	—
42	—	—	—	—	48	—	—	—	—	54	—	—	—	—
43	—	—	2	2	49	—	1	1	—	55	—	1	—	—

(табл. 3) показывает, что на протяжении всего периода функционирования могильника бытуют пряжки типов 38, 40, 47. В комплексах второй половины VI—первой четверти VII в. найдены пряжки типов 52, 53. Пряжки типов 39, 49 встречены как в комплексах второй половины VI—первой четверти VII в., так и в комплексе второй четверти VII—рубежа VII—VIII вв. Со

второй половины VI в. до первой половины VIII в. включительно бытуют пряжки типов 41, 45. Для второй четверти—конца VII в. характерны пряжки типов 44, 50, 51, а для второй четверти VII—середины VIII в. — пряжки типа 43. Что касается пряжек третьей группы, то пряжка типа 55 происходит из комплекса второй половины VI—первой четверти VII в.

¹ Афанасьев Г. Е. Хронология могильника Мокрая Балка (в печати); *Он же.* Новые находки в Мокрой Балке (в печати).

К вопросу о связях степного Заволжья с Кавказом в хазарское время

Л. Л. Галкин

В 1973 г. учительницей средней школы совхоза «Дергачевский» Дергачевского района Саратовской области Е. В. Черкасовой была передана автору настоящей публикации бронзовая личина (рис. 1). Она была найдена на поверхности почвы на правом берегу р. Алтата в районе поселения Алтата 4 (срубного времени). Бронзовая личина сохранилась фрагментарно. Отсутствует правая ее сторона, она утеряна еще в древности. Оставшаяся часть представляет собой отлитую в форме полую выпуклую бронзовую поделку. Наибольшая длина ее 36 мм, ширина сохранившейся части 30 мм, толщина изделия 1 мм. На ее внешней поверхности выгравированы надбровные дуги и своеобразно изображены брови с помощью нанесенных резцом коротких неглубоких штрихов. Сохранившийся левый глаз личины также выполнен с помощью резца, в виде короткого миндалевидного углубления. Нос выдается всего на 3—4 мм. Уши личины были отлиты вместе с ней и имели форму округлых выступов длиной 6 мм, шириной 5 мм, толщиной 1—2 мм, в которых имелись сквозные отверстия диаметром 2,5 мм. Рот и подбородок не сохранились. Однако по оставшимся нижним частям личины можно с уверенностью говорить, что усы и борода у нее отсутствовали. Внешняя поверхность бронзовой поделки имеет темную ровную патину — очевидно, она долгое время находилась на открытом воздухе, а не в земле.

Почти прямая аналогия описываемой личине обнаружена в Дагестане среди материалов, относящихся к ха-

зарскому времени. Она найдена в могильнике Агачкала и датируется X—XI вв.¹ Агачкалинская находка выполнена из сердолика. У этой личины тот же, что и у бронзовой, слегка удлиненный овал лица, такими же вертикальными, косо поставленными черточками изображены брови. Так же трактованы уши, изготовленные из позолоченной проволоки, сканой обоймой охватившей сердоликовую личину. Так же, как и на бронзовой личине, имеются отверстия в «ушах». Только в отличие от первой сердоликовая поделка имеет еще и петлю на темени (рис. 2). Эти петли, очевидно, предназначались для крепления личины к чему-то.

Рассматривая бронзовую литую личину, нельзя не вспомнить о древнетюркских языческих обрядах, связанных с похоронами, о которых говорит Абуль-Гази: «... когда у него умирал любимый кто-либо, то сын или дочь, или братья делали похожую на него статую и, поставив ее в своем доме, говорили: это такой-то из наших близких; оказывая к нему любовь, первую часть кушания клали перед ней, целовали ее, натирали мазями лицо, глаза и кланялись ей»².

Возможно, назначение бронзовой личины имело прямое отношение к описываемому обряду. Она представляла собой умершего и находилась в жилище его ближайших родственников, являясь тулом. Одна из древнетюркских эпитафий разъясняет это понятие: «На шестьдесят первом году жизни я на голубом небе не стал видеть солнца. Моя княжна в тереме сделала тул»³.

Рис. 1. Личина, найденная на правом берегу р. Алтата (Саратовское Заволжье). Бронза

Рис. 2. Личины хазарского времени

1 — личина из бассейна р. Алтата, 2 — личина (сердолик в металлической обоймице) из Агач-кала (Дагестан)

Тул — это изображение умершего. В данном случае он мог быть представлен куклой с надетой на нее бронзовой личиной.

Тул, как считают исследователи, выполнял роль вместилища души покойного, являлся его заместителем среди живых. Но он был временным, и по истечении периода, определяемого обычаем, его уничтожали. Это побуждалось страхом перед умершими и преследовало собой акт полного разрыва с покойником, душа которого, помещавшаяся в туле, навсегда уходила в мир мертвых и не мешала живым⁴.

В связи с вышесказанным можно предположить, что фрагментарность бронзовой поделки из Саратовского За-

волжья имела не случайный характер, а определялась обычаем уничтожения тула после истечения срока траура. Сердоликовая личина, найденная в Агачкале, происходит из погребения. Она, по мнению К. Ф. Смирнова, была не местного изготовления, а привозной⁵ и, возможно, поэтому людьми, которые ее приобрели, использовалась не в том качестве, для которого предназначалась.

Как бронзовая, так и сердоликовая личины не имеют аналогий в антропоморфной пластике Кавказа⁶, тюркского мира южнорусских степей и Сибири. Они не находят параллелей ни в памятниках эпохи бронзы, ни в материалах раннего железного времени и

средневековья⁷. Очень отдаленную аналогию к исследуемым изделиям имеет бронзовая маска из Китая времени династии Чанг (1500—1027 гг. до н. э.)⁸. Ее сближает с названными предметами наличие оттопыренных ушей и петельки на темени. В изображении лица и его деталей они не имеют ничего общего, и это естественно, поскольку их разделяет огромный хронологический разрыв и найдены они вдалеке друг от друга, ни одна другая археологическая находка не заполняет эту лакуну.

Личины из Саратовского Заволжья и Дагестана наиболее близки по технике изображения бровей к серебряной погребальной маске из Танкеевского могильника в Татарской АССР. Брови у этой маски выполнены в виде коротких вертикальных, несколько наклоненных черточек. В одновременных погребениях, обнаруженных в Танкееве, найдена керамика салтовского облика. Эти погребения датируются второй половиной или концом IX в. и хорошо коррелируются с изучаемыми находками⁹. Интересно, что сканая проволоочная рамка, характерная для отделки дагестанской личины, имеет аналогию также в древностях Волжской Булгарии, датированных X—XIV вв. Так, в богатом женском погребении (40) на Бабьем бугре обнаружены серьги с сердоликовой вставкой, заключенной в проволоочную сканую рамку¹⁰.

Автор публикации пишет, что аналогия этим серьгам имеется в древностях из могильников Северного Кавказа X—XIV вв.¹¹ Обычно серьги сопровождаются типичными для Северного Кавказа зеркалами, которые да-

тируются концом I—началом II тысячелетия н. э. Эти серьги, по мнению А. М. Ефимовой, выполнены в раннеболгарских, «привнесенных с юга традициях»¹².

Рассматриваемые выше антропоморфные личины несомненно имеют отношение к единому хронологическому пласту и могут служить еще одним убедительным свидетельством связей между Кавказом и степным Поволжьем. Эти связи были в данный период обусловлены общностью их исторических судеб, находившихся в сфере влияния Хазарского каганата¹³.

В. И. Марковин в специальной работе, посвященной взаимосвязи населения евразийских степей, приводит многочисленные свидетельства находок северокавказских древностей на территориях, отделенных от Кавказа на тысячи километров, и древностей степных племен в памятниках Северного Кавказа. Например, он пишет: «Известны находки «ланчатых» бляшек каякентско-хорочоевского облика среди древностей Центрального Черноземья; бронзовая булавка с волютами обнаружена в Мордовии; топоры — на Украине, Урале и т. д.»¹⁴.

Эти связи, зародившиеся в глубокой древности, существовали на протяжении столетий. Разумеется, в каждый определенный исторический период они были обусловлены пока еще не очень ясными причинами, иллюстрацией чему служит находка бронзовой личины, имеющей близкую аналогию в дагестанских древностях хазарского времени.

¹ Смирнов К. Ф. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. — КСИИМК, 1951, вып. XXXVIII, с. 113—119, рис. 509; Марковин В. И. Дорогами и тропами Дагестана. М., 1974, с. 73.

² Березин Н. И. Библиотека восточных историков. Казань, 1854, т. III, с. 10.

³ Шишло Б. П. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели. — В кн.: Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975, с. 248.

⁴ Там же, с. 251—257.

⁵ Смирнов К. Ф. Агачкалинский могильник... с. 118.

- ⁶ *Ашурбейли С. Б.* Скульптура Азербайджана древнего периода и периода средневековья. — Труды музея истории Азербайджана, Баку, 1956. Т. I; *Есаян С. А., Мнацаканян А. О.* Находки новых бронзовых статуэток в Армении. — СА, 1970, № 2; *Исмизаде Ш.* Каменное изображение головы человека из Мильской степи. — СА, 1960, № 4.
- ⁷ *Аксенова Н. Д., Смирнов А. П.* Скульптурная голова с городища Великие Болгары. — СА, 1973, № 3; *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976, с. 84—103; *Семенов Л. П., Левина Л. М.* К вопросу об антропоморфных изображениях в джетысарской культуре. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 67—113; Памятник древнего культа Осетии. — МИА, 1951, № 23, с. 140—143; *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976.
- ⁸ *Böttger W.* Kultur im alten China. Berlin, 1977, S. 28.
- ⁹ *Казаков Е. П.* Работы в зонах Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ. — АО 1977 г. М., 1978, с. 179.
- ¹⁰ *Ефимова А. М.* Могильник на Бабьем бугре городища Болгары. — МИА, 1960, № 80, с. 190, 191, рис. 2, 1, 2, 12; 3.
- ¹¹ Там же, с. 191.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Плетнева С. А.* Хазары. М., 1976, с. 44.
- ¹⁴ *Марковин В. И.* Степи и Северный Кавказ. Об изучении взаимосвязей древних племен. — В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976, с. 193.

Кабардинские курганные могильники у сел. Чегем II¹

А. Х. Назоев

Одним из объектов, исследованных археологической экспедицией Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики в 1975—1976 гг., были кабардинские курганные могильники, находившиеся к северо-востоку от сел. Чегем II. Раскопаны они полностью. Курганные поля располагались в 200 м друг от друга. Первая группа курганов (могильник 3) состояла из 14 насыпей, а вторая (могильник 4) — из 27. Несколько курганов из этих могильников были исследованы ранее И. А. Владимировым² и П. Г. Акритасом³. В числе исследованных нами наибольший интерес представляет курган 14, который стоял в центре могильника 3 и привлекал внимание своими необычайными размерами. Высота его 6,4 м, диаметр 50 м. Основание кургана было окружено четко выраженным ровом глубиной 0,6 м, шири-

ной 2 м. На его вершине имелась глубокая яма, свидетельствующая о попытке ограбления. Курган интересен не только своими огромными размерами, но и стратиграфическими особенностями насыпи. На высоту до 4—4,5 м курган возведен из булыжных камней, над которыми насыпан мощный слой темно-серого сильно гумированного суглинка толщиной 1,5—1,8 м.

Могильная яма располагалась в 12 м к югу от центра кургана, на уровне древнего горизонта. Она имела прямоугольную форму и строго ориентирована с востока на запад. С южной стороны в ней сделан уступ. Длина ямы 3,3 м, ширина — 1,65 м, глубина — 1,2 м. Могила оказалась заваленной булыжными камнями вперемешку с глиной. Более глубокая северная часть ее обильно засыпана древесным углем. Никаких признаков погребения в мо-

гиле не обнаружено. По всей вероятности, курган был сооружен в качестве кенотафа. Из описания видно, что курган необычен как по своему размеру, так и по структуре насыпи и по расположению могильной ямы. Он заметно отличается от других известных курганов позднего средневековья предгорно-плоскостной части Северного Кавказа. Что касается остальных курганов могильников 3 и 4, то они более или менее однотипны, и поэтому ограничимся лишь их общим описанием. Под их курганными насыпями обнаружены неглубокие (0,5—0,8 м) могильные ямы прямоугольной формы, вытянутые с востока на запад.

Покойников хоронили в гробах, изготовленных из цельных, грубо отесанных дубовых досок. Костяки лежали вытянуто на спине, головой обращены на запад (с отклонениями сезонного характера). Часто изголовье покойника, а иногда и весь гроб обильно посыпаны древесным углем. Словом, для данных могильников характерны все элементы погребального обряда, известного для адыгских курганов позднего средневековья⁴.

Различия в погребальном обряде исследованных нами могильников заключаются в следующем.

В могильнике 3 курганы располагались далеко друг от друга (20—30 м), а в могильнике 4 — компактно, нередко соприкасаясь своими основаниями.

Средняя высота курганов могильника 3 равнялась 2 м, а в могильнике 4 средняя высота насыпей не превышала 80—90 см.

Погребения могильника 3 располагались, как правило, в южном секторе кургана, а в могильнике 4 — под центральной частью насыпи.

По особенностям топографии и внешнему виду курганных насыпей могильник 4 обнаруживает абсолютное сходство с кабардинскими курганами, раскопанными в большом количестве в

степных и предгорных районах Центрального Предкавказья⁵. Могильник 3 явно отличается от ранее исследованных кабардинских курганов по взаиморасположению и размерам насыпей. Захоронение покойника в стороне от центра кургана (в данном случае в южном секторе) является также необычным явлением для кабардинцев в эпоху позднего средневековья. Этот элемент погребального обряда встречается у западных адыгов интересующего нас времени. Следует заметить, что размеры курганов могильника 3 и первой группы известных белореченских курганов близки, своими огромными размерами они отличаются от других адыгских курганов.

Погребальный инвентарь исследованных Чегемских курганов состоит в основном из сильно изогнутых железных сабель, достигающих длины до 1,2 м, наконечников стрел разных размеров и форм, ножниц для стрижки овец, ножей, кресал, полых бронзовых пуговиц с позолотой, пряжек (рис. 1).

Следует отметить, что могильники разнятся между собой не только деталями погребального обряда, но и по инвентарю. В могильнике 3 он разнообразнее и богаче, а также отличается от всех других ранее исследованных кабардинских курганов. Особенно интересен набор украшений.

Для первой группы курганов (могильник 3) характерно большое количество бляшек самых разнообразных форм: крупноажурные бляшки подтреугольной формы, шестигранные со вставками камня, мелкоажурная золотая бляшка с привеской, позолоченные шарообразные или эллипсоидные пуговицы-застежки с петельками и гнездами для вставки камней (бирюзы?) (рис. 1, 10, 13, 15—18, 21—23); литые серебряные наконечники поясов с ажурным звериным орнаментом на фоне вставленной внутрь (наконечника) гладкой золотой пластинки, наконечни-

ки поясов из серебряных или бронзовых пластинок, украшенные рельефным орнаментом, а по краям в виде выдавленных в один ряд кружков (рис. 1, 9, 11, 12, 14).

Все перечисленные украшения имеют абсолютные аналогии в материалах белореченских курганов⁶, но в комплексах кабардинских могильников им почти неизвестны прямые аналогии⁷. В могильнике 4 почти нет украшений, за исключением одного наконечника ремня из оловянистой бронзы и двух бронзовых серег в виде вопросительного знака. Подобные украшения часто встречались в белореченских⁸ и кабардинских курганах⁹.

Что касается других категорий вещей (предметы вооружения и быта), извлеченных из могильников, то они обычны для адыгских курганов позднего средневековья¹⁰. Видимо, упомянутые различия в погребальном обряде и инвентаре двух курганных групп, этнически однородных, объясняются небольшой хронологической разницей между ними.

Обнаруженная в кургане 14 яма с уступами совершенно нехарактерна для кабардинских курганов. Такая особенность, на наш взгляд, свидетельствует о влиянии кочевников южнорусских степей на погребальный обряд кабардинцев. Если это так, то могильник 3 по времени возникновения немного предшествует могильнику 4, поскольку курганы кочевников Восточной Европы, как известно, датируются X—XIV вв.¹¹ Трудно полагать, чтобы элементы погребального обряда кочевников могли проникнуть к кабардинцам после XIV в. (т. е. после того, как сами кочевники перестали хоронить по данному обряду). Так же трудно представить себе, чтобы два этнически однородных могильника, но с небольшими, вышеуказанными различиями могли возникнуть рядом, т. е. на одном и том же месте и в одно и то же время.

Здесь уместно вспомнить, что кабардинские могильники, не только стоящие близко друг от друга, но и разбросанные в разных местах всего Центрального Предкавказья, довольно однотипны. И все же, несмотря на небольшие различия в их погребальном обряде и инвентаре, Чегемские могильники можно отнести к одной хроноло-

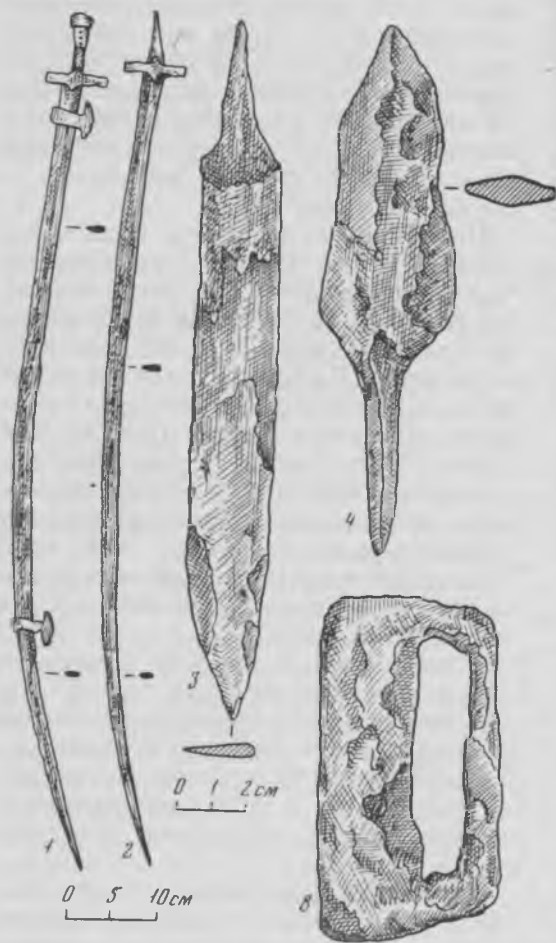

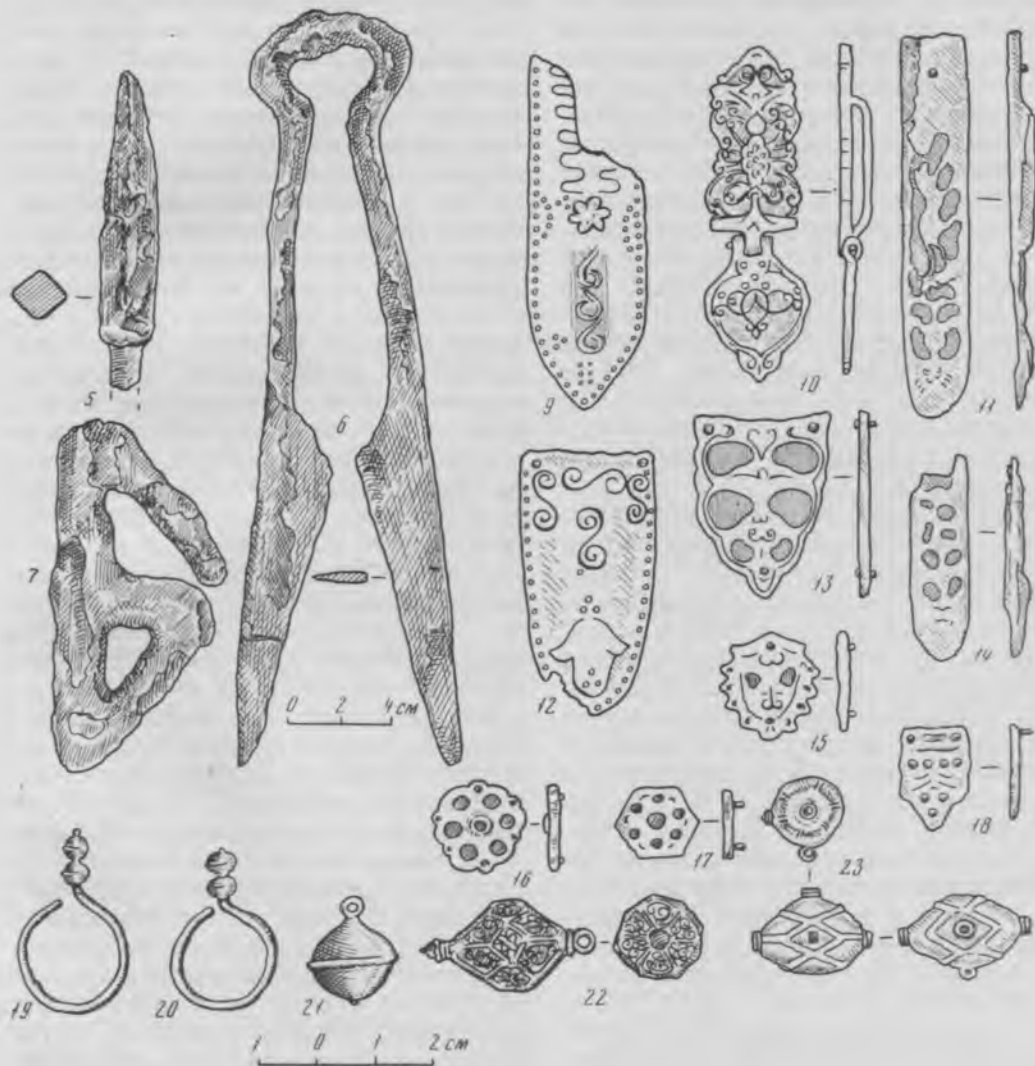
Рис. 1. Кабардинский курганный могильник у сел. Чегем II. Вещи из погребений

1, 2 — сабли, 3 — нож, 4, 5 — наконечники стрел, 6 — ножицы, 7, 8 — кресала, 9, 11, 12, 14 — наконечники поясов, 10, 15—18 — бляшки, 19, 20 — серьги, 21—23 — пуговицы; 1—8 — железо, 9, 11—18 — серебро (?), 10 — золото, 19—23 — бронза

гической эпохе, т. е. к позднему средневековью.

Значимость могильника 3 заключается не только в относительном богатстве и разнообразии погребального инвентаря, который расширяет представление о материальной и духовной культуре кабардинцев эпохи позднего средневековья, но и в том, что его матери-

алы явно указывают на связь с хорошо датированными белореченскими курганами. Кроме вышеупомянутого явно кочевнического элемента (яма с уступами), здесь же уместно напомнить еще об определенном сходстве кабардинских и вообще адыгских погребальных памятников с кочевническими курганами Юго-Восточной Европы¹².

Так, кабардинцы, как и кочевники, хоронили умерших под небольшими насыпями, вытянуто на спине, в деревянных гробах, вставленных в неглубокие ямы. Но надо сказать, что у кочевников неустойчива ориентировка скелетов, хотя преобладает западная¹³. Наиболее ярким отличительным признаком кабардинских курганов от кочевнических является полное отсутствие в погребениях останков коней и конской сбруи. Кроме того, кабардинцы, как правило, сооружали курганы для индивидуального захоронения, а у кочевников встречается несколько костяков в одной могиле¹⁴. В редких случаях (приблизительно на 100 курганов приходится 1 курган с парным погребением) и кабардинцы хоронили под одной насыпью двух умерших. Видимо, это случайное явление, вызванное одновременной гибелью или неожиданной смертью двух близких людей. Следует отметить еще, что для кочевников в отличие от кабардинцев характерны впускные погребения в насыпи курганов предыдущих эпох¹⁵.

Таким образом, несмотря на определенное различие между адыгскими и кочевническими курганами, имеется между ними и сходство, свидетельствующее о существовании определенной связи между адыгами и кочевниками южнорусских степей, которая и привела к появлению отдельных элементов золотоордынской культуры в культуре адыгских народов. Так, например, в белореченских курганах, как и в кочевнических, найдено большое количество поливных чаш, аналогичных золотоордынским, имеется сырцовый свод над могилой, а в инвентаре встречаются сердоликовые кольца для натягивания тетивы лука, золотоордынские монеты¹⁶ и проч.

Все перечисленные элементы золотоордынской культуры встречены только в курганах Северо-Западного Кавказа. Этот факт, как нам кажется, указыва-

ет на то, что в курганах белореченского типа Северо-Западного Кавказа четче, чем в кабардинских, прослеживается связь с золотоордынской культурой. Это, видимо, объясняется тем, что во время господства Золотой Орды в Восточной Европе и на Северном Кавказе в XIII в. кабардинцы еще не выделились из общего адыгского массива, т. е. не было еще особых кабардинских курганов. Разгром аланского союза татара-монголами, а затем ослабление могущества самой Золотой Орды создали благоприятные условия для продвижения кабардинцев с Северо-Западного Кавказа на юго-восток, с чем именно и связано появление кабардинских курганов на Центральном Предкавказье. Следовательно, кабардинские курганы в отличие от белореченских возникли не в период могущества Золотой Орды, а во время ее падения. Поэтому в кабардинских курганах не встречаются золотоордынские монеты и почти не прослеживается влияние золотоордынской культуры. Отсутствие дорогих привозных вещей в кабардинских курганах в отличие от белореченских также объясняется в основном тем, что кабардинцы в процессе своего продвижения на юго-восток все больше отдалялись от Северо-Западного Кавказа, более выгодного для развития торговых и культурных связей с периферийными странами того времени. Можно полагать, что кабардинцы после переселения в районы Центрального Предкавказья до середины XVI в., т. е. до добровольного присоединения Кабарды к России, не имели существенных торговых-экономических связей с другими странами. Об этом же свидетельствует не только малочисленность найденных в курганах привозных вещей, но и почти полное отсутствие в письменных источниках той эпохи сведений о кабардинцах. Интересно, что единственный счетный жетон, обнаруженный в 1974 г. в одном из кабардинских кур-

ганов (№ 15) у сел. Шалушка КБАССР, оказался не золотоордынским, как в белореченских курганах, а немецким, и не XIV—XV вв., а XVII в.¹⁷ Этот факт в какой-то степени подтверждает наше мнение о том, что кабардинские курганы возникли немного позже белореченских и в другой исторической обстановке.

Из всего изложенного можно прийти к следующим выводам.

У адыгских курганов и кочевников Восточной Европы прослеживается определенное сходство, которое объясняется территориальной близостью населения и культурными взаимовлияниями. Кроме того, надо иметь в виду определенное сходство в образе жизни адыгов и кочевников в эпоху позднего

средневековья, что также могло способствовать появлению общих черт в их хозяйстве, материальной и духовной культуре.

Кабардинские и белореченские курганы возникли в разных исторических условиях, хотя между ними нет существенного хронологического различия.

Чегемский могильник 3, содержащий в отличие от других кабардинских могильников украшения, совершенно аналогичные белореченским, можно датировать XIV—XV вв.

Могильник 4, который является типичным кабардинским погребальным памятником позднего средневековья, можно отнести к XVI—XVII вв.

¹ Первые два могильника у сел. Чегем II были исследованы нами в 1972—1973 гг. (Нагоев А. Х. Отчет о раскопках курганов в Чегемском районе Кабардино-Балкарской АССР в 1972 г.— Архив КБНИИ, инв. № 2166; Бегрозов Р. Ж., Нагоев А. Х. Отчет о раскопках курганов в бассейне р. Чегем в 1973 г.— Архив КБНИИ, инв. № 2197).

² ОАК за 1897 г. Извлечение из отчета о раскопках, произведенных классным художником И. А. Владимировым в Нальчикском округе Терской области. СПб., 1900, с. 41—44, 121—141.

³ Акрюгов П. Г. Археологические работы в Кабарде в 1954 году.— Уч. зап. КНИИ, Нальчик, 1955, т. X, с. 53—56.

⁴ Левашова В. П. Белореченские курганы.— Труды ГИМ, М., 1953, вып. XXII, с. 166—170; Милорадович О. В. Кабардинские курганы XIV—XVI вв.— СА, 1954, XX, с. 347.

⁵ Керцелли Н. Г. Антропологическая выставка Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1878, т. I, с. 204—206; т. II, 1879, с. 275, 276; Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли. М., 1908, с. 242—253; Антонович В. Б. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 года.— V Археологический съезд в Тифлисе. Труды предварительных комитетов. М., 1882, с. 217—270; Мачинский А. В. Кабардинские курганные погребения в окрестностях г. Нальчика.— МИА, 1941, № 3, с. 317—342; Крупнов Е. И., Мун-

чаев Р. М. Бамутские курганные могильники.— ДЧИ. М., 1963, с. 217—242.

⁶ Левашова В. П. Белореченские курганы, с. 193, 201, рис. 8, 11.

⁷ Милорадович О. В. Кабардинские курганы..., с. 346, 348, рис. 2, 3.

⁸ Левашова В. П. Белореченские курганы, с. 193, рис. 8, 30; с. 203, рис. 12, 4.

⁹ Милорадович О. В. Кабардинские курганы..., с. 348, рис. 3, 13.

¹⁰ Левашова В. П. Белореченские курганы, с. 179, 185, рис. 3, 5; Милорадович О. В. Кабардинские курганы..., с. 346, 348, рис. 2, 3.

¹¹ Плетнева С. А. Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях.— МИА, 1958, т. I, № 62, с. 151—226; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

¹² Теченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, с. 116.

¹³ Плетнева С. А. Печенеги, тюрки..., с. 153—186; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы..., с. 120—131.

¹⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы..., с. 131.

¹⁵ Плетнева С. А. Печенеги, тюрки..., с. 153; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы..., с. 131.

¹⁶ Левашова В. П. Белореченские курганы, с. 184, 210.

¹⁷ Нагоев А. Х., Керевфов В. М. Раскопки кабардинских курганов у сел. Лечинкай и Шалушка в 1974 г.— Архив КБНИИ, инв. № 2207.

Актуальные вопросы истории средневекового зодчества Северного Кавказа

В. А. Кузнецов

Зодчество — одна из основных форм материальной культуры, в эпоху средневековья синтезировавшая лучшие технические и художественные достижения. Поэтому история архитектуры привлекает к себе внимание исследователей — историков, архитекторов, искусствоведов, археологов, этнографов, наконец, массового читателя. Сказанное в полной мере относится и к архитектуре Северного Кавказа — многонационального региона, народы которого прошли большой путь исторического и культурного развития.

Необходимость исследования этого важнейшего культурного наследия горских народов Кавказа давно назрела, глубокий научный и практический интерес, который представляет собой местное зодчество, уже отмечался специалистами¹. В этой связи внимание научной общественности привлекла книга кандидата архитектуры А. Ф. Гольдштейна². Важные проблемы, поднятые им, не могут не вызывать широкий интерес и заслуживают специального обсуждения, попытка которого предпринимается в данной статье.

А. Ф. Гольдштейн не описывает все памятники изучаемой им территории и, по его же признанию, исследует материал «лишь в первом приближении; основательного исследования зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии (так же как Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) еще ждет» (с. 9). Книга содержит ряд интересных наблюдений и гипотез, но, главное, при всей неполноте материала, ошибках и спорности многих выводов она впервые в историографии столь широко и многогранно ставит проблему.

Хронологические рамки исследования — XII—XVIII вв.; ареал исследования включает Чечено-Ингушетию и Северную Осетию, что автором поясняется так: «Зодчество вайнахов и осетин представляет собой в функционально-типологическом и стилистическом отношениях единую группу сооружений» (с. 8). Здесь с А. Ф. Гольдштейном трудно согласиться. Нам представляется, что близость зодчества вайнахов и осетин не больше, чем близость зодчества осетин и балкарцев, и, исходя из черт функционально-типологического и стилистического сходства, можно и нужно ставить вопрос шире и говорить об архитектуре горских народов Центрального и Северо-Восточного Кавказа как о едином историко-художественном явлении, которое необходимо рассматривать в единстве и взаимодействии. А. Ф. Гольдштейн привлекает сравнительные материалы соседних территорий, в том числе из Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Дагестана. Но этот материал играет в исследовании подчиненную роль.

В то же время, подчеркивая указанное единство средневековой горской архитектуры Северного Кавказа, мы не вправе забывать и о ее национальном своеобразии. Рассматриваемое в книге А. Ф. Гольдштейна зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии далеко не идентично, и, как нам представляется, исследователь должен был сосредоточить свое внимание на двух основных задачах: показать единство общих принципов и национальное своеобразие. К сожалению, в его работе мы не находим сколь-нибудь развернутого и аргументированного исследования этих во-

просов, стоящих перед современным кавказоведением весьма остро. Автор ограничился указанием на влияние ингушского зодчества на осетинское (см., например, с. 40) и констатацией сходства и своеобразия народного зодчества Северного Кавказа «в различных его частях» (с. 142). Видимо, понимание средневековой архитектуры Чечено-Ингушетии и Северной Осетии именно как единой во всех отношениях группы сооружений и повело А. Ф. Гольдштейна в его сравнительном анализе по пути сравнения «с архитектурой на других (нередко довольно удаленных. — В. К.) территориях» (с. 143), а не по пути конкретного сравнения памятников соседних Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. Большие возможности, скрытые в таком анализе, в книге А. Ф. Гольдштейна остались неиспользованными.

Существует ли реальное различие в средневековой архитектуре изучаемых районов Северного Кавказа? Бесспорно существует. Достаточно указать на явную разницу в архитектурном облике наиболее колоритных сооружений — боевых башен. Еще И. П. Щерблякин писал о том, что осетинские башни «резко отличаются своим внешним видом, характером кладки и другими особенностями от башен ингушских, чеченских, дагестанских, грузинских и др.»³ Если большинство ингушских и чеченских боевых башен имеют пирамидально-ступенчатое перекрытие, то в Северной Осетии таких башен нет совершенно, ибо здесь употреблялась иная система перекрытия верхнего этажа. В. И. Марковиным, кроме того, отмечена разница в конструкции машикулей башен вайнахов и осетин⁴. Как отмечает А. Ф. Гольдштейн, для вайнахских боевых башен типичны ложные арки — гурты в каменных сводах на уровне второго этажа (с. 38). В осетинском зодчестве такие перекрещивающиеся арки-нервюры известны только в башнях Тагаурии, непосредственно

прилегающей к Чечено-Ингушетии (например, в боевых башнях сел Даргавс и Верхняя Саниба). Встречаются они и в горногрузинской области Хеви, также соседящей с Ингушетией⁵. Нет сомнения в том, что здесь мы имеем дело с влиянием вайнахской архитектуры на осетинскую, ибо в более западных районах Осетии эта деталь не встречается и собственно осетинской архитектуре она не присуща. То же самое следует сказать и об обычном для вайнахских жилых башен центральном опорном столбе, несущем междуэтажные перекрытия⁶ (такие опорные столбы встречаются и в Мтиулетии)⁷. В Северной Осетии они также известны только в Тагаурии (например, ганах Дегоевых в с. Даргавс)⁸. И эта деталь, характерная для вайнахских построек, в Тагаурии является заимствованием, ибо для осетинского зодчества она необычна⁹. Подобные примеры можно продолжить.

В кавказоведении давно обращено внимание на глубокую внутреннюю взаимосвязь архитектуры жилых и хозяйственных сооружений, боевых и жилых башен, склеповых и культовых построек. В основе их лежат единые архитектурно-строительные и художественно-эстетические принципы. К сожалению, и это важное положение, сформулированное историками и археологами, в книге А. Ф. Гольдштейна не получило развития и более конкретного обоснования.

В первой главе книги А. Ф. Гольдштейна рассматриваются жилые башни-сооружения, выполнявшие одновременно жилую и оборонительную функции (с. 10). Автор дает верную характеристику этих сооружений и вслед за В. И. Марковиным выделяет из массы жилых башен оригинальный тип, который В. И. Марковиным назван «полу-боевым». А. Ф. Гольдштейн такие башни именует «жилыми-боевыми» (с. 15). А. Ф. Гольдштейн не оспаривает со-

зданной археологами схемы эволюционного развития башенных сооружений Кавказа от жилых башен к боевым через «полубоевые», но справедливо замечает: «...мы не имеем среди исследованных объектов определенного хронологического ряда, показывающего переход от жилых к „полубоевым“ и от них к „боевым“» (с. 18). Весьма вероятно, что все три типа башен определенное время сосуществовали. Рассматривая вопрос о датировке жилых башен, А. Ф. Гольдштейн пишет: «Время и обстоятельства появления башенных сооружений... на Северном Кавказе неясны» (с. 19). Действительно, это так, но в принципиальном подходе к данному вопросу мы близки тезису, высказанному М. И. Джандиери и Г. И. Лежавой: жилые башни всюду возникают и существуют в сходных социально-экономических условиях¹⁰. Близкий по смыслу тезис находим и у А. Ф. Гольдштейна: «Башенный дом-крепость бытовал у разных народов при необходимости (и возможности) самостоятельной обороны жилища в условиях централизованной власти» (с. 29). Зародившись в глубокой древности (по Е. И. Крупнову, в I тысячелетии до н. э.¹¹, а может быть, и раньше), ингушские «гала» и осетинские «ганахи» вместе с медленно разлагающимся родовым строем и столь же медленно прогрессирующим феодализмом дожили до начала XIX в.

Достойно сожаления, что, рассматривая жилые и полубоевые башни (равно как и боевые), А. Ф. Гольдштейн не дал их в комплексе с окружающими постройками, нередко образующими замкнутые системы, интересные не только относительно их архитектуры, но и относительно реконструкции и раскрытия социальной организации (успешно исследуемой грузинскими этнографами во главе с А. И. Робакидзе)¹². Именно по этим причинам из книги начисто выпали столь характерные для Чечено-Ин-

гушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии замки-комплексы, в которых сочетались жилые, оборонительные и хозяйственные постройки. А ведь таких замков на изучаемой территории немало и многие из них чрезвычайно выразительны (например, замки Евлоевых в с. Пялинг, Точиевых в с. Мецхал в Ингушетии, «галуан» Магкаевых в с. Верхний Зарамаг в Северной Осетии, замок Бозиных в Балкарии и т. п.). Это крупное упущение А. Ф. Гольдштейна, ибо без характеристики замков зодчество горцев Северного Кавказа выглядит обедненным.

Нам кажется, что так же неправомерно автор обошел своим вниманием и обычное горское жилище. В литературе давно отмечено, что «именно на Кавказе жилищная тема представляет исключительно заманчивые возможности для исследователя»¹³, и это не случайно. Вольно или невольно у А. Ф. Гольдштейна проскользнула мысль, что жилище типа сакли пришло лишь в XVIII в. на смену жилой башне (с. 8); очевидно, поэтому жилище в книге не рассматривается, а зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии расчленено А. Ф. Гольдштейном всего на четыре архитектурных типа: жилые башни, боевые башни, церкви и святилища, гробницы (с. 9). С этим трудно согласиться. Жилище типа позднейшей сакли в горной части Кавказа не сменяет жилую башню, а самостоятельно существует в течение многих веков, если не тысячелетий. Как показали раскопки В. М. Котович в Верхнем Гундубе, каменные жилища, напоминающие сакли и расположенные на склоне горы террасообразно, бытовали в Дагестане уже в эпоху бронзы¹⁴. В 1962 г. автором этих строк был исследован комплекс помещений XI—XII вв. на Нижне-Архызском городище в Карачаево-Черкесии. Каменное здание с односкатной стропильной крышей, каменными лежанками и котлом на очажной цепи до-

волью близко к горской сакле, с той лишь разницей, что покрыто было оно специальными плоскими глиняными плитами¹⁵. Горская сакля XIX в. предстает перед нами в настолько законченном виде (например, отлично сохранившийся дом Ногаевых в с. Курта СО АССР¹⁶), что это само по себе предполагает весьма длительную предшествующую традицию.

А. Ф. Гольдштейн делает интересное сопоставление башен Северного Кавказа с донжонами западноевропейских замков (с. 26—28). В этой связи мы вновь можем пожалеть о том, что замковые комплексы Северного Кавказа им оказались обойдены — иначе это сопоставление выглядело бы еще нагляднее и убедительнее. Попытка же вывести и западноевропейские донжоны, и кавказские жилые башни из единого источника — Передней Азии нам кажется неаргументированной и неубедительной, как и предположение о том, что жилые башни появились только в средние века (с. 28).

Глава II посвящена боевым башням. Пожалуй, это самая удачная глава книги, содержащая не только верную общую характеристику сооружений, но и ряд остроумных (хотя не всегда достаточно обоснованных) догадок. Обратим внимание на предположение А. Ф. Гольдштейна о влиянии исчезнувшей деревянной архитектуры на башенные сооружения, в частности на пирамидально-ступенчатые венчания вайнахских боевых башен (с. 43). Аргументы в пользу этой гипотезы находим также в исследовании М. И. Джандиери и Г. И. Лежавы¹⁷. Нам эти предположения представляются достаточно спорными и требующими более веских доказательств.

А. Ф. Гольдштейн справедливо не разделяет точку зрения о том, что боевые башни Чечено-Ингушетии принадлежали феодалам и являются материальным свидетельством развитого фео-

дализма у вайнахов¹⁸. Проблема общественного строя вайнахов в позднем средневековье сложна, разными авторами интерпретируется по-разному. Заметим лишь, что А. Ф. Гольдштейн не без иронии отмечает, что поскольку, например, в с. Эрзи имелось 9 боевых башен, из этого не следует, «что в этом селе обитало девять феодалов» (с. 33).

В действительности же в Эрзи было 16 боевых башен¹⁹, что еще убедительнее показывает парадоксальность подобных утверждений.

На территории Северного Кавказа мы не знаем ни одной круглоплановой башни — все они четырехугольные. Круглые башни, обычные в Закавказье, здесь не привились, за исключением нескольких примеров в Дагестане и единственного — в Северной Осетии, где полукруглая башня отмечена нами в с. Казатикау. А. Ф. Гольдштейн указывает на это обстоятельство, но, ссылаясь на работу И. М. Мизиева, неосторожно пишет о наличии круглых башен в Кабардино-Балкарии (с. 33). Эти сведения требуют самой тщательной проверки и не должны приниматься «на веру», ибо могут ввести в заблуждение читателей и породить ложные исторические построения. Дело не только в настораживающей необычности круглых башен для Центрального Кавказа, но и в том, что, судя по очень поверхностному описанию Г. И. Ионе, это могут быть и не башни: так, диаметр «башни» Хырджават-Кала всего около 3 м, тогда как другая имела диаметр 20 м²⁰. Если в первом случае вряд ли можно говорить о башне со столь незначительным диаметром, то во втором случае он чрезвычайно велик и выходит за пределы рационального с точки зрения строительной техники (прежде всего проблема перекрытия и 20-метровых прогонов, тем более что никаких признаков центрального опорного столба не обнаружено, но выявлена необычная для башен хозяй-

стенная яма)²¹. Все это противоречит отождествлению верхнечегемских сооружений с башнями, тем более что «форма круглой в плане постройки органически не свойственна местному зодчеству», как справедливо отмечает сам А. Ф. Гольдштейн (с. 34). Автор высказывает интересное предположение о том, что боевые башни вайнахского типа возникли в Ингушетии (с. 37), и правильно считает, что откуда они проникли на юг, к жителям горных районов Грузии (с. 37—40). Однако он не указал на произвольные и ничем не обоснованные попытки некоторых исследователей представить эту картину в кривом зеркале и тип вайнахских боевых башен выводить из Грузии, с последующим распространением их на Северный Кавказ²². А. Ф. Гольдштейн пишет о трудностях в датировании боевых башен и о том, что датировать их по строительной технике рискованно (с. 45). Соглашаясь с этим, укажем, что в некоторых новых этнографических трудах строительство многих башен Осетии приписывается без всяких тому аргументов и оговорок аламам, и, следовательно, их относят к эпохе раннего средневековья²³. Подобные «датировки», разумеется, не имеют научного значения, и проблема определения времени сооружения боевых башен Северного Кавказа остается до сих пор окончательно нерешенной. А. Ф. Гольдштейн по этому поводу высказывает мнение, что боевые башни на Северном Кавказе появились до татаро-монгольского нашествия XIII в., а их массовое строительство началось после нашествия, в условиях обособленности общин, и предназначались они для защиты от ближайших соседей, а не от внешнего врага (с. 50). Расцвет башенной архитектуры Чечено-Ингушетии автор, вслед за В. И. Марковым, относит к XV—XVI вв., замечая, что, «судя по отработанности архитектурных форм и строительной техники этих

сооружений, им должна была предшествовать солидная традиция» (с. 51).

Применительно к Северной Осетии период расцвета, на наш взгляд, следует продолжить до конца XVIII в., т. е. до вхождения осетинского народа в состав Российского государства и последующих глубоких социально-экономических перемен в жизни осетин (в частности, их массового переселения на равнину в 30-х годах XIX в.). Что же касается раннего этапа строительства боевых башен, то все достоверно известные нам материалы связаны с башнями крепостными, относящимися ко времени с VIII по XII в. Таковы, например, башни Хумаринской крепости и городища Адюх в Карачаево-Черкесии, типичные для средневековых крепостей, а также обследованные нами в 1974 г. остатки башни оборонительной стены, перегораживающей Касарское ущелье в Северной Осетии. Но это не отдельно стоящие и автономные башни типа позднейших горских башен, проводить между ними прямую генетическую связь рискованно. Башни Адюхского городища тонкостенны и, следовательно, были невысоки, имели округленные углы, а башня Касарского ущелья в плане полукруглая. Как было показано А. Ф. Гольдштейном, круглые в плане сооружения для местного зодчества не характерны. Эти обстоятельства тем более побуждают к осторожности в выводах. Таким образом, сколько-нибудь надежных данных об автономных боевых башнях домонгольской эпохи у нас пока нет.

Целый ряд прямых и косвенных данных побуждает нас присоединиться к датировке подавляющего большинства боевых башен Чечено-Ингушетии и Северной Осетии XV—XVIII вв. В пользу последней даты А. Ф. Гольдштейн привел сведения Л. И. Лаврова о строительстве кабардино-черкесской башни Адюх в Карачаево-Черкесии около 1760 г., а также дату, написанную на

стене боевой башни в дагестанском селе Генга, — 1782 г. (с. 51). Это документальные сведения о строительстве башен на противоположных концах Кавказа. Что же касается рассматриваемой в книге А. Ф. Гольдштейна территории, то здесь уместно привести следующие соображения. В грузинской крепости Ананури находится большой купольный храм, воздвигнутый в 1689 г. Рядом с ним стоит типичная вайнахская боевая башня с пирамидально-ступенчатой крышей. Авторитетные грузинские исследователи свидетельствуют о том, что башня была построена раньше храма²⁴, т. е. в пределах XVI—XVII вв. — времени строительства самой крепости²⁵. Тем самым мы получаем некую отправную точку для определения времени вайнахских боевых башен с пирамидально-ступенчатым перекрытием, что вместе с данными о строительстве башен в XVIII в. полностью соответствует времени бытования склепов Северного Кавказа с аналогичным пирамидально-ступенчатым венчанием.

Думается, что в тот же период строились и боевые башни Осетии. Остатки деревянных балок от рухнувших перекрытий, сохранившиеся на фасадах некоторых башен пятна светло-желтой известковой облицовки (такой же, как на датированных склепах), одинаковой со склепами конструкции замковые устройства, прокладки из дубовых досок по периметру башни (башня Дзудеух в с. Хуссар-Ламардон) — все эти детали указывают на относительно позднее время строительства.

А. Ф. Гольдштейн напрасно занял негативную позицию по отношению к выводам Е. И. Крупнова (и других археологов) о приспособленности бойниц северокавказских башен к огнестрельному оружию. Эти выводы сыграли существенную роль в датировании северокавказских башен временем начиная с XV—XVI вв., когда распространяется огнестрельное оружие на Кавказе²⁶.

Узость бойниц этим выводам не противоречит: в построенной генуэзцами по западноевропейским фортификационным образцам крепости Судак в Крыму ширина бойниц не превышает 15 см²⁷, что не больше ширины бойниц башен Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. А. Ф. Гольдштейн считает, что из вайнахских башен можно было вести только настильный огонь. Но это не так: бойницы позволяли вести и прямой обстрел противника²⁸, находившегося близ башни. Для защиты же ее основания, несомненно, служили широкие амбразуры и машикули верхнего этажа вайнахских и пространства между угловыми выступами-мерлонами осетинских башен.

Заканчивая обзор главы II, обратим внимание на то, что автору явно лучше известны башни Чечено-Ингушетии. Башенная архитектура Северной Осетии в книге характеризуется по нескольким, вероятно довольно бегло осмотренным А. Ф. Гольдштейном, районам. На основании такого выборочного и поверхностно изученного материала полную и верную картину состояния осетинского позднесредневекового зодчества дать невозможно.

Глава III посвящена церквям и святилищам. А. Ф. Гольдштейн рассматривает известный храм Тхаба-Ерды в Ингушетии (с. 55—59). Вслед за Е. И. Крупновым²⁹ автор указывает на чисто местные строительные приемы, сочетающиеся с типично грузинским планом здания. Пытаясь объяснить этот своеобразный синкретизм, автор идет по ошибочному пути: он ставит под сомнение выводы предшествующих исследователей о том, что современные объемы Тхаба-Ерды сооружены местными мастерами в результате полной или частичной перекладки стен, но при сохранении плана первоначального здания (или части его). А. Ф. Гольдштейн почему-то не посчитался с указаниями о том, что плиты с резным орнаментом

в кладку Тхаба-Ерды во многих местах вставлены бессистемно, а грузинские надписи поставлены на бок или перевернуты³⁰, и вопреки этому пишет: «... композиции из разных каменных деталей оказались в должном виде и на своем месте» (с. 57).

Достаточно беглого взгляда на публикацию В. Ф. Миллера, чтобы убедиться в обратном³¹. Здесь же А. Ф. Гольдштейн делает вывод: «... следует полагать, что этот храм изначально построен в таком виде, в каком он дошел до нас».

Подобные утверждения вызывают недоумение. Ведь А. Ф. Гольдштейну должны быть известны основная литература о Тхаба-Ерды и только что приведенные факты, а также наблюдения В. И. Марковина о следах не менее четырех разновременных переделок³². Более того, есть факты, свидетельствующие о том, что сохранились отдельные фрагменты стен действительно древнего (первоначального?) здания. На это указывают обнаруженные Л. П. Семеновым остатки облицовки апсиды двух цветов³³, что дало Е. И. Крушову серьезное основание предположить существование фресковой росписи в интерьере храма³⁴. Местные строители не были знакомы с фресковой живописью, и ее остатки им не могли принадлежать. Следовательно, части апсиды с фрагментами красочного слоя не переносились и относятся к ранней постройке. Бесспорно, к ней должен относиться и одноступенчатый синтрон, выявленный в апсиде В. Ф. Миллером³⁵.

Окончательную ясность в этот вопрос внесли новые раскопки Г. Г. Гамбашидзе, открывшие остатки раннего храма, имевшего в плане вид трехцерковной базилики. Как обоснованно полагает Г. Г. Гамбашидзе, современный вид храм Тхаба-Ерды приобрел лишь в XV—XVI вв. после ремонта его ингушами, приспособившими здание для

отправления своих родовых культов (случай не единичный в горах Кавказа). Согласно Г. Г. Гамбашидзе, строительство храма было начато в IX в. и завершено в конце X—начале XI в., при кахетинских правителях Квирике II (929—976 гг.) и Давиде (976—1010 гг.)³⁶. Эта дата подкреплена палеографическим и историческим анализом грузинских надписей Тхаба-Ерды, а также новой и уточненной датой грузинской Псалтыри X в., хранившейся до 1896 г. в храме³⁷. К этому добавим, что модель храма, изображенная в ктиторской группе на западной стене, имеет ближайшие аналогии также в памятниках начала XI в. — Свети-Цховели и Алаверди на р. Алазань, а резной декор Тхаба-Ерды находит ближайшие параллели в декоре грузинских храмов Баграта в Кутаиси (1003 г.), Ишхани (1032 г.), Саване (1046 г.) и т. д. Таким образом, время и история строительства храма Тхаба-Ерды вырисовываются достаточно определенно, что не заметил А. Ф. Гольдштейн, так и не датировавший этот интереснейший памятник.

Тхаба-Ерды — памятник грузинского культурного круга. Но он является выдающимся архитектурным и художественным памятником Чечено-Ингушетии, важным источником по истории ее народов и их связей с соседней Грузией. На Северо-Восточном Кавказе это был самый монументальный и богато декорированный храм, возможно, кафедрал. Об этом говорит как засвидетельствованное в надписях имя епископа Георгия, так и сообщение М. Г. Джанашивили о том, что грузины «в местечке Тхаба-Ерды основали монастырь с кафедрой епископа» (видимо, оно основано на каких-то неизвестных нам грузинских источниках)³⁸.

Говоря о повышенном внимании Грузии к Ингушетии и Аварии, автор находит для этого два объяснения: 1) более высокая культура этих районов в

сравнении с соседними, 2) удобные пути, ведущие в Закавказье (с. 59, 60). Перевальные пути в Грузию безусловно имели значение, но решающим был иной фактор: горные племена дидойцев (Дагестан), дзурдзуков (Чечено-Ингушетия) и двалов (Осетия) в эпоху средневековья были военными союзниками грузинских феодалов, постоянно поставляли им свои дружины и в случае внешнеполитических осложнений оказывали серьезную военную поддержку. Вот почему именно в этих трех высокогорных районах Северного Кавказа столь ощутимо грузинское влияние: при помощи обращения горцев в христианскую веру и приобщения их к лону грузинской церкви правящая верхушка феодальной Грузии стремилась сделать свое влияние здесь максимально прочным. Указываемая же А. Ф. Гольдштейном «более высокая культура» является не причиной, а следствием грузинского влияния. Да и чем, например, центральная Авария в культурном отношении превосходила Дербент или Кубачи? Подобные сравнения весьма и весьма условны.

Переходя к описанию христианских храмов Северной Осетии, А. Ф. Гольдштейн пишет о том, что «в западной Алании греческая епископия была основана византийскими миссионерами еще в V—VI вв.» (с. 60). Это недоразумение: самые ранние и достоверные сведения о проникновении христианства в западную Аланию относятся ко второй половине VII в., а церковная организация у алан была создана лишь в начале X в. в связи с их массовой христианизацией. Так же ошибочно утверждение, что церкви городища Верхний Джулат относятся к VIII—X вв., — они построены в XIV в., в эпоху господства Золотой Орды³⁹. Аланы не имеют никакого отношения к христианским храмам Беленджера, исследованным М. Г. Магомедовым: во-первых, в VII в. они сами еще не были хри-

стианами, во-вторых, на территории Алании и всего Северного Кавказа мы не можем указать ни одной типологической параллели церкви Беленджера. Поиски привели нас в сасанидский Иран — ближайшим аналогом оказывается храм VI в. в Ктесифоне⁴⁰.

А. Ф. Гольдштейн описывает Зругский храм, находящийся на правом берегу р. Зругдон в Туалетии (верховья р. Ардон), а затем он почему-то останавливается на позднейшей церкви в с. Кесатикау (с. 63, рис. 51), явно построенной в XIX в., однотипной и одновременно целому ряду церквей, сооруженных в Северной Осетии во время деятельности Общества восстановления православного христианства (например, в с. Цми, Хозитикау, Каккадур, Лац и т. д.). Так же неправомерно в текст исследования включена грузинская базилика Датун в Дагестане. В то же время автор упустил из вида остатки храма грузинского происхождения в с. Тли Мамисонского ущелья. Этот храм, датируемый XI в., является ближайшим аналогом Зругскому⁴¹.

Вопреки установленному в литературе определению известная Нузальская церковь (с. Нузал Алагирского ущелья), по А. Ф. Гольдштейну, стала святилищем, поминальным помещением (с. 63—65). Эта попытка пересмотреть функциональное назначение памятника основана на игнорировании своеобразия его деталей и особенностей и на весьма вольном обращении с фактами. Действительно, при первом взгляде Нузальскую церковь трудно признать за такую, настолько она неканонична по архитектурным формам. Но Нузальская церковь входит в тот круг чрезвычайно колоритных и самобытных средневековых церквей Центрального Кавказа, который выделен нами как центральная группа памятников христианского зодчества Северного Кавказа⁴². Это произведения местных мастеров, не ориентировавшихся в тонкостях христианской

архитектуры и строивших здания церквей в горах так, как им было понятно, доступно, привычно. Вот почему они так невелики по размерам и необычны по форме, но имеют теснейшие связи с архитектурой жилой и погребальной (что верно отмечает и А. Ф. Гольдштейн). В центральную группу входит 15 зданий, сосредоточенных преимущественно в Балкарии и Северной Осетии (Верхний Чегем, Хулам, Нузал, Галиат, Фараскат и т. д.), при наличии различия в деталях отличающихся внутренним единством. Все это действительно церкви, и Нузальская не может быть вырвана из этого круга памятников столь произвольно.

Замечательные фрески Нузальской церкви написаны художником грузинской школы в конце XIII—начале XIV в., что подтверждается палеографией грузинских надписей на стенах, по Т. В. Барнавели⁴³. Живопись алтаря, содержащая вверху сцену «Деисус» и внизу фигуры первосвятителей, вертикальной чертой-разгранкой отделена от живописи кафоликона, содержащей внизу ктиторскую группу (т. е. изображения светских лиц). Следовательно, уже в начале XIV в. здание имело алтарную часть, четко отделенную от остального помещения, и выполняло функции церкви.

А. Ф. Гольдштейн по этому поводу пишет: «Уже в XIX веке этой постройке придали значение церкви» (с. 65). И это неверно: Нузальская церковь всегда и всеми воспринималась именно как церковь; в первой половине XVIII в. о ней как о церкви пишет Вахушти⁴⁴, а в 1790 г. ее среди церквей Осетии называет протопоп Иоанн Болгарский⁴⁵.

Касаясь другого известного памятника Северной Осетии — святилища Рекома, А. Ф. Гольдштейн также дает ему свою интерпретацию и видит в нем только святилище (с. 66—68). Автор пишет о предшествующих исследовате-

лях Рекома, среди которых был и крупнейший кавказовед академик В. Ф. Миллер: «Путешественники и исследователи, ознакомившись с Рекомом в XIX в., увидели в его помещении иконостас и колокол с грузинской надписью, на дверях — железные кресты, узнали, что храм посвящен св. Георгию, и решили, что это христианский храм». Далее следует мотивировка: «...иконы и колокол могли быть принесены в уже существующее здание, крест в данном случае — распространенный на Кавказе со II тыс. до н. э. языческий символ, а христианский св. Георгий — это весьма почитаемый на Кавказе языческий бог Солнца» (с. 66).

Легковесность подобной интерпретации и «аргументации» очевидна. Реком вплоть до нашего времени действительно был всеосетинским языческим святилищем. Но задача исследователя — раскрыть историю его возникновения и развития, суметь сквозь позднейшие напластования увидеть первоначальную сущность, подобно чтению палимпсеста. Здесь не может быть упущен ни один штрих, ни одна деталь не должна быть игнорирована.

Трудность и специфика изучения Рекома состоят в том, что он возведен из дерева. За последние 40 лет он был дважды полностью реставрирован Е. Г. Пчелиной и И. П. Щеблыкиным (1936 г.) и Б. В. Гнедовским (1973 г.). Реставрация была научной и сохранила старые формы. Но сколько мог простоять тот «прототип», который застал И. П. Щеблыкин, каков его возраст, были ли у него «предшественники» и какова их взаимосвязь? Дать доказательный ответ на эти вопросы очень трудно. И тем не менее история Рекома может быть реконструирована хотя бы в самых общих чертах.

Мы по-прежнему считаем, что осетинский языческий Реком некогда был христианской церковью грузинского происхождения и что деревянное зда-

ние было построено по вполне обычным для грузинских церквей принципам. Об этом говорит ряд деталей, не объяснимых случайными совпадениями, соблазвившими А. Ф. Гольдштейна. Так, здание ориентировано по линии запад—восток, алтарная его часть (с сохранившимися до наших дней остатками резного антаблемента от иконостаса) обращена на восток, вход расположен чрезвычайно характерно — в западной части южной стены, так, как это было принято в средневековых грузинских храмах⁴⁶. Я уже отмечал, что, если Реком освободить от явно вторичных пристроек-навесов с севера и юга, перед нами окажется вполне обычная по архитектурным формам и пропорциям грузинская одноапсидная церковь типа храмов Зруга, Тли в Северной Осетии (XI в.) и множества других тому подобных «малых» архитектурных форм Грузии⁴⁷. Сказанное подтверждается расположением окон во всех стенах и имитацией арки над входом в южный придел, вырезанной в дереве, но повторяющей форму каменных арок. Отсутствие обычной полукруглой апсиды в алтарной части не удивительно: вывести ее в дереве было трудно, и восточную стену сделали прямой, как это можем видеть в грузинских церквях XIX в. в Верхнем Зарамаге, Цми и других, возведенных из камня. Подобные безапсидные церкви упрощенных форм и с конхой на тропках известны в Грузии и в предшествующую эпоху средневековья⁴⁸, между ними и безапсидными храмами Центрального Кавказа возможны некоторые точки соприкосновения.

Говоря об истории Рекома, мы не можем, разумеется, игнорировать и наличие в нем колоколов с грузинскими надписями XVII в.⁴⁹, икон, крестов на дверях и над ними и т. д. Кресты в данном случае отнюдь не «языческие символы» II тысячелетия до н. э., это типичные средневековые христианские

кресты с «процветшими» концами. Также нельзя игнорировать и опубликованные в литературе народные легенды и предания о том, что в старину в Цее был грузинский монастырь и что некоторые местные фамилии происходят от монахов. Эти фольклорные сведения имеют историческую основу: из письменных источников нам известно, что из с. Цей происходит огрузинившийся христианский мученик Николай Двали, погибший в 1314 г. в Дамаске, и целая плеяда литераторов и художников Двали, работавших в эту эпоху в грузинских монастырях Иерусалима и Палестины⁵⁰. Никакого другого Цея в Двалетии — Туалетии нет, и речь здесь может идти только о Цее в боковом ответвлении Алагирского ущелья. Как видим, по крайней мере с XIV в. Цейское ущелье было прочно связано с христианской Грузией; связи эти не прерывались и в XVII в., и сооружение здесь грузинской церкви соответствует изложенному историческому контексту.

В истории Рекома мы видим два последовательных этапа: 1) возникновение его и функционирование в качестве христианской церкви; 2) трансформация в языческое святилище, подобно Тхаба-Ерды и церкви Регаха, с сохранением ясно читаемых христианских элементов.

А. Ф. Гольдштейн прав, когда оценивает Нузал и Реком как уникальные памятники (с. 70). В частности, Реком уникален как дошедшее до нас из средневековья деревянное сооружение, свидетельствующее о былом, конечно, более широком бытовании деревянного зодчества в горах Северного Кавказа, — зодчества, сошедшего на нет вместе с нерациональным лесопользованием и уничтожением лесных массивов в горах. Заканчивая рассмотрение раздела А. Ф. Гольдштейна о святилищах, укажем, что автор располагал весьма ограниченными данными о святилищах Северной Осетии и его обзор ни в коей

мере не дает представления о подлинном количестве и качестве источников. Так, А. Ф. Гольдштейн не знает популярного в Осетии святилища «Мыкал-габыр» в Касарском ущелье, представляющего целый комплекс сооружений культового характера и посвященного первоначально архангелам Михаилу и Гавриилу. В Туалетии автор не обратил внимания на своеобразный трехступенчатый дзуар в с. Лисри⁵¹ (Мамисонское ущелье), внешне напоминающий древневосточные зиккураты. Между прочим, единственный в Туалетии надземный склеп Бигулаевых близ с. Цми также трехступенчатый — возможно какая-то чисто местная традиция. Святилища-дзуары Осетии удивительно многообразны; так, целый комплекс святилищ Даргавса не дает ни одной повторяющейся формы.

Остановимся на последней главе книги А. Ф. Гольдштейна. В ней рассматриваются склеповые сооружения Чечено-Ингушетии и Северной Осетии, в качестве сравнительного материала затрагиваются памятники и соседних районов. Эта глава имеет наибольшую связь с археологией и зависимостью от нее в выводах и построениях. Это понятно: изучение склеповых сооружений (впрочем, как и башен) давно и прочно стало компетенцией археологов. А. Ф. Гольдштейн дает общий исторический очерк о склеповых сооружениях, рассматривает их ареал, эволюцию, время и условия появления и существования (с. 90—96).

Автор считает, что горцы Северного Кавказа перешли к обряду погребения в «гробницах-склепах» в период раннего средневековья, а до этого хоронили в каменных ящиках (с. 93). Это неправильно, ибо коллективные захоронения в склепах практиковались с эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.), когда уже существовал этот обычай (Гатын-Кале, Эгикал)⁵². Каменные ящики сопутствуют им также с эпохи бронзы и

до XX в.⁵³ Еще более ранними склепами являются дольмены Северо-Западного Кавказа, с конца III тысячелетия до н. э., их также необходимо иметь в виду. А. Ф. Гольдштейн справедливо пишет о том, что прямая генетическая связь между полуподземными и наземными склепами «не представляется вполне очевидной» (с. 99), и кратко это положение обосновывает. Действительно, при столь прямолинейном и схематическом подходе здесь слишком многое не ясно. Но эти верные суждения здесь же перемежаются с напрасной и ничем не обоснованной попыткой дать свою «вольную» интерпретацию наших совместных с В. Х. Тменовым раскопок известного склепового «города мертвых» у с. Даргавс. А. Ф. Гольдштейн феномен одновременного бытования разнотипных склепов на одном могильнике пытается объяснить тем, что склепы разных типов были возведены в разные эпохи (полуподземные — раньше), но содержат одинаковый и одновременный инвентарь потому, что «более старый инвентарь не сохранился, поскольку гробницы использовались на протяжении многих столетий» (с. 100). Следовательно (по мысли автора), склепы время от времени проходили своеобразную «чистку»: старое содержимое из них выбрасывалось и начинался новый цикл захоронений. Мы (по контексту автора) засталя последний из них, относящийся к XVII—началу XIX в.

Здесь автор демонстрирует слабое знание жизни и быта, обычаев и традиций вайнахов и осетин. Могила предков для горцев священна, она — табу и для своих, и для чужих; еще в начале XX в. проникнуть в склеп в том же Даргавсе было смертельно опасно⁵⁴. Оскорбление могилы числилось среди самых тяжких и вызывало кровную месть. В этих условиях периодические «чистки» склепов невозможны. Не подтверждены они и нашими раскопками, давшими исключительно поздние комплексы

сы, и нашими наблюдениями над самими склепами.

Так же трудно согласиться с утверждением А. Ф. Гольдштейна, что «в Балкарии гробниц (склепов. — В. К.) мало, а в Карачае они единичны» (с. 103). В частности, склеповые сооружения Карачая, по мысли автора, представляют собой лишь слабо выраженную «западную периферию» по отношению к центру склеповой архитектуры — Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. А. Ф. Гольдштейн явно не знает всего материала, относящегося к склепам и гробницам Карачая, что и порождает столь искаженное восприятие. Во всяком случае, в эпоху раннего средневековья картина скорее была обратной: на территории Карачая и Балкарии доминировали склеповые сооружения, тогда как на территории Северной Осетии и Ингушетии господствовали каменные ящики⁵⁵. Автор правильно говорит о влиянии башенной архитектуры на формирование наземных склепов с пирамидальной ступенчато-гребенчатой крышей, но это было отмечено еще до его исследования (работы Е. И. Крупнова и В. И. Марковина); не вызывает возражений и его датировка этих склепов XV—XVIII вв. (с. 109). Но, пытаясь осмыслить пути возникновения этого, наиболее помпезного, вида склеповых сооружений Северного Кавказа, А. Ф. Гольдштейн ищет формально-типологические связи и не усматривает связей и причин социальных. А они были. Большие (как правило, трехэтажные) склепы с пирамидальной ступенчато-гребенчатой крышей, как и боевые башни, судя по материалам Северной Осетии, сооружались преимущественно «сильными фамилиями» (осет. «стыр мыггаг»), ярко описанными Госта Хетагуровым в этнографическом очерке «Особа»⁵⁶. «Стыр мыггаг» — феодализирующаяся социальная верхушка осетинского общества⁵⁷, нуждавшаяся в особо репрезентативном оформ-

лении своего общественного положения, и наиболее неприступные башни и величественные склеповые сооружения принадлежали ей. Ей же было под силу оплачивать строительство таких дорогостоящих построек.

Позволим себе опустить рассмотрение раздела о генетической связи склепов с древним и не дошедшим до нас (по мысли автора) жилищем (с. 114—125). Проблематичного и спорного здесь не меньше, чем в других главах и разделах книги. В частности, возникает вопрос: зачем строить весьма гипотетическую, и, строго говоря, недоказуемую генетическую связь склепов с неизвестными нам жилищами, если мы вполне научно и с фактами прослеживаем самостоятельную линию развития склеповых сооружений Кавказа со II тысячелетия до н. э.?⁵⁸

Далее А. Ф. Гольдштейн ищет аналогии северокавказским склепам в Сирии, Аравии, Финикии и т. д. (с. 129—140), даже предлагает весьма смелую гипотезу о переселении вайнахов в XI в. из Закавказья через Черноморское побережье на их современную территорию (с. 139, 140). Вряд ли кто-нибудь воспримет эту гипотезу всерьез. А. Ф. Гольдштейн не замечает более близких и гораздо более обоснованных параллелей, в определенной мере уже отмеченных исследователями⁵⁹. Так, обнаруженный грузинскими археологами подземный склеп XIII в. в Жинвали (ущелье р. Арагви)⁶⁰ имеет сводчатое перекрытие, полки вдоль стен и ниши в стенах, входное отверстие, т. е. ряд конструктивных черт, обычных для склепов Северного Кавказа. Не менее важно и другое: со второй половины XIII в. значительная часть Предкавказья оказалась включенной в Золотую Орду, южная граница которой подошла вплотную к горным ущельям. С XIV в. в связи с исламизацией Золотой Орды при хане Узбеке на ее территории разворачивается широкое строительство

мусульманских мечетей и мавзолеев (мечети золотоордынских городов Верхний Джулат, Нижний Джулат, Маджары, в районе Пятигорья, мавзолей Пятигорья и Маджар⁶¹ и т. д.). В самом начале XV в. сооружается крупный мавзолей Борга-каш у с. Плиева⁶², вскоре ордынские кирпичные мавзолеи появляются близ с. Заманкул в Северной Осетии⁶³. Связи между горцами Северного Кавказа и степными племенами Предкавказья эпохи Золотой Орды и после нее вероятны, и на волне этих связей в горы проникают некоторые архитектурные идеи и формы, которые напрасно отрицает А. Ф. Гольдштейн (с. 117). Думается, что в данном случае прав И. М. Мизиев: деревянные жилые дома, для А. Ф. Гольдштейна ставшие своего рода «палочкой-выручалочкой», не имеют отношения к делу. Полигональные склепы-мавзолеи Кабардино-Балкарии и Северной Осетии все поздние, не раньше XIV в., и многогранные золотоордынские мавзолеи⁶⁴ могут иметь прямое отношение к их происхождению. Другой допустимый источник — мусульманское зодчество Азербайджана, оказавшее влияние на зодчество Северной Осетии и Кабардино-Балкарии в эпоху Золотой Орды (соборные мечети и минареты Верхнего и Нижнего Джулатов). Мы не можем не обратить внимание на сходство многогранных мавзолеев Балкарии (например, Верхний Чегем, Верхняя Балкария) с многогранными мавзолеем Азербайджана XV в. (например, мавзолей Яхья Бакуви во дворце ширваншахов Баку или мавзолей шейха Дурсуна в Ахсу⁶⁵). Сходство принципиальное не только в архитектурных формах, но и в способе захоронения под полом мавзолея — идея, заложенная уже в начале XV в. в мавзолее Борга-каш. Конечно, мусульманские мавзолеи Балкарии, строившиеся несколько позже и в иных условиях, не являются повторением золотоордынских и азербайджанских об-

разцов; при сохранении общей принципиальной идеи они получают местную переработку в деталях (например, круглые навершия на крышах), но эта переработка не может заслонить от нас факта влияния мусульманского зодчества. Чье же архитектурное влияние — Золотой Орды с первоисточником в Средней Азии или хулагидского Ирана через посредство Южного Азербайджана — было здесь решающим? Ответить на этот вопрос сейчас трудно без специального исследования; возможно, имело место и то и другое, в зависимости от политических обстоятельств. К сказанному добавим, что в золотоордынских мавзолеех есть и порталные ниши у входов, т. е. та архитектурная деталь, которая опять же в сильно трансформированном и упрощенном виде наличествует во многих склепах Чечено-Ингушетии и Северной Осетии и которую А. Ф. Гольдштейн называет лоджией (с. 106 и сл.).

Наконец, обратим внимание на кабардинские мавзолеи. В архитектурно-планировочном отношении они аналогичны балкарским и близки подобным многоугольным склепам Северной Осетии. Многие кабардинские склепы имели арабские эпитафии и точные даты, которые не идут вглубь дальше конца XVII—XVIII в.⁶⁶ То же устанавливается по арабским датированным эпитафиям XVIII в. в Северной Осетии⁶⁷. Типологически эти позднейшие склепы отличаются от склепов эпохи Золотой Орды и, вероятно, представляют собой завершающий этап эволюции многогранных склепов и мавзолеев Северного Кавказа. Тогда же, в конце XVIII—начале XIX в., затухает народная башенная и склеповая архитектура горцев Северного Кавказа в целом.

Книга А. Ф. Гольдштейна является первой попыткой обобщения обширного и слабо изученного материала по позднесредневековому зодчеству Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. Она ста-

вит ряд безусловно важных вопросов, необходимость решения которых осознавалась давно. Спорность некоторых выводов и построений на данном уровне исследования неизбежна, и автора в этом трудно упрекнуть. Но, к сожалению, А. Ф. Гольдштейн ограничился лишь «первым приближением» к изучаемому материалу и обнаружил явно недостаточное знакомство с ним, допу-

стив при этом целый ряд существенных ошибок и пробелов. В результате зодчество народов Северной Осетии и Чечено-Ингушетии предстало перед читателем в далеко не полном и обедненном виде.

История средневекового зодчества народов Северного Кавказа, несмотря на появление книги А. Ф. Гольдштейна, все еще ждет своего исследователя.

¹ Кригер С. Архитектура горных селений Северной Осетии. — В кн.: Архитектурное наследство. М., 1953, 3, с. 148—153.

² Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975.

³ Цит. по: Калоев Б. А. Осетины. М., 1971, с. 149.

⁴ Марковин В. И. Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры. — В кн.: Архитектурное наследство. М., 1975, 23, с. 124.

⁵ Закарая П. П. Древние крепости Грузии. Тбилиси, 1969, с. 83, рис. 20.

⁶ Марковин В. И. Некоторые особенности... с. 119; Он же. В стране вайнахов. М., 1969, с. 33, 65.

⁷ Геегечори Г. Г. Некоторые черты мтиульского квитири. — КЭС. Тбилиси, III, 1971, рис. II.

⁸ Кузнецов В. А. Путешествие в древней Иростон. М., 1974, с. 102.

⁹ Для собственно осетинских жилых башен-ганахов обычна система перекрытий, состоящая из вертикальных опорных столбов и деревянных же междуэтажных настилов (например, ганахи Карсановых в с. Хуссар-Ламардон и Кучиевых в с. Тиб).

¹⁰ Джандиери М. И., Лежава Г. И. Народная башенная архитектура. М., 1976, с. 5.

¹¹ Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 70.

¹² Очерки этнографии горной Ингушетии. — КЭС. Тбилиси, 1968, II; Очерки этнографии Мтиулетии. — КЭС. 1971, III; Формы жилища и структура поселения горной Осетии. — КЭС, 1975, V, I.

¹³ Деген-Ковалевский Б. Е. Сванское селение как исторический источник. — СЭ, 1936, № 4/5, с. 21.

¹⁴ Котович В. М. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965, с. 79 и сл. То же отмечается и в эпоху раннего железа: Давудов О. М. Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1964, с. 46—48.

¹⁵ Кузнецов В. А. Раскопки аланских городов Северного Кавказа в 1962 г. — КСИА, 1964, вып. 98, с. 113, 114.

¹⁶ Тменов В. Х., Уарзираги В. С. Комплекс жилых и хозяйственных сооружений Ногаевых в ущелье Уарцеком Северо-Осетинской АССР. — В кн.: Сборник трудов Института истории, экономики, языка и литературы. Орджоникидзе, 1976, т. XXX, с. 183—202.

¹⁷ Джандиери М. И., Лежава Г. И. Народная башенная архитектура, с. 114—116.

¹⁸ Умаров С. П. О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи позднего средневековья. — АЭС. Грозный, 1969, т. III, с. 163 и сл. О том же применительно к Балкарии см.: Мизигов И. М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970, с. 48—50.

¹⁹ Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия, с. 78.

²⁰ Ионе Г. И. Верхне-Чегемские памятники VI—XIV вв. — УЗ КБНИИ, Нальчик, 1963, т. XIX, с. 189, 190.

²¹ Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, с. 81.

²² Закарая П. П. Фортификационные сооружения Шида-Картли. — КСИИМК, 1952, вып. XLVI, с. 127—129; Он же. Древние крепости Грузии, с. 69.

²³ Калоев Б. А. Осетины, с. 145, 149 и т. д.

²⁴ Дolidze В., Шмерлинг Р. Военно-Грузинская дорога: Путеводитель по архитектурным памятникам. — Сахелгами, 1956, с. 28.

²⁵ Джанберидзе Нодар. Памятники архитектуры Грузии. Тбилиси, 1965, с. 17.

²⁶ МИА СССР. М.; Л., 1951, с. 11. Предисловие Е. И. Крупнова к 23 тому. Семенов Л. П. Из истории работы музея краеведения Северо-Осетинской АССР по изучению памятников материальной культуры Северной Осетии. Дзауджикау, 1952, с. 19, 20.

²⁷ Секиринский С. А., Волобуев О. В., Когонашвили К. К. Судакская крепость. Симферополь, 1971, с. 36.

- ²⁸ *Марковин В. И.* Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры, с. 119.
- ²⁹ *Крупнов Е. И.* Грузинский храм «Тхаба-Ерды» на Северном Кавказе. — КСИИМК, 1947, вып. XI, с. 118—124.
- ³⁰ *Миллер В. Ф.* Терская область. Археологические экскурсии. — МАК. М., 1888, вып. I, с. 14; *Крупнов Е. И.* Грузинский храм. . ., с. 124.
- ³¹ *Миллер В. Ф.* Терская область, рис. 14, табл. I, 17.
- ³² *Марковин В. И.* В стране вайнахов, с. 51.
- ³³ *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963, с. 13.
- ³⁴ *Крупнов Е. И.* Грузинский храм. . ., с. 122.
- ³⁵ *Миллер В. Ф.* Терская область, с. 10.
- ³⁶ *Гамбашидзе Г. Г.* Из истории связей Грузии и Ингушетии в средние века. — IV Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы докладов. Орджоникидзе, 1974, с. 69.
- ³⁷ *Гамбашидзе Г. Г.* Древнегрузинские церковные книги из Ингушетии. — V Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы докладов. Махачкала, 1975, с. 115.
- ³⁸ *Джанашвили М. Г.* К материалам по истории Грузии и России. Тифлис, 1912, с. 14.
- ³⁹ *Кузнецов В. А.* Церкви Верхнего Джуглата, их время и интерпретация. — V Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы докладов. Махачкала, 1975, с. 107—109.
- ⁴⁰ Всеобщая история архитектуры, 1970, I, с. 344, рис. 52а.
- ⁴¹ *Долидзе В. О.* Архитектурный памятник Тли — новый документ культурных взаимоотношений Грузии и Двалети. — Сообщения АН ГССР, Тбилиси, 1958, т. XXI, № 6, с. 767—773.
- ⁴² *Кузнецов В. А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977, с. 121—159.
- ⁴³ *Кузнецов В. А.* Нузальская церковь и ее фрески. — Тезисы докладов IV Крупновских чтений по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974, с. 18; *Он же:* Нузальская церковь — памятник грузинского искусства в Северной Осетии. — II Международная симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977, с. 3.
- ⁴⁴ *Долашвили И.* Тэйна гробницы Давида Сослана. Тбилиси, 1971, с. 53. На груз. яз.
- ⁴⁵ *Кокеев Г.* Материалы по истории Осетии, т. I (см. ИСОНИИ, Орджоникидзе, 1934, т. VI, с. 169).
- ⁴⁶ Территориально ближайшие аналогии см. в храмах Зруга, Тли и Регаха, а также в церкви с Дзивгис в Куртатинском ущелье.
- ⁴⁷ *Кузнецов В. А.* Путешествие в древний Иристон, с. 90, 91.
- ⁴⁸ *Чубинашвили Нико.* Зедазени, Кликс Джаври, Гвиара (грузинские церкви с прямоугольным алтарем и кошкой на тропках). — «Ags Georgica», Тбилиси, 1971, т. с. 27—65.
- ⁴⁹ Древние колокола. — Закавказский вестник, 1849, № 12.
- ⁵⁰ *Кипшидзе Д. А.* Житие Прохора, муч. Луки и муч. Николая Двали. — Известия КИАИ, Л., 1927, т. II, с. 49—59, 65—67.
- ⁵¹ *Марковин В. И.* Некоторые итоги археологических разведок в Северной Осетии. — МАДИСО, Орджоникидзе, 1969, т. II, с. 74, рис. 8, I.
- ⁵² *Марковин В. И.* Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне. — ДЧИ, М., 1963, с. 49—135; *Он же.* Склепы эпохи бронзы у сел. Эгикал в Ингушетии. — СА, 1970, № 4, с. 83—94.
- ⁵³ *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа. — МИА, 1962, № 106, с. 102.
- ⁵⁴ *Мисиков М. А.* Материалы для антропологии осетин. Одесса, 1916, с. 7—9.
- ⁵⁵ *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа, с. 102, 103.
- ⁵⁶ *Хетагуров Коста.* Собрание сочинений. М., 1974, т. 2, с. 235.
- ⁵⁷ История Северо-Осетинской АССР. М., 1959, I, с. 92, 93.
- ⁵⁸ *Марковин В. И.* К вопросу о возникновении средневековых склепов у народов Северного Кавказа. — Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений. Грозный, 1973, с. 3, 4.
- ⁵⁹ *Тменов В. Х.* Склеповые сооружения Тагурии (опыт типологической классификации). — В кн.: Сборник трудов молодых ученых. Орджоникидзе, 1973, вып. II, с. 55; *Марковин В. И.* О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе. — В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 120—129.
- ⁶⁰ Полевые археологические исследования в 1973 г. (краткие сообщения). Тбилиси, 1974, с. 56, табл. XV.
- ⁶¹ *Палимпсестова Т. Б., Рунич А. П.* О ессентукских мавзолеях и ставке Узбек-Хана. — СА, 1974, № 2, с. 229—238. *Ргвеладзе Э. В.* Мавзолей Маджара. — СА, 1973, № 1, с. 271—277.
- ⁶² *Семенов Л.* Мавзолей Борга-каш. Владикавказ, 1928; *Он же:* Брагунский мавзолей. — ИСОНИИ, Орджоникидзе, 1956, т. XVII, с. 196—206.
- ⁶³ *Лавров Л. И.* Об арабских надписях Кабардино-Балкарии. — УЗКНИИ, Нальчик, 1960, т. XVII, с. 115.

⁶⁴ Палимпсестова Т. Б., Рунич А. П. О эссен-
тукских мавзолеях, с. 232, рис. 2; *Рвеле-
ладзе* Э. В. Мавзолей Маджара, с. 272,
рис. 1.

⁶⁵ Ср.: Лавров Л. И. Из поездки в Балка-
рию. — СЭ, 1939, II, с. 176, рис. 1; *Ми-
зиев* И. М. Средневековые башни и скле-
пы... с. 49, 78, фото 24, табл. 6; *Усей-*

нов М., Бреганицкий Л., Саламзаде А.
История архитектуры Азербайджана. М.,
1963, с. 203, рис. 191; с. 224, рис. 208.

⁶⁶ Лавров Л. И. Об арабских надписях Кабар-
дино-Балкарии, с. 116.

⁶⁷ Лавров Л. И. Хазнидонские надписи. —
ИСОНИИ, Орджоникидзе, 1962, т. XXIII,
вып. 1, с. 107—112.

Таргимский храм

М. Б. Мужухоев

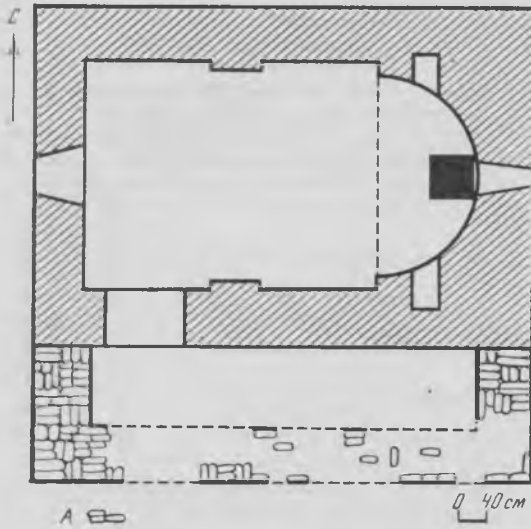
Из числа трех известных христиан-
ских храмов горной Чечено-Ингушетии
Таргимский¹ не так широко известен,
хотя он важен для изучения христиани-
зации вайнахов в период средневековья,
временных успехов этого сложного про-
цесса и его неудач. Несомненна цен-
ность храма и как памятника архитек-
туры.

Таргимский храм расположен на ле-
вом берегу р. Ассы, к северу от сел. Тар-
гим. Окруженная густым лесом, эта по-
стройка впервые была открыта в 1933 г.
профессором Л. П. Семеновым². Он не
только описал, но и снял план храма и
предположительно определил дату его
возможного построения (XII—XIII вв.).
Однако при этом исследователю не уда-
лось избежать отдельных неточностей
в обмерах здания, а некоторые архитек-
турные детали так и остались невыяс-
ненными. Это объясняется практиче-
ской трудностью избежать ошибок при
описании любого разрушающегося ар-
хитектурного памятника без предвари-
тельной расчистки его внутреннего про-
странства от образовавшегося слоя би-
того строительного материала. В мо-
мент открытия постройка уже не имела
кровли и верхней части стен, к настоя-
щему времени губительный процесс раз-
рушения здания продолжается.

К сожалению, изучением Таргимского

храма до последнего времени никто
специально не занимался, Л. П. Семен-
нов был единственным археологом, об-
ратившим на него внимание. Правда,
в специальной научной литературе при-
водятся иногда сведения о памятнике,
однако они всецело основаны на опу-
бликованных материалах исследовате-
лей³. Поэтому представлялось весьма
желательным как подробное описание
храма, так и установление на конкрет-
ных материалах времени его возведе-
ния. Поскольку для этого требовались
раскопки внутри памятника, а также
его склеповой усыпальницы, то они бы-
ли нами произведены летом 1976 г.⁴

Как можно видеть из прилагаемого
плана (рис. 1), Таргимский храм пред-
ставляет собой здание простой зальной
композиции, с одной апсидой и попе-
речной аркой, столпы которой незначи-
тельно выступают от кладки стен.
К южной стене храма была позже при-
строена каменная ограда, сложенная на
известняковом растворе. Она, судя по
сохранившимся остаткам, имела прямо-
угольную форму. Длина храма 6,90 м,
его ширина 4,60 м. Архитектурно-про-
странственное построение памятника,
таким образом, не отличается особой
пропорциональностью: ширина значи-
тельно превышает половину длины зда-
ния. Апсида храма полуциркульной

← Рис. 1. Ингушетия. План Таргимского храма
А — остатки каменной ограды

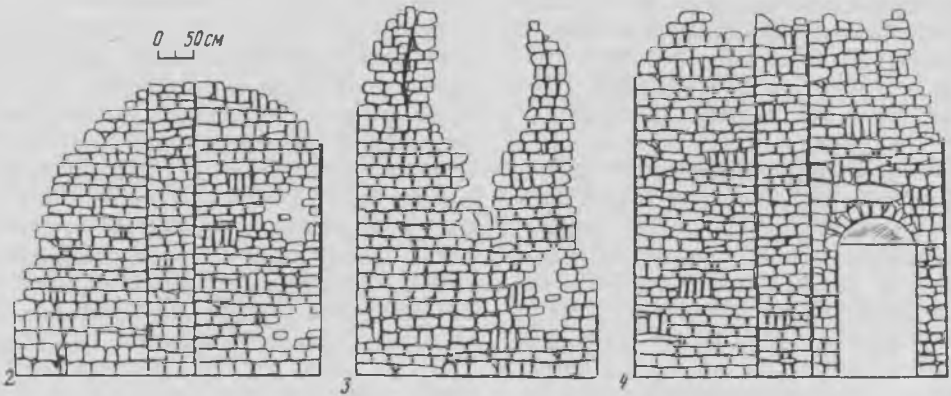

Рис. 2. Таргимский храм.
Обмеры стен интерьера
1 — алтарная часть, 2 — северная
широкая стена, 3 — западная
стена, 4 — южная широкая стена

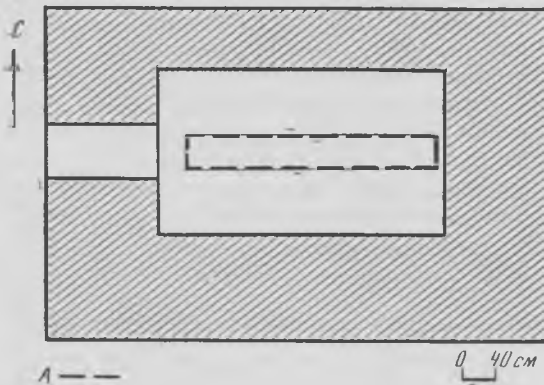

Рис. 3. Таргимский храм.
План склеповой усыпальницы
А — плиты каменного ящика

формы, неглубокая (1,40 м) и не выдается наружу. Алтарная часть имеет небольшие выступы-запечки (0,15 м), которые образуют угол при ее переходе в собственно зал. Таковы основные черты плана Таргимского храма.

Стены здания сейчас разной степени сохранности, из них наибольшей высоты от уровня древнего пола достигают поперечные стороны (4,90 м).

Храм, очевидно, имел двускатную кровлю, подобно другим известным в крае памятникам архитектуры культового характера. На это указывают и остатки карниза, прослеженные вдоль продольной южной стены и расположенные на высоте 3,20 м от основания. Отсюда следует, что алтарная и западная стены возводились выше для двусторонних скатов. Материалом покрытия кровли, вероятнее всего, служили уплощенные каменные плиты, которые встречены в большом числе при расчистке завала в помещении. К этому добавим, что при раскопках не было выявлено красной черепицы, служившей, как известно, кровельным покрытием храма Тхаба-Ерды. Последний расположен к югу от сел. Таргим⁵.

Свет в здание поступал через расширяющиеся вовнутрь алтарное окно и еще одно, западное, расположенное на противоположной стене (рис. 2, 1—4). Сохранившийся полностью световой проем в алтаре (высота 1,05 м) имеет полукруглое арочное завершение, образованное цельной плитой из хорошо обработанного серого песчаника. Вероятно, и большое противоположное окно было подобной конструкции.

В помещении храма ведет вход с южной стороны, смещенный к западной стене. Он имеет изнутри дугообразный верх, выложенный нагуском из девяти тесаных песчаниковых плит. Снаружи вход перекрыт горизонтально одним больших размеров камнем, который вделан в толщу стены таким образом, что закрывает верхнюю округлую часть

дверного проема. Последнему основанием служила широкая плоская плита, вскрытая при раскопках. Ширина входа 1,03 м, внутренняя высота 2,10 м.

В стенах храма отмечены только две прямоугольные ниши. Обе они расположены в алтарной части помещения, на высоте более 1 м от уровня древнего пола. Северная из них — шириной 0,38 м, высота 0,32 м и глубина 0,40 м. Южная ниша имеет размеры 0,33 × 0,30 × 0,50 м.

Стены постройки возведены из подвешенного легкой обтеске разноразмерного булыжникового камня на обильном известковом растворе, плиты местного серого песчаника были использованы только в арочных сводах здания. Техника кладки осуществлена в основном обычной перевязью с использованием мелких камней-подпорок. Иногда удлиненные камни ставились вертикально («тычком»). На стены храма с обеих сторон наложена известковая штукатурка, внутри она двуслойна (белая и желтая). Лучше всего облицовка сохранилась на алтарной стене, снаружи она просматривается только на отдельных участках кладки. Возможно, здание не было оштукатурено полностью. Каких-либо следов стеной росписи при осмотре не отмечено.

Отличительной особенностью храма является наличие при нем склеповой усыпальницы, лаз в которую проложен под западной стеной храма близ соединения ее с северной (1,60 м). Камера склепа имеет в плане прямоугольную форму, перекрыта каменным сводом (рис. 3). Кладка очень тщательная, на ней и сейчас хорошо прослеживается цементовка серого цвета (ширина склепа 2,35 м, длина 4,30 м и высота 1,90 м). Прямоугольный лаз находится в центре фасада гробницы (ширина 0,65 м, высота 0,62 м), снаружи он перекрыт округлым камнем-монолитом. Стены склепа утолщены и служат основанием, на котором стоит храм.

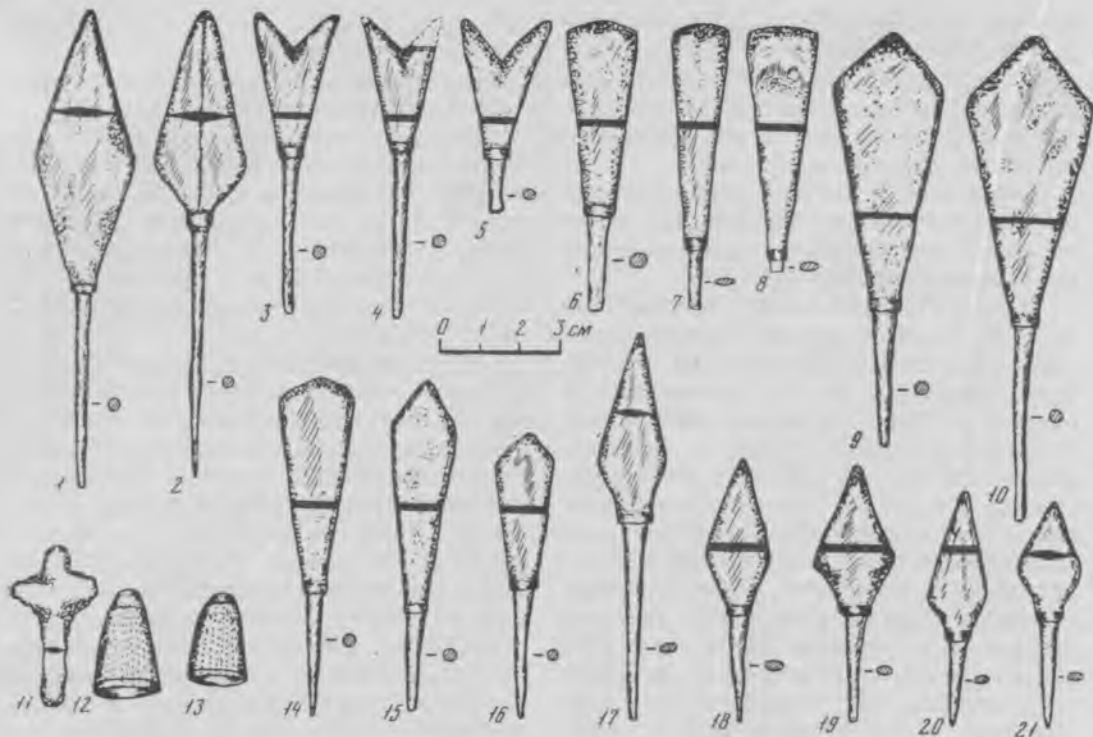

Рис. 4. Предметы вооружения и быта из Таргимского храма

1—10, 14—21 — железные наконечники стрел, 11 — железный крест, 12—13 — наперстки (бронза)

Таковы основные черты конструкции таргимского памятника. Архитектурные формы храма предельно скромны, его внешние массы лишены всяких украшений и декоративных элементов. Интерьер здания скуп и прост. Он фактически украшен лишь поперечной аркой, которая несколько смещена к алтарной части помещения.

После освобождения внутреннего пространства храма от завала рухнувшей кровли и части стен на глубину до 1,10 м были произведены раскопки мелкокаменистого наносного слоя толщиной 0,30—0,40 м до уровня древнего пола. На нем образовался своеобразный культурный слой в процессе длительного по-

сечения храма населением горной котловины. Возможных следов покрытия пола храма не отмечено.

При раскопках удалось выявить некоторые неизвестные ранее детали в конструкции алтарной части помещения. Так, была вскрыта одноступенчатая каменная солея, отделявшая апсидальное пространство храма от собственно зала. Ее высота 0,15 м, в плане она пересекает площадь здания по линии выступов апсиды. Здесь же, под алтарным окном открыты остатки престола (?) квадратной формы (0,60 × 0,60 м, сохранившаяся высота 0,15 м), сложенного из камней на известковом растворе.

При исследовании культурного слоя выявлены материалы, которые не столь многочисленны, однако достаточно конкретны для определения времени строительства и продолжительности функ-

ционирования Таргимского храма, а также для обоснования совершавшегося здесь некогда обряда жертвоприношения.

Как показали раскопки, многовековой культурный слой храма по всей площади и глубине был насыщен (особенно по углам здания) костными остатками жертвенных животных. Встречены они и на расчищенном древнем полу-материке. По остеологическим признакам кости принадлежали турам, баранам, быкам и оленям. Эти животные, наиболее почитавшиеся вайнахами с глубокой древности, приносились в дар языческим божествам, пантеон которых, таким образом, не был забыт даже в период активного проникновения новой, христианской религии на территорию Чечено-Ингушетии. Находки представлены предметами вооружения и быта.

В алтарной и зальной частях храма, соответственно на древнем основании (солее) и на полу-материке, обнаружены при раскопках железные черешковые наконечники стрел. Все они плоские, по своей форме подразделяются на роговидные, лопаточкообразные, веслообразные и удлиненно-ромбовидные. Каждый тип наконечников найден в двух экземплярах (рис. 4, 1—4, 6, 7, 9, 15).

Предметы быта собраны в зальной части памятника, на поверхности культурного слоя. Следует упомянуть два железных черенковых ножичка с прямым и закругленным лезвиями, два галыря с костяными оправами (для хранения пороха и пуль), железное S-образное кресало и плоский каменный оселок с круглым отверстием в верхней части (рис. 5, 5—9, 11). Таковы материалы, собранные внутри храма.

Склеповая усыпальница, содержащая коллективные погребения, оказалась ограбленной. Она была заполнена землей и камнями, в ней сохранились остатки разрозненных человеческих ко-

стей. При расчистке открыт впущенный по центру в основание камеры на глубину 0,30 м удлиненный каменный ящик без сохранившегося перекрытия, которое было снято кладочниками. Ящик вытянут по длине камеры и примыкает к восточной стене, сложен из поставленных на ребро и тщательно подогнанных одна к другой плоских каменных плит (длина 3,90 м, ширина 0,40 м). В нем, судя по его размерам и потревоженным костным остаткам, были погребены два человека, уложенных вытянуто на спине и ориентированных головой на восток.

Таким образом, склеп содержал основное парное погребение, затем он использовался для коллективных захоронений.

При тщательном осмотре гробницы нам удалось выявить остатки разбро-санного по камере погребального инвентаря. Он представлен железными черешковыми наконечниками стрел в количестве 10 экз., в том числе роговидный, лопаточкообразный, веслообразный и ромбовидные небольших размеров (см. рис. 4, 5, 8, 10, 14, 16—21). В набор бытовых предметов входят большие железные ножи с однолезвийным клинком и утолщенной спинкой (три), половина пружинных ножниц («для стрижки овец»), оселок, бронзовые наперстки (два), деревянный гребень с двусторонними большими и маленькими зубцами (рис. 4, 12—13; 5, 1—4, 10, 12). Важной находкой является железный настенный крест, который, бесспорно, может быть связан с погребениями в каменном ящике (рис. 4, 11). Также отметим встреченные в камере небольшие фрагменты позднесредневековых красноглиняных сосудов, кости и рога домашних животных, в том числе несколько черепов овцы. Таковы сохранившиеся материалы склеповой усыпальницы.

Для датировки памятника особенно важны разнотипные наконечники стрел,

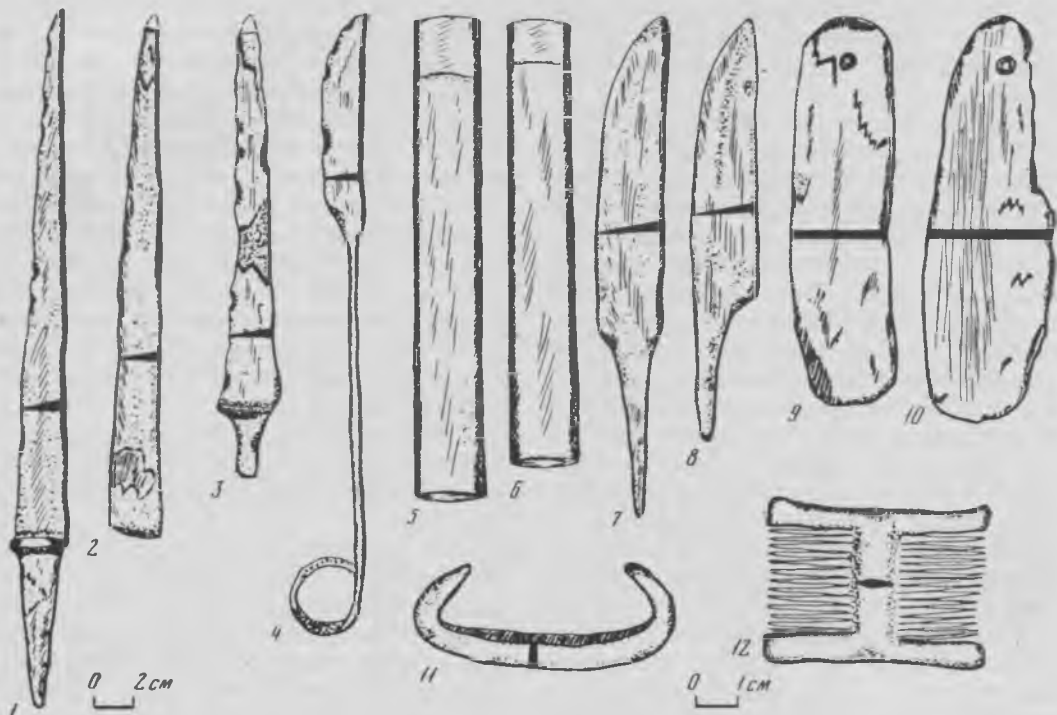

Рис. 5. Предметы быта из Таргимского храма

1—3, 7—8 — ножи, 4 — фрагмент ножниц, 5, 6 — газыри; 9, 10 — оселки, 11 — кресало, 12 — гребень; 1, 4, 7—8, 11 — железо, 5, 6 — бронза, 9, 10 — камень, 12 — дерево

так как собранные бытовые предметы в этом отношении более аморфны. Они использовались на протяжении всей эпохи позднего средневековья и поэтому не могут помочь в определении времени строительства храма.

Наконечники стрел с удлинненно-ромбовидной боевой частью описаны среди находок Бамутских курганов и датированы XIII—XV вв.⁶ Двурогие наконечники стрел прослежены в раскопчных слоях X—XIII вв. Великого Новгорода, причем небольшие по размерам, как в Таргиме, открыты в самых поздних слоях (вторая половина XIII в.). На Кавказе этот тип наконечников отме-

чен в I тысячелетии н. э.⁷ Наконечники стрел в виде удлинненной лопаточки и близкие к ним веслообразные известны на Руси в XIII—XIV вв., они, по всей вероятности, связаны с татаро-монгольским нашествием⁸. Плоские черешковые наконечники стрел довольно часто входят в состав погребального инвентаря горноингушских наземных усыпальниц. Так, встреченные из них на склеповом могильнике с. Фалхан отнесены автором к периоду XIV—XV вв.⁹

Согласно приведенным аналогиям, встреченные типы наконечников стрел в целом имели распространение на Северном Кавказе в XIII—XV вв. Важно отметить, что появление в горной зоне лопаточкообразных и веслообразных наконечников для лучного боя, очевидно, является следствием пребывания в Предкавказье, и в частности на территории Чечено-Ингушетии, татаро-монголов¹⁰. Следовательно, наиболее ран-

ней, устанавливаемой по наконечникам стрел датой для Таргимского храма является XIII в. Однако можно еще более конкретизировать время сооружения памятника.

Как свидетельствуют раскопочные материалы, представленные предметами вооружения и быта, костными остатками жертвенных животных, христианский храм был со временем приспособлен вайнахами для отправления языческих обрядов. Вместе с тем сам период функционирования храма как собственно памятника христианства не мог быть продолжительным по своим стратиграфическим данным: часть наконечников стрел и костей животных раскопаны на самом древнем полу-материке. Отсутствие же даже небольшого наносного слоя земли на материке до начала языческих приношений со всей очевидностью говорит о краткосрочности функционирования данной постройки как христианского храма. Вспомним, что «языческий» культурный слой достигал толщины 0,40 м. Поэтому время построения памятника можно определить началом XIII в.

Таргимский храм, уже как объект полного языческого осмысления и почитания, функционировал, по всей вероятности, еще в XVII—XVIII вв. Подтверждением этому могут служить находки на зальной площади деревянных газырей для хранения пороха и пуль, а огнестрельное оружие, как известно, начало проникать на Северный Кавказ не ранее XVI в.¹¹ Несомненно, несколько позже оно распространилось в высокогорных районах Чечено-Ингушетии. Правомочность устанавливаемой продолжительности действия храма, как памятника языческого культа, хорошо документируется и исследованными раннемусульманскими могильниками горной Ингушетии, которые датируются только XIX в.¹² Что же касается склеповой усыпальницы, то она, судя по своим размерам и останкам людей, могла использоваться для «впускных» захоронений по языческому погребальному обряду на всем протяжении XIII—XVII вв. Этой дате не противоречит и выявленный в ней вышеописанный инвентарь.

¹ Собственное название храма неизвестно, Таргим — ближайшее к нему средневековое башенное поселение.

² Семенов Л. П. К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа. — МИА, 1954, № 23, с. 302—306.

³ Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 107; Мужухоев М. Б., Магомедов И. Д. К вопросу о времени и условиях строительства храма Тхаба-Ерды. — В кн.: Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1976, т. IV, с. 94, 102; Мужухоев М. Б. Археологические источники изучения религии вайнахов. — В кн.: Социология, атеизм, религия. Грозный, 1976, т. II, вып. 1, с. 176, 179, 180.

⁴ Мужухоев М. Б. Исследование средневековых памятников Чечено-Ингушетии. — АО 1976 г. М., 1977.

⁵ Виноградов В. Б., Марковин В. И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966, с. 40.

⁶ Крупнов Е. И., Мунчаев Р. М. Бамутский курганный могильник XIV—XVI вв. — ДЧИ. М., 1963, с. 237, рис. 13, 1; 15, 1.

⁷ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. — МИА, 1959, № 65, с. 167, рис. 13, 26—28.

⁸ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого, с. 167, рис. 13, 32, 33.

⁹ Марковин В. И. Отчет СКАЭ за 1966 г., с. 22. Хранится в архиве ИА АН СССР.

¹⁰ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967, с. 43.

¹¹ Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 75.

¹² Мужухоев М. Б. К вопросу о времени проникновения ислама на территорию Чечено-Ингушетии. — Тезисы докладов IV Крушовских чтений по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974, с. 51, 52. Он же. Исследование средневековых памятников Чечено-Ингушетии. АО 1975 г. М., 1976, с. 139.

Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957—1965 гг.)

В. И. Марковин

Архитектурные памятники Чечено-Ингушетии долгие годы изумляли ученых и путешественников, но очень немногие включали их в круг своих научных интересов. Можно назвать анонимного автора 1822 г., который дал верное суммарное описание вайнахских боевых башен¹. К середине XIX в. относятся наблюдения А. П. Берже. Он методично упоминает все виденные им башни, но совершенно не описывает их². Несколько позже А. П. Ипполитов опубликовал рисунок двух боевых построек у сел. Шатой³. Но наибольшее научное значение имеет труд В. Ф. Миллера⁴. В нем очень серьезно описаны многие памятники зодчества Чечено-Ингушетии.

В научной литературе XIX—начала XX в. довольно часто упоминаются башенные постройки (Н. К. Зейдлиц, В. И. Долбежев, П. И. Головинский, П. П. Надеждин, Г. А. Вертепов и др.). Однако это лишь беглые заметки.

В послереволюционное время работы по изучению местных древностей несколько оживились. Особенно активно исследуются памятники горной Ингушетии (работы Л. П. Семенова, И. П. Щерблыккина и др.). Местные краеведы Ф. С. Панкратов (Гребенец), М. Акбулатов, писатель Х. Д. Ошаев много внимания уделяют чеченской этнографии и памятникам старины⁵. В эти же годы австрийский ученый Бруно Плечке собрал интересный материал, посвященный Чечне⁶. Однако лишь с 1935 г., с созданием Северокавказской археологической экспедиции (СКАЭ), руководимой Е. И. Крупновым⁷, началось более планомерное изучение древ-

ностей Чечни. В программу работ экспедиции, помимо исследования памятников эпохи бронзы и раннего железа, входило выявление средневековых объектов⁸. С 1956 г. подобные работы проводил Горный (Аргунский) отряд СКАЭ, руководимый мной. За десятилетие были описаны памятники верховьев р. Чанты-Аргун (Аргунское ущелье), по р. Шаро-Аргун, в районе озер Кезеной-Ам и Галанчо-Ами. Помимо обмеров памятников зодчества, велись записи легенд и преданий, связанных с ними и публикуемых здесь, эстампировались петроглифы — рисунки, выбитые на скалах и строительных блоках древних построек⁹. Некоторые итоги исследований тех лет нашли отражение в трудах Е. И. Крупнова, моих книгах и статьях, в работах В. Б. Виноградова, С. Ц. Умарова, М. Б. Мужухоева, А. Ф. Гольдштейна и др.¹⁰

Прежде чем перейти к описанию памятников, остановлюсь на краткой физико-географической характеристике обследованных участков Чечни. Аргунское ущелье (по р. Чанты-Аргун) является одним из самых крупных в Чечено-Ингушетии. Оно представляет собой узкую щель, сложенную мощными мергелевыми свитами¹¹. Время от времени ущелье, встречаясь с пересекающими его хребтами, расширяется, образуя довольно обширные котловины¹², занятые чеченскими поселками (Чишки, Верди, Советское, Нпхалой и др.). До сел. Советского (бывш. Шатой) ущелье покрыто густым широколиственным лесом, далее, с увеличением высоты, леса редеют, постепенно сменяясь лугами. За сел. Итум-Кале мерге-

левые породы, слагающие местный рельеф, уступают свое место сланцевым выходам. Мрачный, дымчато-серый сланцевый пейзаж преобладает в верховьях р. Чанты-Аргун¹³. Еще более тесное Шаройское ущелье изобилует множеством каньонов. Оно до сих пор археологически плохо обследовано. От верховьев р. Шаро-Аргун древние тропы ведут в пределы бывшего общества Чаберлой (Чаберли, Чарбели), к оз. Кезеной-Ам. Оно расположено на границе с западными пределами Дагестана, рядом с его андо-аварскими районами. Озеро Кезеной-Ам (Эйзенам, Ретло) является естественной запрудой, образованной отрогами Андийского хребта на высоте 1869 м над уровнем моря. Его воды заполнили нижнюю часть троговой долины, так как выше озера, над р. Хорсум, еще и сейчас видны каменные морены и огромный карр ледникового происхождения. Бассейн озера сложен светлыми мергелями, свиты которого по северному берегу возвышаются перпендикулярно зеркалу его вод. Несколько выше появляются выходы более плотных известняков¹⁴.

К юго-востоку от Кезеной-Ам расположена огромная Макажойская котловина, приподнятая над бассейном р. Андийское Койсу в виде глубокой чаши. Она пересечена множеством потоков (р. Ансалата и др.), образующих скалистые каньоны с отвесными стенами. Южные участки гор, примыкающие к возвышенным краям котловины, соприкасаются с Шаройскими районами, за которыми следует Пирикительский хребет Хевсуретии¹⁵. Этот участок Чечни археологически слабо изучен. Здесь в конце XIX в. побывала путешественница А. Россикова, оставившая интересные записки¹⁶.

От оз. Кезеной-Ам через Керкетский перевал (Харамля, Харамы, 2175 м) можно пройти в лесистую часть Чечни — Ичкерню¹⁷.

К другому крупному озеру Чечни — Галацхож-Ами тропы и дороги проложены вдоль р. Гехи. Озеро расположено на высоте 1530 м среди отрогов Скалистого хребта (горы Морд-лам и Цорей-лам). Воды его безжизненны, так как содержат сероводород. Район озера некогда был густо заселен¹⁸.

Все описанные участки горной Чечни сложены в основном известняками, плотными песчаниками верхнеюрского и нижнемелового возраста¹⁹. Эти породы, как и черные шиферные (кровельные) сланцы, являются хорошим строительным материалом²⁰. Из них и были построены описываемые ниже архитектурные объекты.

Башенные постройки Аргунского ущелья

Аргунское ущелье — самое обширное во всей горной Чечне. В его теснинах до сих пор можно видеть большое количество башен и склеповых сооружений. Несомненно, эти памятники архитектуры являются лишь жалкими остатками величественных построек прошлого. Еще в первой половине XIX в. неподалеку от г. Грозного, в Ханкальском ущелье, стояла боевая башня²¹, сейчас не найти ее следа. А. П. Берже упоминает серии башен, которые охраняли поселки и тропы жителей Аргунского ущелья²². Все эти постройки, служившие для обороны подступов к горским селениям, были разрушены, а возле них царская администрация воздвигла крепости. Так, у въезда в Аргунское ущелье стояла башня, а в 1844 г. на равнине, подступающей к местным горам, была заложена крепость Воздвиженская. Известно, что у сел. Зонах также имелась башня, и здесь же в 1858 г. возникло укрепление²³. Башни, несомненно, уничтожались и во время прокладки дорог. Только по сохранившимся постройкам можно еще судить об их архитектуре.

Рис. 1. Башенные постройки Чечни

1 — Шатоевская башня (рис. Дюстердика, по А. П. Ипполитову, 1868 г.), 2 — Гатын-Кале; 3 — Ушкналой

Шагоевская башня. До наших дней сохранилась здесь лишь одна из двух башен, охранявших подступы к сел. Гекко-Шатой (с 1858 г. военная крепость, штаб-квартира Курийского полка, ныне сел. Советское). Впервые литографию с обеими башнями (художник Дюстердик) опубликовал А. П. Ипполитов в 1868 г.²⁴ Они лепятся по кромке скал, одна стоит чуть выше другой, верхние части у башен попорчены (рис. 1. 1). Несколько позже их внешний вид воспроизвел в своей книге В. Ф. Миллер. Он увидел башни побеленными, в одной имелось четыре этажа, в другой — шесть, расстояние между ними равнялось 18 шагам²⁵. Исследователь приводит отрывок из легенды, посвященной башням. В 1967 г. писатель Х. Д. Ошаев рассказал мне ее полностью. Суть ее сводится к следующему. Обе башни были построены братьями. Старший, женившийся на красавице пленнице, которую безответно любил младший брат, счастливо жил в нижней башне. Разгоревшаяся между братьями вражда завершилась трагически. Младший брат послал стрелу в своего соперника, а овдовевшая женщина нашла смерть в водах Аргуна²⁶. Сейчас сохранилась верхняя, четырехэтажная башня, которая, по легенде, принадлежала младшему брату (рис. 2). Другая, шестизэтажная, разрушена (с ее пятого этажа после смерти мужа женщина бросилась в реку). Обе эти башни Д. Н. Анучин считал пятиэтажными²⁷. Внутри нижней, на северо-западной стене, на высоте 2,5 сажени (5,33 м) В. И. Долбежев видел петроглиф — двойную спираль и стилизованную фигуру человека (рис. 3, 1)²⁸. Изящество обеих построек привлекло внимание этнографа Н. Н. Харузина²⁹. До 1928 г. они еще были целы³⁰, но уже в 1936 г. А. П. Круглову удалось осмотреть только верхнюю башню³¹. Расположена она к юго-востоку от сел. Советского, на левом берегу р. Чанты-

Аргуи, у подножия крутой лесистой горы.

Башня — квадратная в плане (рис. 2). Построена она на мергелевой скале. Ширина стен у основания равна 3,20 м, толщина — от 0,72 до 0,65 м. Современная высота башни 13 м. Северо-восточная и юго-восточная стены ее воздвигнуты над каньоном реки, они недоступны. Западным углом башня примыкает к скале. Сложена она из слегка подтесанной каменной на растворе из глины с мергелевой крошкой. В кладке заметна «перевязка» крупных и мелких камней. Сооружение принадлежит к типу боевых башен — «вою».

Северо-восточная стена башни сильно попорчена проломом, затронувшим и входной проем с арочным перекрытием. По записям А. П. Круглова, его ширина равнялась 0,90 м³². Проем вел во второй этаж башни. Верхняя точка арки, сложенной напуском камней, отстоит от основания башни на 6,50 м. С внутренней стороны дверной проем расширяется (в нем сохранилась доска от полки или дверной рамы).

На высоте 9,20 м от основания сделан оконный проем (0,90×0,40 м), с круглой аркой упомянутой конструкции. С внутренней стороны проем расширяется до 1,20×0,60 м.

На стыке северо-восточной стены с северо-западной сохранилось 10 каменных плит, вставленных углом между ними. Они выступают в виде ребер и расположены на расстоянии 1—1,30 м одна над другой. Эти плиты связывают стены между собой.

Северо-западная хорошо сохранившаяся стена снабжена четырьмя бойницами, расположенными в два ряда — на высоте 1,90 и 5,50 м от основания. Наружные отверстия бойниц стандартны: 0,30×0,15 и 0,20×0,15 м. С внутренней стороны они сильно расширены (до 0,59×0,49—0,30 м) в правую сторону для стрельбы с правого плеча (рис. 4, 1). Над бойницами расположено окно

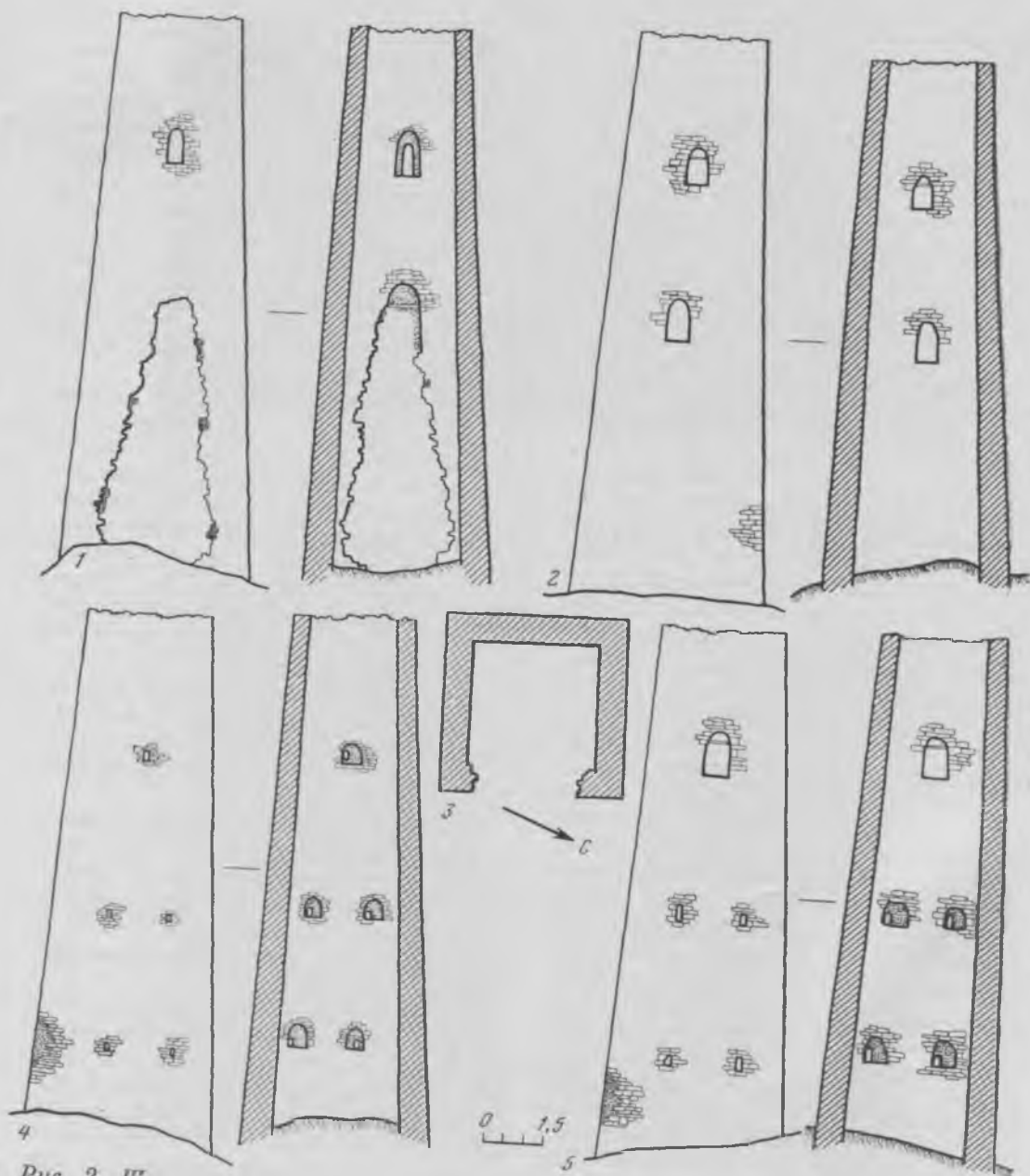

Рис. 2. Шатовская башня (обмеры А. Н. Панченко, 1959 г.). Стены (снаружи и внутри)
 1 — северо-восточная (фасад), 2 — юго-восточная, 3 — план у основания, 4 — юго-западная, 5 — северо-западная

(1,10×0,65 м; с внутренней стороны не расширяется), которое завершается циркульной аркой. На стыке описанной стены с юго-западной стороны можно видеть десять угловых камней.

Прекрасной сохранности юго-западная стена имеет пять бойниц описан-

ных форм и размеров. Расположены они в три ряда: две — на высоте 1,80 м от основания башни, еще две — на высоте 5,20 м и еще одна — на высоте 9,20 м (расположена в средней части стены). Для верхней бойницы, двух средних и одной нижней (у южного угла) харак-

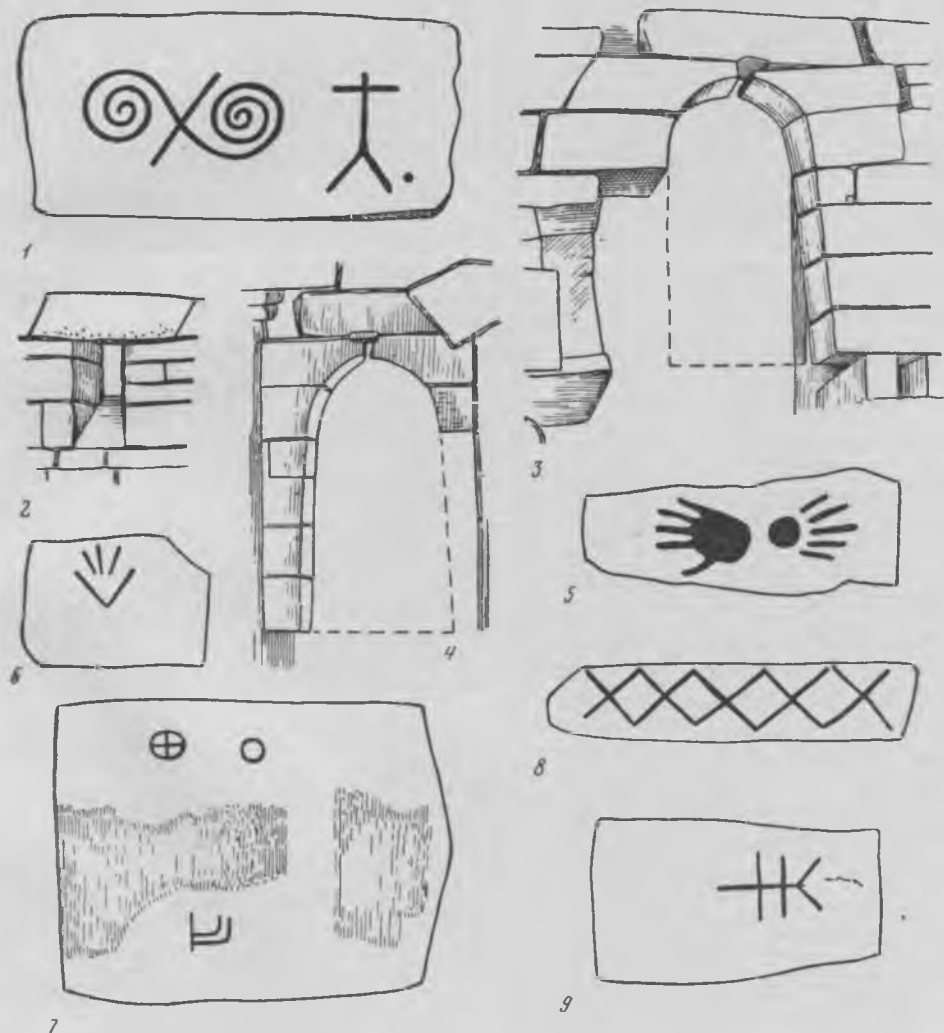

Рис. 3. Петроглифы (1, 5—9) и детали (2—4) башенных построек горной Чечни

1 — Шатоевская башня (по В. И. Долбежеву), 2—4 — Гатын-Кале; 2 — бойница, 3, 4 — входной проем с наружной и с внутренней сторон (зарисовки В. И. Марковина), 5 — Верхний Кокадой, жилая башня, 6, 8, 9 — Башня Дёре 1; 7 — Пакоч, жилая башня

Рис. 4. Детали башенных построек (1—4) и одновременная керамика (5)
 1 — Шагоевская башня, бойница, 2—5 — Гатын-Кале

терны правосторонние конические выемки с внутренней стороны — для стрельбы с правого плеча. У второй нижней бойницы (возле западного угла) выемка сделана в противоположную сторону — для стрельбы с левого плеча. На стыке описанной стены с юго-восточной сохранилось девять угловых камней.

Юго-восточная стена снабжена двумя крупными оконными проемами без внутренних расширений (расположены одно над другим на высоте 5,30 и 9,20 м от основания башни). Размеры нижнего проема 1,10×0,55 м, верхнего — 0,90×0,52 м (в нем сохранилась доска). Окна завершаются округлыми арками, сложенными напуском подгесанных камней. Эту стену с северо-восточной связывают восемь угловых камней.

Шатоевская башня постепенно суживается кверху. Выступов, на которых лежали бы межэтажные перекрытия, в ней нет, соответствующие балки держались в специальных пазах, оставленных в кладке стен. Башня могла быть пятиэтажной, т. е. иметь еще один этаж с навесными машикулями. Для этой башни характерны бойницы с односторонними расширениями, что было отмечено также А. П. Кругловым, который зачертил их в своем дневнике³³.

Башня Гатын-Кале. Северо-западнее сел. Аслаббек-Шерипово (бывш. Гатын-Кале и Солнечное) возвышается боевая башня Гатын-Кале (Г'аьттин-Кхелли). С ней связано следующее предание. В местных горах появился не известный никому араб. Под жильем он использовал пещеру и старался избегать людей, но горцы выследили его. Однажды пришелец ушел на охоту, а вход в пещеру завалил огромным камнем. Никому из мужчин не удалось своротить камень с прохода. Тогда старейшина этого горского племени заявлял, что любым путем надо убить чужеземца, иначе он принесет вред людям. И

решили женить его. На выбор арабу предложили двух девиц: одну дочь старейшины, переодетую в одежду рабыни, и рабыню, облаченную в богатое платье. Чужеземец выбрал дочь старейшины, а рабыню взял в служанки. Через некоторое время молодая женщина решила прийти в свое селение, и тут отец стал уговаривать ее убить мужа. Но она отказалась совершить зло, ведь тогда ее будущий сын станет мстить за смерть отца. В дальнейшем от брака сына араба и местной женщины образовали род Сатто (Сятта, Сабтта). Они и построили башню Гатын-Кале. По преданию, это произошло 13 поколений назад. В последнее время ею владели Яросха. Многие из родственников владельцев башни переселились в Хал-Келой, Шатой, Гумба-Корт³⁴.

В этом предании звучат элементы нартского эпоса, смешанные с позднейшими наслоениями, привнесенными мусульманством. Араб, предок строителей башни, наделен недюжинной силой Коллой-Канта, лишь подобные ему герои нарт-орстхойских сказаний могли ворочать огромные камни³⁵. Но в предании фигурирует араб — человек, близкий по происхождению самому пророку Магомеду, что являлось очень почетным в среде горцев-мусульман. Дагестанцы, вайнахи, другие народы Северного Кавказа частенько примысливали себе родство с арабами — носителями исламской веры. Эта традиция нашла отражение и в пересказанном мной предании.

Башня Гатын-Кале возвышается на треугольном всхолмлении верхней террасы р. Верды-Ахк (приток Чанты-Аргуна). Крутые склоны делают холм довольно труднодоступным, что учли строители башни. Для того чтобы обезопасить себя с восточной стороны, владельцы башни вырыли здесь ров, перерезающий весь выступ террасы. Ширина рва 7,20 м, глубина до 1,60 м.

Обмеры башни уже опубликованы³⁶, поэтому ограничусь кратким ее описа-

нием. Современная высота башни 11,50 м. Ориентирована она длинной осью по странам света, площадь основания $5,20 \times 4,80$ м, кверху заметно суживается. Толщина стен 1,10—0,90 м. Сложена Гатын-Кале из плит мергеля и песчаника на глинисто-известковом растворе с примесью соломы. Вход в башню находится в западной стене на уровне второго этажа. Округлая арка входного проема высечена в двух песчаниковых блоках (они сближены). Размеры проема $1,50 \times 0,75$ м, с задней стороны он расширяется (рис. 3, 3, 4). Над ним имеется еще один крупный проем, который мог служить входом на третий этаж. Сохранилось 17 бойниц, три из них (самые верхние, на восточной и южной стенах) в нижней части сильно скошены во внешнюю сторону (рис. 3, 2). Это позволяло вести навесной бой. Все бойницы с внутренней стороны шире, чем снаружи, и постепенно суживаются.

Башня Гатын-Кале имела пять этажей. Перекрытие первого этажа покоилось на стенных выступах, устроенных с западной и южной стороны (рис. 4, 2). Балки верхних этажей упирались в специальные пазы в стенах. По углам башни можно видеть семь выступающих плит, которыми скреплены между собой стены постройки (рис. 4, 3)³⁷. Наружная декорировка очень бедна, лишь над верхней бойницей восточной стены сохранился крестообразный узор, для чего из кладки выбраны небольшие камни (рис. 1, 2).

В 1958 г. перед входом в башню был заложен раскоп. Слой с находками следовал непосредственно за дерном на глубину до 0,40 м. Он содержал керамику, кости овец, коровы, обломки рогов кавказского оленя со следами надразов, точильный камень. Раскопками установлено, что строительный материал доставляли на башенный холм в сыром виде и здесь его обрабатывали: обнаружены обломки и сколы камня и

три хорошо отесанных блока ($0,60 \times 0,22 \times 0,15$ м, $0,61 \times 0,33 \times 0,18$ м и $0,60 \times 0,60 \times 0,17$ м). Найденная красноглиняная керамика (рис. 4, 5) изготовлена на гончарном круге из хорошо отмученной глины. Она покрыта орнаментом в виде волны, зигзага, косыми штрихами (нанесены штампом). Это были небольшие кувшины высотой до 25 см. Судя по описанной керамике, найденной среди строительных остатков, башня могла быть воздвигнута в XVI—XVII вв.³⁸

Для выяснения характера фундамента Гатын-Кале возле ее юго-западного угла был заложен второй небольшой раскоп. На глубине 0,10 м показались камни, выступавшие из стены до 0,50 м (рис. 4, 4). Фундамент представлял собой ряд массивных почти необработанных глыб известняка (длинной 1,05—0,60 м при толщине 0,40 м), положенных непосредственно на щебнистый материк, без углубления в него. Ненадежность такого фундамента и привела к перекосам стен и их разрушению, хотя в кладке заметно стремление сделать постройку прочной — камни «перевязаны», стыки их почти нигде не совпадают, а по углам строительные блоки поставлены на торец. Однако среди мелких камней часто положены целые глыбы, что также способствовало возникновению трещин в стенах башни. Кровля у Гатын-Кале не сохранилась.

Башенное убежище у сел. Нихалой. На левом берегу р. Чанты-Аргун, напротив северной оконечности сел. Нихалой (Нихала), в скалах каньона р. Чанты-Аргун видны остатки башнеобразной постройки. Убежище возведено в нише скалы так, что полом и потолком ему служат пласты светлого мергеля. Постройка недоступна, и ниже даются лишь приблизительные ее размеры: высота около 10—12 м, длина 13—15 м. Средняя часть здания обвалилась, на нем видно лишь пять довольно узких бойниц: три — в нижней

части и две (одна над другой) — в верхних этажах башни. Убежище было трехэтажным, вход в него находился, очевидно, в средней, обрушившейся части (рис. 5, 1). Кладка стен не отличается от описанных уже башен.

Башня Гучан-Кале. По правую сторону р. Чанты-Аргун, в 1,5—2 км к востоку от сел. Башин-Кале возвышается башня Гучан-Кале (Гучан-Кхелли — «Видимое поселение») ³⁹. Расположена она на склоне горы Цек-Корт у правого, высокого берега речки Гучан-Эрк (Гучан-Ахк). Башня стоит на скалистом, труднодоступном мысе, в 4—5 м от края обрыва, достигающего глубины около 200 м. Башня четырехугольная в плане, суживается кверху. Углами ориентирована по странам света. Каждая из стен башни имеет свои архитектурные особенности (рис. 6).

Юго-западная стена (фасад, обращен к обрыву) у основания имеет ширину 4,40 м; на высоте 4,30 м от уровня земли расположен дверной проем, ведущий во второй этаж. Полукруглая арка входного проема сделана напуском заостренных камней. С внутренней стороны проем расширяется, образуя нишеобразное углубление в стене (до 0,70 м) со стрельчатой аркой. По его сторонам сделано два паза ($0,30 \times 0,20$ м). Они уходят в стену на глубину до 0,50 м. Эти отверстия служили для крепления перекладки, запиравшей двери. Размеры проема: с внешней стороны — $1,35 \times 1$ м, с внутренней стороны — $2,25 \times 1,30$ м.

Далее на высоте 2,90 м от дверей устроен второй проем — крупное окно ($0,68 \times 0,68$ м) с овально-вытянутой аркой, высеченной из целого монолита ($1,70 \times 0,30$ м). Этот проем, так же как и дверь, снизу снабжен двумя отверстиями (около $0,20—0,25 \times 0,15$ м), которые служили для запора. Выше окна дважды повторяется углубленный декор в виде крестов, для чего из кладки выбрано по одному камню. Над ними воз-

вышается углубленное изображение Т-образного знака (около $0,60 \times 0,60$ м).

Близ верха башни находится третье небольшое оконце с округлой арочкой (выбита в монолите), а над ним дважды повторяется крестообразный узор.

Кверху стена башни суживается, примерно до 3,20 м, и заканчивается машикулем — боевым балконом, стоящим на трех упорах — массивных плитах. Глухой балкон машикуля имеет прямоугольную форму ($1,60 \times 0,80 \times 0,60—0,40$ м).

Юго-восточная боковая стена, с основанием шириной 4,80 м, сохранилась очень хорошо. Она оснащена бойницами, расположенными в два ряда: одна бойница — на высоте 4,50 м от уровня склона и еще две — на высоте около 4,70 м. Сильно суженные ($0,38 \times 0,11$ м), с внутренней стороны они равномерно расширяются. Над бойницами помещены «кресты» и Т-образный знак, выше которого находится небольшое окно ($0,30 \times 0,40$ м). Замыкающая его полукруглая арка выбита в двух камнях. Справа от окна из стены выступает закругленная плита (заслон от солнца, боевого огня?). Над окном трижды повторяются углубленные «кресты», а расположенный выше машикуль более широк, чем на юго-западной стене, его длина 2,60 м. Он поддерживается четырьмя консолями.

Северо-восточная стена врезана в склон утеса. Частично обнажился ее фундамент, ничем не отличающийся от кладки, обычной для подобных башен. Ширина стены около 4,40 м. На высоте 8,80 м от склона в одну линию расположены три бойницы описанного типа ($0,25 \times 0,11$ м). Выше их на массивном угловом камне выбит петроглиф в виде «лежащей восьмерки», еще выше находится крупная бойница ($0,80 \times 0,35$ м) с наклонной нижней площадкой для навесного боя (напоминает бойницы башни Гатын-Кале), а по сторонам ее — бойницы обычного типа. Верх

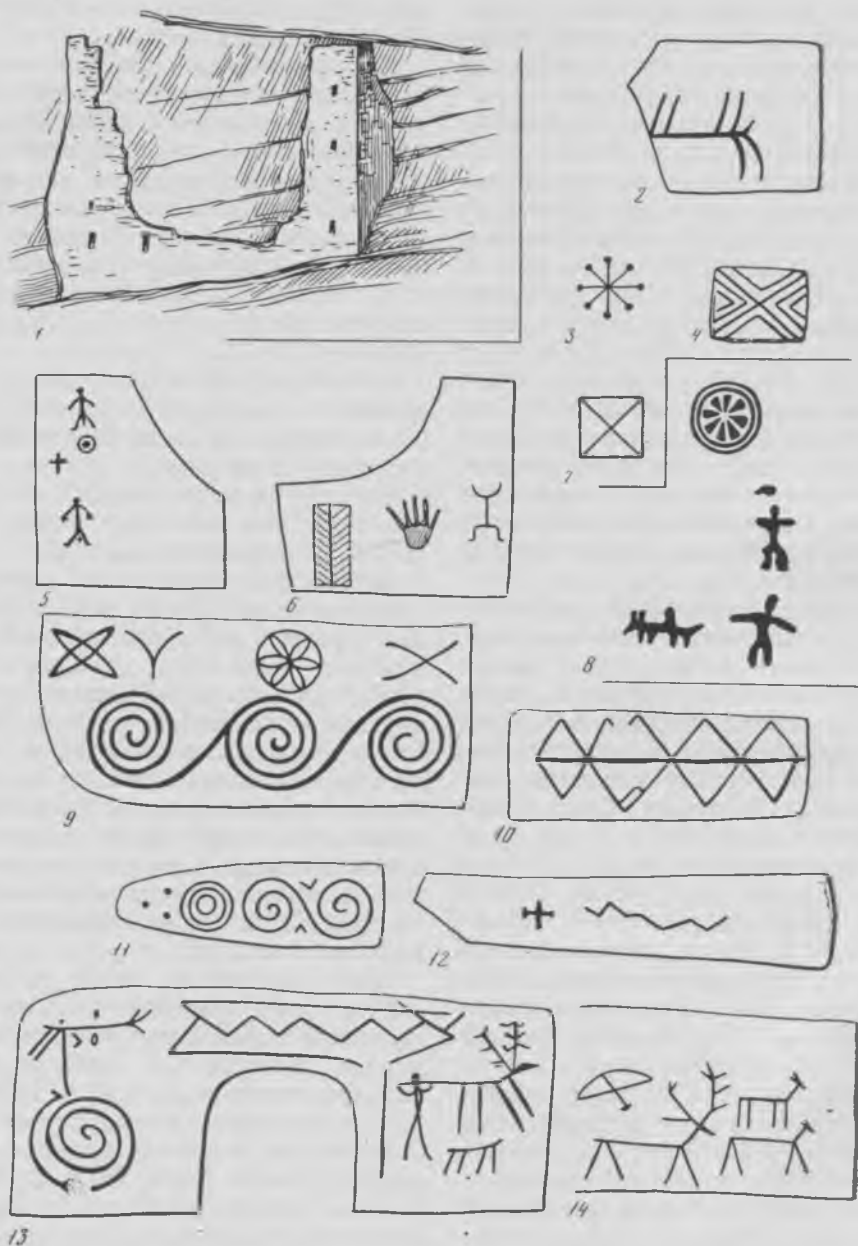

Рис. 5. Башенная постройка (1) и петроглифы (2—14) горной Чечни

1 — убежище у сел. Нихалой, 2 — Башня Дёре 1 (рисунок перевернут), 3—6 — Шулгаг; 4 — камень 25 × 18 см, 5 — 80 × 65 см, 6 — около 100 × 100 см, 7 — Титча-дук (рисунок около 10 × 10 см), 8 — Эттали, 9 — Шула, 10 — Пой-Педе, башня 1, 11, 12, 14 — Макажой, 13 — Муцарой, мечеть

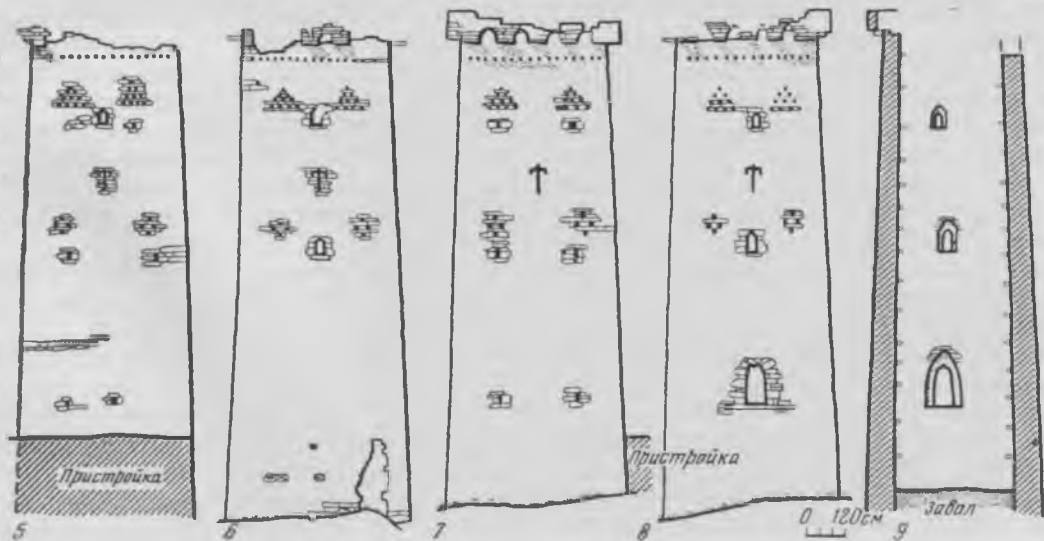
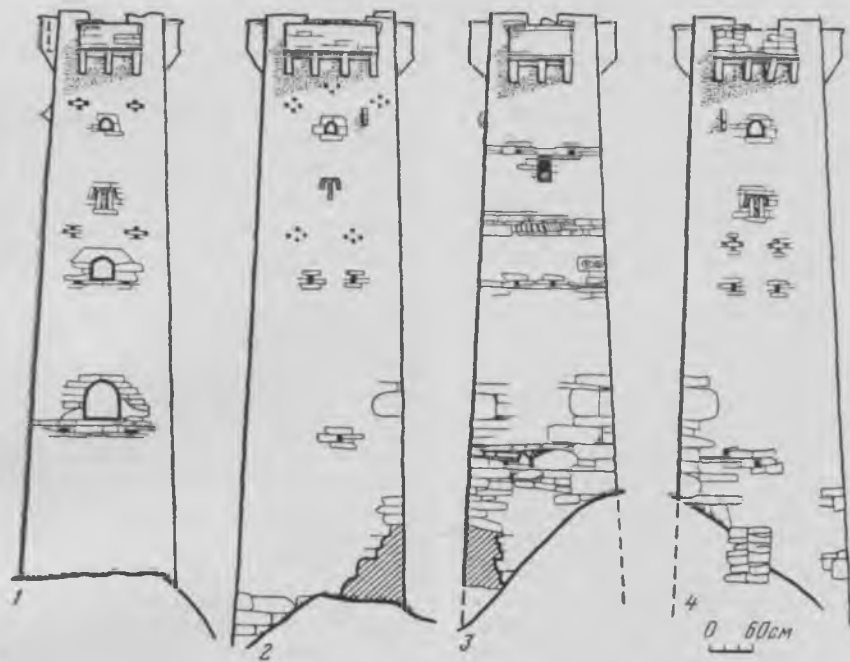

Рис. 6. Башенные памятники Чечни

1—4 — Гучан-Кале: 1 — юго-западная стена, 2 — юго-восточная, 3 — северо-восточная, 4 — северо-западная стена (обмеры В. И. Марковина, 1958 г.), 5—9 — Хой: 5 — северо-западная стена, 6 — юго-западная, 7 — северо-восточная, 8 — юго-восточная стена, 9 — разрез; обмеры В. И. Марковина, 1961 г.

башни с этой стороны увенчивает машикуль, стоящий на трех консолях.

Северо-западная стена (ширина основания 4,90 м) укреплена снизу контрфорсом высотой до 2,50 м (ширина его 1,20—1,30 м). Снизу северо-западная стена снабжена двумя бойницами, выше — еще двумя. Над ними помещены узор из «крестов» и Т-образный знак, а затем — небольшое оконце (0,50 × 0,40 м) с арочкой, сложенной путем напуска приостренных камней. Слева от окна из стены выступает угловая плита. Выше находится балкончик — машикуль, поддерживаемый четырьмя упорами (рис. 6, 4).

Общая высота башни более 17 м. Толщина стен до 1 м и несколько больше. Башня имела четыре этажа, но этажные перекрытия и кровля не сохранились, можно видеть лишь выступы стен, на которых они покоились. По углам башни видно по 13 треугольных каменных перемышеч (угловых камней), служивших для более прочного соединения стен.

Отметим некоторые конструктивные особенности башни Гучан-Кале. 1. Сложена башня из тщательно подобранных камней разной величины и формы, но так, что их стыки не совпадают. По углам среди кладки заметны огромные каменные блоки из слегка обработанных речных валунов. При строительстве применен известковый раствор. Кладка фундамента и стен одинакова. 2. Северо-восточная стена между бойницами имеет небольшой участок декоративно-узорчатой кладки в виде «поребрика» (рис. 6, 3). 3. Т-образные знаки, вероятно, являлись своеобразными тамгами. Они имеются на легко обозримых стенах, на северо-восточной, обращенной к склону горы, знака нет.

В 1 км к северо-западу от описанной башни, на том же склоне горы сохранились остатки двух жилых башен. От верхней — только часть западной стены, от нижней — фундамент.

Башенные постройки сел. Ушкалой. За сел. Ушкалой (Уш-кхелли, Чиннах), неподалеку от сел. Ден-Кале (Дан-кхелли), на правом берегу р. Чанты-Аргун в выемке скалы стоит башня-убежище. Она хорошо просматривается с дороги, идущей из сел. Советского в Итум-Кале. Башня до сих пор не описана, хотя ее вид опубликован в моих работах и в труде Г. И. Анохина⁴⁰.

Башня труднодоступна, по типу несколько напоминает рунны у сел. Нихалой. Над ней нависает отвесная толща скал, а подножие ее омывает бурный поток реки (рис. 7, 1). Ориентирована башня по сторонам света.

Северная стена башни с левой стороны имеет неровные края, так как вплотную примыкает к кромке мергелевой скалы (рис. 8, 1). Ширина стены от этого варьирует приблизительно от 3,40 до 1,80 м⁴¹. На высоте 2,50 м от поверхности скалы, на которой стоит башня, находится дверной проем (около 1 × 0,60 м) с круглой арочкой (камни расположены в виде веера вокруг примитивного замкового камня треугольной формы). Выше проема находится бойница, вытянутая в высоту (около 0,30 × 0,15 м). У самого верха башни имеется небольшой оконный проем с приостренной аркой (около 0,40 × 0,25 м), сложенной путем припуска камней друг над другом.

Западная стена незначительно суживается кверху (ширина у основания 4,40—4,50 м, вверху — 4,10—4 м). В стене сделано шесть бойниц обычного типа: одна внизу (на высоте около 2,20 м от основания башни), две в средней части (расположены по краям постройки) и еще две, расположенные несколько выше, обороняют окно. Самая верхняя бойница находится близ скального навеса. Оконный проем этой стены конструктивно ничем не отличается от северного окна.

Южная стена башни начинает рутьиться (рис. 8, 3). Правая ее сторона

Рис. 7. Башенные постройки Чечни

1 — убежище у сел. Ушкалой, **2** — боевые башни близ сел. Верхний Кокадой, **3** — жилая башня у сел. Верхний Кокадой

имеет неровные края, так как вплотную примыкает к скале. Ширина стены приблизительно от 4 до 2,60 м. Она имеет пять бойниц, расположенных в три ряда. На высоте около 7 м от основания

башни по сторонам пятой одиночной амбразуры сохранились остатки каменных консолей, сложенных из двух плит (верхние приострены). Эти упоры, очевидно, поддерживали обрушившийся

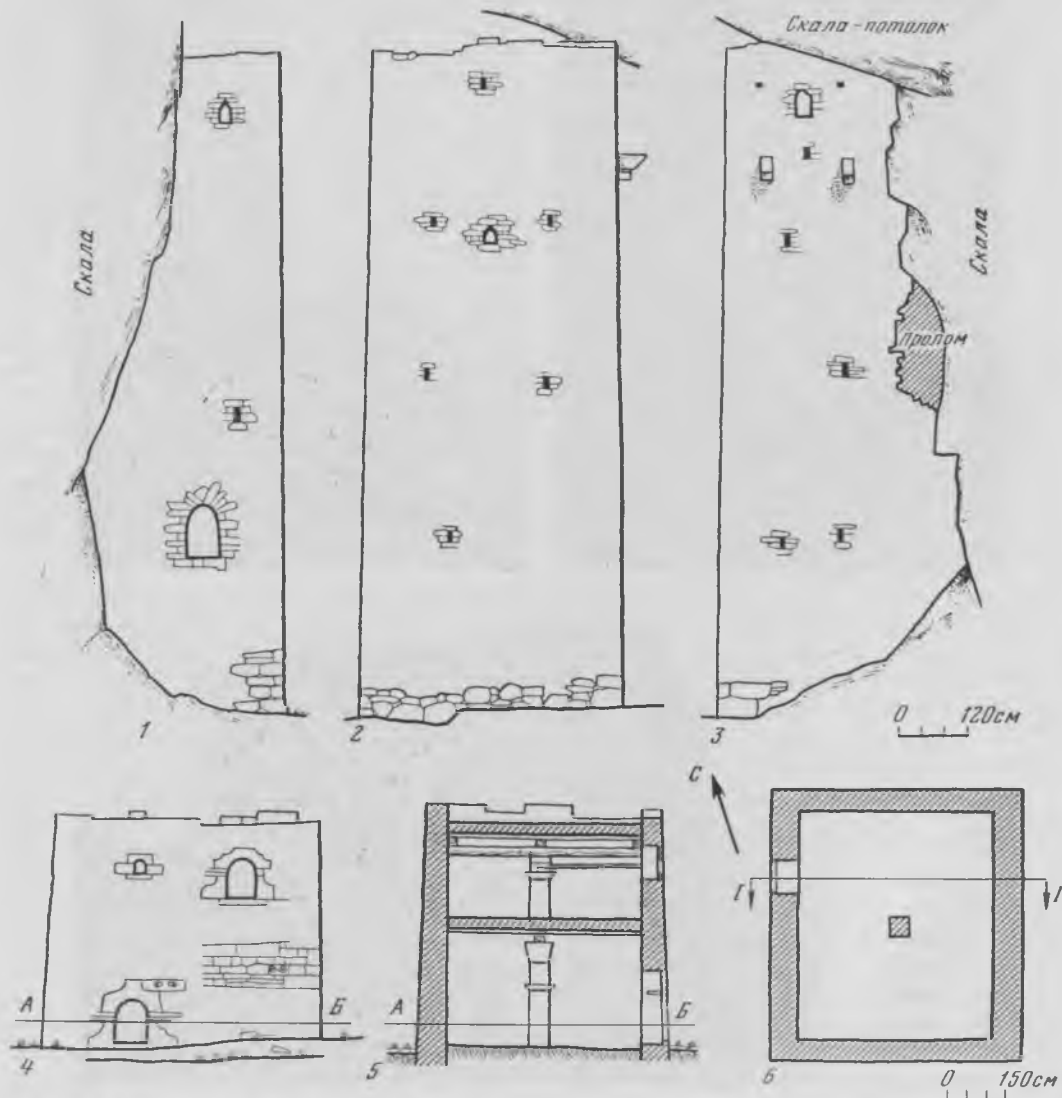

Рис. 8. Башенные постройки Чечни

1—3 — скальное убежище у сел. Ушкалой: 1 — северная, 2 — западная, 3 — южная (обмеры в приблизительном масштабе В. И. Марковина, 1958 г.), 4—6 — жилая башня у сел. Верхний Юкадой: 4 — западная стена, 5 — разрез по I—I; 6 — план по А—Б (обмеры Э. П. Химины, 1960 г.)

балкончик—машикуль. Выше находится оконный проем (около $0,50 \times 0,30$ м) с округлой арочкой, сложенной напущком камней. По сторонам окна имеются еще две бойницы почти квадратной формы. Общая высота башни около 11—11,5 м. Рядом с ней находятся остатки какой-то прямоугольной постройки.

Некоторые особенности башни-убежища. 1. Сложена она из камней довольно правильной формы на растворе (известь?). У основания заметны более крупные блоки. 2. Восточной стены башня не имеет, ее заменяет естественная поверхность скалы. 3. Потолком башни также служат нависающие скальные глыбы. 4. Постройка принадлежит к типу жилых чеченских (гала), хотя имеет ряд черт, присущих боевым сооружениям: вытянутость пропорций, многоэтажность (не менее четырех этажей), усиленная оснащенность бойницами. Постройку этой башни горцы приписывают джелтам.

Над сел. Ушкалой возвышаются руины боевой башни (рис. 1, 3). Она стоит на крутом сланцевом утесе и сейчас довольно труднодоступна. В плане она образует прямоугольник, а углами ориентирована по странам света. Сохранилась очень плохо, уголок аула с ее руинами опубликован Б. А. Калоевым⁴². Сейчас можно видеть северо-восточную сторону башни и примыкающие к ней остатки юго-восточной и северо-западной стен (рис. 9).

Северо-восточная стена шириной 4,50 м не имеет проемов. Наверху сохранились две консоли (из трех), на которых держался боевой балкончик—машикуль. В юго-восточной стене заметны следы от трех проемов с округлыми арочками, сконструированными из двух облитых плит. Высота проемов колеблется в пределах 1,20—1,10 м. С внутренней стороны они расширяются и, очевидно, завершались приостренными арками. На верху башни виден один упор от машикуля, сделанный из

нескольких выступающих камней (вероятно, таких упоров было два).

Северо-западная стена сильно разрушена. С внутренней стороны в ней сохранились прямоугольные хозяйственные ниши. Современная высота башни 18 м. Стены ее скреплены между собой 8—7-угловыми камнями. Башня имела пять этажей, перекрытия между ними крепились в пазах.

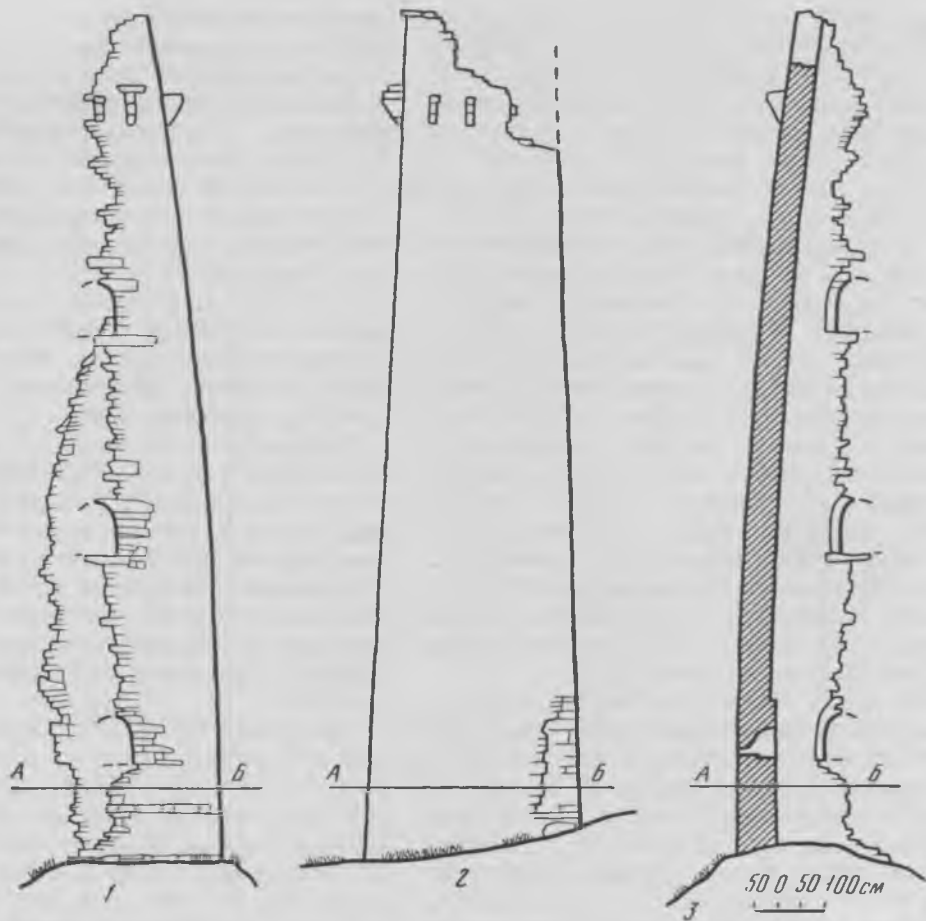
В 1928 г. Х. Д. Ошаев опубликовал снимок этой башни. Тогда она сохраняла все четыре стороны, все стены ее были снабжены машикулями, но уже кровли у башни не было⁴³.

Ушкалой как поселок, состоящий из жилых башен «гала», упоминает в своей работе Б. Плечке⁴⁴. Действительно, в этом селении можно видеть приземистые жилые башни, приспособленные к современным условиям быта (в них пробиты широкие оконные проемы, пристроены застекленные веранды, постройки перекрыты двускатными кровлями)⁴⁵.

Башенные постройки у селений Нижний и Верхний Кокадой. К северо-востоку от сел. Итум-Кале (Итон-Кхелли), близ сел. Нижний Кокадой (Кохт, Кхокхада), можно видеть остатки башни. Она стоит на правом берегу р. Чанты-Аргун, на горе. От боевой башни частично сохранились западная (задняя) стена и обломок северной (боковой) стены. Руины возвышаются примерно на два с половиной этажа. В западной стене видны три ряда бойниц, одна из них (в средней части стены) имеет треугольную форму.

За сел. Верхний Кокадой и речкой Коктой-Ахк, в местности Дукълой, на гористом мысе (к западу от склепового могильника)⁴⁶ стоит жилая башня (гала) прекрасной сохранности (рис. 7, 3). В плане она прямоугольная и не очень точно ориентирована с севера на юг. Наружные размеры башни $7,60 \times 6,85$ м при высоте 6,50 м. Толщина стен у нее неравномерна — длинные

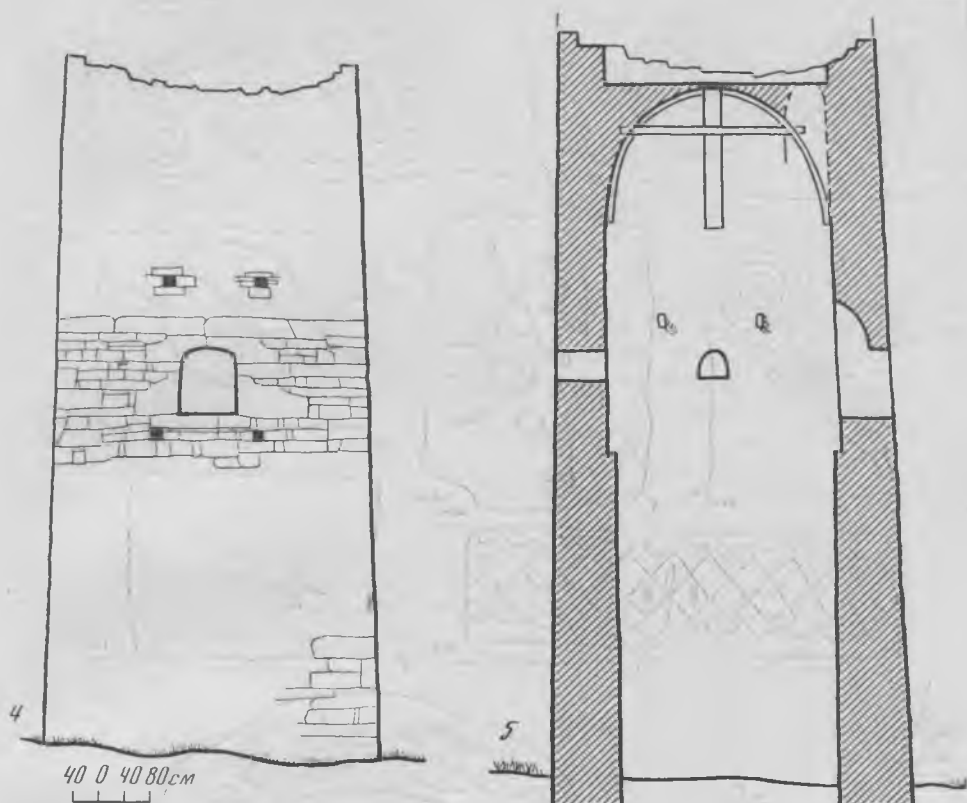

толще коротких: 0,75 м и 0,60 м (рис. 8, 4—6). Фасад башни (западная стена) снабжен двумя дверными проемами и одним оконным. Двери вели на первый и второй этажи, причем в верхнее помещение приходилось подниматься по приставной лестнице. Оба проема одинаковой конструкции. В основании их уложены массивные плиты сложного контура (подтреугольной формы), далее следует обычная кладка «в замок», а завершают дверные проемы округлые арки, высеченные в массивных монолитах песчаника. У нижней двери устроен невысокий порожек, к ее арочному камню примыкает продолгова-

Рис. 9. Башенные постройки Чечни

1—3 — Ушкалой: 1 — юго-восточная стена, 2 — северо-восточная, 3 — разрез по линии северо-восток—юго-запад (обмеры Э. П. Химины, 1960 г.),

тый блок с изображением кистей рук — левой и правой, пальцы которых направлены в разные стороны (величина блока $67,5 \times 26,5 - 22$ см; см. рис. 3, 5). Дверные проемы расположены наискосок. Сделано это с целью, чтобы приставная лестница не мешала движению в нижних дверях, такое расположение их было удобно и в осадно-оборонной ситуации. Внешние размеры дверных проемов $1,10 \times 0,90$ м. С внутренней сто-

4, 5 — Пакоц: 4 — южная стена, 5 — разрез по линии север—юг (обмеры В. И. Марковина, 1960 г.)

роны они расширяются, достигая в высоту 2,05 м, завершаясь стрельчатым приотстрием. В нише нижних дверей сохранились остатки дощатой полки, вделанной в кладку стены. Под верхним дверным проемом сохранились отверстия и каналы от засова.

Над дверью первого этажа расположен оконный проем (0,45×0,30 м). Обрамлен он правильными блоками камня и увенчан крупным монолитом с по-

луциркульной аркой. Этот проем расширяется так же, как и двери, с внутренней стороны. Справа от нижней двери в стену вделана плита (51×27 см) с петроглифом — лежащей двойной спиралью (рис. 10, 1).

Кладка башни аккуратна. Мастер не только стремился хорошо скрепить различные по размерам каменные блоки, но и предварительно тщательно оббил их, придав каждому камню слегка рустованный вид. В силу этого здания выглядит необычайно монументально, красочно, обыгрываясь светотенью. Интересно и еще одна деталь: слева от верхних дверей фасада в стену вмонтиро-

Рис. 10. Петроглифы горной Чечни

1 — Верхний Кокадой, жилая башня, 2, 3 — Пакоч, жилая башня, 4, 5 — там же, мечеть (4 — расположен боком), 6—7 — там же, руины, 8—12 — Шулкаг

ван блок с закругленным выступом. Думаю, что он имел не только декоративное назначение. К этому камню могли привязывать тушу барана при ее сушке, военные и охотничьи трофеи.

Внутри башни (площадь помещения $6,35 \times 5,25$ м) сохранился каменный опорный столб, сложенный из тщательно подогнанных блоков. Он увенчан массивной капителью в виде усеченной четырехгранной пирамиды, поставленной расширением кверху. На нее опирается балка, поддерживающая настил из плах, хвороста и щебня, над которым возвышается еще одна колонна, но более небрежной кладки. Ею в свою очередь поддерживается кровля второго этажа. Судя по свежести дерева перекрытий, небрежности кладки верхнего опорного столба (рис. 8, 5), описанные конструкции сделаны сравнительно недавно, однако они наглядно показывают способ членения башни на этажи. Необходимо отметить также, что стены постройки связаны между собой угловыми камнями и снабжены хозяйственными нишами.

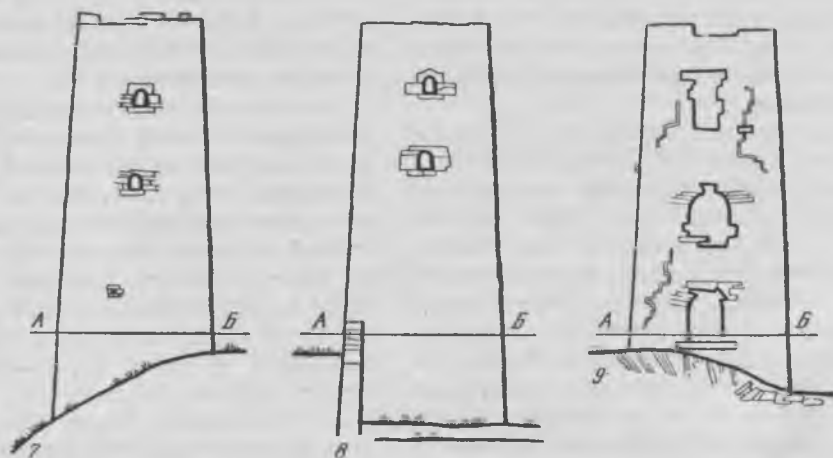
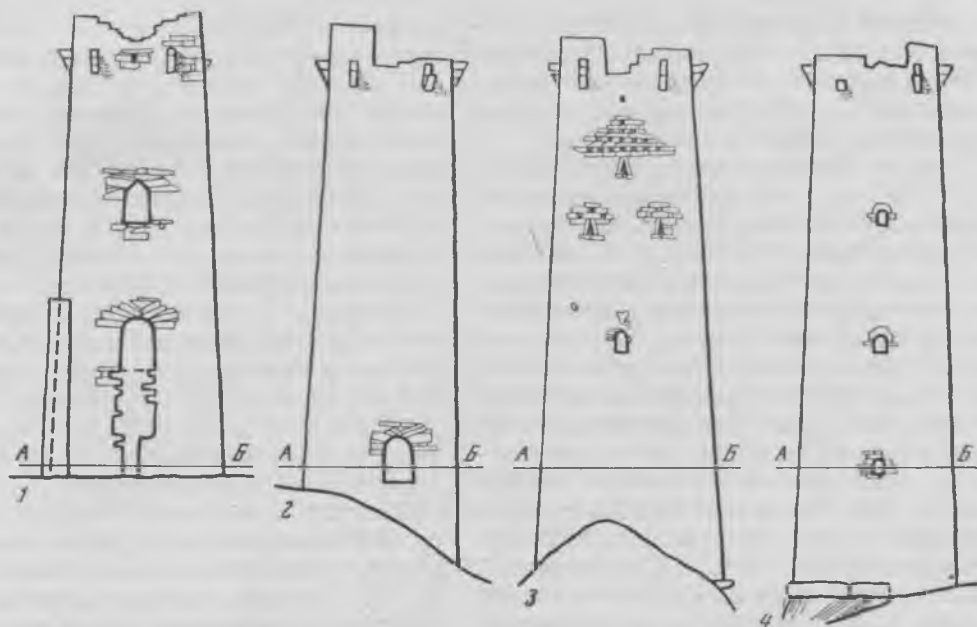
Башни на горе Бекхайла. К северо-западу от местности Дукълой на скалистом и труднодоступном гребне горы Бекхайла возвышаются три боевые башни. О них рассказывают следующее. Некогда все эти башни принадлежали одному хозяину. Он был богат, имел много скота и земли и пользовался услугами наемных работников. Однажды напала на богача иноплеменники⁴⁷ и окружили башни, но их хозяин не думал сдаваться. Нападавшие поставили палаша и решили ждать, когда голод и жажда завершат осаду. Но продуктов у богача было много, а вода поступала к башням за 10 верст по подземному водопроводу. Это была канавка, выложенная каменными плитами. И богач не очень тужил, взирая сверху на своих противников. Несколько ранее он убил единственного сына у одинокой женщины. Некому было смыть

кровь погибшего, и вдова поклялась хоть чем-нибудь отомстить убийце. И вот случай пришел. Женщина знала секрет водопровода. Она посоветовала осаждавшим накормить скот солью и пустить стадо к башням. Так и сделали. Животные, мучимые жаждой, почувствовали запах воды и стали бить копытами возле подземного желоба. Осталось разрыть землю и отвести воду в сторону. И осажденные, оставшись без воды, вынуждены были под покровом ночи бежать. Кто ушел за хребет, что виден с восточной стороны, а кто укрылся еще выше в горах, в самых недоступных местах. С тех пор пустуют башни на горе Бекхайла⁴⁸.

Легенды о поисках источников воды с помощью животных, накормленных солью, часты в горском фольклоре. Так, В. Ф. Миллер приводит сказание об осаде сел. Галиат войсками Саха (персидского шаха), и тот, наученный пастухом, кормит солью осла и затем обнаруживает источник, которым пользовались жители аула⁴⁹.

Все три башни, упоминаемые в пересказанном мной предании, стоят одна за другой на небольшой скалистой площадке (рис. 7, 2). Башня I сохранилась довольно хорошо. Стены ее различной высоты, так как она построена на выступе скалы. Средняя высота ее 10,80 м. Наружные размеры на уровне самой низкой, северо-западной, стены $4,20 \times 3,65$ м (рис. 11, 1—6). Кверху башня сильно суживается, до $3,10 \times 2,90$ м. Машикули ее обвалились, из стен выступает по два упора. Толщина кладки колеблется от 0,60 до 0,45 м. Башня углами ориентирована по странам света.

Северо-западная стена, обращенная к башне II, имеет два дверных проема: нижний ($1,25 \times 0,80$ м, он ведет во второй этаж) — с округлой аркой, сложенной из клиновидных камней; верхний ($1 \times 0,60$ м, ведет на третий этаж) — с аркой, сложенной напуском камней.

Рис. 11. Верхний Кокадой, боевые башни

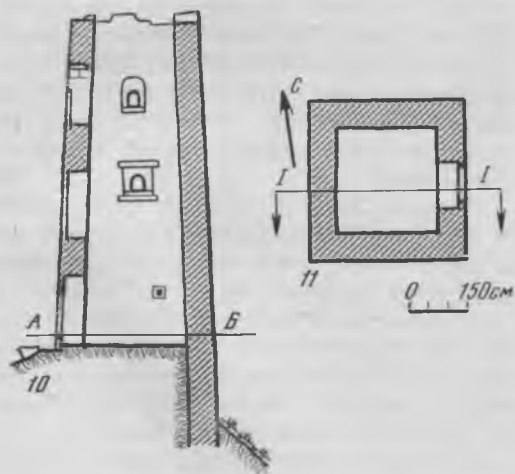
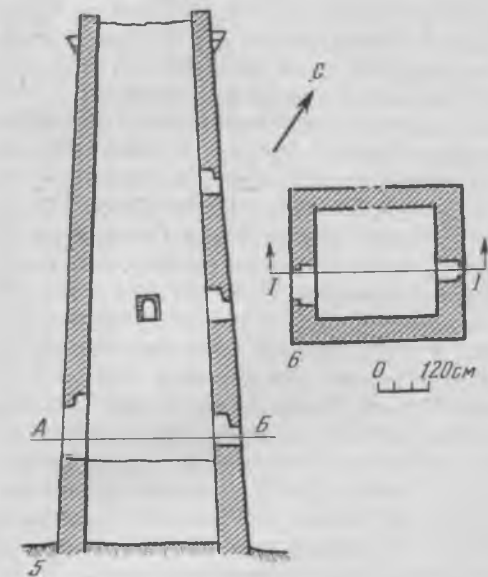
1—6 — Башня I: 1 — северо-западная стена, 2 — юго-западная, 3 — юго-восточная, 4 — северо-восточная стена, 5 — разрез, 6 — план (обмеры В. И. Марковина, 1960 г.);

7—11 — Башня II: 7 — южная стена, 8 — западная, 9 — восточная, 10 — разрез, 11 — план (обмеры Э. П. Химана, 1960 г.)

Между упорами машикуля видна бойница. К этой стене пристроен каменный забор.

В юго-западной стене также имеется дверной проем (1,10×0,90 м) с округлой аркой, сложенной клиновидными камнями. Он ведет на первый этаж.

Юго-восточная стена, обращенная к Кокадойской котловине, снабжена ок-

ном, тремя треугольными бойницами и смотровой щелью, расположенной между упорами машикуля. Оконный проем (0,50×0,30 м) находится на высоте 4 м над основанием стены. Арка его сложена напуском камней. Немного левее его из стены выступают скульптурные бараньи головы, высеченные из светлого камня. Упомянутые тре-

угольные бойницы (0,30×0,15—0,18 м) окружены орнаментальными углублениями.

Северо-восточная стена башни имеет три окна. Нижнее из них украшено лучковой аркой, сложенной напуском камней (0,35×0,25 м). Среднее и верхнее — арками, выбитыми в камнях-монолитах (0,4×0,22 и 0,30×0,20 м). Следует сказать, что все башенные проемы с внутренней стороны расширяются. Пол постройки завален камнями.

Башня II расположена намного ниже башни I (ее высота в среднем 8 м) и точно ориентирована по странам света (рис. 11, 7—11). Вход в нижний этаж здания устроен с восточной стороны. Здесь площадь башни достигает 4×4 м. Кверху стены ее суживаются до 3,30×3,30 м. Каждый этаж имел свои двери, все они сделаны в восточной стене и завершаются арками, сложенными напуском камней. Их размеры: нижнего проема — 1,20×0,80 м, среднего — 1,20×1 м, верхнего — около 1,20×1,10 м. Эта сильно разрушенная стена обращена к северо-западной стороне башни I. Западная стена башни II резко опускается вниз по склону. Она имеет два окна: нижнее — с лучковой аркой, сложенной напуском камней (0,40×0,30 м), верхнее — с аркой, высеченной в монолите (0,35×0,30 м).

Южная стена описываемой башни также с двумя аналогичными окнами, в нижней части ее устроена бойница (северную стену обмерить не удалось). Все проемы, сделанные в этой башне, с внутренней стороны расширяются.

Башня III сохранилась плохо, и обмеры ее не производились. Необходимо обратить внимание на декоративное убранство башни I: углубленный узор, обыгрываемый светотенью, и выступающие из стены скульптурные головы животных. Как видно, главенствующая башня I, хорошо видимая снизу, должна была подчеркивать мастерство их создателя.

Интересен и другой факт. Башни горы Бекхайла довольно низки (не более 8—11 м), но они снизу кажутся исключительно высокими и величественными. Их стройность подчеркивается убегающим ввысь гребнем горы, глубиной небосвода. Очевидно, строитель башен прекрасно понимал, что величие постройки не всегда зависит от размеров, но для этого необходимо умело вписать ее в местность. И бекхайлинские башни прекрасно соответствуют такому принципу.

Башенные постройки ущелья Тазбичи

Ущелье Тазбичи (Таз-бича — «чистый, святой склон»⁵⁰) является боковым (правым) ущельем обширного бассейна р. Чанты-Аргун. Оно образуется руслом довольно бурной реки Дёре-Ахк (Чанты-Ахк, по-чеченски — Доьра-ахк, ЧАбнта-ахк), близ старинного Евдокимовского моста (сел. Итум-Кале), впадающей в Чанты-Аргун. Это ущелье, протянувшееся с юга на север, безлесно, горы Дёре (с запада и Гуника (Цуника — с востока) покрыты сочными травами. По склонам и горным вершинам простираются обширные обнажения книжного сланца. Местные поселки представляют значительный интерес для изучения средневековой архитектуры. Вполне возможно, что возникли они несколько ранее Итум-Кале — наиболее крупного селения в этом районе. К сожалению, в самом Итум-Кале почти не видны башенные остатки, однако чеченские предания указывают на значительную древность этого селения и окружающих его. Вот одно из них.

Бери — выходец из Грузии — поселился в местечке Бадой-Мохк по р. Чанты-Аргун. Здесь и родились его сыновья, Лунки и Курди. Вместе с ними на берегу реки, недалеко от сел. Майсты, построил он башни. Вскоре умер Бери, а затем последовал за ним и Лунки,

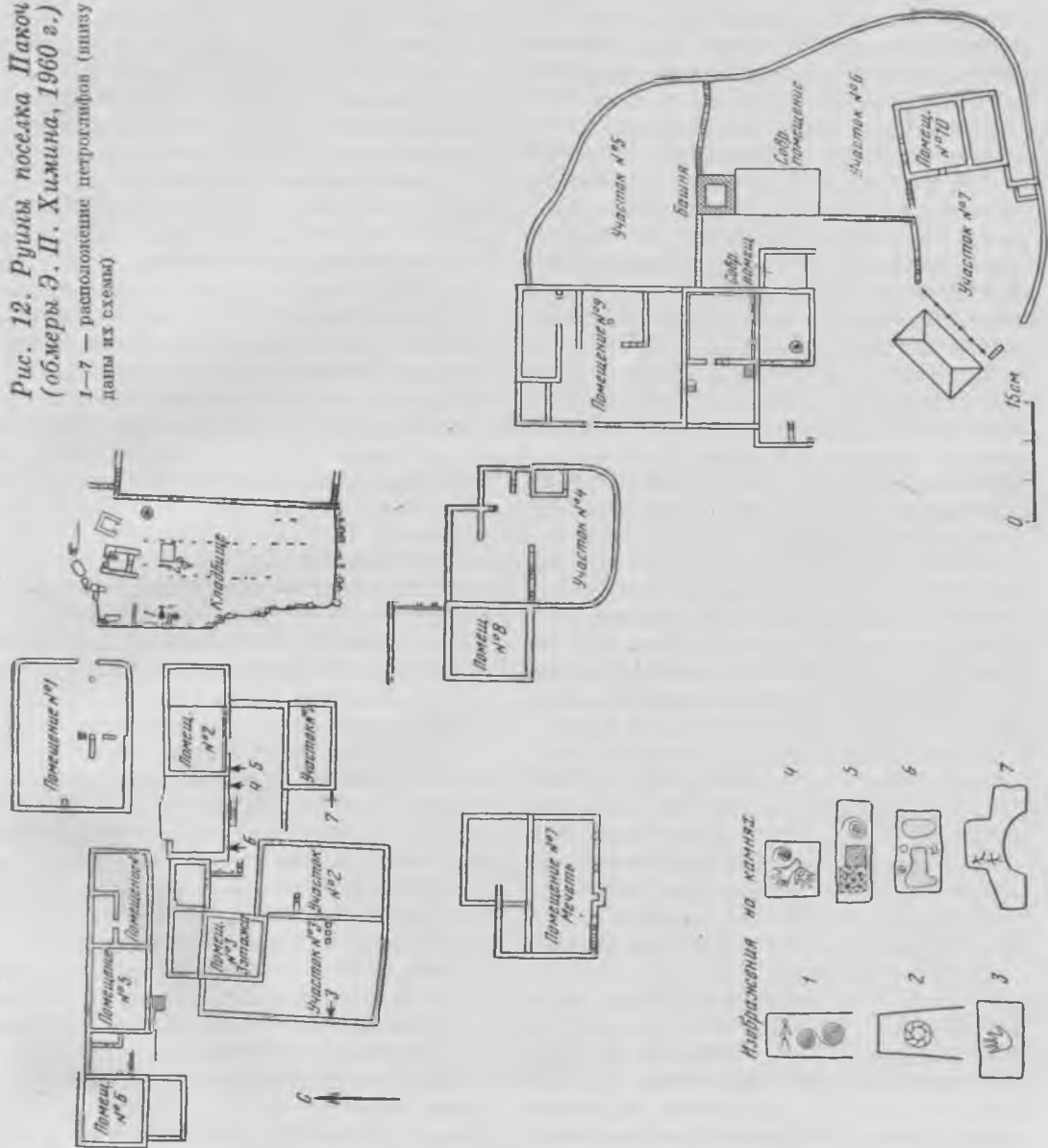
оставив сыновей Итона, Гали и Шали. Братья воспитывались у Курди, а когда они подросли, то дядя решил поселить их на новых землях. Для этого Курди со своими племянниками спустился вниз по Чанты-Аргуну. К ночи путники остановились отдохнуть в местечке, где ныне расположено Итум-Кале. Широкая речная долина тогда была покрыта лесом, и горы едва виднелись из-за верхушек деревьев. И когда они рано утром проснулись, то увидели, что небольшая птичка начала вить гнездо именно на том дереве, на котором висело оружие Итона. Тогда дядя сказал племянникам: «Здесь мы построим Итону башню, и пусть эти земли принадлежат ему». Гали и Шали обиделись на своего дядю, им тоже понравились местные земли. Они покинули его и брата и ушли в Сули-Мохк (страну аварцев — Дагестан), а Итон остался в Итон-Кале (Итум-Кале). Здесь он обзавелся семьей, здесь же родился сын Жели. Итону приходилось много трудиться, он пас стада богача Дешни-Эла, который жил на противоположном берегу реки, возле горы Бекхайла.

Подрост Жели и решил посвататься к Нанг — дочери Дешни-Эла. Богач задумался и обратился за советом к знаменитому мудрецу из аула Майсты, и тот на вопрос ответил вопросом: «А будут ли тебе покорны внуки, как покорен Итон?». Но Дешни-Эла все же решил выдать свою дочь за Жели. И пришло время, сын Жели спросил как-то своего отца: «Скажи мне, почему мы должны всегда пасти стадо Дешни-Эла?». Жели отвечал ему: «Дешни-Эла — богач и наш господин, и к тому же он отец твоей матери». Но его сын решил, что необходимо тут же положить конец покорности и зависимости от своего деда. Он изрубил полстада, а остальной скот прогнал из владений отца.

Разгневанный Дешни-Эла собрал 63 всадников и решил внезапным набе-

Рис. 12. Руины поселка Паюк
(обмеры Э. П. Химилина, 1960 г.)

1-7 — расположение петроглифов (внизу даны их схемы)

гом разрушить Итум-Кале — поселок Итона. Об этом сообщил он и своей дочери Нанг — жене Жели. Та, услышав столь суровое решение отца, задумала любой ценой спасти мужа и сына. Она выбежала из отчего дома и, криком оглашая решение Дешни-Эла, бросилась к Итум-Кале. Разъяренный Дешни-Эла догнал дочь на полпути и убил. Умирая, Нанг просила, чтобы ее похоронили здесь же, на месте убийства, ибо отсюда видны ей башни мужа и башни отца. Просьбу ее выполнили. Так возникла могила «Нанг-каш».

Похоронив дочь, Дешни-Эла двинулся на Итум-Кале. Тем временем Жели и его сын обратились за помощью к Дёра-Эла, соседу и приятелю Итона из ущелья Тазбичи. И Дёра-Эла встал на защиту Итум-Кале, он помог победить жестокого богача⁵¹.

В этом предании, в нередкой для чеченских сказаний форме, рассказывается об Итоне — строителе башен Итум-Кале как о выходе из Грузии, и далее идет описание обычной междоусобной распри между представителями разных тейпов.

В настоящее время напротив сел. Итум-Кале по правую сторону р. Дёра-ахк находятся руины жилых башен поселка Хучара, а по левую — возвышается хорошо сохранившийся замковый комплекс Пакоч. В поисках петроглифов его осматривал Б. Плечке⁵², а в 1958 и 1960 гг. здесь же проводились наши исследования.

Пакоч (Пха коча — «поселение верхнего края»⁵³) расположен у входа в ущелье Тазбичи, с западной стороны обращен к каменистому ложу г. Дёра-ахк, а с востока упирается в склоны горы Цуника. Башенный поселок занимает значительную площадь, около 17 тыс. кв. м, и вытянут с запада на восток на 140 м. Через Пакоч проходит одна продольная улица (рис. 12). Лучше всего сохранилась его западная часть, состоящая из шести помещений.

Помещение 1 (в северо-восточной части, близ кладбища) представляет собой остатки огромного здания прямоугольной формы. Оно строго вытянуто с запада на восток (18×14 м). Внутри здание имеет перегородку. Перекрытие его поддерживалось колоннами: у входа и в центральной части сохранились их остатки в виде округлых блоков (диаметр их около 0,25×0,30 м) и капитель в форме усеченной пирамиды (размеры 0,50×0,50 м, 0,40×0,40 м при высоте 0,25 м). Колонны, судя по положению упавших камней, составлялись из отдельных круглых блоков (рис. 13, 1). Их детали сделаны из плотного беловатого кварцита. Стены здания сложены из оббитых кусков плотного сланца и песчаника с применением раствора глины.

Возле входа в это помещение, в нижней части восточной стены, обнаружены два тайничка — углубления, которые под углом уходят в землю (рис. 13, 2). По словам Л. П. Семенова, наличие тайничков является характерной чертой святилищ. Они устраивались «в виде канала, изгибающегося под прямым углом» возле арок, у входа и в алтарной части зданий⁵⁴. В ряде ингушских святилищ (селения Шуан, Эрзи, Дошхакле, Кок и др.) в подбойных тайниках удавалось найти культовые предметы (сосуды, кресты и проч.)⁵⁵. Как видно, описанная постройка в Пакоч также являлась культовым сооружением. В нем, как это имело место в Северной Осетии (сел. Дзивгис и др.), могли происходить не только моления, но и общественные трапезы.

К югу от описанного комплекса находится *помещение 2* — остатки жилой башни. Постройка ориентирована длинной осью с запада на восток. Вход в нее находится с южной стороны и ведет на второй этаж (входной проем — 1,20×0,90 м перекрыт лучковой аркой, усеченной в монолите; рис. 13, 3). Для того чтобы спуститься на первый этаж,

Рис. 13. Пакоч, архитектурные остатки

1 — помещение 1, упавшая колонна, 2 — тайнички, 3 — дверной проем жилой башни, 4 — нижняя часть боевой башни, 5 — перекрытие с гуртами в боевой башне

жители пользовались каменными ступеньками, пристроенными с внутренней стороны башни к восточной стене. Это помещение башни невелико (8×6,30 м, высота около 2,50—2,30 м), так как постройка возведена на сильно выступающем выходе сланца, даже камера второго этажа (ее размеры 12,50×6,50 м, высота около 2,30 м) частично занята сланцевой скалой.

К западной стене башни пристроено еще какое-то плохо сохранившееся здание, видны его контуры, скорее всего, оно также было жилой башней. На южных сторонах обеих построек сохранились три камня с петроглифами (рис. 3, 7; 10, 2, 3) — спираль и квадраты, пересеченные диагоналями и зигзагами (размеры камня 80×34 см); две руки (одна по локоть) и спираль (камень — 36×34 см); оббитое тамгообразное изображение кругов и скоб (величина блока 80×55 см).

К югу от помещения 2 расположен огороженный стеной участок 1, с западной стороны которого сохранился оконный проем с округлой аркой в монолите. На нем изображены две человеческие фигуры, стоящие одна над другой (рис. 12, 7).

Западнее помещения 2, на расстоянии 16—17 м, находится трехэтажное башенное *помещение 3* (площадь основания 7×7 м). Небольшими пристройками с северной стороны оно соединяется с помещением 2. С юга к помещению 3 примыкают два огороженных участка (2 и 3) общей площадью около 170 кв. м. На западной стене участка 3 сохранилось выбитое изображение руки (рис. 12, 3).

Помещения 4—6 отделены от описанных зданий небольшими проходами шириной 2—2,5 м. Они образуют единый комплекс жилых башен. Помещение 4 (11×6,60 м) имеет внутреннюю пристройку, назначение которой не ясно. Помещение 5 (10×6,60 м) в плане прямоугольное, с восточной стороны соеди-

нено с предыдущим зданием. С южной стороны в него ведет вход по шести ступенькам. Снаружи, у западной стены башни, сложена небольшая пристройка (1,80×3,20 м).

Помещение 6 представляет собой типичную башню с почти квадратным планом (7,60×7,80 м). Вероятно, в нее можно было проникнуть по убирающейся лестнице, но входной проем не сохранился.

Несколько обособленно от описанных строений стоят руины мечети (*помещение 7*). Это здание вытянуто с запада на восток, причем ориентировано оно очень строго. Площадь, занимаемая им, равна 16×7 м. С южной стороны постройки, рядом с входным проемом, устроен михраб в виде ниши с ложной стрельчатой аркой (сделана напуском камней). У входа в кладку вмонтировано пять камней с арабскими надписями (рис. 14, 1—3, 5), некоторые položены в перевернутом виде. На обороте одного из камней выбит петроглиф в виде лунок, образующих ряды, и треугольника, соединенного с заштрихованным прямоугольником. Л. И. Лавров, осмотревший снимки камней, обнаружил на двух из них даты. Таков блок, помещенный у самого верха кладки, на нем имеется буквенная дата 1128 г. хиджры (1715—1716 гг. н. э.; рис. 14, 5), и второй камень в средней части кладки (рис. 14, 2) с указанием «эта мечеть» и цифровой датой 1304 г. хиджры (1886—1887 гг. н. э.)⁵⁶. Можно думать, что мечеть впервые построена в начале XVIII в., а затем подверглась ремонту уже в конце XIX в. Конструкция мечети носит дагестанский облик, один из наиболее крупных камней украшен дагестанским орнаментом и надписью, сделанной характерным для Дагестана шрифтом «наш». Интересен и тот факт, что камни с надписями не вписываются в общую систему кладки, они кажутся случайными. Остается неизвестным, откуда они могли

Рис. 14. Петроглифы и надписи горной Чечни

1—5 — Пакоч, мечеть (5 — в перевернутом виде), 6 — Башня Дёре II; 7, 8 — Талкали

быть взяты. Помимо описанных камней, в кладке мечети обнаружены отдельные блоки с петроглифами (рис. 10, 4, 5, 14, 4): на южной стене — изображение руки и ноги и неясный арабский текст «бин Мирза» (?) (размеры камня 38×25 см); на северной стене — изображение креста с закруглениями и лука, направленного на всадника (очень схематичный рисунок, 36×27 см); на западной стене — круг с перекрестиями и отходящими от него лучами (32,5×23,5 см).

Помимо описанных петроглифов, среди руин западной части поселка были найдены еще два: «косая решетка», ограниченная волнистыми линиями (размеры камня 70×22—20 см, рис. 10, 6), и небольшой крест, выбитый на гладком фоне камня (блок — 29×21 см, рис. 10, 7).

В конце северной части поселка находится кладбище. Здесь можно видеть склеповые постройки и могилы, отмеченные стелами. Отдельные из них украшены петроглифами⁵⁷.

Южная часть поселка почти целиком разрушена, от средневековых жилых построек сохранились лишь основания с отдельными дверными и оконными проемами. К юго-востоку от кладбища возвышается фрагментированная боевая башня. В 1958 г. она использовалась как сарай (рис. 9, 4, 5; 13, 4).

Башня сохранилась на высоту около 9,40 м, ширина ее стен равна 5 м, сложены они с применением известково-глинистого раствора и достигают в толщину 1 м. Башня квадратная в плане и ориентирована по странам света. Южная ее сторона — фасад. На высоте 4,80 м от земли — дверной проем с округлым аркообразным верхом, высеченным в двух сближенных блоках. С внутренней стороны проем расширяется в виде ниши, арка которой сложена напуском камней в несколько наклонном положении. Завершается она замковым камнем. По сторонам дверной ниши

сделаны отверстия для запора. Сверху и снизу дверного проема имеется четыре сквозных глазка, которые при необходимости могли служить бойницами.

Подвал башни некогда отделялся от помещения первого этажа деревянным настилом, такой же настил служил потолком первого этажа, но перекрытие второго этажа представляет собой ложнокупольную конструкцию, кладка которой выполнена концентрическими кругами. Через центр ее к стенам идут два перекрещивающихся гурта (кхозар) — ребра прямоугольного сечения шириной 0,40—0,30 м. В северо-восточном углу башни, в потолочном своде, сделано прямоугольное отверстие (1×1 м) — своеобразный люк, который вел на третий, не сохранившийся этаж постройки (рис. 13, 5). Поднимались к нему по приставной лестнице, скорее всего, по балке с зарубками.

Восточная и западная стены башни имеют хозяйственные ниши, которые завершаются закругленными арками. Над ними выступают из стен по два каменных крюка, служивших, вероятно, для разделки туш. Стены башни скреплены между собой угловыми камнями (сохранилось по восемь камней).

Следует остановиться на ложнокупольной конструкции описанной башни. Постройки с подобными перекрытиями не так редки в Чечено-Ингушетии. И все же мне кажется, что в местную архитектуру они могли быть привнесены со стороны. Кладка купольного свода концентрическими кругами довольно характерна для жилых построек Закавказья, известных под названиями «дарбази» и «карадам» (у грузин «гвиргвини» — венец)⁵⁸. Изредка применяется она в Дагестане, но известна и за пределами Кавказа — в странах Средиземноморья⁵⁹. Правда, в вайнахских постройках края каменных блоков скошены и ряды кладки смотрятся не такими резко расчлененными, как в постройках чисто дарбазного типа. Сочетание ку-

польно-сводчатой конструкции с гуртами встречается иногда в грузинской архитектуре, и не только в башенной⁶⁰, но даже в церковной (храм VII в. в Самцевриси, храм VIII—IX вв. в Кабени и др.)⁶¹. Многочисленные ребристые гурты членят купол всемирно известного храма Софии в Константинополе (532—537 гг.). Употребление гуртов, как видно, более всего свойственно храмовой и крепостной архитектуре. Так, осмотренная мной одна из башен крепости Анакопия (III в. н. э., находится у г. Новый Афон в Абхазии), даже если она построена несколько позже замковых стен⁶², также имеет гурты.

Можно думать, что вайнахами конструкции с гуртами заимствованы из грузинской архитектуры вместе с элементами внешнего декора башен в виде различной формы крестов, в том числе и «гогофы»⁶³.

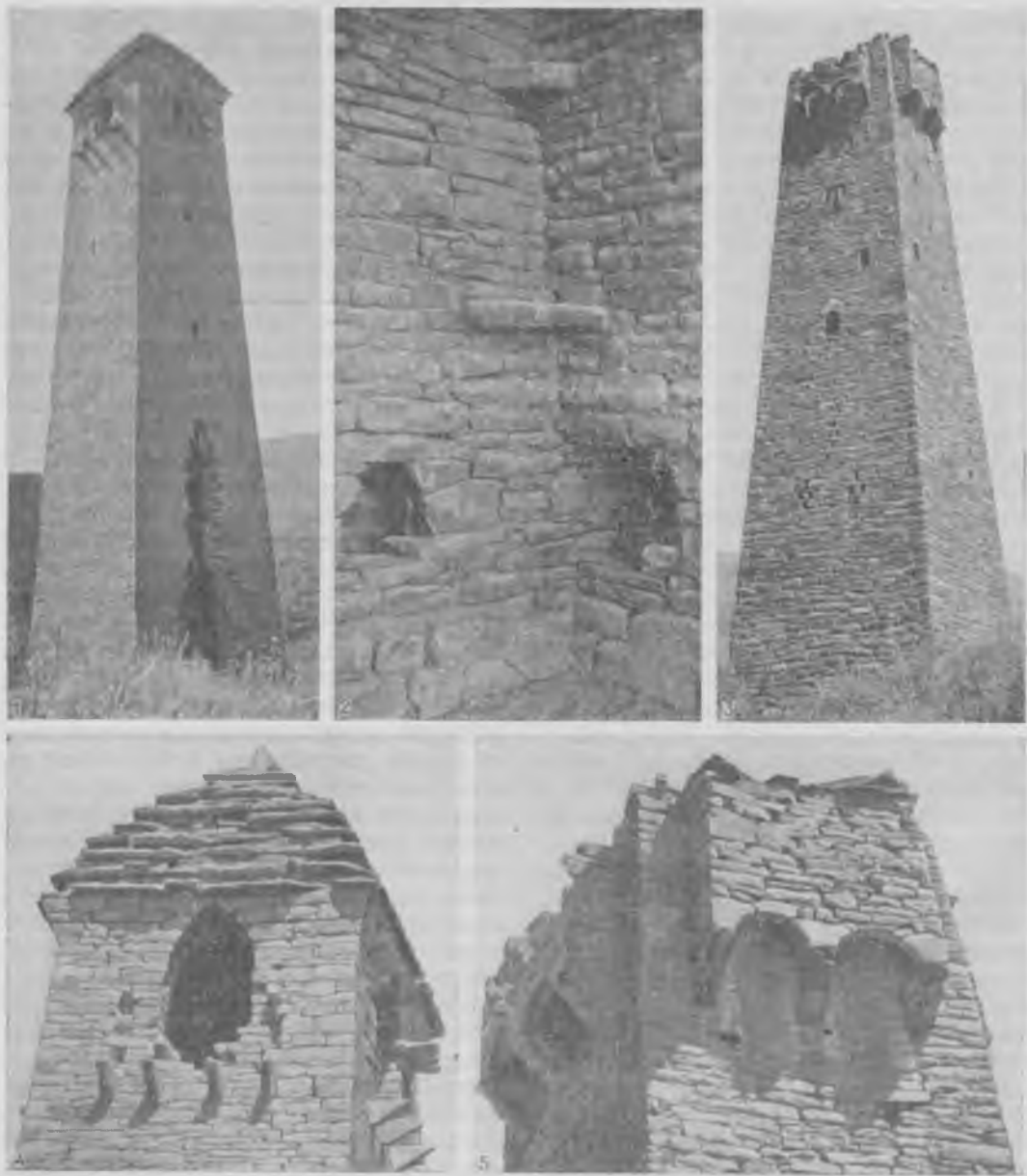
А. Ф. Гольдштейн, изучавший архитектуру Чечено-Ингушетии, пишет, что гурты на своде «не имеют практического значения», они «представляют собой рудиментарную форму», и из этих посылок делается неожиданный вывод о возникновении башен, украшенных ими, в Ингушетии⁶⁴. Очевидно, автор не учел того, что гурты в Чечне и Ингушетии встречаются одинаково часто, в основном на башнях, изредка — среди склеповых построек (наружные гурты — сел. Фуртоуг, Эгикал и др.). Они появляются на вайнахских постройках как бы внезапно и сразу же не имеют «практического значения» (как выражается А. Ф. Гольдштейн). Вероятно, архитектурная деталь, являющаяся только элементом декора, не может претендовать на самобытную древность. Эволюция может идти от практически необходимого к декоративному. В вайнахской башенной архитектуре подобная эволюция пока не улавливается, здесь гурты явно привнесены.

Башня Дёре I. Несколько южнее Пакоч, по правую сторону р. Дёре-Ахк

(Чанты-ахк), высится постройка небольших хуторов (выселков) Гойча-Кала (ГІач кхелли) и Дёра (Доьра). Оба лепятся по склонам горы Гуника (Цуника). С юга, возле речки Докахк⁶⁵, их замыкает хорошо сохранившаяся боевая башня, названная нами Дёре I. Она четырехугольная и ориентирована строго по странам света (рис. 15, 1; 16, 1—5).

Западная стенка башни (фасад) имеет ширину у основания 4,80 м. Входной проем расположен невысоко (2,20 м). Он завершается ложнострельчатой аркой, сложенной напуском камней. Высота проема 1,80 м, ширина 1,15 м. Над входом расположено небольшое окно (около 0,50×0,40 м) с круглой арочкой в монолите. Выше — крупная бойница (около 0,50×0,30 м) с наклонной плитой для навесного огня. Над ней в кладке стены заметен ряд камней, поставленных горизонтально, а еще выше — небольшое оконце (около 0,25×0,20 м) с круглой арочкой из целого монолита, а по сторонам его и над ним — углубленные изображения ромбов (из кладки в шахматном порядке выбрано девять камней). У самого верха башни сохранились четыре консоли, которыми поддерживался выносной машикуль в виде балкончика, и дверной проем (выход на «балкон») с аркой стрельчатой формы (сделана напуском скошенных камней). Высота проема около 1,40 м, ширина 0,90 м. От машикуля сохранилась одна плита — часть защитного навеса.

Южная стена башни (ширина ее у основания около 4,50 м) имеет окно с аркой циркулярной формы, образованной приостренными камнями. Расположена она на высоте 6,20 м от земли. Выше и несколько в стороне от нее устроена бойница с наклонной плитой, а еще выше из стены выступают четыре консоли от балкончика-машикуля и световым пятном смотрится стрельчатый выход на него. Справа от этого

Рис. 15. Ущелье Тазбини. Боевые башни
1, 2, 4 — Дёре I; 3, 5 — Дёре II

проема, как и на предыдущей стене, сохранилась плита защитного навеса. Несколько ниже консолей виден углубленный крест (0,30×0,20 м), а под ним — поясok из вынутых квадратных камней. Возле этой своеобразной тяги на двух плитах выбиты петроглифы в виде косых штрихов и перекрещенных линий. У основания стены вделан камень (55×35 см) с изображением пятипалой руки (рис. 3, 6).

В восточной стене (ширина у основания 4,80 м) — четыре бойницы в виде отверстий (0,25×0,10 м) и крупная бойница (0,48×0,20 м) с наклонной нижней частью. Между ней и верхним рядом мелких бойниц в стену вделаны два камня с петроглифами в виде геометрических узоров (рис. 3, 8). Наверху сохранились четыре пристреленных консоли от машикуля и стрельчатый выход.

Северная стена (ширина ее внизу 4,50 м) имеет пять небольших бойниц, расположенных в три ряда, и узкую амбразуру (около 0,60×0,20 м) с наклонной плитой, предназначенную для навесного огня. Над ней три углубленных ромба, а выше — четыре консоли и проем традиционной стрельчатой формы. У основания башни в стену вделаны два камня с изображением оленя (ногами вверх) и тамгообразным знаком (рис. 3, 9; 5, 2).

Кверху башня суживается до 3,30—3,50 м и затем плавно расширяется до 3,60—3,80 м, образуя нависающие карнизы, на которых покоится пирамидально-ступенчатое покрытие (рис. 15, 4). Оно состоит из 11 рядов сланцевой кладки. Завершается оно каменным острием (цГурку). Высота башни около 22 м. У нее было пять этажей, причем верхний из них, с выходами к машикулям, сохранил плоское перекрытие из деревянных балок и плит шиферного сланца. Внутри башни видны хозяйственные ниши и угловые камни, связывающие между собой стены (рис. 15, 2).

Отмечу некоторые особенности описанной башни. 1. Сложена очень тщательно из камней разной формы и величины путем их тщательной и почти мозаичной, подборки при минимальном использовании известково-глинистого раствора. 2. Стены украшены с трех сторон ромбовидным узором. Его не имеет только восточная (задняя) сторона. 3. Западная стена выше бойницы для навесного боя украшена «поребриком» — пояском из 24 плиток, поставленных на ребро.

Как сообщил мне писатель знаток края Х. Д. Ошаев, эта башня принадлежала роду Яскиевых.

Башня Дёре II. Находится она на 500 м юго-западнее первой, по левую сторону р. Дёре-Ахк, на высоком утесе горы Дёре (рис. 15, 3; 16, 6—10). В плане она прямоугольная, ориентирована с севера на юг, с некоторым отклонением к востоку (наружные размеры по линии А—Б 4×5 м, внутренние — 2,60×3,80 м). Стены ее у основания разной толщины: северная, западная и южная — 0,60 м, восточная (у обрыва) — 0,80 м. Высота стен из-за неровности основания также различна: северная (фасад) — 18,70 м, южная — 15 м, у западной и восточной варьирует между этими цифрами. Кверху башня суживается до 2,40×2,80 м. Здесь она снабжена четырьмя боевыми балкончиками — машикулями (рис. 15, 5). Каждый из них поддерживают три консольных камня. На узких сторонах башни машикули имеют несколько меньшие размеры, чем на широких (длина их примерно 1,90 и 1,60 м).

Северная стена (фасад) имеет три оконных проема с округлыми арками, расположенных одна над другой (их величина около 0,48×0,40 и 0,40×0,36 м), ниже — их дверной проем, также с округлой аркой. Он вел на первый этаж. Интересно отметить, что арка двери сделана клинчатыми камнями, центральный блок служит «замком».

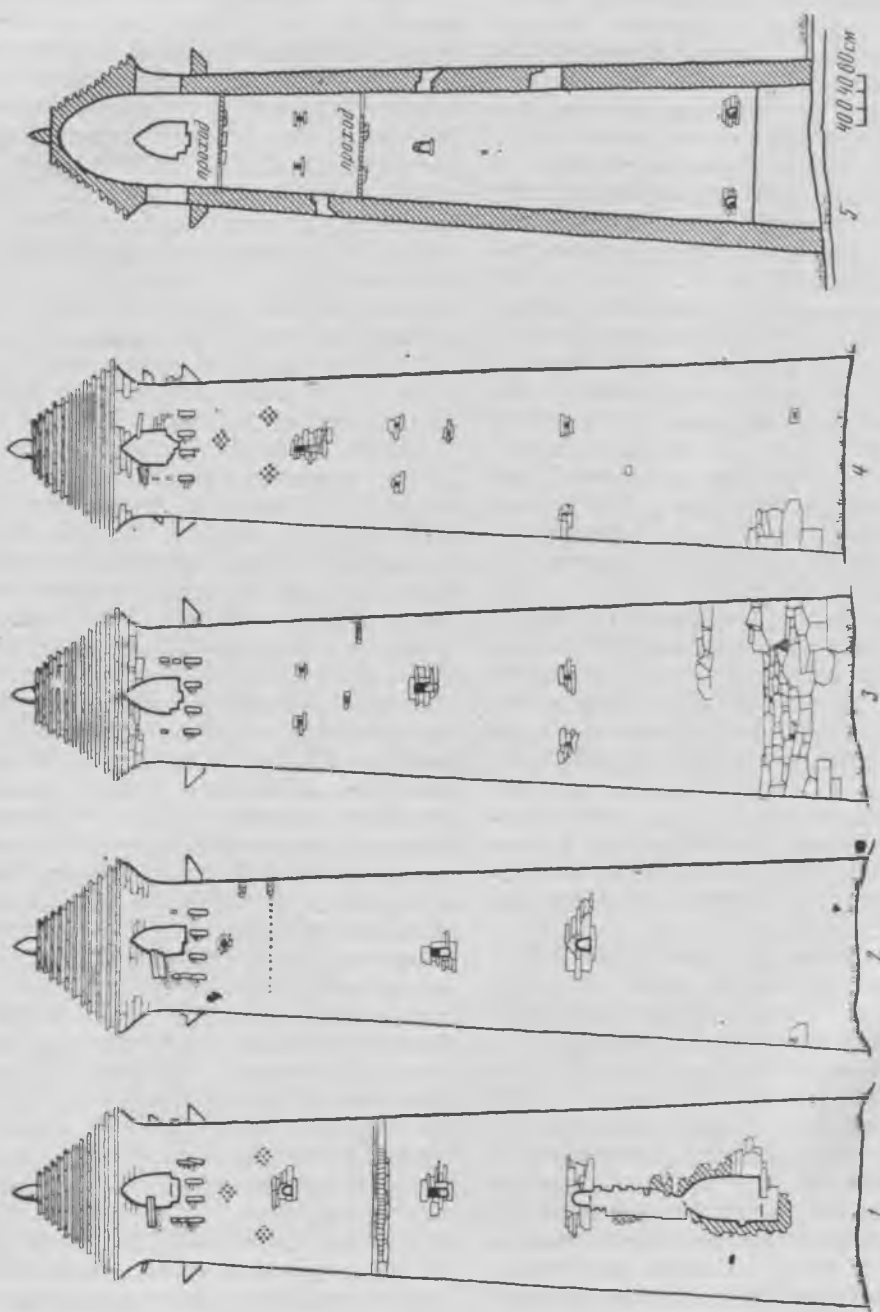
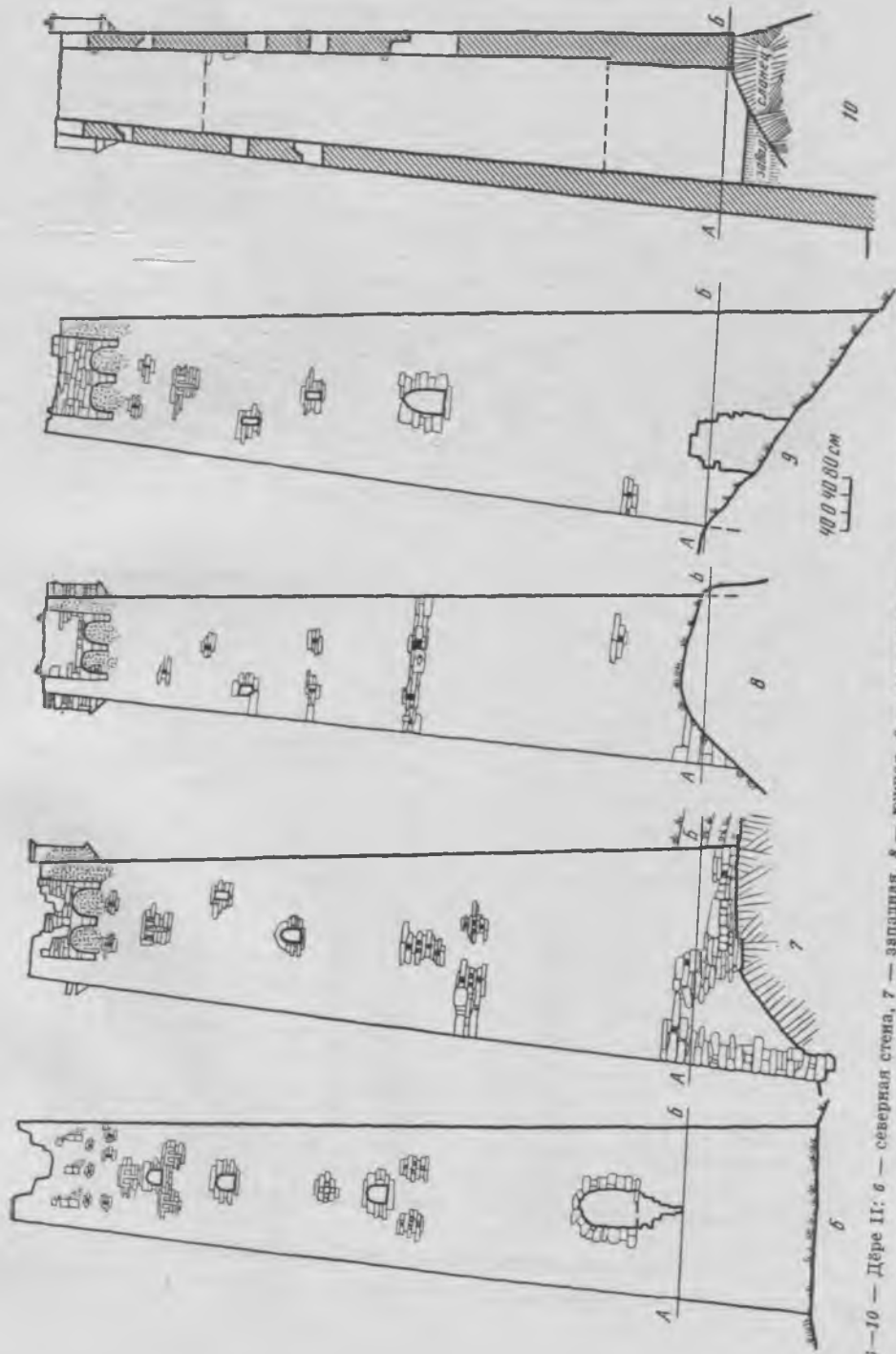

Рис. 16. Ущелье Тазбегі. Боевые башни.

1—5 — Дѣре I, Башня Яскіевых: 1 — западная стена, 2 — южная, 3 — восточная, 4 — северная стена, 5 — разрез (обмеры В. И. Марковина, 1960 г.),

6-10 — Дѣре II: 6 — сѣверная стена, 7 — западная, 8 — южная, 9 — восточная стена; 10 — разрез (обмеры В. П. Маркована, 1960 г.)

Рис. 17. Руины башенного комплекса Шулкаг (рисунок В. И. Марковина)

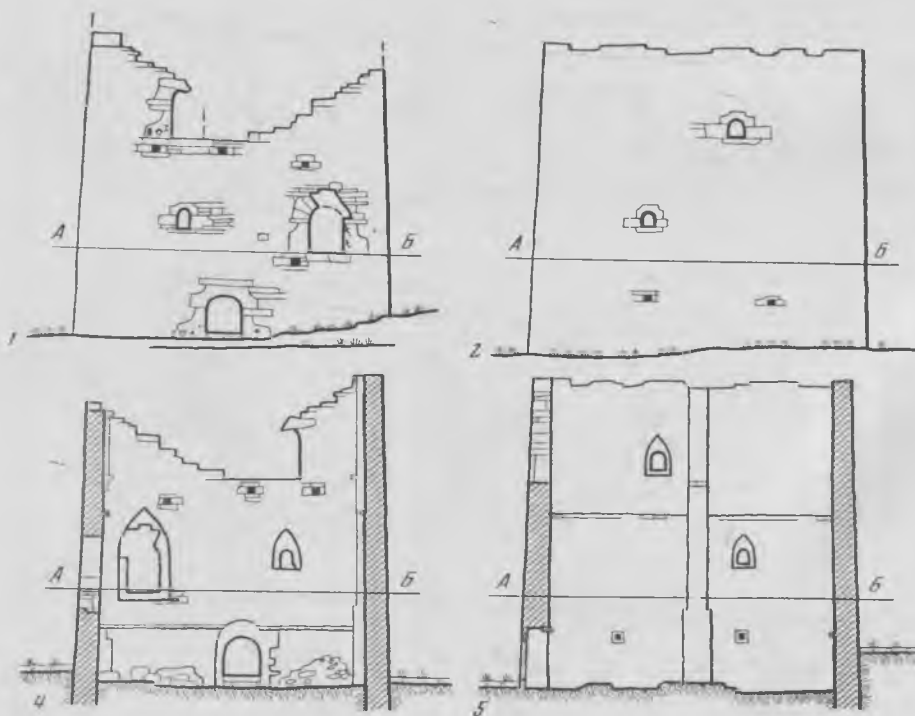

Рис. 18. Шулкаг. Жилая башня (обмеры Э. М. Химиной, 1960 г.)

1—3 — стены (юго-восточная, юго-западная, северо-восточная), 4, 5 — разрезы по I—I и II—II, 6 — план по А—Б

Под тремя консолями несохранившегося машикуля трижды повторяются углубленные в стену Т-образные «тамги» высотой не менее 0,40 м, а ниже расположены три крестообразных углубления. Тамги обрамляют верхнее окно, кресты — нижнее.

Под машикулем западной стены заметны две бойницы, ниже их — одна Т-образная «тамга», далее — прямоугольное окно-бойница (0,36×0,20 м), и окно с округлой аркой, высеченной в монолите. Под ним находятся три крестообразных углубления. Нижняя часть башни попорчена проломом.

Южная стена имеет восемь небольших бойниц и небольшой оконный проем прямоугольной формы (0,36×0,20 м). В среднюю часть стены вделан камень

(57×35 см) с изображением правой кисти («рука мастера»; рис. 14, 6).

Восточная стена, так же как южная, украшена Т-образной «тамгой» (находится под двумя небольшими бойницами), ниже ее расположены две прямоугольные бойницы, напоминающие окна, и крупный дверной проем с округлой аркой (размеры его 1×0,55 м). Он вел во второй этаж.

Башня Дёре II имела четыре этажа. Дверные проемы ее с внутренней стороны расширяются. Фундамента у башни нет. Стоит она на массивном сланцевом материке. Камни постройки скреплены известково-глинистым раствором.

Жилые башни в местности Щулжаг (Щулжаг). Они находятся несколько северо-восточнее и выше поселка Пакоч. Комплекс состоит из шести башенных развалов и целой постройки (рис. 17, 18). Башни воздвигнуты на мысе с крутыми склонами. Хорошо сохранившееся сооружение стоит в стороне от руин, у оврага. К востоку от него разбросаны полуподземные склепы. На стенах местных построек сохранились петроглифы: рисунок рогатого животного, идущего вправо (нанесен на угловатый камень — 70×53×40 см); две человеческие фигуры с большими руками, причем левые руки — трехпалые (на угловатом камне — 82×72×50 см); круг с перекрестием в сочетании с черточками и П-образными знаками (площадь рисунка 21×12 см); относительно новое изображение двух оленьих голов с ветвистыми рогами (повернуты влево); неясный рисунок человеческой фигуры (рис. 10, 8, 10, 12).

Внутри одной из башен сделана интересная находка арочного монолита дугообразной формы (121×49 см) с изображением двух рук и двух оленей и неясной арабской надписи (Кази Мухаммад ибн-бин Хамсу ...; рис. 10, 9), а также петроглифа в виде двух П-об-

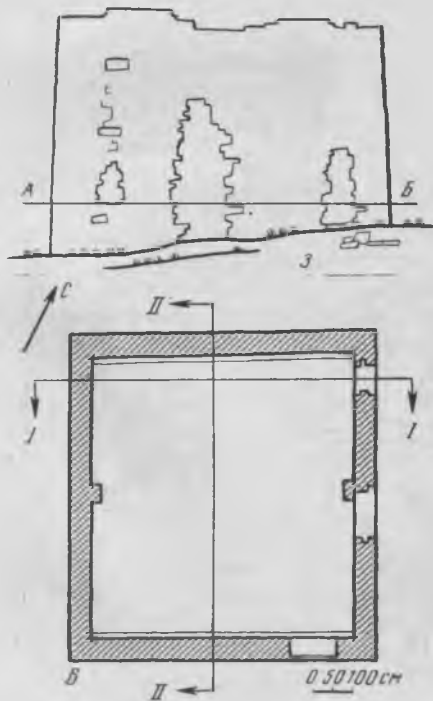

Рис. 19. Петроглифы горной Чечни

1, 2 — Шулкаг, 3—6 — Талкали, 7 — Хьелды, 8—10 — Эткали: 8, 9 — башня, 10 — мечеть; 11—13 — Хучара, 14, 15 — Цой-Педе, башня I

разных знаков и «трилистника» (площадь рисунка 16×14 см, рис. 10, 11).

Сохранившаяся жилая башня, которую по местности называют ЩулкIаг, в плане образует не совсем правильный прямоугольник, ориентированный с северо-запада на юго-восток, величиной $9,40-9,15 \times 8,50$ м. Кверху стены башни суживаются: узкие — до 8 м, широкие — до 8,75 м. Внутренние размеры помещения (у основания) $8-7,85 \times 7,25$ м (рис. 18).

Юго-восточная стена (фасад) сохранилась на высоту около 8,50 м. Вход в первый этаж находится на уровне земли. Дверной проем ($1 \times 1,10$ м) завершается округлой аркой, высеченной в монолите. С внутренней стороны он расширяется до 1,50 м при высоте 1,75 м. Порог выложен двумя рядами камней. В кладке дверного проема имеются петроглифы: на одном камне выбиты рука, спиральки, заштрихованные концентрические круги, лук, крест и скоба; на другом — изображение круга с точками (рис. 19, 1, 2). Несколько выше и правее сделан второй дверной проем ($1,50 \times 0,95$ м). Арка его собрана из клиновидных камней. С внутренней стороны он также расширяется, до 1,65 м в ширину и 2,70 м в высоту, приобретает стрельчатую форму. Под описываемым проемом проходит сквозное отверстие ($0,25 \times 0,25$ м). На этом участке стены можно видеть два петроглифических рисунка (рис. 5, 4, 5): мужскую и женскую фигуры рядом с солярным знаком и крестом, узор в виде перекрывающихся диагоналей и углов.

С юго-восточной стороны башня освещается небольшим окном ($0,55 \times 0,30$ м), расположенным на высоте 3 м от ее основания. Оно завершается полукруглой аркой из монолита. С внутренней стороны проем расширяется ($1,25 \times 0,75$ м), образуя традиционную стрельчатую нишу, сложенную напуском камней. Над окном расположены три сквозных отверстия ($0,25 \times 0,25$ м), которые

могли служить бойницами. Эта стена имеет еще один проем, образованный сближенными монолитами. К сожалению, он разрушен (предполагаемые размеры $1,25 \times 0,85$ м). Сохранившаяся боковая сторона его имеет петроглифы: елочку, заключенную в прямоугольную раму, руку и антропоморфный знак (рис. 5, 6). Близ южного угла башни имеется еще один рисунок в виде «звездочки» (рис. 5, 3).

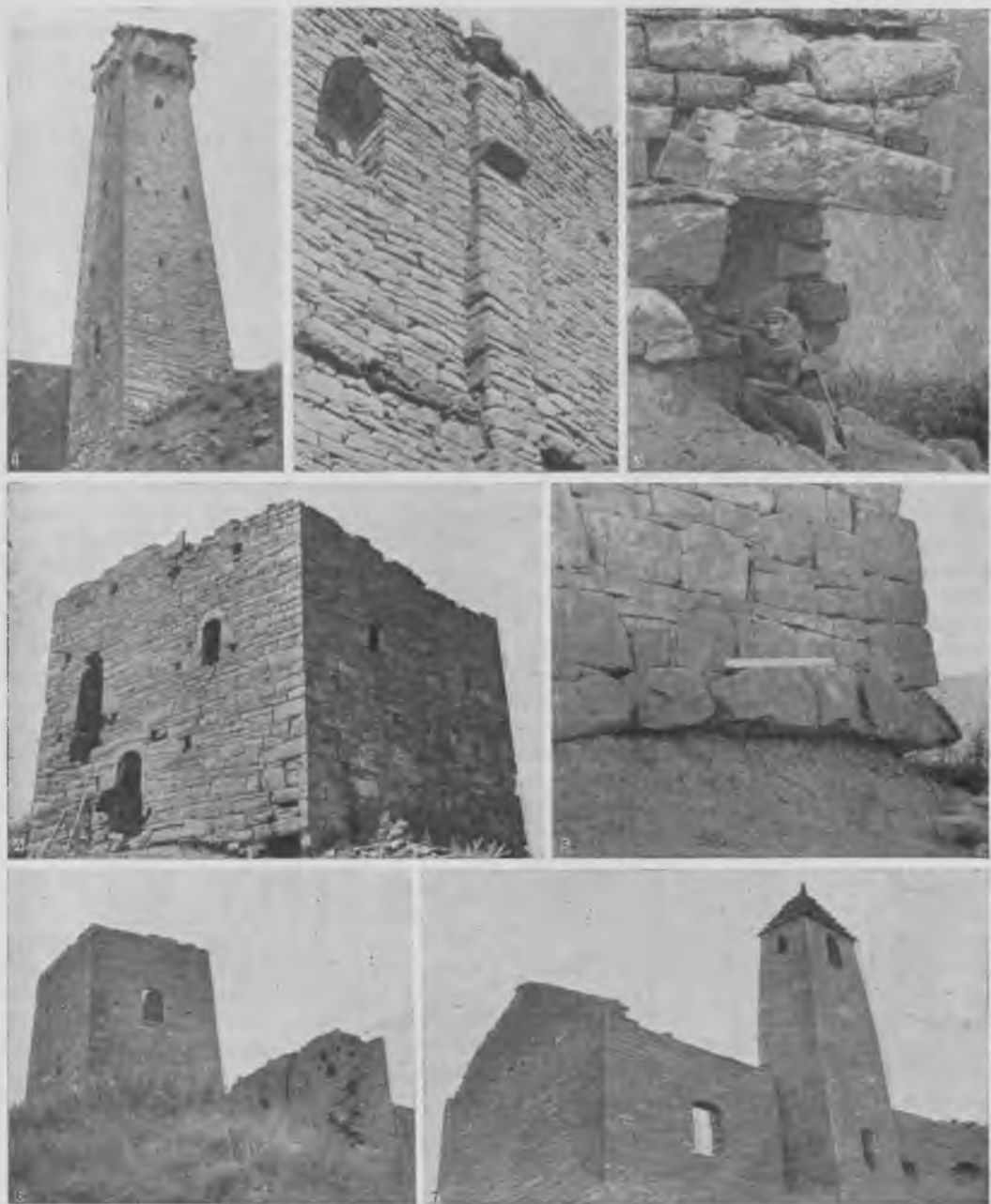
Юго-западная стена башни сохранилась хорошо. На ней заметны две бойницы (расположены на высоте 1,50—1,30 м), а выше — два оконных проема ($0,40 \times 0,35$ и $0,50 \times 0,45$ м) с арками из монолитов.

Северо-западная стена — глухая, северо-восточная — сильно попорчена проломами. В левой части ее, вверху, виден петроглиф — диагонали с углами.

Внутри длинные стороны помещения в средней части членятся пилястрами, основания которых утолщены (рис. 20, 2). Здание, вероятно, было трехэтажным: сохранились выступы-карнизы, на которых держались перекрытия.

Башня Тичча-гала (Тичча-гIала). Эта постройка расположена почти над описанным комплексом, на вершине горы в местности, называемой Тич-гу или Тичча-дукъ (рис. 20, 4). К северо-западу от башни расположен склеповый могильник.

Башня Тичча-гала представляет собой в плане почти квадратное сооружение, ориентированное с запада на восток с заметным отклонением к югу (рис. 21, 1—4). Южная и северная стены имеют у основания по 8,50 м, западная и восточная — по 7,70 м. Сохранились они на высоту до 7,50 м, кверху суживаются: широкие стены до 8,20 м, узкие — до 7,30 м. Вход в башню устроен с южной стороны. Дверной проем ($2 \times 1,40$ м) с округлой аркой, высеченной в монолите, ведет на первый этаж. На боковом камне проема имеется петроглиф — квадрат с диагоналями

Рис. 20. Памятники зодчества Чечни

1, 3 — башня Шуза, 2 — Шулкаг, пиллястры, 4, 5 — башня, Титча-дун, 6, 7 — Эткали: 6 — башня, 7 — мечеть

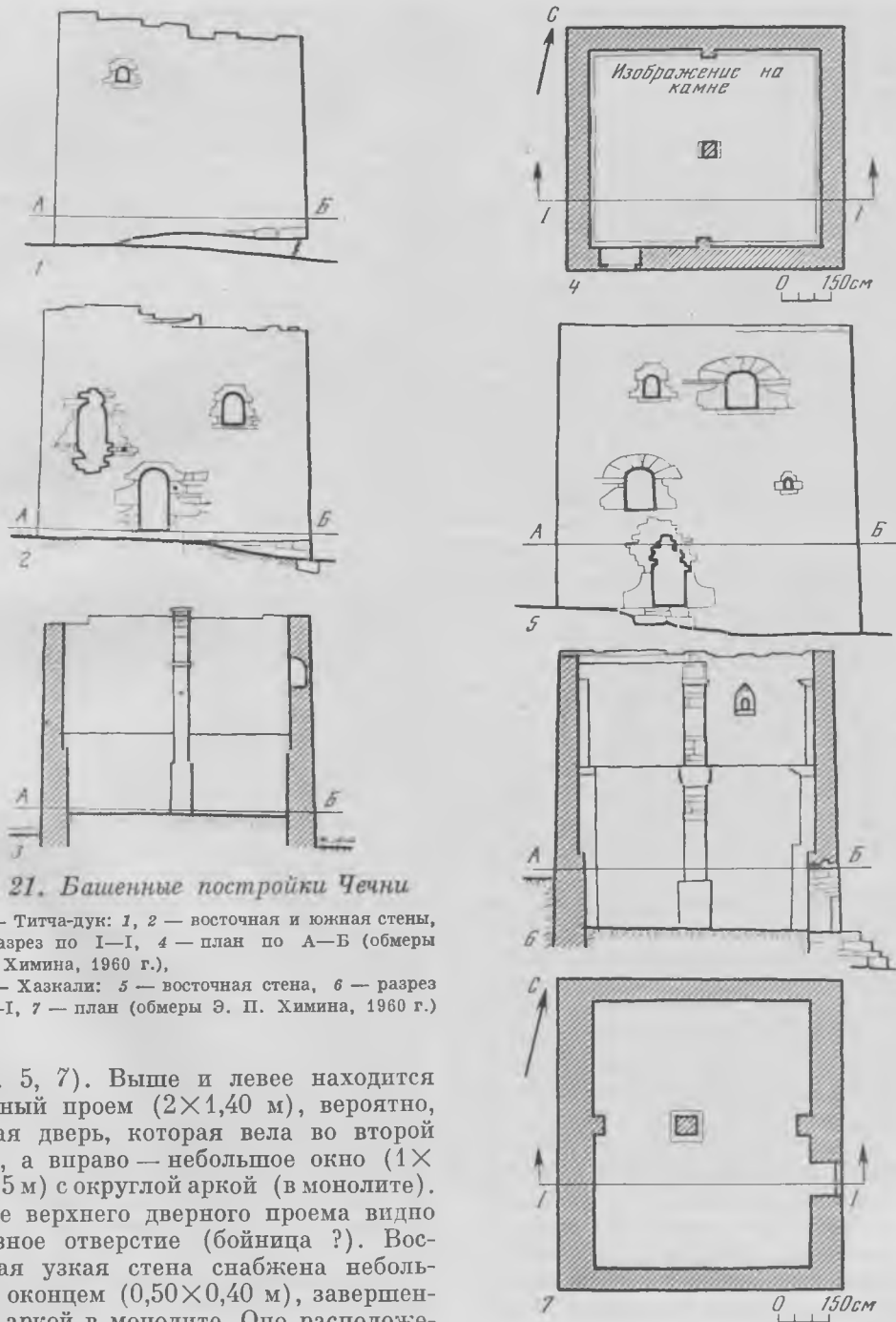

Рис. 21. Башенные постройки Чечни

1—4 — Титча-дук: 1, 2 — восточная и южная стены, 3 — разрез по I—I, 4 — план по А—Б (обмеры Э. П. Химины, 1960 г.),

5—7 — Хазкали: 5 — восточная стена, 6 — разрез по I—I, 7 — план (обмеры Э. П. Химины, 1960 г.)

(рис. 5, 7). Выше и левее находится крупный проем ($2 \times 1,40$ м), вероятно, вторая дверь, которая вела во второй этаж, а вправо — небольшое окно ($1 \times 0,65$ м) с округлой аркой (в монолите). Возле верхнего дверного проема видно сквозное отверстие (бойница?). Восточная узкая стена снабжена небольшим оконцем ($0,50 \times 0,40$ м), завершенным аркой в монолите. Оно расположе-

но на высоте 5 м от поверхности. Северная и западная стены глухие.

Здание построено из крупных камней на глинисто-известковом растворе с примесью сланца. Фундамента у башни нет, она сооружена на скале черного плотного сланца. Западная стена башни нависает над скалой, так как сланцевая глыба сильно выветрилась (рис. 20, 5). Башня, вероятно, имела три этажа. В центре ее сохранилась высокая четырехугольная опорная колонна (рис. 22, 1), а по стенам — выступы, служившие для поддержки межэтажных перекрытий. Северная и южная стены имеют пилястры (на камне северного пилястра изображена левая ладонь — «рука мастера»). Оконные и дверные проемы с внутренней стороны расширяются.

Руины башен в местечке Талкали (Талкхелли — «Звездное поселение»⁶⁶). Находятся они в 1,5—2 км южнее Шулкаг и несколько выше. Здесь сохранились руины четырех жилых башен. Одна из них, находящаяся в северо-восточной части поселка, имеет опорный четырехгранный столб (рис. 22, 3). На отдельных камнях и арочных монолитах этой башни и на других постройках сохранились петроглифы: два круга с крестами вихревого движения, а между ними схематическое изображение человека (высечены на арочном камне, диаметры кругов около 16 см, человеческая фигура, возможно, более поздняя); одиночный круг с подобным крестом, высеченный на таком же арочном камне (рис. 14, 7); распластанная мужская фигура с зигзагами по бокам и силуэтом оленя-самца под ногами (размеры камня 70×30 см); человеческая фигура с огромными, под прямым углом согнутыми руками (величина этого камня 65×27 см); еще одна фигура человека с массивными кистями рук, разбросанными в стороны, а между ними небольшие (детские?) фигурки (этот рисунок обрамлен примитивным орнаментальным узором, размеры блока 53×27 см);

петроглифы в виде геометрических начертаний (рис. 14, 8; 19, 3—6; 22, 6).

Жилые башни в местечке Хазкали (Хаз-кхелли). Это местечко расположено к югу от башни Тичча и несколько ниже ее. Здесь хорошо сохранилась одна жилая башня и имеются руины еще двух-трех башен. На арочном монолите одной из них выбит петроглиф — мужская фигура с распростертыми и чрезмерно крупными руками (рис. 22, 7).

Целая башня прямоугольная в плане (наружные размеры 8,80×8 м, внутренняя — 7,60×6,10 м) и ориентирована длинной осью с севера на юг. Стены сохранились на высоту 8,75—8 м. Восточная стена (фасад) имеет три дверных проема и два оконных. К разрушенному нижнему дверному проему в позднее время пристроены четыре каменные ступеньки. Выше находится второй дверной проем (1,20×0,80 м), завершающийся циркулярной аркой, сложенной из веерообразно расположенных камней с клинчатым «замком» в центре. Несколько правее сделано оконное отверстие (0,35×0,20 м) с округлой аркой — монолитом. Арки верхнего дверного проема (1,10×0,90 м) и окна (0,60×0,40 м) конструктивно аналогичны описанным.

Внутри башня снабжена опорным четырехгранным столбом, стоящим на массивной четырехугольной базе. Колонна имеет выступающие «подушки» — опоры, рассчитанные для двух межэтажных перекрытий. Подобные «подушки» устроены и на двух пилястрах восточной и западной стен. Башня имела три этажа.

Башенные постройки и мечеть в Эткали (Иэт-Кхелли — «Поселение Иэта»⁶⁷). Это местечко расположено к югу от Пакоч и к юго-западу от Дереза. Здесь на сильно выветрившемся склоне горы высятся остатки башен и мечети (рис. 20, 6, 7).

Первая башня в Эткали представляет собой квадратное в плане здание, стены

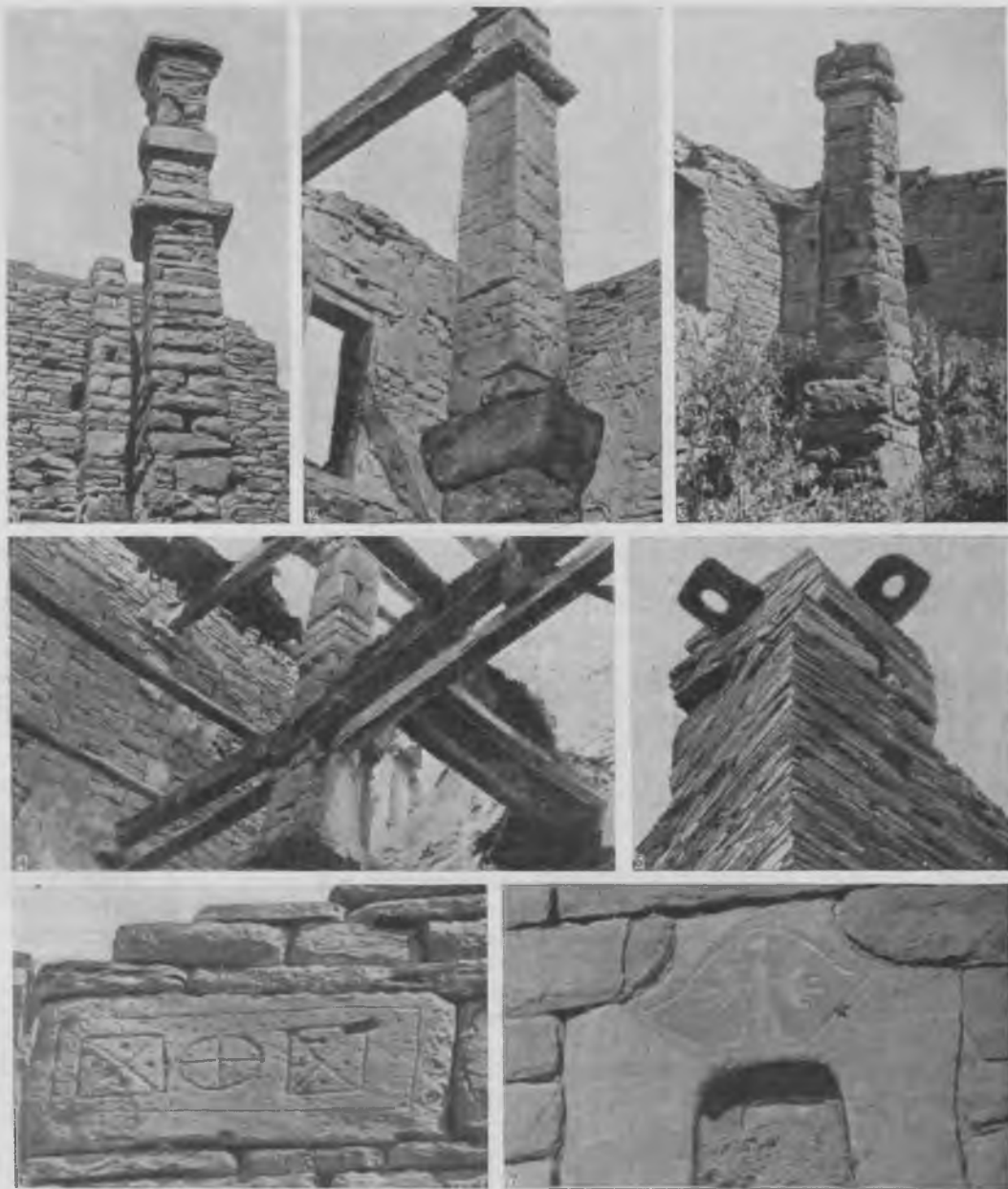

Рис. 22. Детали чеченских башен (1—5) и петроглифы (6, 7)

1—4 — опорные столбы: 1 — Титча-дук, 2 — Хъелды, 3 — Талкали, 4 — Галанчож, 5 — сланцевые плиты на кровле башни (Малхиста, Цой-Педе), 6 — Талкали, 7 — Хазкали

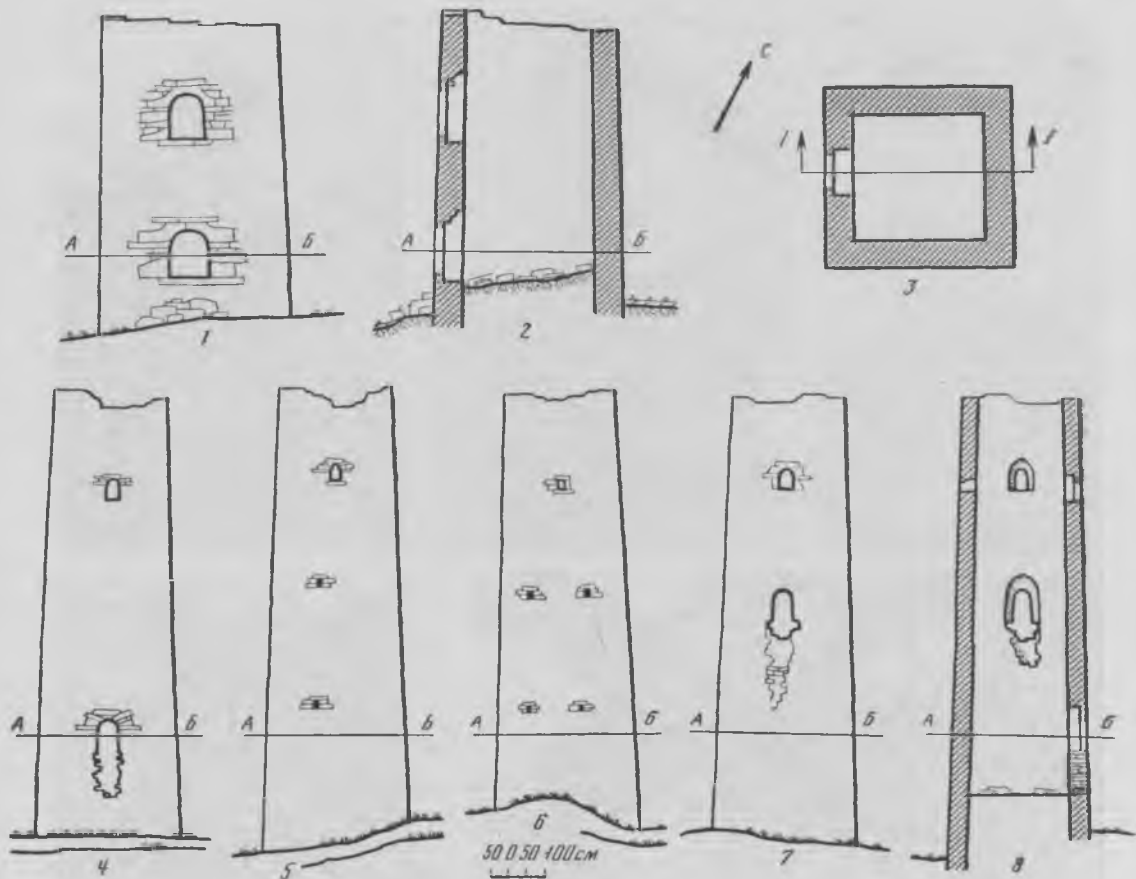

Рис. 23. Эткали, башенные постройки (обмеры Э. П. Хими́на, 1960 г.)

1—3 — Башня I: 1 — западная стена, 2 — разрез по I—I, 3 — план; 4—8 — Башня II: 4—7 — западная стена, южная, восточная, северная стена, 8 — разрез с запада на восток

которого не очень точно ориентированы по странам света (рис. 23, 1—3). Наружные размеры его $4,75 \times 4,65$ м. Башня сохранилась на высоту 8 м. Западная стена (фасад) снабжена двумя дверными проемами: нижний расположен от земли на высоте 1 м (размеры его $1,26 \times 1$ м), верхний — на высоте 4,50 м (его размеры $1,15 \times 0,90$ м). Оба проема украшены округлыми арками,

высеченными в камнях-монолитах (арка нижнего проема собрана из двух сближенных плит). С внутренней стороны оба проема расширяются и в стороны и вверх, образуя стрельчатые ниши, сделанные напуском камней.

Эта башня по своим пропорциям близка боевым постройкам (воу), но вместе с тем расположением дверных проемов она напоминает жилые башенные постройки «гала» (Гала). Я бы отнес ее к типу полубоевых башен, уже неплохо изученных на территории Ингушетии (Кяхк, Эгикал, Фалхан, Верхний Алкун, Бейни и другие пункты)⁶⁸ и зафиксированных в других частях горной Чечни (Цеча-Ахк, Никарой,

Баулой)⁶⁹. Детальное изучение подобных памятников крайне желательно.

Боевая башня стоит в лесу, напротив местечка Эткали (рис. 23, 4—8). Она в плане квадратная (внешние размеры на уровне земли равны $4,10 \times 4,10$ м, внутренние размеры 3×3 м, высота около 14 м), кверху суживается до ширины 3,50 м. Вход устроен с западной стороны. Дверной проем ($1 \times 0,65$ м) с округлой аркой находится на высоте 2,40 м от поверхности склона и ведет на второй этаж. Арка его сложена из клиновидных камней с примитивным «замком». На 6,50 м выше входа имеется окно ($0,55 \times 0,40$ м) с закругленной аркой, образованной напуском камней. Южная стена снабжена двумя прямоугольными бойницами ($0,25 \times 0,15$ м) и оконным проемом с ложнострельчатой аркой (сложена напуском камней). На восточной стене пять бойниц образуют три ряда (две, две и одна), самая верхняя из них наиболее крупная ($0,30 \times 0,20$ м). На этой стене имеются петроглифы (рис. 5, 8; 19, 8, 9): «рука мастера»; сочетание спирали, схематического изображения всадника с ладонью, пальцы которой обращены вниз (величина камня 45×30 см); две человеческие фигуры, неясный рисунок всадника и солярный знак (камень — 103×65 см). Дверной проем северной стены вел на третий этаж (его величина $0,95 \times 0,60$ м), расположен на высоте 6,50 м от поверхности склона, завершается закругленной аркой. Выше сделано окно ($0,65 \times 0,35$ м) с полуциркулярной аркой, вырезанной в двух монолитах. С внутренней стороны оконные и дверные проемы расширяются в виде ниш ложнострельчатой конструкции. Башня, вероятно, имела пирамидально-ступенчатое покрытие. К башне примыкает стена, на которой обнаружен петроглиф — кисть руки в округлой «оградке».

Мечеть в Эткали представляет собой здание удлинённых пропорций. В плане

оно прямоугольное ($13,35 \times 6,75$ м) и строго ориентировано с севера на юг (рис. 24). Мечеть имела двускатную крышу, стены сохранились на высоту до 4—6 м. Южная стена мечети с двумя окнами и дверью является фасадом. Слабо изогнутые перемычки проемов, сделанные клиновидными блоками с замковым камнем, свидетельствуют о довольно поздней дате постройки современного вида, но датировать ее трудно, хотя возле дверей имеется камень с арабской надписью. В нем указана дата — 1333 г. хиджры, что равно 1914—1915 гг. н. э.⁷⁰ В здание мечети он вмонтирован, вероятно, с поминальными целями. Мечеть эта ничем не была бы примечательна, если бы не ее минарет. Он пристроен почти к середине фасада и имеет форму традиционной вайнахской башни. Минарет выступает из южной стены на 1,56 м; ширина его 2,50 м, высота 3,30 м. Кверху он суживается до 2 м, завершаясь перекрытием в девять уступов, верхушка которого увенчана закругленным камнем (цГурку). Широкая южная сторона минарета имеет небольшое окно или дверь (?) прямоугольной формы ($1 \times 0,50$ м). На самом верш минарета под карнизом кровли сделан большой проем ($1 \times 0,60$ м) с ложнострельчатой аркой, сложенной напуском камней. Обычно подобные проемы в боевых башнях выходят на балкончик — машикуль. Под ним в стену вделан камень с арабской надписью и датой — 1352 г. хиджры, т. е. 1933—1934 гг. н. э. Камень явно позднего происхождения, он плохо вяжется с кладкой и общей миниатюрностью и изысканностью башенной формы минарета.

На этой стене обнаружен петроглиф (рис. 19, 10) — солярный знак и «рука мастера», повернутая пальцами вниз (камень — 35×23 см).

Под карнизом минарета, у самого верха с восточной и западной узких сторон, имеются еще два небольших

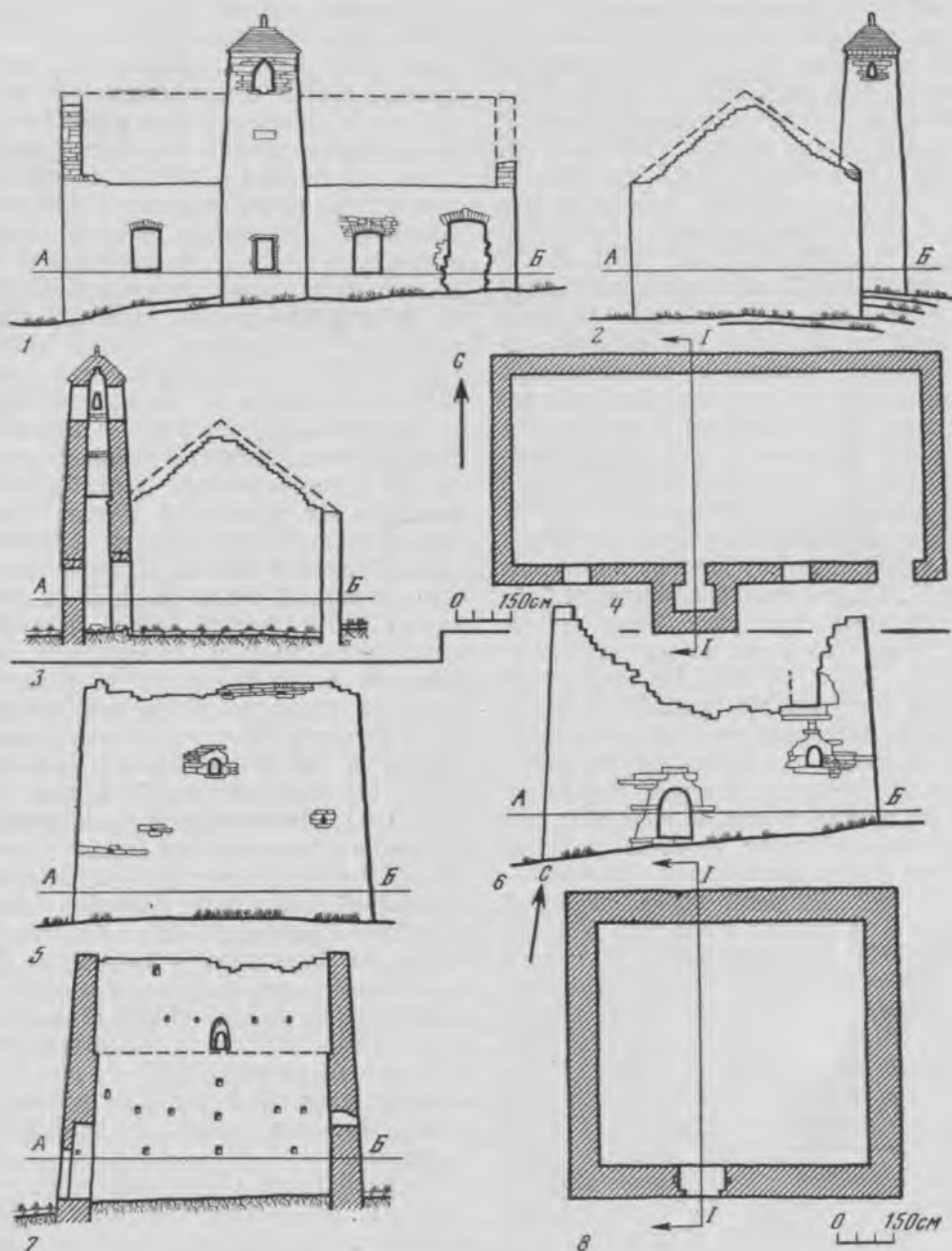

Рис. 24. Памятники зодчества горной Чечни

1—4 — Эткалы, мечеть: 1 — фасад, южная стена; 2 — западная сторона; 3 — разрез минарета по I—I; 4 — план по А—Б (обмеры Э. П. Химина, 1960 г.), 5—8 — Хьелды, жилая башня: 5, 6 — западная и южная стены, 7 — разрез по I—I, 8 — план по А—Б (обмеры В. И. Марковина, 1960 г.)

окна (0,45×0,20 м) с ложнострельчатыми арками. Внутри минарета заметны площадки для лестницы, имитирующие межэтажные перекрытия боевых башен, и это несмотря на небольшой объем помещения (площадь его у основания равна 1,25×0,75 м). Потолок минарета ложноводчатый. С мечетью он связан нешироким проемом (2×0,65 м).

Здание мечети, как уже говорилось, не уникально. Аккуратно сложенное из хорошо обтесанных и пригнанных блоков песчанистого известняка, оно имеет сходство с поздними мечетями Дагестана (селения Тарки, Кяхулай, Кафыр-Кумух, Согратль и др.), построенными в XIX в. Интересен минарет, и он заставляет вспомнить некоторые факты из истории архитектуры Кавказа.

Прежде всего хотелось бы отметить тот факт, что минареты отдельных мечетей Дагестана (селения Фий, Хрюк, Тлях и др.) очень похожи на башни⁷¹. Так, исследователь лезгинской архитектуры С. О. Хан-Магомедов замечает, что внутренняя планировка минарета в Хрюке «более характерна для оборонительных башен, где предусматривалась возможность обороны каждого этажа»⁷². Подобное явление отмечено и для минаретов мечетей Азербайджана, которые «по тяжеловесности пропорций, силуэту и трактовке форм несколько напоминают донжоны замков и сторожевые башни»⁷³. Очевидно, строители ранних мечетей, а речь сейчас идет о X—XVI вв., столкнувшись с необходимостью создания минарета и не имея каких-либо образцов, исходили из хорошо знакомых архитектурных форм, используя за макеты привычные для глаза достаточно высокие и стройные башни. Кстати, как считает С. О. Хан-Магомедов, минареты в указанное время могли иметь не только культовое, но и оборонное значение⁷⁴.

Позже, наоборот, отдельные башни строили в подражание минаретам. Та-

кими для Дагестана мне представляются башни селений Кули, Ицари, Хоредж, Рутул, Мусрух и др.⁷⁵ Это сходство не ограничивается только пропорциями (Кулинская башня, например, очень приземиста), но более всего заметно в характере архитектурного декора (карнизов сложной профилировки, аркатурных обрамлений и проч.), имитирующего такие детали, как машикули, башенные зубцы и амбразуры явно оборонных построек.

Возвращаясь к минарету в Эткали, можно думать, что его строители исходили из самого красивого, виденного ими, — из пропорций и форм боевых башен. И они сумели создать впечатляющую постройку. Сразу же вспоминается небольшая башня вайнахского типа в Ананури (ущелье р. Арагви, Шида-Картли, Грузия). Она также не имеет машикулей и стоит, словно игрушечная, в окружении мощных крепостных стен возле храма 1689 г. Эта башня часто упоминается в литературе то как вайнахское сооружение (Л. П. Семенов, Е. И. Крупнов, В. И. Марковин)⁷⁶, то как постройка хевсурского типа (П. П. Северов)⁷⁷, то называют ее чисто грузинским сооружением. Особенно за ее грузинское происхождение ратует П. П. Закарая⁷⁸. Так, в одной из своих работ он пишет об Ананурской башне: «Мы также приходим к выводу о возможности возникновения этого типа в Грузии, с последующим его распространением на Северном Кавказе»⁷⁹. И это говорится в книге, в которой приведены разрезы чисто грузинских башен, далеких от этой, каким-то образом затерявшейся в горах Картли вайнахской постройки.

Думаю, что минарет в Эткали не только указывает на связь башенных, военно-оборонительных построек с культовыми сооружениями, но ишний раз подчеркивает местное происхождение архитектурных конструкций со ступенчато-пирамидальным покры-

тием. Возможность использования подобных построек для декоративных целей также несомненна. Об этом свидетельствует Ананурская башня, которая едва ли предназначалась для выполнения важных практических целей.

Жилая башня в местечке Хьелды (юго-западнее Эткали, вверх по р. Дёре-Ахк). В плане она прямоугольная и ориентирована строго по странам света (наружные ее размеры $8,70 \times 8$ м, внутренние — $7,10 \times 6,25$ м; рис. 24, 5—8). На южной стене (на фасаде) сохранился дверной проем ($1,25 \times 0,90$ м) с округлой аркой в монолите и порогом из крупных плит. Вправо от него находится небольшое окно ($0,50 \times 0,35$ м), полуциркулярная арка которого также высечена в монолите. На боковом камне этого проема виден петроглиф в виде двух спиралей. Выше заметны следы второго дверного проема (вел на второй этаж). Западная стена башни также снабжена оконным отверстием, расположенным на уровне второго этажа, ниже его заметны три сквозных отверстия (бойницы?). Внутри помещения все проемы расширяются, образуя ниши с округлыми арками. Двери первого этажа запирались на засов: по бокам проема имеются специальные отверстия. Стены башни снабжены нишками хозяйственного назначения.

В этом местечке среди руин был обнаружен петроглиф (см. рис. 19, 7) в виде пересеченного линией ромба, «рогатки» и пяти лунок (размеры камня 46×13 см).

Боевая башня Шула. Расположена она на вершине горы Гуника (Цуника), возвышаясь над местечком Эткали. К ней ведет тропа через Хазкали.

Башня расположена на обрывистом утесе, над каньоном небольшой речки, впадающей в Дёре-Ахк (рис. 20, 1; 25, 1—6). В плане она прямоугольная (внешние размеры по линии А—Б $4,65 \times$

$\times 4,65$ м, внутренние — $3,25 \times 2,55$ м). Высота башни $19,50$ — $17,50$ м (разные стороны имеют различную высоту). Ориентирована строго по странам света. Стены башни у основания имеют разную толщину: северная и южная $0,70$ м, западная $0,75$ м, восточная стена на высоту до $6,10$ м сильно расширена, до $1,35$ м, далее следует уступ и мощность кладки сокращается до $0,60$ м. Кверху башня суживается почти до 3 м.

Вход в башню с западной стороны. Дверной проем ($1,10 \times 0,75$ м) завершается округлой аркой, сложенной напуском камней. Над ними сделано окно ($0,60 \times 0,40$ м), перекрытое ложной аркой подобной конструкции. Выше видна прямоугольная бойница, а еще выше — второе окно, но меньших размеров ($0,40 \times 0,25$ м), арка которого закруглена (собрана из выступающих камней). Эта стена завершается выносным балкончиком — машикулем, поддерживаемым четырьмя упорами. Выход на балком мал, он скорее напоминает большое окно ($0,65 \times 0,40$ м) и имеет округлую арку.

На северной стене, обращенной к обрыву, можно видеть лишь одно окно, две бойницы и аналогичный машикул. Восточная стена снабжена семью бойницами, расположенными в пять рядов (две из них служили для навесного огня). Южная стена также имеет семь бойниц (три — для навесного боя) и окно под машикулем.

На башне сохранилось очень низкое уплощенное уступчатое перекрытие из сланцевых плит, сложенных концентрическими кругами. Каменный шпиль (цлогал), венчавший перекрытие, сломан. Башня имела четыре этажа и неглубокое подполье. Все проемы, в том числе и бойничные, с внутренней стороны расширяются, закругляясь ложными арками. Судя по частично сохранившемуся перекрытию четвертого этажа, они делались из сланцевых плит и

опорных деревянных балок, которые покоились на выступах стен.

Среди бойниц южной стены башни можно видеть петроглиф (рис. 5, 9): три волнообразные спирали, косые перекрестия и солярный знак (величина камня около $1,70 \times 0,70$ м).

Башня Шула интересна конструкцией машикулей. Обычно на вайнахских башнях можно видеть боевые балконы не столь широкими, и обязательно за ними возвышается обширный проем, завершенный ложнострельчатой аркой. Этот тип машикуля является достоянием чеченцев и ингушей⁸⁰. Он отличается от соответствующих оборонительных конструкций, созданных осетинами⁸¹, жителями Рачи и Сванетии⁸², населением Мтиулет и Картли⁸³, и если вайнахского типа машикули встречаются в соседних районах — Тушетии, Хевсуретии⁸⁴, Северной Осетии, то, как правило, на постройках, созданных руками опять-таки вайнахских мастеров или под влиянием их строительного мастерства. Однако у башни Шула за стенами ее выносных машикулей полностью скрыты боевые проемы, и к тому же они очень малы. Это сильно отличает машикули Шулы от обычных вайнахских машикулей. Они более примитивны и в какой-то степени напоминают нависающие балконовидные устройства, которые можно видеть на старинных, X—XIV вв., постройках горного Дагестана (селения Ругуджа, Хинтида и др.)⁸⁵. Представляется, что башня Шула, имеющая к тому же довольно плоское покрытие, является ранней постройкой, а машикули, венчающие ее, позволяют наметить определенный этап в создании тех боевых балконов, которые столь характерны для всей территории Чечено-Ингушетии.

На ранний возраст башни указывает и характер кладки. Она построена из огромных глыб камня, особой системы в их сочетании нет. Поражаешься,

сколько же надо было приложить усилий, чтобы поднять и сложить камни, превышающие своими размерами рост крупного человека (рис. 20, 3). Ф. С. Гребенец (Панкратов), видевший эту башню, определял вес отдельных камней в 200—300 пудов (более 3—4 т)⁸⁶. Напомню, что отдельные стены подобной кладки, стоящие среди ингушских памятников, Е. И. Крупнов называл «циклопическими» и относил к скифскому времени⁸⁷. Однако раскопки С. Ц. Умаровым подобных памятников в Цеча-ахк (бассейн р. Фортанги) подтвердили их средневековый возраст (X—XII вв.)⁸⁸. Своими конструктивными особенностями башня Шула как бы связывает «циклопические кладки» с распространенными башенными постройками вайнахов.

Руины башен в местечке Хучара (Хуч ара — «Крестовая поляна»⁸⁹). Они находятся напротив Пакоч, через р. Дёре-ахк. Здесь можно видеть руины не менее чем трех жилых башен с петроглифами (рис. 19, 11—13): 1. двух собак (?), а над ними — еще какое-то животное и пять лунок (площадь рисунка 46×18 см). 2. Два солярных знака, осложненных штрихами, четырехлистником и скобообразным узором (размеры камня 30×16 см); 3. Четырехугольная «оградка», заполненная перекрестно-параллельными линиями, дугами и штрихами (размеры камня 19×17 см).

Памятники верховьев р. Чанты-Аргун и в Малхиста

Верховья р. Чанты-Аргун, и в частности Майсты и Малхиста, учеными посещались лишь изредка. Однако местные памятники все же известны специалистам. Об их своеобразии писал в 30-х годах Х. Д. Ошаев⁹⁰, отдельные страницы в своей монографии посвятил

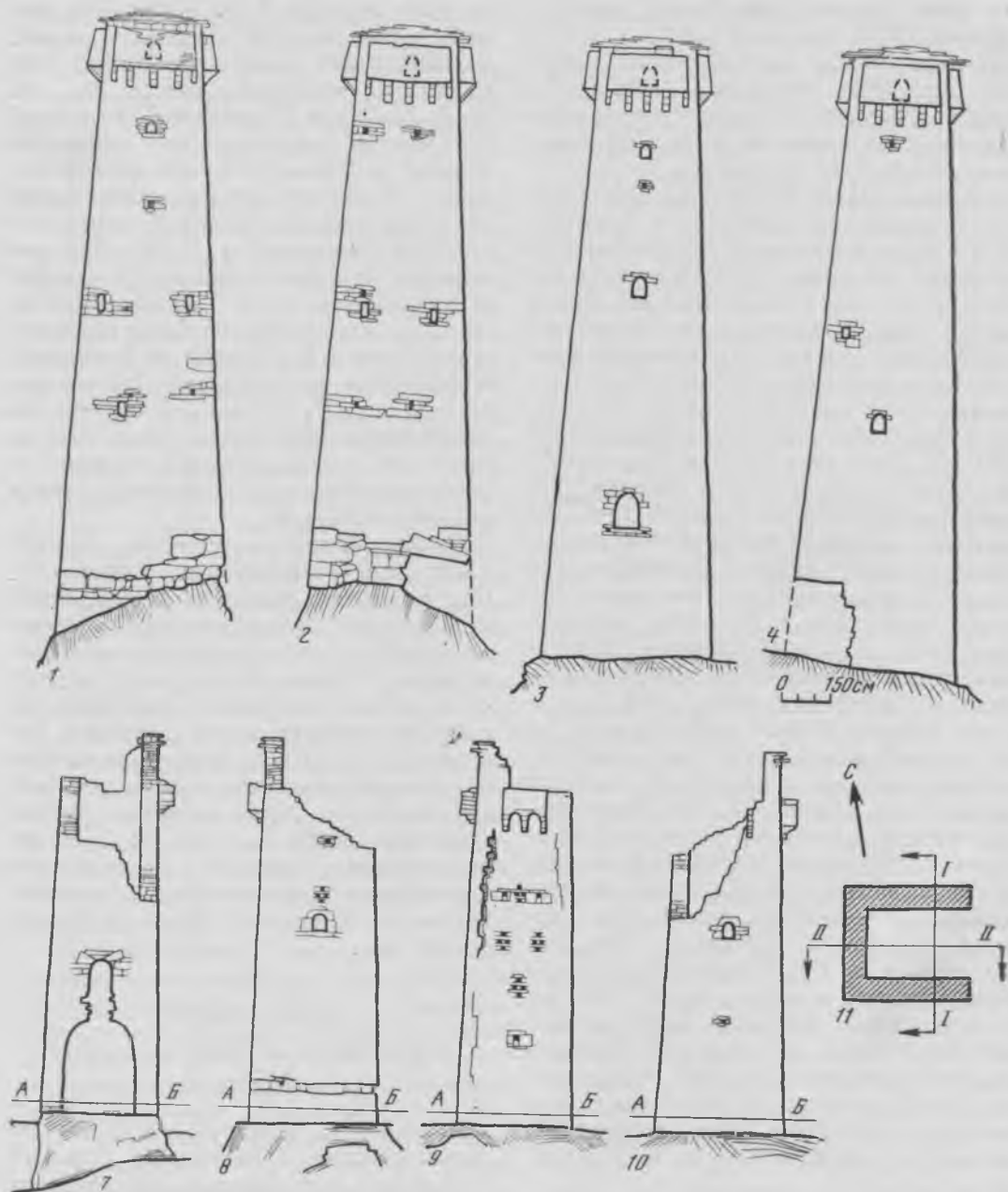
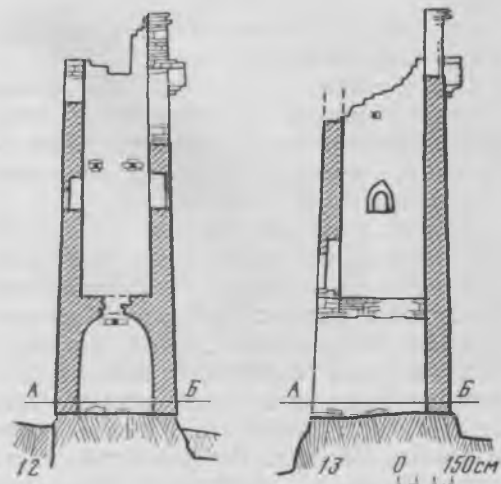
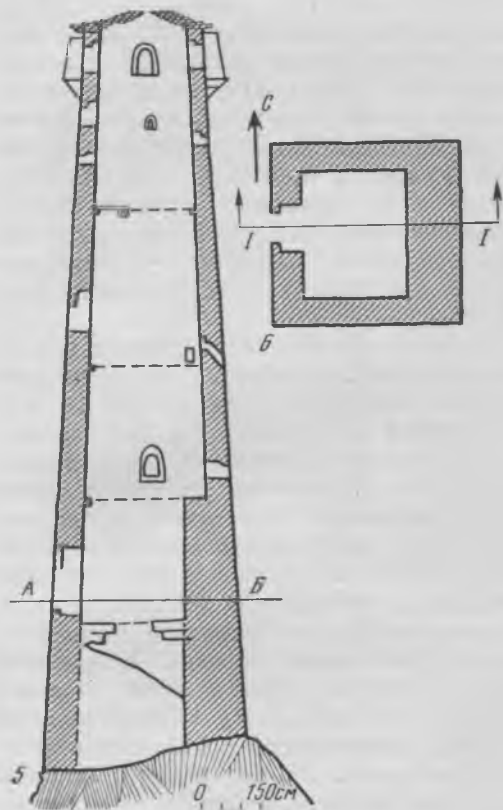

Рис. 25. Башенные памятники Чечни

1—6 — башня Шула: 1 — южная стена, 2 — восточная, 3 — западная, 4 — северная стена, 5 — разрез по I—I, 6 — план по А—Б (обмеры В. И. Марювина, 1960 г.), 7—13 — Башня I на р. Кенухой-Ахк: 7 — восточная стена, 8 — южная, 9 — западная, 10 — северная, 11 — план по А—Б, 12 — разрез по I—I, 13 — разрез по II—II (обмеры Э. П. Химины, 1960 г.)

им Бруно Плечке⁹¹. Его труд особенно ценен, так как собранный им материал рассматривается на широком фоне. В 1928 г. местные памятники осматривал М. Акбулатов⁹². На год позже здесь же работал Уэльс⁹³, и уже перед Великой Отечественной войной оба общества (Майсты и Малхиста) посетили А. П. Круглов и А. В. Мачинский. Ими были сфотографированы местные архитектурные памятники. Беглые записки их хранятся в архиве ЛОИА АН СССР, более обстоятельные отчеты, к сожалению, оказались утерянными во время войны⁹⁴. Майсты посещались также А. Я. Камараули, С. И. Макалатия, Н. Ф. Яковлевым, Г. Теодорадзе и другими специалистами. Сейчас изучением местных памятников занимается Р. А. Даутова⁹⁵.

Памятники верховьев р. Чанты-Аргун представляют огромный интерес. Это те районы, где издавна могли иметь место контакты между хевсурским населением Грузии и вайнахами. Изучить следы взаимовлияний было бы крайне важно. И конечно, желательно полное описание местных комплексов.

Верховья р. Чанты-Аргун интересны и тем, что здесь, по преданиям, возникли многие из «66 родов и фамилий», претендующих на свое происхождение от легендарного чеченского родоначальника Нахчи⁹⁶.

Разведки 1960 г. позволили осмотреть и описать некоторые из башенных памятников, представляющих несомненный интерес.

Боевые башни на р. Кенохой-ахк. Эта группа, состоящая из трех башен, возвышается на скалистом утесе, крутым ребром поднимающемся от потоков рек Чанты-Аргун и Кенохой-ахк (Кхенахой-ахк, ТПерлой-ахк). Неподалеку от них стоит разрушенный склеп башенного типа⁹⁷. Башни известны среди чеченцев под названиями «ТПерлой-баъвниш» и «КГирда-баъвниш», т. е. «Терловские (верхние) башни» и «башни

Кирда» (имя собственное)⁹⁸. По преданию, которое приводит в своих записках С. Ц. Умаров, эти башни принадлежали «князю» Берг-Бича, которому выплачивали нечто вроде дани жители Терлоя⁹⁹.

Башня I (расположена в восточной части группы) в плане прямоугольная (3,75×3,25 м), стороны ее ориентированы по странам света (рис. 25, 1—6; 26, 1, 2). Высота постройки 11 м, в ее верхней части имелись боевые балкончики — машикули, которые держались на трех опорах. К 1960 г. сохранился лишь машикуль западной стены, на остальных стенах заметны остатки проемов, открывавшихся к балкончикам.

Восточная стена, фасад, обращена к башне II. В нижней, расширенной ее части находится помещение с ложным продольно-сводчатым перекрытием (высота помещения 2,65 м). Передней стены у него нет, возможно, служило мастерской или конюшней. Над помещением имеется дверной проем (1×0,60 м), который вел на второй этаж. Арка проема сделана напуском камней и клинчатыми вставками между ними.

Южная стена башни, помимо сквозного глазка и оконного проема (0,45×0,35 м) с округлой аркой, высеченного в монолите, имеет углубленный узор в виде креста. На западной стене, возле которой проходит тропинка, можно видеть три бойницы, приспособленные для ведения навесного огня (нижние камни у них наклонены). Углубленный крестообразный узор, располагаясь между ними, повторяется четыре раза. На северной стене сохранились бойницы и окно (0,45×0,35 м), расположенное над ней. Округлая арка его выбита в монолите. Дверные и оконные проемы башни с внутренней стороны расширяются, образуя ложнострельчатые нишеобразные углубления в стенах.

Башня II (средняя) в плане также прямоугольная (рис. 26, 3; 27, 1—6). Наружные размеры ее на уровне А—Б

4,70×4,25 м, внутренние — 3,50×3 м, сохранилась на высоту 10,50 м. Восточная стена (фасад) снабжена дверным проемом (1,40×0,90 м) с ложнострельчатой аркой, сложенной напуском камней. Над ним имеются еще два проема (0,75×0,45 и 0,60×0,45 м). Завершаются они округлыми арками разной конструкции: из клинчатых камней с примитивным «замком» — у нижнего окна, высечена в трех каменных блоках — у верхнего.

Западная стена, находящаяся напротив башни I, оснащена бойницами двух видов: внизу — в виде прямоугольных отверстий (0,25×0,14 м), над ними — для навесного огня (с наклонными камнями). Эта стена украшена тремя углубленными «крестами». Северная стена — с небольшой бойницей и окном (0,75×0,45 м), арка его частично высечена в монолите и дополнена напуском камней, декорирована узором из трех удлиненных выемок. На южной стене имеется только один оконный проем (0,60×0,45 м) с закругленной аркой, образованной тремя сближенными камнями. С внутренней стороны крупные проемы в башне расширяются, образуя подобие ложнострельчатых ниш.

От западной башни III сохранились лишь остатки одной стены.

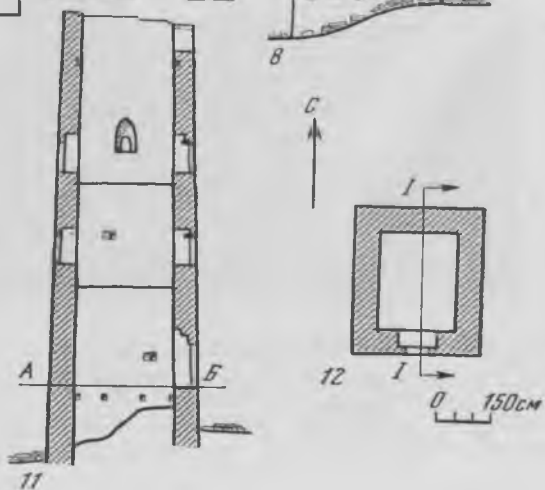
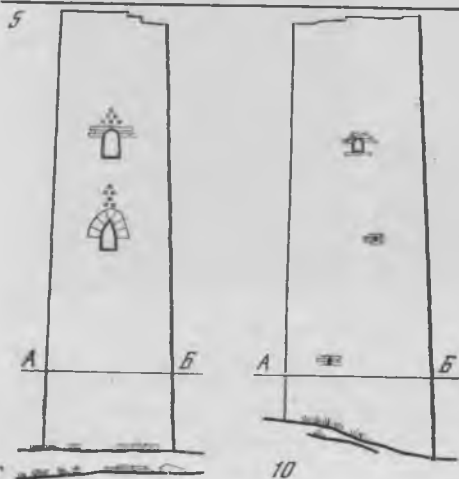
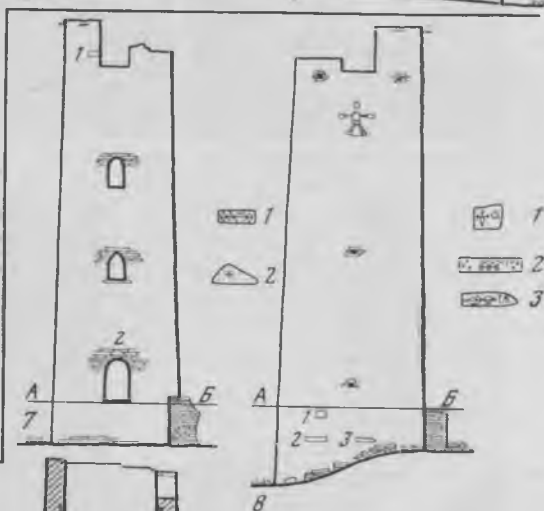
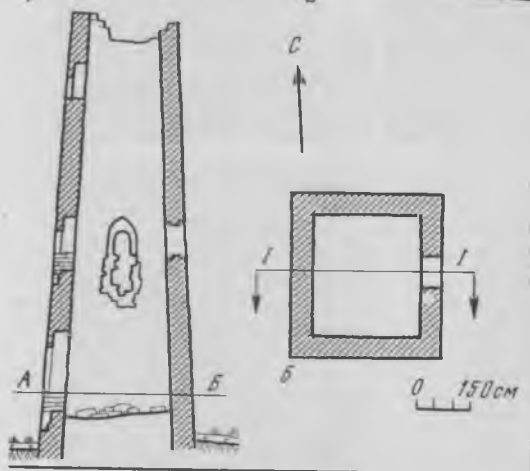
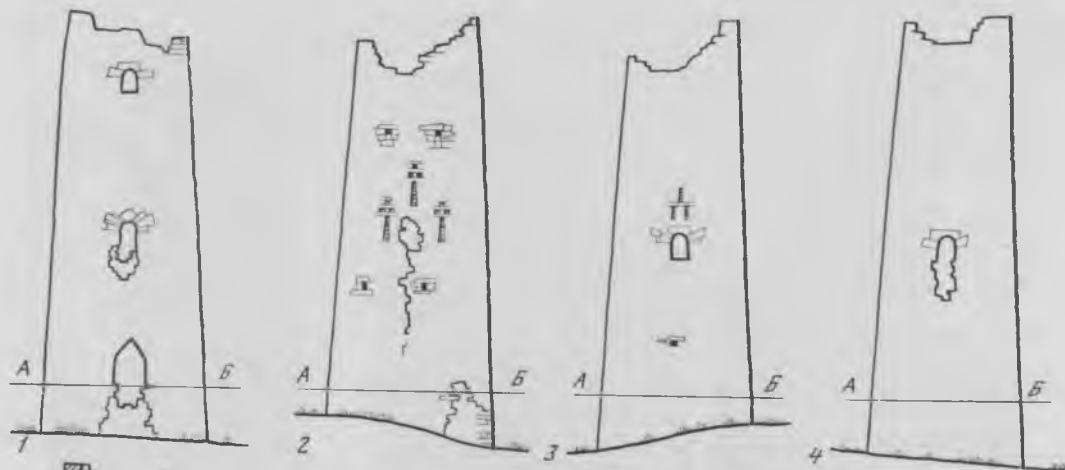
Своеобразие описанной башенной группы несомненно. Оригинален декор, неповторима конструкция полностью открытого с одной стороны ангароподобного помещения в башне I.

Башни в городе мертвых Цой-Педа (Малхиста). Это местонахождение расположено на границе с Пирикитской Хевсуретией, среди скал горы Коре-лам (массив Тебулос-мта). Оно занимает возвышенный скалистый мыс, подножие которого омывается водами Чанты-Аргуна и Мешихи. Ущелье носит название Мешихо. Возвышенную часть мыса занимает обширный некрополь, состоящий из наземных и подземных

Рис. 26. Башенные памятники Чечни

1—3 — ущелье р. Кенохой-Ахк: 1, 2 — Башня 1, 3 — Башня 2, 4 — Хайбахой, 5 — Малхиста, Цой-Педе, 6 — Малхиста, р. Мешихо

склепов¹⁰⁰, известный под названием «город мертвых Цой-Педа» (ЦГайн-Пхьеда), что переводится как «город божества», «поселение огня» (от многозначного корневого чеченского слова «цIе», «цIу» — «огонь, красный, божество» и от «пхьа» — «поселение, место сборища») ¹⁰¹. Дело в том, что каждый склеп некрополя почитался местными жителями как «солнечная могила» (маьлх-каш), что соответствовало верованиям чеченцев в прошлом ¹⁰². Х. Д. Ошаев поясняет, что само слово «Маьлхиста (Малххи)» означает «страна солнца», «солнечник». Здесь нет единого поселка под названием Малхиста; так именуется обширное ущелье с 14 селениями, жители которого поклонялись огню и солнцу ¹⁰³. По мнению А. С. Сулейманова, такое название могло произойти в силу того, что в этом районе поселки расположены с солнечной (южной) стороны гор (у него название «Малхиста» производится от слов «малх» — солнце и «йист» — край) ¹⁰⁴, хотя Ю. Д. Дешериев даже считает, что солнце могло быть тотемом у местных жителей (они «маьлх-ий» — дети Солнца) ¹⁰⁵.

Среди склеповых построек Цой-Педа возвышаются две башни.

Башня I находится на самой возвышенной части холма Цой-Педа (рис. 26, 5; 27, 7—12). За ней сохранились остатки стены, тянущейся более чем на 25 м с запада на восток, к р. Меши-хи, масса руин, в том числе жилых башен. Как видно, здесь было крупное поселе-

ние, которое Х. Д. Ошаев несколько гиперболочно именуется «городом» ¹⁰⁶.

Очевидно, именно эта башня называлась «Кюшун-бIов» — «Башня кладбищ» ¹⁰⁷; название явно позднее, когда поселок за ней уже перестал функционировать. В плане она прямоугольная, своими сторонами ориентирована по странам света. Наружные размеры стен на уровне А—Б равны 4,25×3,20 м, сохранилась на высоту 12 м. Кверху она суживается примерно до 3,75×3 м.

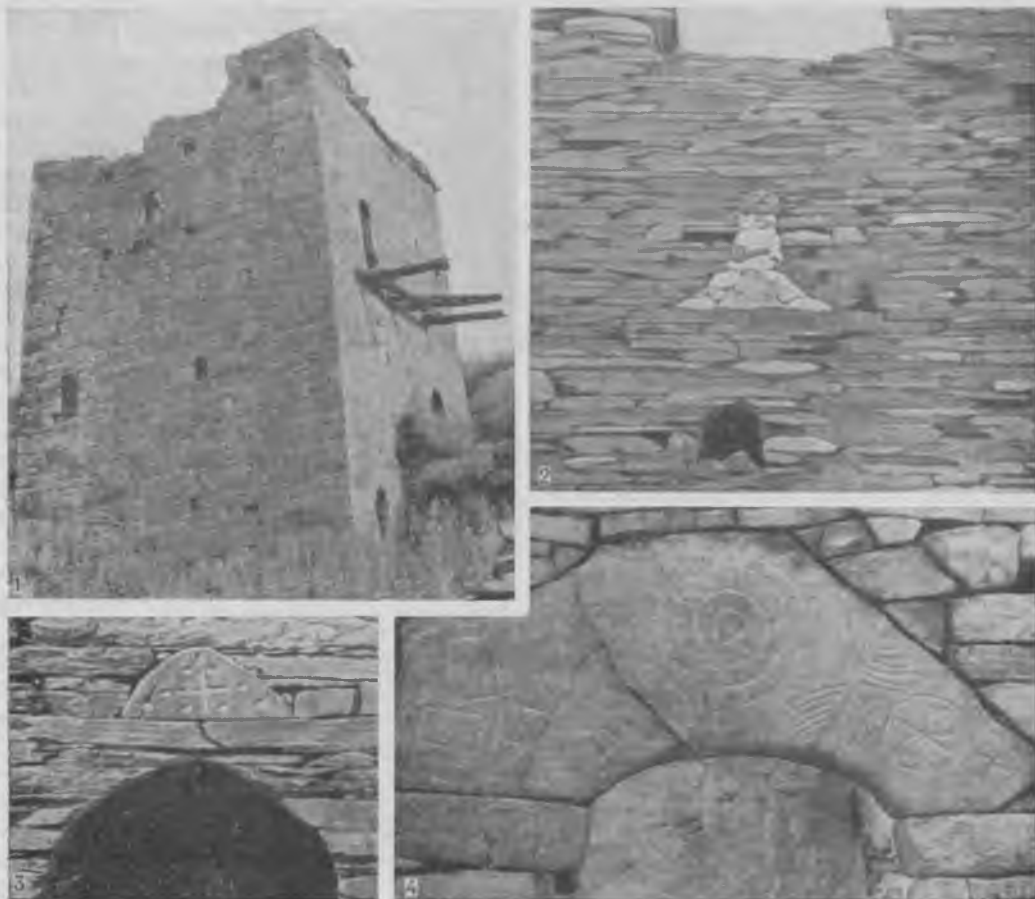
Южная стена (фасад) имеет несколько проемов. Нижний, дверной (1,20×0,70 м), находится на высоте 1 м от земли. Он завершается полуциркулярной ложной аркой, собранной напуском камней. Над ней вставлен треугольный камень (30×14,5 см) с петроглифом в виде креста в сочетании с девятью точками (рис. 28, 3). Выше размещаются еще два проема: с ложнострельчатой аркой (размеры проема 0,75×0,50 м) и с округлой аркой, также сложенной напуском камней (окно — 0,80×0,50 м).

У самого верха башни сохранилась часть проема шириной 0,85 м, а под ним едва заметны следы от упоров махикуля. Слева от проема виден петроглиф — ромбовидные фигуры, пересеченные осью. У основания башни также найден петроглиф, напоминающий письмо (на камне размером 50×14 см, рис. 19, 15).

Западная стена башни имеет четыре бойницы — по одной в нижней и средней частях и две вверху. У подножия башни замечены три камня с петроглифами (рис. 19, 14; 29, 1, 2): 1) изображение левой ладони с точкой между большим и указательным пальцами и, вероятно, женской фигуры с огромными кистями рук (размеры камня 37×30 см); 2) знаки в виде дважды повторяющихся трех кружков, трех «восьмерок», соединенных осью, зигзага и горизонтальной линии. Изображение напоминает знаки письменности (камень — 52×16 см); 3) две лежащие

Рис. 27. Башенные памятники Чечни

1—6 — ущелье р. Кенохой-Ахк, башня 2: 1 — восточная стена, 2 — западная, 3 — северная, 4 — южная, 5 — разрез по I—I, 6 — план по А—Б (обмеры Э. П. Химинова, 1960 г.), 7—12 — Малхиста, Цой-Педа: 7 — южная стена, 8 — западная, 9 — северная, 10 — восточная, 11 — разрез по I—I, 12 — план по А—Б (обмеры В. И. Марковина, Э. П. Химинова, 1960 г.)

Рис. 28. Башенные памятники Чечни

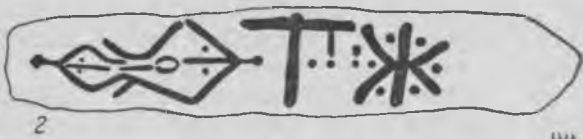
1 — Галанчож, 2, 3 — Малхиста, Цой-Педе, Башня I: 2 — мозаика на фасаде, 3 — петроглиф над входом, 4 — Хой, арочный камень с петроглифами

человеческие фигуры — мужская и женская (сцена coitus, а). Справа от них два знака, близкие русским буквам «Т» и «Ж», в сочетании с точками (на камне величиной 80×16 см). Данный рисунок был опубликован А. А. Исламовым в виде беглого наброска¹⁰⁸.

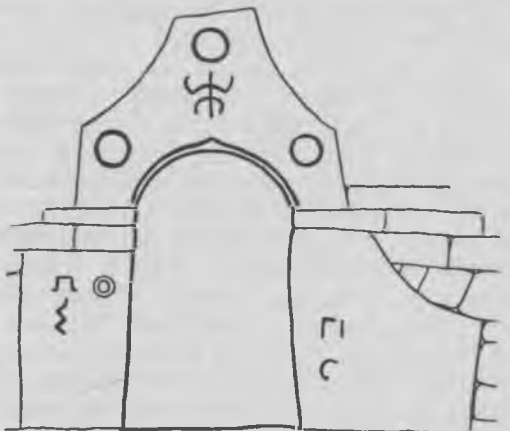
Эта стена, так же как и южная, завершается частично сохранившимся крупным проемом, под которым изображена фигура человека с раздвинутыми в стороны руками и ногами (распятие?). Выполнена она в технике мозаики из хорошо подобранных пластин белого камня (вероятно, кварца) и

Рис. 29. Петроглифы горной Чечни

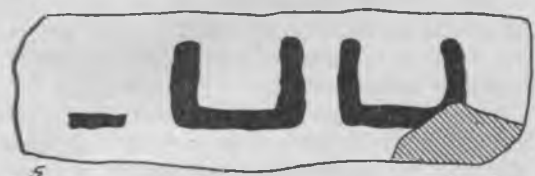
1, 2 — Малхиста, Цой-Педе, Башня I, 3, 4 — Хой (дверные проемы), 5—7 — Макажой, 8 — Харкарой, 9 — Джалхк

0 60cm

0 30cm

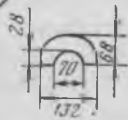
0 3cm

0 3cm

0 3cm

0 3cm

четко выделяется на фоне черной сланцевой поверхности стены. Округлый камень, служащий головой изображенного, сохраняет черты лица — рот, нос, сильно закругленные глаза. Величина фигуры около 1×1 м (рис. 28, 2). Под ней находится небольшой оконный проем с округлой арочкой, сложенной сближенными камнями.

Северная стена постройки имеет два крупных проема. Нижний ($0,85 \times 0,45$ м) — со стрельчатой аркой, собранной из клиновидных камней, которые расположены веером и замыкаются треугольным «замком». Немного выше заметен углубленный узор из сдвоенных треугольников. Верхний проем завершен округлой аркой, сложенной напуском камней (величина проема $0,85 \times 0,45$ м). Над ним имеется углубленный узор в виде крупного треугольника. На этой же стене у основания башни сделана приостренная бойница.

Монотонность кладки восточной стены перебивается двумя бойничными отверстиями и оконным проемом ($0,40 \times 0,25$ м) с обычной закругленной аркой, сложенной напуском камней. Северная и восточная стены в верхней части сильно разрушены; возможно, поэтому здесь незаметны следы верхних крупных проемов, выходивших к машикулям, но заметны остатки гнезд, в которые входили их консоли. Интересно, что поверху можно видеть пласты сланца со сквозными отверстиями. Как видно, их подтягивали к месту кладки, привязывая к веревкам (рис. 22, 5).

Все проемы с внутренней стороны расширяются, образуя ниши с ложнострельчатыми арками. Нижний проем южной стены имеет двойное уступчатое расширение.

Описанная башня, по местным сказаниям, принадлежала «эла» (князю) Сепя, который вел борьбу с главой сел. Коротхо (Коротох, Кхуоруттах)¹⁰⁹. Эти полулегендарные обстоятельства явились темой еще двух преданий, при-

веденных Х. Д. Ошаевым¹¹⁰ и повторенных в сжатом виде А. А. Исламовым¹¹¹.

В первом рассказывается о трехмесячной осаде «города», скрытого за стеной и башней. Среди осаждавших был воин, любивший девушку-горожанку. Когда она узнала, что осада должна быть снята и ее возлюбленный может уйти, то решила ценой гибели своего города встретиться с ним. Она поднялась на стену и крикнула: «Эй, вы, воины, а нет ли среди вас молодца, который бы спал с женщиной со стороны ее спины? Только он может взять наш город...». Влюбленный понял, что со стороны пропасти в город ведут ворота. Ночью крепость была взята, а влюбленные встретились.

Сюжет предания предельно прост, и невольно вспоминается петроглиф западной стены башни с двумя человеческими фигурами (рис. 29, 2). Не является ли рисунок своеобразной записью этого предания? Но и второй рассказ мог бы послужить основой для данного петроглифа.

Владелец башни являлся одновременно властелином всего города. Жестокость и произвол были нормами его поведения. Жители боялись перечить своему властелину во всем, даже в праву первой ночи. Нашелся бедный пастих, который, защищая честь своей невесты, убил князя его же пашкой. «И с тех пор, если кто-нибудь желает возвыситься и заделаться князем, находится всегда человек, который убивает его»¹¹².

Как видно, сопоставление петроглифов с местными преданиями может быть вполне перспективным для изучения их смыслового значения.

А. С. Сулейманов в свою очередь пишет, что эта башня была «воздвигнута здесь, чтобы охранять склепы от злоумышленников-соседей, которые в целях отмщения за обиды могли осквернить могилу предка»¹¹³.

Башня II находится близ потока Мешхи (рис. 26, б). К сожалению, она не была детально обмерена, хотя является интересным памятником местного зодчества. Имея балкончики-машикули и четырехзубчатый парапет по самому верху, эта постройка, вероятно, содержит отдельные черты, близкие хевсурской архитектуре¹¹⁴, хотя ее машикули (с небольшим выходом к ним, как в башне Шула) и общие пропорции несут характер вайнахской архитектуры. Детальное изучение ее крайне желательно.

Памятники в районе озера Галанчож-Ами

Этот район для археолога и историка архитектуры представляет значительный интерес. Само название его — «Галанчож», как предполагает В. Б. Виноградов, может означать «Ущелье жилых башен»¹¹⁵. Здесь, по нагорью Нашах, по свидетельству преданий, поселился родоначальник чеченского народа, давший название всей стране — Нашахэ (Нашха). Имя его звучит как Нохчуо Турпал, сын Али¹¹⁶ (вероятно, это предание было записано в первой половине XIX в., когда проповедь ислама широко распространялась по Чечне и родство с арабами было в почете). Упомянутый Али считался выходцем из Шама в Сирии¹¹⁷. Подобных «выходцев» из Шама часто называют в соседнем Дагестане, включая предков шамхалов Тарковских. Наименование «нахчой», по мнению У. Лаудаева, происходит от слова «нахчи» — сыр, что указывает на занятия местного населения скотоводством¹¹⁸. Правда, Х. Д. Ошаев считает, что в основе слова «нахчо», видимо, лежит понятие «нах» — народ («нахчо» может означать «один из народа»)¹¹⁹.

По другому древнему преданию, предками всех чеченцев являлись три брата — Га, Ако (Ахо) и Шато. Посе-

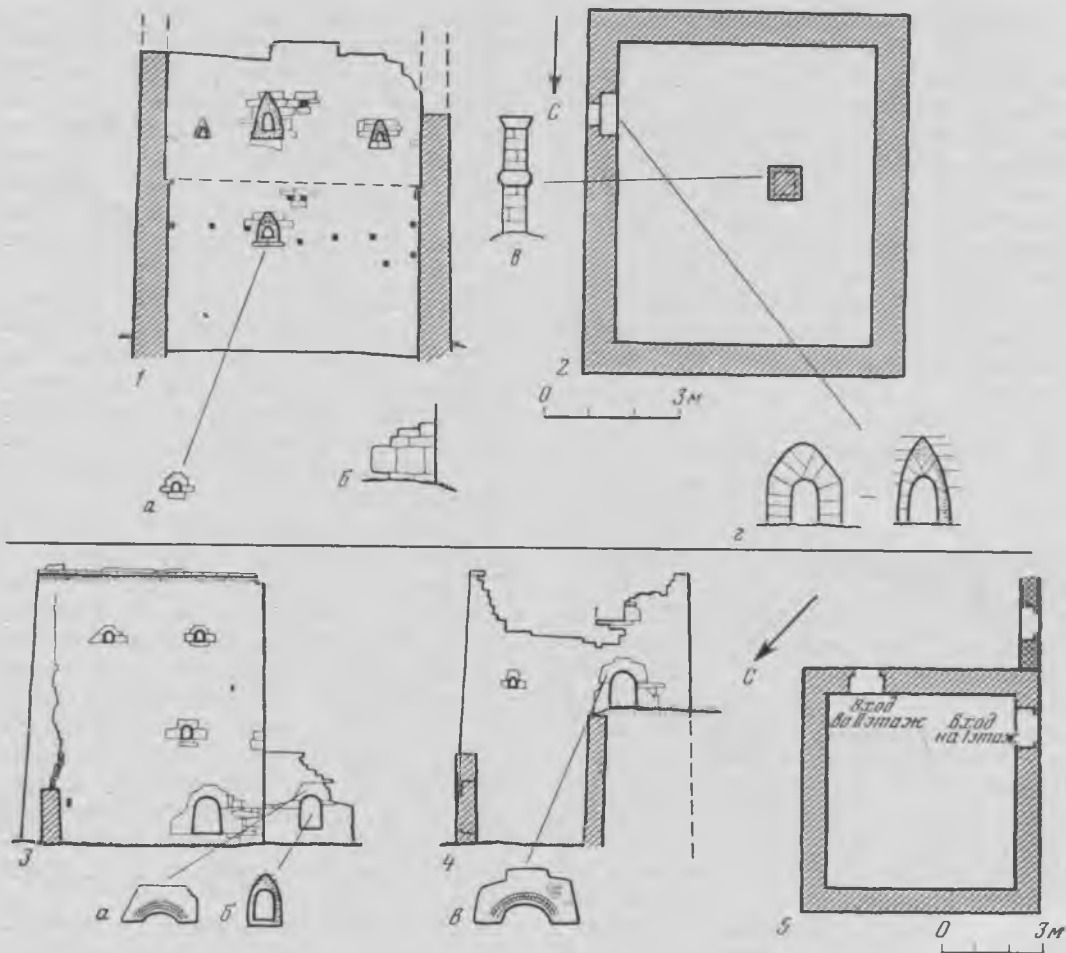
лившись в верховьях р. Гехи, Ако дал начало местному населению¹²⁰. По мнению Ю. Д. Дешериева, Галанчожская котловина является местом сложения чеченской народности¹²¹. Есть и другие варианты подобных преданий, но все они ясно указывают на бассейн небольшого озера Галанчож-Ами как на один из главных районов чеченской культуры¹²².

Озеро являлось священным, упоминанием его духов скреплялись клятвы¹²³. Легенды о происхождении Галанчож-Ами чудесны, они связаны с волшебным превращением пота огромного быка в безжизненную влагу озера¹²⁴ (напомню, воды его заражены сероводородом).

В районе озера в XIX в. побывал известный археолог В. Ф. Миллер¹²⁵. К местным памятникам проявили интерес Н. К. Зейдлиц и М. В. Иванов. Они дали суммарное описание некоторых аккинских башен¹²⁶. На местные постройки часто ссылается Бруно Плечке¹²⁷. В 1964 г. мне удалось побывать у озера с небольшой группой сотрудников (Н-Ф. Г. Полихрониди, М. Х. Багаев, С. С. Родченков)¹²⁸. Несколько позже башенные поселки в районе Галанчож-Ами осматривали С. Ц. Умаров и Р. А. Даутова.

Полные обмеры виденных нами памятников до сих пор не были опубликованы.

Башенные постройки в сел. Чармой. Здесь обнаружены три жилые башни. Две из них сильно повреждены, третья дает некоторое представление о местных постройках. В плане она прямоугольная (наружные размеры 8×7 м при толщине стен 0,70 м), сохранилась с южной стороны на высоту 6,50 м, кверху несколько суживается (рис. 30, 1, 2). Вход на первый этаж находится с восточной стороны, у самой земли, так как помещение углублено ниже дверного проема (размеры проема 1,05×0,90 м), который снару-

Рис. 30. Башенные памятники Чечни
 1, 2 — Чармохой: 1 — южная стена, вид внутри, а — вид окна снаружи, б — характер кладки, 2 — план: в — опорный столб, г — дверной проем — снаружи и изнутри (обмеры В. И. Марковина, 1964 г.), 3—5 — Муцарой: 3 — юго-западная стена, а — петроглиф, б — проем с внутренней стороны, 4 — северо-восточная стена, в — петроглиф (обмеры В. И. Марковина, 1964)

жи завершается округлой аркой, сложенной клиновидными блоками с примитивным замковым камнем треугольной формы. С внутренней стороны он расширяется ложнострельчатой нишей.

Внутри башни, вероятно, для опоры межэтажного перекрытия на высоте 3,50 м с западной и восточной сторон устроены карнизы из небольших выступающих плиток. Для этой же цели служил опорный столб, расположенный близ западной стены. По форме он напоминает четырехугольную колонну с основанием $0,55 \times 0,48$ м, расчлененную выступающими каменными «подушками» ($0,72 \times 0,63$ м). Столб сохранился на высоту до 2,55 м.

Южная стена имеет четыре окна с округлым завершением. Эти арки по-

вайнахским традициям высечены из крупных монолитов.

Башня сложена из каменных блоков различной величины, причем более крупные лежат у основания.

Постройки в сел. Муцарой разнообразны; среди современных домов выступают остатки средневековых жилых башен и довольно хорошо сохранившееся здание мечети. Эта постройка представляется довольно поздней (конец XIX—начало XX в), но она интересна наличием петроглифов. Здание строго ориентировано по странам света, вход в него ведет с южной стороны, и здесь, возле дверей, можно видеть петроглифическое изображение спирали и дату 1222 (все ее двойки напоминают цифру 4). Если это дата хиджры, то она равна 1807—1808 гг., но вряд ли это время постройки здания. Сделано оно по типу поздних мечетей, широко распространенных в селениях Ичкерии и предгорном Дагестане. С внешней стороны, возле михраба, имеется камень с весьма оригинальным изображением даты: две последние цифры, вероятно 23 или 24, изображены в виде фигурки животного. Эта дата — 1323 или 1324 (по хиджры) — равна 1905—1907 гг. н. э., что, скорее всего, соответствует времени возведения мечети. Здесь же, возле михраба, в кладке имеется древний арочный монолит с петроглифом (рис. 5, 13), в котором геометрические начертания и спираль сочетаются с изображением животных.

Лучше всего в сел. Муцарой сохранилась башня, которая принадлежала Сулейману из фамилии Саралиевых (рис. 30, 3—5). Он жил более ста лет назад, но башня была построена задолго до его жизни. Эта квадратная в плане постройка (7×7 м) сохранилась на высоту 8 м, толщина стен около 0,70 м. Углами она ориентирована по странам света. Фасад с входом на первый этаж расположен с юго-западной стороны. Входной проем с монолитным

арочным перекрытием расположен на высоте 0,30 м от современной поверхности. Высота его 1,10 м, ширина 0,70 м. С внутренней стороны он, по традиции, расширяется, завершаясь ложнострельчатой аркой. Выше устроены три оконных проема, один находится почти над дверью (0,38×0,30 м), а два на самом верху. Эта стена завершается выступающим карнизом из мелких плиток.

Юго-восточная стена башни Сулеймана снабжена двумя целевидными бойницами (0,30×0,17 и 0,30×0,12 м).

К ней пристроены два каменных забора. Один, отходящий от южного угла башни, имел вход, по конструкции ничем не отличающийся от башенного дверного проема. На его арочном камне высечен петроглифический узор: заштрихованная двойная дуга, повторяющая окружность арки, и над ней еще одна кривая с отходящими от нее «ресничками» (рис. 30, 3а).

Юго-восточная стена имеет дверной проем (1,12×0,74 м), который вел на второй этаж. Проем перекрыт арочным монолитом с петроглифом: заштрихованная тройная дуга, над ней изображены левая рука с условно переданными суставами пальцев и П-образный знак (рис. 30, 4в). Этот проем с внутренней стороны расширен, образуя нишу с ложнострельчатой аркой. Снаружи проем выходит на склон, который укреплен здесь каменной кладкой.

На этой же стене имеется небольшое окно (0,35×0,22 м), которое расположено на одном уровне с дверью. Две другие стены башни архитектурно мало выразительны, на них заметны лишь отдельные бойницеобразные отверстия. Опорный столб внутри башни не сохранился.

Башенное убежище на горе Нашхойлам. Находится оно к западу от сел. Муцарой, среди скал плотного светлого известняка. Устроено в скальной нише и труднодоступно. Обмеры его при-

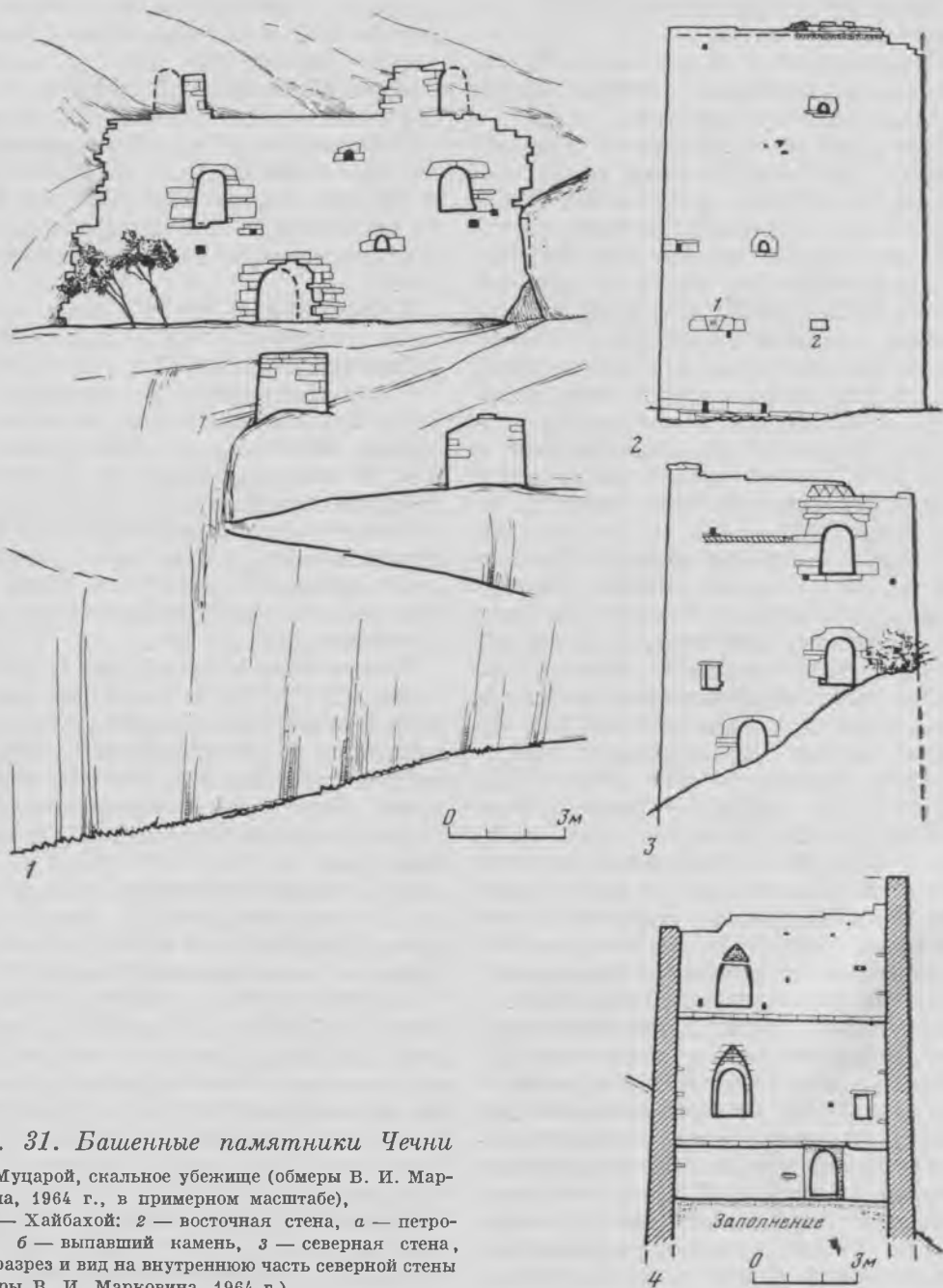

Рис. 31. Башенные памятники Чечни

1 — Муцарой, скальное убежище (обмеры В. И. Марковина, 1964 г., в примерном масштабе),
 2—4 — Хайбахой: 2 — восточная стена, а — петроглиф, б — выпавший камень, 3 — северная стена,
 4 — разрез и вид на внутреннюю часть северной стены (обмеры В. И. Марковина, 1964 г.)

шлось сделать в приблизительном масштабе ¹²⁹.

Башня находится на высоте около 12—13 м от поверхности травянистого склона (рис. 31, 1). При ее строительстве использовались лестницы, которые привязывали к каменным тумбам, расположенным несколько ниже самой постройки по краю скалы (нижняя тумба $2 \times 1,20$ м, высота 1,70 м; верхняя — $1,70 \times 1$ м, высота 1,50 м).

Длина фасада постройки около 12 м, высота сохранившейся части около 6,50 м. Посередине фасада, в его нижней части, устроен дверной проем. Сейчас он разрушен, мог иметь примерные размеры $1,50 \times 1$ м, с внутренней стороны расширялся, завершаясь, как это видно по отдельным клиновидным камням, ложнострельчатой аркой (дверная ниша могла иметь высоту около 2 м).

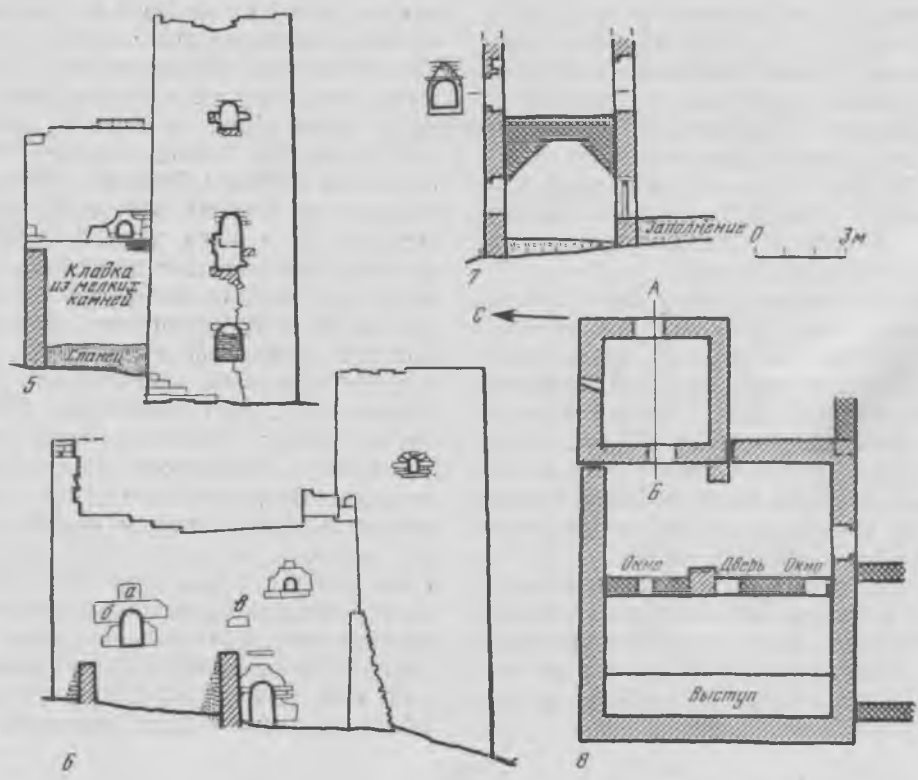
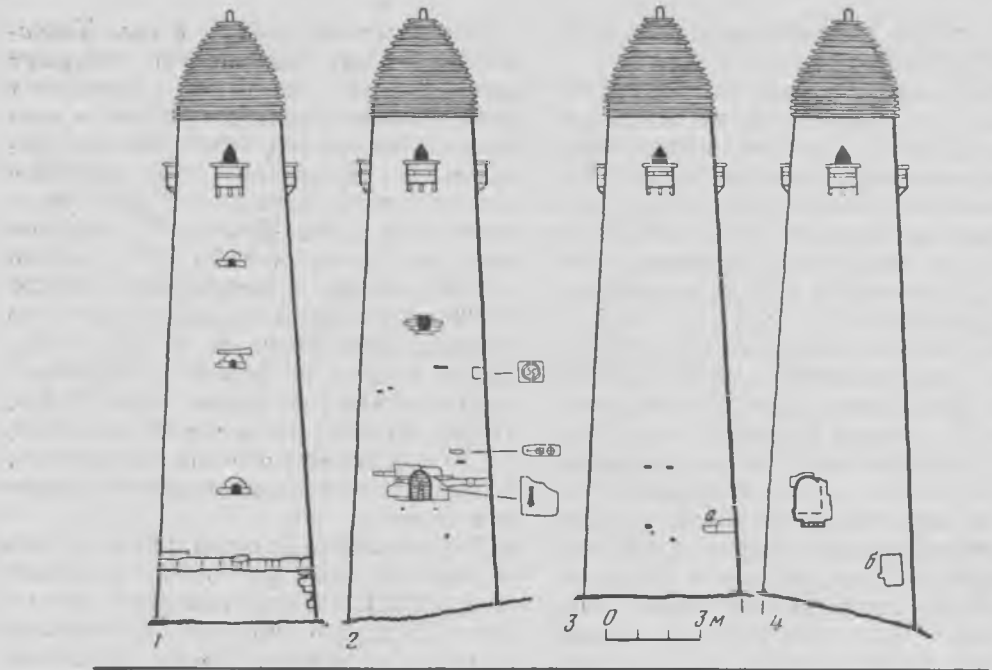
Справа и слева от нижнего входа, на уровне второго этажа, сохранились еще два дверных проема (около $1,25 \times 0,85$ м и $1,25 \times 0,95$ м). Они перекрыты округлыми арочными монолитами (у левой двери арка составлена из двух блоков). Над каждой дверью заметно по одному прямоугольному отверстию. Между дверями размещены два небольших оконных проема (около $0,40 \times 0,30$ м и $0,30 \times 0,35$ м), перекрытые арками-монолитами.

Убежище имело еще пару дверей третьего этажа. От них сохранились лишь боковые части, а у правой двери — арочный клиновидный камень. Думаю, что размеры их были стандартны — около $1,20—1,10 \times 0,75$ м. Потолочного перекрытия башня, скорее всего, не имела, его заменял навес скалы; если это так, то постройка могла достигать в высоту около 9—10 м.

Вполне возможно, что сообщение между этажами башни осуществлялось по мосткам, как это зафиксировано М. А. Ивановым для башенных построек Гажа и в отселке Итир-Кале (р. Акви-хи) ¹³⁰.

Башенные постройки в сел. Хайбахой (Хайбах). Селение это содержит значительный комплекс башенных руин, которые занимают большую площадь. В центре его, близ родника, возвышается прекрасно сохранившаяся боевая башня, зарисовка которой украшает труд В. Ф. Миллера ¹³¹, посетившего эти места в 1886 г. ¹³² Данная башня в плане прямоугольная ($5,10 \times 4,80$ м) и ориентирована углами по странам света (рис. 26, 4; 32, 1—4). Общая высота ее вместе со шпалеобразным камнем на кровле около 19,5 м. Кверху башня суживается до $3,25 \times 3,15$ м. Сложена она без фундамента. В основании ее лежат крупные каменные блоки.

Северо-восточная стена (фасад) имеет дверной проем ($0,95 \times 0,60$ м, сейчас он заложен), который находится на высоте 3,75 м. Его округлая арка выбита в двух сближенных блоках, на левом камне высечен петроглиф — плоскостное изображение руки вместе с кистью. Пальцами она обращена вниз. Скорее всего, это рисунок «длани» поверженного врага. Еще в первой половине XIX в. почти у всех горцев Кавказа (включая Грузию) бытовал обычай «отрезывать у убитых врагов кисти правых рук и в виде трофея прибавлять к стенам собственных домов» ¹³³. Такая рука увеличивала авторитет главы дома, магически укрепляла постройку. Данный петроглиф в несколько искаженном виде был опубликован В. Ф. Миллером ¹³⁴. Под описанным проемом видны четыре отверстия (одно из них заложено). Близ земли имеется узкая, горизонтально расположенная смотровая щель. Над дверным проемом, слева, устроена вторая смотровая щель, а над ней в стену сделан камень с петроглифом: изображение, напоминающее тележку с дышлом, а рядом с ней круг с завихрениями. Выше можно видеть еще три продольных отверстия (смотровые щели или бойницы), а в

правом углу башни — крупный камень (75×60 см) с изображением свастического знака.

На высоте 9 м устроен оконный проем (сейчас разрушен), на уровне 13,05 м от земли из стены выступает боевой балкончик — машикуль, который поддерживают три консоли треугольной формы (рис. 26, 4). Высота его с упорами 1 м, ширина 0,90 м, выступает из стены на 0,70—0,80 м. В передней стене машикуля сделаны два прямоугольных «глазка», к нему ведет дверной проем с ложнострельчатой аркой.

Юго-восточная стена имеет три оконных проема, расположенных по одной вертикали на разной высоте (4, 8 и 11,20 м от уровня земли). Все они перекрыты арочными монолитами (размеры проемов вверх от нижнего: 0,40×0,25; 0,25×0,20 и 0,25×0,20 м). Над окнами возвышается машикуль описанного типа.

Северо-западная стена имеет такой же машикуль и под ним — четыре целевидные бойницы. Рядом с ними в стену вделан петроглиф с зигзагами. Юго-западная, задняя, стена в нижней части проломлена. В ней устроен дверной проем. Он развалился, его примерные размеры 1,20×0,90 м.

Башня завершается пирамидально-ступенчатым покрытием, вершину которого венчает белый камень в виде закругленного столбика (цлогал). Высота его около 0,35 м, диаметр 0,20—0,25 м. Чешуйки ступенек (их 16) сделаны из черного шифера, а перемины меж-

ду ними, как и вся башня, — из желтоватого песчанистого известняка.

Башня эта, по сведениям Н. К. Зейдлица, бывшего здесь в 70-х годах XIX в., подвергалась неоднократно разрушениям¹³⁵.

Над сел. Хайбахой высится жилая башня неплохой сохранности. Эта постройка квадратного плана (7,70×7,70 м при высоте 11,20 м) ориентирована по странам света (рис. 31, 2—4). Кверху она суживается до 7,20 м. Фасад расположен с северной стороны. Он имеет три дверных проема, ведущих на все три этажа башни. Нижний проем (1,20×0,95 м) устроен в правой стороне стены, верхние (1,20×0,80 м и 1,45×1 м) — в левой. Все они перекрыты монолитными архивольтами с округлым арочным выемом. С внутренней стороны два верхних проема расширяются, образуя ложнострельчатые арки, сделанные напуском пристранных камней. Нижний проем с внутренней стороны примыкает к выступающим камням, на которых держалось перекрытие первого этажа, и поэтому стрельчатое обрамление у него отсутствует.

В этой же стене имеются прямоугольное окно (0,75×0,45 м) и четыре прямоугольных «паза». Стена интересно декорирована. На высоте 7,80—5,25 м от поверхности склона проходит фриз поребрика (наклонных каменных плиток). Он простирается на 2,50 м в длину. И затем, над верхним дверным проемом в стену вделано семь треугольных камней, положенных один на другой. Они образуют зигзаг. Эти декоративные отступления от общей монотонной кладки стены красочно оживляют ее.

Восточная стена башни снабжена двумя оконными проемами, которыми освещались второй и третий этажи. Окна завершаются традиционными арочными монолитами (архивольтами). По стене разбросаны отдельные отвер-

Рис. 32. Хайбахой, башенные постройки

1—4 — боевая башня; стены: 1 — юго-восточная, 2 — северо-восточная, 3 — северо-западная, а — петроглиф, 4 — юго-западная, б — развал (обмеры В. И. Марковина, 1964 г.), 5—8 — башенный комплекс: 5 — восточная сторона, 6 — южная сторона, а—в — петроглифы, 7 — разрез боевой башни по А—Б, 8 — план (обмеры В. И. Марковина, 1964 г.)

ствия — бойницы и смотровые щели (с внутренней стороны они расширяются). В нижнюю часть стены вставлен камень с изображением спирали. У самого верха сохранилось несколько камней от кровли. Внутри башни сохранились выступающие камни. На них лежали перекрытия этажей. Первый ряд таких камней, образующих своеобразный карниз, находится на высоте 1,50 м от земли, заполняющей башню, второй ряд — на высоте 5,20 м от того же уровня. Стены башни скреплялись между собой угловыми камнями. Постройка сильно углублена в склон и производит впечатление очень массивной.

Неподалеку возвышается еще один башенный комплекс (рис. 32, 5—8). Он состоит из боевой башни, соединенной с небольшой жилой постройкой. Боевая башня, квадратная в плане (5×5 м), пристроена к северо-восточному углу жилой, при этом стены их плотно пригнаны друг к другу, но нигде камни кладки не перемежаются.

Жилая башня имеет прямоугольную форму и ориентирована с востока на запад (размеры 10,40×9,10 м при высоте 10,25 м). Внутри она перегороджена в недавнее время поперечной стеной, имеющей два проема оконного типа (толщина этой стены 0,55 м). Стена сооружена возле остатков центрального столба башни, которым поддерживались этажные перекрытия. Опорный столб сложен из крупных каменных блоков, имеет квадратное сечение (0,85×0,85 м) и подушкообразный выступ (находится на высоте 0,70 м), обращенный к востоку. Напротив столба к боевой башне пристроен еще один выступ (он явно сделан после ее постройки), и им также поддерживалось перекрытие жилой башни. Он широк (1,50 м) и находится на высоте 3 м от пола.

Кладка башни выполнена крупными каменными блоками, которые часто

перемежаются с более мелкими плитами, только нижняя часть восточной стены, примыкающая к боевой башне, сложена небрежно из сравнительно небольших камней. В первый и второй этажи жилой башни можно было попасть из дверных проемов, расположенных в южной стене. Нижний проем (1,55×0,95 м) перекрыт монолитом с арочной выемкой. Над ним возвышается выступающая из стены плита в виде козырька. Входной проем второго этажа (1,30×0,75 м) выходит на уже описанный широкий выступ. На арке-монолите и на соседнем камне нанесены петроглифические рисунки: солярный знак и заштрихованные дуги с квадратами сложной конфигурации над ними. Еще один петроглиф имеется на отдельном камне: изображены две правые руки и неясные штрихи между ними.

Восточная стена, примыкающая к боевой башне, покоится на сланцевом материке. О некоторых ее особенностях уже говорилось. На высоте 4,35 м, на стыке фундаментальной и неряшливой кладки, устроен окопный проем (0,55×0,50 м), обрамленный сверху арочным монолитом и снизу каменным наличником.

Своеобразными особенностями обладает и боевая башня, органически входящая в описываемый комплекс. Ее фасад обращен на восток. В этой стене имеются три проема. Нижний (1,20×1 м) расположен на высоте 1,50 м от уровня склона. Его закругленный арочный верх, как и у других проемов, выложен напуском пристроенных камней.

К сожалению, два других проема разрушены в нижней части.

С южной стороны на уровне третьего этажа (на высоте 9 м от склона) устроено окно (0,50×0,35 м). Его арочное перекрытие сложено из пристроенных камней с примитивным «замком» треугольной формы. С северной стороны

на том же уровне имеется подобное же окно, а ниже — три узкие бойницы (0,20×0,10—0,07 м). Вероятно, переход из жилой башни в боевую осуществлялся по мосткам, но затем в новейшее время в западной стене боевой башни был проломлен дополнительный вход (1,45×0,90 м) с подпорками из бревен.

Помещение первого этажа башни имеет ложное сводчато-купольное перекрытие, сделанное напуском камней. Центральная его часть (примерно 1×0,80 м), имеющая вид прямоугольника, устелена крупными плитами. Общая толщина межэтажного покрытия составляет около 0,80 м. На втором этаже это перекрытие образует ровную площадку. Почти на уровне ее в западной части жилой башни прорублен проем, соединявший вторые этажи обеих башен.

Интересна и еще одна деталь. С внутренней стороны над входными и оконными проемами боевой башни устроены ниши — попросту горизонтальными каменными плитами отсечены верхние части стрельчатых арок.

Башенные постройки сел. Галанчож. Здесь неплохо сохранились две башни. Первая из них, прямоугольная в плане (9×7,25 м), ориентирована с севера на юг (рис. 28, 1; 33, 1—5). Сохранилась она на высоту 8 м. Кверху постройка суживается до 8,50×6,50 м. Толщина ее стен достигает 0,75 м.

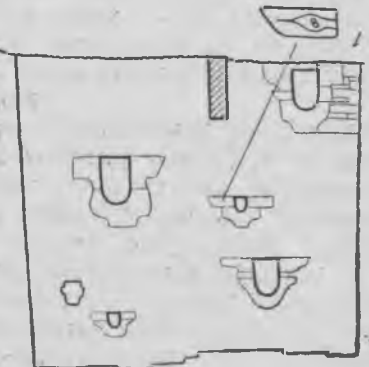
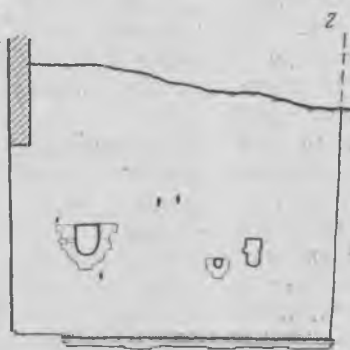
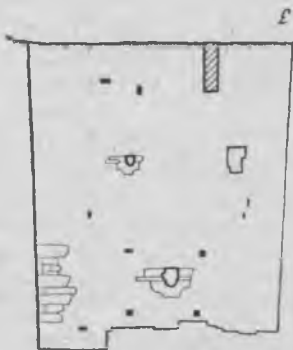
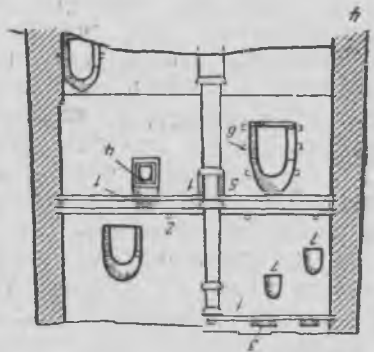
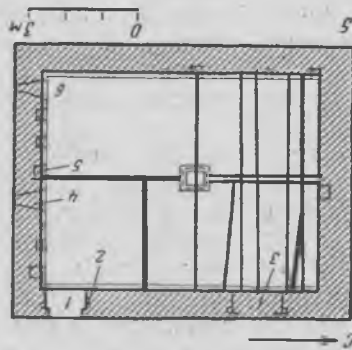
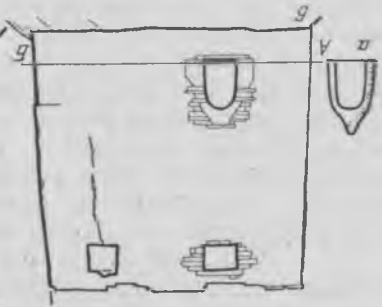
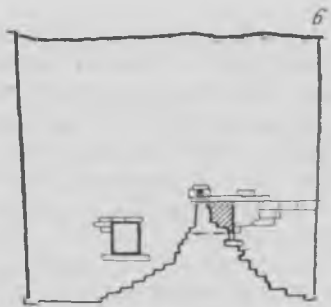
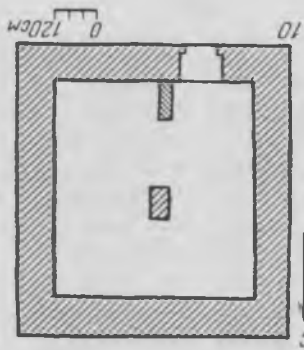
Восточная стена башни является фасадом. В ней три дверных проема, ведущих соответственно на три этажа башни. Размеры проемов: нижнего — 1,05×0,75 м, среднего — 1,25×0,85 м и верхнего — 1,05×0,75 м. Все они перекрыты монолитными камнями с закругленными арочными выемками, с внутренней стороны расширены, проемы первого и второго этажей завершаются ложнострельчатыми арками, а третьего этажа — округлой, сложенной, как и предыдущие, напуском кам-

ней. По бокам проемов, как и в других башнях, имеются прямоугольные пазы, в них задвигались засовы, после того как двери прикрывали щитами. Два оконных проема этой стены (0,45×0,30 м) также перекрыты арочными монолитами. Один из них (с деревянной прямоугольной рамой) с внутренней стороны завершается ложнострельчатой аркой.

Южная узкая стена выглядит довольно глухой, монотонность ее кладки разбивается лишь двумя окнами описанного типа (они освещали второй и третий этажи) и четырьмя узкими бойницами (0,25×0,15 м), щели которых внутри башни расширяются до 0,50×0,15 м. В стене имеются также четырехугольные углубления, расположенные возле верхнего окна.

Западная широкая стена снабжена сверху дверным (0,85×0,55 м) и оконными проемами с арочными монолитами. Эти проемы предназначались для третьего этажа. Под ними расположены две бойницы. На самом веру стены видны выступающие плиты карниза. Северная стена глухая, перекрытие у башни не сохранилось.

Внутри башни на высоте 1,50 м от поверхности ее заполнения проходит выступающий карниз, которым поддерживалось перекрытие первого этажа. Однако с южной стороны он был сделан выше на 0,3 м, а с северной стороны его вообще не было. Подобный карниз, предназначенный для поддержки перекрытия второго этажа, проходил вдоль западной и восточной стен на высоте 4,50 м от основания. Для крепления межэтажных балок служил такой же опорный столб, поставленный в центре башни и сложенный каменными блоками. Четырехугольное основание этой колонны массивно — 0,58×0,51 м, кверху она суживается до 0,32×0,28 м. Пять выступающих опорных «подушек» членят ее на четыре неравные части. Остатки перекрытий

второго и третьего этажей позволили установить конструкцию опор (рис. 22, 4). Деревянные балки четырехугольного сечения одним концом входили в специальные пазы, сделанные в стенах, другим — покоились на «подушке» колонны. Сверху на балках лежали поперечные бревна, которые опирались на межэтажные карнизы восточной и западной стен. Толщина такого настила не превышала 0,50 м. Интересно, что балки нижней части перекрытия, служившие потолком второго этажа, подходили снизу к «подушке» колонны, а для того, чтобы они не соскользнули, их поддерживали обрубки бревен и удлиненный камень, упиравшийся в нижележащую подушку. Потолок третьего этажа поддерживала балка, проходившая вдоль всей башни. Она также опиралась о самую верхнюю подушку — капитель колонны и входила в пазы северной и южной стен. На ней лежали поперечные балки, а сверху — настил из хвороста. Внутри описанной башни сделано много ниш хозяйственного назначения.

Вторая крупная башня принадлежит к постройкам полубоевого типа. Она находится в 300 м восточнее предыдущей, за речкой (рис. 34, 1, 2). Это прямоугольное в плане сооружение (13,50×6,50 м) ориентировано углами

по странам света. Внутри помещение перегорожено в недавнее время на две половины. Фасад находится с юго-восточной стороны. Три дверных проема расположены почти по диагонали стены и идут вверх от южного (правого) угла здания. Размеры проемов: нижнего — 1,35×0,95 м, среднего — 1,05×0,90 м и верхнего — около 2×0,90 м (расширен в недавнее время). Два первых проема перекрыты арочными монолитами (архивольтами), причем камень дверей второго этажа украшен петроглифом — П-образными знаками и стрелой, выходящей из круга. Арка третьего проема сделана напуском каменной. К этим дверям подходит сейчас наружная каменная лестница, сложенная очень шершаво, по бокам их можно видеть два небольших окна (около 0,45×0,30 м), перекрытые арочными монолитами. Над левым окном устроен козырек в виде плиты, выступающей из стены. На высоте 6—6,50 м от уровня земли здание суживается, образуя уступ. В этой части юго-восточной стены имеется еще один небольшой оконный проем, слева от него — бойница, выше — второй козырек неясного назначения. Близ южного угла здания, на самом верху, сохранилась пара консолей от обвалившегося машикуля, здесь стена достигает в ширину 12 м.

Юго-западная узкая стена оснащена прекрасно сохранившимся балковчиком — машикулем (ширина его около 1 м, высота перил 0,35—0,40 м), ниже которого находится небольшой четырехугольный проем. Интересно, что над машикулем также имеется козырек из выступающей плиты. Северо-западная широкая сторона снабжена двумя дверными проемами (они вели на второй и третий этажи) и двумя машикулями, расположенными по бокам верхнего проема. Северо-восточная стена глухая. Постройка пристроена к склону, высота здания около 12 м.

Рис. 33. Башенные памятники Чечни

1—5 — Галанчож, жилая башня 1: 1 — восточная стена, 2 — западная, 3 — южная, а — проломы, 4 — разрез и внутренний вид восточной стены: а—б — балки, в — настил хвороста, г — оконная рама, д — каменная подпорка, ж — паз для засова, з — оконные проемы, 5 — план: а — дверной проем первого этажа, б — паз для засова, в — дверной проем второго этажа, г — бойница, д — ниши, ж — разрушенная бойница; утолщенной линией отмечены остатки перекрытия второго этажа, толстой — третьего этажа (обмеры В. И. Марковина, 1964 г.), 6—10 — Кезеной (замок Алдам-Гези), башня Дауда (стены: в — южная, 7 — восточная, 8 — северная, 9 — западная, 10 — план: а — дверной проем с внутренней стороны (обмеры В. И. Марковина, 1961 г.)

Эта башня в отличие от обычных боевых сооружений лишена присущей им симметричности, она снабжена машикулями довольно архаического типа — без ложнострельчатых проемов, которые обычно бывают устроены за балкончиком. Данная постройка несомненно представляет значительный научный интерес, так как совмещает в себе черты, присущие жилым и боевым башням.

Памятники в районе озера Кезеной-Ам (Къэбъзан Iам)

В районе высокогорного озера Кезеной-Ам располагалось исторически сложившееся чеченское общество Чеберлой (Чебирла, Чебирлой), территория которого частично захватывала верховья р. Шаро-Аргун и граничила с землями Дагестана (Технуцал, Чама-

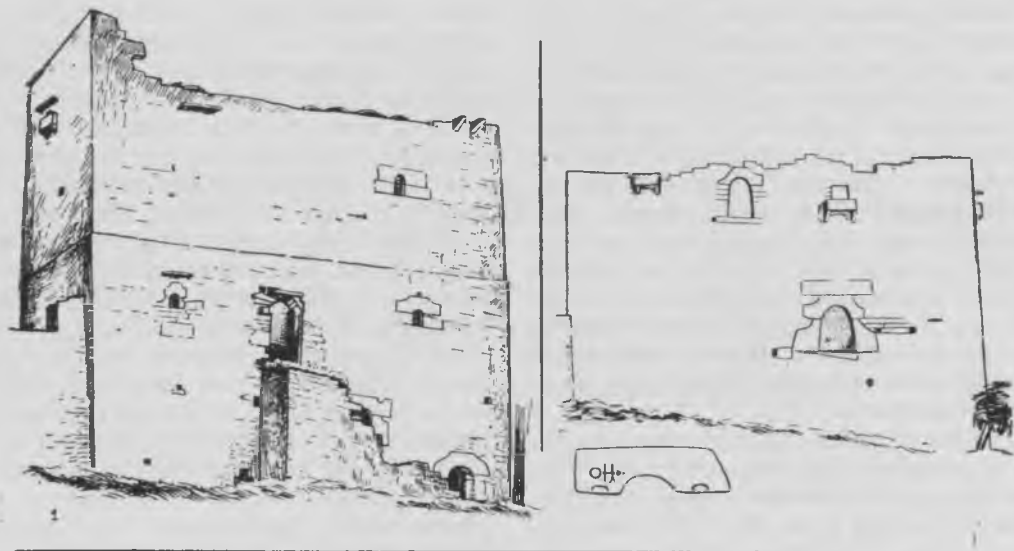

Рис. 34. Башенные памятники Чечни (зарисовки В. И. Марковина)

1, 2 — Галанчож, башня 2 (вид с юго-востока и северо-западная стена; петроглиф); 3 — Макажой, башня, перетрещенная в мечеть

Рис. 35. Архитектурные памятники горной Чечни

1, 2 — боевая башня у сел. Харкарой, 3 — сел. Кезеной, вход в башню Дауда, 4 — башня у сел. Ачало

Рис. 36. Хой, боевая башня (рисунок В. И. Марковина)

лал и др.). Этот участок Чечни археологически слабо изучен, хотя его посетили Н. К. Зейдлиц, К. Н. Россиков, А. Россикова, К. Ф. Ган, Н. В. Буш, Г. А. Вертепов и др. В 1936 г. некоторые местные архитектурные памятники осмотрел А. П. Круглов (более всего привлек его внимание замок Алдам-Гези)¹³⁶. В 1956—1965 гг. отряд, руководимый мной, неоднократно посещал высокие нагорья Чаберлоя. В дальнейшем местные памятники изучал С. Ц. Умаров¹³⁷. Свообразие местных архитектурных объектов уже побудило меня детально описать наиболее интересные памятники Чаберлоя¹³⁸.

Чаберлоя густо насыщен памятниками архитектуры, именно в этой части Чечни могли встречаться чеченцы и дагестанцы (народы аварской языковой группы). Вероятно, только незнанием местных поселков можно объяснить утверждение А. Ф. Гольдштейна, что в районах Чечни, смежных с Дагестаном, нет жилых башен¹³⁹. Это совершенно неверно.

Замковый комплекс сел. Кезеной (Къозана). Наиболее древнее ядро поселения представляет собой целый архитектурный ансамбль, который местные жители называют замок Алдам-Гези (Алдам — ГІкзин ков — «Укрепление Алдама, сына Гези»)¹⁴⁰. Алдам считается выходцем из Нашаха. Замковый комплекс состоит из цитадели, расположенной на огромной мергелевой скале, группы полуразрушенных зданий (мечети и какого-то более старого культового здания) и жилой башни. Ее называют башней Дауда. Эта прямоугольная постройка (в плане 6,80×7,36 м) сверху суживается. Дверной проем, ведущий на первый этаж, перекрыт монолитной плитой с арочной выемкой (рис. 35, 3). Башня имеет центральный столб, на котором покоилось перекрытие (рис. 33, 6—10). С востока, вдоль упомянутых зданий, проходит тропа в цитадель (такое наименование дано условно). Она вьется по уступам мергелевых скал, на которых можно видеть петроглифы: сцену охоты на оленя и змеевидный узор со скобами.

Внутри цитадели, обнесенной стеной, сохранились остатки загонов для скота, постройка новейшей работы, а главное — фундамент боевой башни (7×7 м).

Датировать описанный комплекс трудно, но, исходя из наблюдений П. П. Закарая о возникновении в Шида-Картли (Грузия) основной массы замковых комплексов в XVI в.¹⁴¹ и учитывая более позднее появление в Чечне феодализирующихся фамилий¹⁴², я бы

отнес ориентировочно замок Алдам-Гези (без мечети) к XVII в.

Башенные постройки в сел. Хой. Местный комплекс средневековых построек представлен руинами пяти жилых башен и одной боевой, здесь имеется здание довольно поздней мечети. Около ста лет назад архитектором хойских башен восхищался Н. К. Зейдлиц¹⁴³.

Местные жилые сооружения мало чем отличаются от упоминавшейся башни Дауда, но они богато украшены петроглифами, сюжеты которых многообразны: фертообразные фигуры, изломанные линии, кресты в кругах, скобы и проч. (рис. 29, 3, 4). Однако наибольший интерес представляет боевая башня (размеры основания 5,70×5,60 м при высоте 16 м; рис. 6, 5—9; 36). Вход в башню, ведущий сразу на второй этаж, устроен с юго-восточной стороны. Арочная конструкция этого проема (1,30×0,80—0,70 м) завершается примитивным замковым камнем. Больше входных проемов в башне нет, вероятно, для движения по этажам использовались внутренние лестницы. Постройка была хорошо освещена — сохранилось пять оконных отверстий. Изумляет великолепная декорировка здания. Три стороны его украшены углубленным тамгообразным знаком, напоминающим букву «Т». Возможно, это сильно стилизованное изображение креста — «голгофы», довольно часто встречающееся на вайнахских постройках. Помимо этих «тамг», стены башни украшены крестообразными треугольными углублениями и линейным пояском из таких же углублений. На ее юго-западной стене имеются камни с линейными и круговыми петроглифами. Завершают конструкцию башни остатки выступающих машикулей, полностью проходящих вдоль всей ее верхней части.

Памятники сел. Макажой. Руины башенного поселка расположены за вос-

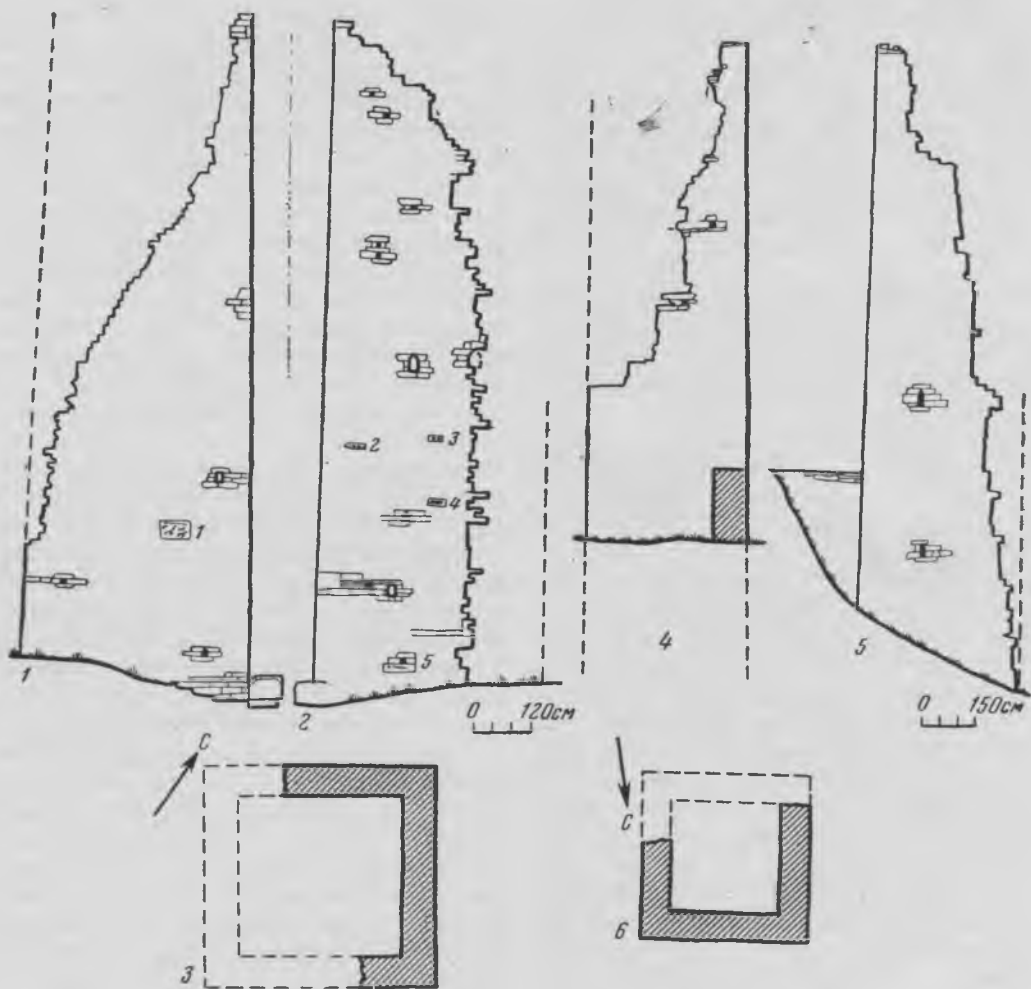
точной частью сел. Макажой, у каньона р. Чаро-Ахк. Стоящая здесь жилимая башня (основание 11×9,50 м, наибольшая высота 9,50 м) богато украшена петроглифами («рука мастера», кресты в кругах, зигзагообразный узор и др.), в 1240 г. хиджры (1824—1825 гг. н. э.) была перестроена в мечеть, о чем свидетельствует надпись на арабском языке, вмонтированная в восточную стену здания. Тогда, вероятно, к башне пристроили михраб (рис. 34, 3) и помещение ее перегородили. В этих работах активное участие принимал, как читает эту надпись Л. И. Лавров, Хамза Аварский¹⁴⁴.

Неподалеку высятся руины двух боевых башен (площадь оснований 4,80×4,80 и 4,75×4,75 м), которые, как представляется мне, являлись характерными вайнахскими постройками этого типа (рис. 37, 1—6). Одна из них украшена петроглифами (рис. 5, 11, 12, 14): двойной спиралью, зигзагом, изображением оленя и двух ланок (в спину самца направлен лук со стрелой).

Среди руин также изображены петроглифы (рис. 29, 5, 7): спиралевидные узоры; несомкнутый ромб, заключенный в треугольник; круг с шестью лучами («спицами»), отходящими от центра; два перевернутых П-образных начертания; антропоморфно-птицеобразная фигура в сочетании с перекрещенным кругом, свастическим знаком и простым кругом и проч.

В западной части сел. Макажой также обнаружены руины с петроглифами. Так, на арочном камне (рис. 29, 6) можно видеть солярные знаки, П-образные начертания, антропоморфные и змеевидные изображения. Эта плита перекрывает вход в разрушенную жилую башню (величина здания 5,58×4,45 м, толщина стен 0,55 м). На одном каменном блоке, вделанном в ее стену, имеется дата 1280 г. хиджры, т. е. 1863—1864 гг. н. э. Возможно, в это время башня перестраивалась. По сло-

вам старожила и ее современного хозяина Насипа Юсупова, она принадлежала Нуге (башня Нуге) и была построена за семь поколений до него — примерно в конце XVI—начале XVII в.

В этой же части селения в новой постройке был найден старый камень с петроглифом в виде креста. Один конец у него загнут кверху.

Памятники сел. Харкарой (Харкалой, Хьаркьруо). Здесь на скалах горы Харкарой-лам расположена боевая башня (5×5 м при высоте около 17,05 м;

рис. 35, 1, 2). Ее фасад (юго-западная стена) снабжен дверным и двумя оконными проемами. Арки их приострены и сложены клиновидными камнями. У входа вмонтирован блок с геометрическим узором. Другие стены имеют бойницы и смотровые «глазки». На юго-восточной стене виден петроглиф — «рука мастера». Башня завершается остатками балконовидных машикулей, за которыми заметна обрушившаяся кладка с обычными для вайнахских боевых построек проемами. «Балкончики» вы-

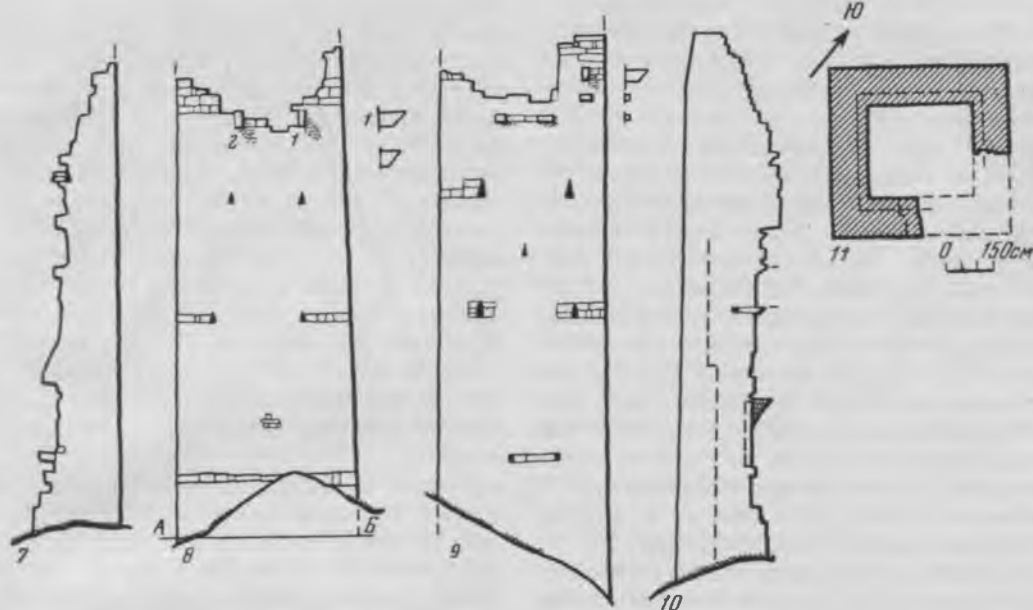

Рис. 37. Башенные памятники Чечни

1—3 — Макажой, боевая башня I: 1, 2 — северо-восточная и северо-западные стены, цифрами обозначены петроглифы, 3 — план (обмеры В. И. Марковина, 1961 г.), 4—6 — там же, башня 2: 4, 5 — северная и западная стены, 6 — план (обмеры В. Т. Крымасова, 1961 г.), 7—11 — Ачалю: 7 — северо-восточная стена, 8 — северо-западная, 9 — юго-западная, 10 — юго-восточная, 11 — план (обмеры В. И. Марковина, 1965 г.)

несены на консоли, нижняя часть образовавшегося парапета угловатая («зубчатая»).

Среди руин, окружающих башню, обнаружены петроглифы: круг с пятью лучами и непонятное изображение в виде сплющенного овала с двумя «хвостами» (арба ?); сочетание древовидной фигуры, фалла, правой руки и П-образных знаков; изображения крестов, скоб и лучей (на камне — 60×38 см); кресты в кругах и геометризованные фигуры (на камне — 111×23 см); изображение козла и крестов в кругах (камень — 80×26 м) и проч.

Руины у сел. Джалжк (к северу от Макажой). Местные средневековые по-

стройки сильно разрушены. Среди них обнаружены петроглифы, высеченные на двух арочных монолитах (рис. 29, 9); от дуги, идущей по контуру арки, отходят спирали, в центральной части камня — двуволнотное изображение, осложненное углом, справа — крест, упрощенный лабиринт и правая рука (длина камня 132 см, высота 68 см); сложный зигзаг с точками, в центре — стилизованная орнаментальная фигура и рука (контуры ее слабы), справа — триквестр (монолит — 122×75 см).

Руины сел. Тундук (Тундакха). Через овраг, к западу от Макажой, возле каньона небольшой речки возвышаются руины. Здесь же стоит здание мечети, построенной, вероятно, в конце XIX в. Оно украшено двумя кольцами, высеченными из желтого песчаника. Кольца свободно покачиваются в каменных петлях. Среди каменных стен найдены два петроглифа: спирали и дуги; одиночная спираль.

Руины у сел. Орсой (к востоку от сел. Макажой, у устья каньона р. Ансалта). Среди местных руин обнаруже-

ны четыре постройки с петроглифами: три П-образных знака в перевернутом положении; сложная решетка с точками. Здесь же найдены остатки степ циклопической кладки: отдельные каменные блоки превышают в объеме 1 куб. м. Подобные постройки были известны ранее в районе селений Эгикал, Дошхакле, Хамхи, Цеча-Ахк и в других пунктах¹⁴⁵. Их средневековый возраст сейчас у меня не вызывает сомнений, особенно после исследований С. Ц. Умарова в Цеча-Ахк и некоторых обобщений М. Б. Мужухоева¹⁴⁶, хотя до сих пор, по старой традиции, (все циклопическое — древнее) датируют их порой временем до н. э.¹⁴⁷ (несколько лет назад такие датировки были предложены Е. И. Крупновым и вошли в работы других исследователей)¹⁴⁸.

Из краткого и обобщенного описания памятников Чаберлоя видно, насколько важен этот район для археологического и историко-архитектурного изучения. Большое количество средневековых построек, многие из которых украшены петроглифами, обилие их на могильных сооружениях — стелах и склепообразных надгробьях — все это придает неповторимый облик местным памятникам старины, да и всему окружающему поистине грандиозному пейзажу: скальные платформы Чаберлоя уступами снижаются в сторону Дагестана, чтобы затем снова взметнуться вверх уже в пределах горной Аварии. Здесь нет естественных границ между землями чеченцев и дагестанцев. Вероятно, данное обстоятельство играло немаловажную роль в культурных контактах между соседними народами. Некоторые боевые башни Чаберлоя менее высоки, чем вайнахские постройки более западных районов, они шире, приземистее, особенно выразительна в этом отношении хойская постройка. Машикули, охватывающие по периметру всю ее верхнюю часть, не характерны для вайнахского зодчества, но в Дагестане изредка их

можно видеть¹⁴⁹ (для дагестанских памятников более характерны машикули, выступающие углом). Выше уже говорилось о взаимосвязи между архитектурой башенных построек и минаретами мечетей. Декоративное оформление балконов некоторых минаретов дагестанских мечетей очень напоминает машикули хойской башни¹⁵⁰. Рядом с Чаберлоем в дагестанском сел. Анди мне удалось в 1950 г. зарисовать круглый минарет, карниз которого был украшен подобным же образом. В свою очередь близкую по стилю трактовку башенных машикулей и верхних частей культовых построек можно встретить в Азербайджане¹⁵¹.

Мечети в Макажое, Хое, Харкарое и других пунктах созданы в строительных традициях, также несущих некоторые дагестанские черты (сильно выступающие и приподнятые над землей михрабы, цельнокаменные кольца и другие детали)¹⁵². Это вполне понятно, так как основная масса мечетей появилась в Чечено-Ингушетии поздно — с оживлением проповеди ислама в XIX в.¹⁵³

Архитектурные памятники Чаберлоя было бы очень важно в дальнейшем изучать параллельно с подобными памятниками на соседней территории Дагестана. Это дало бы возможность полнее выяснить степень взаимовлияний чаберлоевцев и дагестанцев (аварцев и андоцев) в средние века.

Памятники других районов Чечни

Башня Ачалю. В 1965 г. удалось измерить одну труднодоступную боевую башню в Шароевском обществе. Расположена она на правом, скалистом, крае долины р. Кело, к северо-востоку от сел. Ачалю (рис. 35, 4; 37, 7—11).

Башня ориентирована углами по странам света. Восточный ее угол пол-

ностью обрушился. Площадь основания $5,50 \times 5,20$ м, внутри башни на том же уровне она составляет $3,25 \times 2,75$ м. Толщина стен у нее различна: фасада (у обрыва) — 1,20 м, остальных стен — 1,05 м. Так как башня построена на крутом склоне, то высота ее с разных сторон неодинакова: у фасада — 17,80 м, у задней стены — 15,06 м.

Фасад башни — юго-восточная стена сохранилась плохо. На высоте 2,75 м от поверхности склона в ней сделан дверной проем высотой около 2 м. С внутренней стороны он расширяется, завершаясь ложнострельчатой аркой. Выше расположен второй проем, высота которого ненамного больше 1,20 м. Под ним имеется сквозная смотровая щель.

Юго-западная боковая стена сохранилась хорошо. В ней устроены две смотровые щели, а над ними — пять приостренных бойниц ($0,50 \times 0,20$ и $0,70 \times 0,25$ м), которые изнутри расширяются. Наверху сохранились четыре выступающих камня. Средние служили упорами для балконообразного машикуля, назначение боковых камней не очень ясно, возможно, чисто декоративное.

Северо-западная, задняя, стена снабжена четырьмя треугольными бойницами, которые расположены по две в ряд на уровне бойниц боковой стены. Над ними возвышаются два приостренных упора от машикуля. Северо-восточная, боковая, стена сохранилась плохо. В ней заметна лишь одна бойница. Возможно, эта стена была почти глухой.

Судя по расположению бойниц, башня могла быть пятиэтажной. Внутри нее имеется выступ, опоясывающий все стены. На нем держалось перекрытие третьего этажа. Для крепления балок перекрытий других этажей служили специальные нишеобразные пазы. К сожалению, детально исследовать внутреннюю конструкцию башни из-за

ее ветхости не удалось. Своими пропорциями и устройством башня Ачало напоминает только что описанные постройки селений Макажой и Харкарой.

Башня у сел. Харачой. Она некогда стояла к северо-востоку от сел. Харачой, на скалистом мысе — выступе горы Циэберб, у места слияния двух небольших рек. Фундамент башни (около 7×7 м) окружен культурным слоем XII—XIV вв., содержащим керамику с прочерченным и волнистым узором, кости животных. Трудно сказать, можно ли связывать подобные находки со временем строительства башни. Судя по виденной мной почтовой открытке с изображением Харачоевской башни¹⁵⁴, это была высокая, довольно стройная постройка боевого назначения, снабженная четырьмя машикулями и завершающаяся пирамидально-ступенчатым верхом. К концу XIX в. башня уже была сильно наклонена, о чем пишут Н. Семенов и А. Россикова¹⁵⁵. Н. Семенов приводит ее очень суммарное описание. Постройка эта была «формы четырехгранной пирамиды с усеченной верхушкой, сложена из дикого камня». «Потолок», вероятно, второго этажа имел «крест» (гурт)¹⁵⁶. Оба указанных автора приводят предания, связанные с башней. Построена она была семью сыновьями красавицы Эрте-Эмиль. Гордость руководила их каждым поступком, они стремились не походить на других людей и, вероятно, поэтому в башне хранили живую воду. В отсутствие сыновей Эрте-Эмиль, не зная чудодейственности воды, выстирала в ней белье, а помой вылила во двор. Здесь их выпили петух и барашек. С тех пор братья не стали жить дома, они бродят по свету. Балка, по которой теперь течет р. Сунжа, это кровавый след змея, убитого ими (братья отрубили ему голову). А Эрте-Эмиль с петухом и барашком все еще ищет своих сыновей¹⁵⁷.

Харачоевская башня находилась на границе Ичкерии и Чаберлоя. По сведениям Б. Плечка, лишь в Харачое имелись башенные постройки, так не характерные для лесистой Ичкерии¹⁵⁸.

Несомненно, представленный здесь материал фрагментарен, и все же он дает достаточно емкое представление о чеченской народной архитектуре, применявшихся строительных приемах, элементах декора. Все это позволяет сделать некоторые обобщения.

Несколько слов о петроглифах. Их изучение может явиться темой особой и большой работы. И вайнахские петроглифы надо рассматривать не только как произведения искусства, но и как особую знаковую систему. Даже беглое сравнение их с подобными рисунками Дагестана показывает не только иные композиционные связи между отдельными петроглифическими элементами, но и иной их состав. В Дагестане чаще встречаются всевозможные комбинации спиралевидных узоров, переходящих порой в довольно сложные лабиринты. Богаче сюжетное содержание дагестанских петроглифов (сцены охоты, шествие всадников и проч.). Однако среди вайнахских изображений чаще встречаются буквообразные знаки, отдаленно напоминающие литеры грузинского письма¹⁵⁹. Но это лишь беглое сходство, а не тождество. Только подход к петроглифам как к особым семиотическим системам, информационным знакам, связанным с преданиями, событиями жизни местного населения, может быть, позволит не только решить вопросы общего характера (с какой целью высекали петроглифы), но и подойти к конкретному «прочтению» их. В данной работе я стремился лишь опубликовать некоторые известные мне петроглифические изображения.

Сложен для изучения вопрос о времени строительства башен. Е. И. Крупнов вслед за Л. П. Семеновым¹⁶⁰ счи-

тал типологически древнейшими жилые башни и предлагал относить их по времени возникновения к XII—XIV вв.¹⁶¹ Указанные даты в определенной степени подкрепляются раскопочными работами С. Ц. Умарова и М. Б. Мужухоева¹⁶². Однако это не означает, что именно в этот период все жилые башни были уже построены и в дальнейшем не воздвигались. Несомненно башни строили и позже, а наиболее ранние и уже разрушающиеся могли многократно подновлять. И конечно, только в позднее время при строительстве стали употреблять известковый раствор.

Большие трудности для датировки представляют боевые башни. Их возникновение Е. И. Крупнов относил к XIV—XV вв., причем типологически ранними среди них он считал плосковерхие постройки¹⁶³. Боевые башни, по мнению С. Ц. Умарова, можно датировать XV—XVII вв.¹⁶⁴ К концу XVIII в., как он отмечает, «башенное строительство в крае приходит в полный упадок»¹⁶⁵. Сходство построек, завершающихся пирамидально-ступенчатым покрытием, с определенной категорией склепов (по форме они напоминают срезанную верхушку башни, но без машикулей, эти склепы так сейчас и называют «башенными» или «башенного типа»), отмеченное в литературе¹⁶⁶, позволяет датировать возникновение башен на основе археологического материала, найденного в склепах. Так, в башенных склепах, стоящих возле ингушских сел. Оздик, найдены вещи, относящиеся к первой половине XIV в.¹⁶⁷, а в сел. Харпе — иранские ткани XV—XVI вв.¹⁶⁸

Можно было бы датировать боевые башни по их фортификационному оснащению. Но тут имеются свои трудности. Бойничные амбразуры обычно сделаны со всех четырех сторон, надежно защищая подступы к башням. Сильно расширяясь с внутренней сто-

роны, они позволяли вести огонь по противнику из луков, а большие амбразуры над машикулями — использовать даже специальный лук для метания камней и обожженных глиняных шариков¹⁶⁹. Интересно, что Г. Прокровьев, военный инженер, осматривавший боевые башни в 60-х годах XIX в., писал, что все они «построены во времена употребления луков, потому что имеют малую толщину стен, не свыше 1 аршина (71,12 см. — В. М.), машикуля (лучную навесную стрельницу) и приспособление к лучшей фланкировке»¹⁷⁰. Автор этого сообщения, конечно, приуменьшил военные достоинства горских построек, имея в виду их возможность устоять против артиллерийского огня.

Однако в башнях встречаются и узкие бойницы, которые могли служить для ведения ружейной стрельбы. Как видим, датировать смену приемов ведения боя из башен, подобных вайнахским, очень сложно, как непросто решить и вопрос о появлении огнестрельного оружия у горцев. Обратимся немного к истории вопроса.

Впервые какое-то «гремящее, хлопающее» оружие (с пороховым зарядом) было применено в 1331 г. при императоре Людовике Баварском, далее известно употребление порохового оружия в 1334, 1340 гг.¹⁷¹ Но, как пишет Г. Дельбрюк, применение пороха не есть еще изобретение огнестрельного оружия¹⁷². В виде «самопалов» оно постепенно появляется в Европе с 1339 по 1370 г. В XV в. из ружей стреляли всего на 230—250 шагов, и еще в 1590 г. в Англии происходил спор о том, что же лучше использовать в бою, простой лук или аркебуз, так как фитильное оружие было крайне неудобным (в 1541 г. аркебузиры Карла V во время алжирского похода бежали, обстрелянные местными лучниками)¹⁷³. Военное наставление XVI в. рекомендует широко использовать порох для

шаровых бомб, ручных гранат и других взрывающихся приспособлений, и довольно мало в нем говорится о ружейном огне¹⁷⁴, так как исход боя в то время в основном решало холодное оружие. Знаменитый художник Альбрехт Дюрер, иллюстрируя библейские сюжеты, в своих гравюрах воспроизводил окружающий его мир. Лишь в редких случаях нарисованные им солдаты вооружены арбалетами¹⁷⁵. Художники круга Дюрера следовали его традициям. И вот среди иллюстраций к Библии, изданной в Любеке в 1533 г., можно видеть сцены сражений, походов и даже казней. Их персонажи выглядят типичными немцами, они живут и действуют среди немецкого пейзажа, но в руках у них нет огнестрельного оружия¹⁷⁶. Оно действительно в те годы являлось большой редкостью.

Олай, архиепископ Упсальский, в монографии, посвященной прибалтийским народам, уделяет определенное внимание постановке военного дела. Только мельком упоминаются им аркебузы, но зато в тексте и особенно в иллюстрациях многократно фигурируют воины, вооруженные луками, щитами, копьями, алебардами. В его книге можно найти указания на пращи, с помощью которых металы раскаленные камни, орудия типа арбалета, оснащенные ножом, пушки — бомбарды¹⁷⁷. Речь идет о первой половине XVI в.

В России в качестве огнестрельного оружия в XIV в. в борьбе с татаро-монголами использовались какие-то самострелы. Только с XV в. на вооружении русских воинов появляется писталь, но огнестрельное оружие было настолько редким, что даже в заветаниях XVI в. не упоминается. В составе войск XVII в. часто встречались лица, владевшие только холодным оружием¹⁷⁸. Таким образом, нет оснований преувеличивать значение «огневого» вооружения, вплоть до начала XVII в. русские войска в основном обладали

доогнестрельными средствами ведения боя. Лук медленно уступал свое место ружью и винтовке. Можно напомнить, что башкиры и другие народы, входившие в состав русской армии 1812 г., были вооружены только луками¹⁷⁹.

На Кавказе огнестрельное оружие также появляется довольно поздно. Можно только удивляться утверждению П. П. Закарая, что влияние огнестрельного оружия на фортификацию грузиноских бытовых построек ощущается с XVI в.¹⁸⁰ Наш экскурс показывает, что оно ничем не обосновано. Замки (бойки), характерные для горского огнестрельного оружия, появляются лишь в XVII в.¹⁸¹ Что же касается населения восточной, прикаспийской части Кавказа, то для этой области сведения, относящиеся к началу XVIII в., очень противоречивы. Так, Иоганн Густав Гербер, спутник Петра I по Персидскому походу, об одних горских жителях говорит, что они оружие «употребляют токмо едиными луками», другие имеют «оружие огненное и луков», а третьи — лишь «огненное оружие»¹⁸². Подобными характеристиками пестрят записки путешественников этого времени. Они не позволяют четко определить время оснащения боевых башен специальными амбраурами, которые были бы приспособлены для стрельбы из лука или ведения ружейного огня. Для датировки башен надо больше возлагать надежды на раскопки вокруг них, на изучение добытого археологического материала и на сопоставление его с архитектурными деталями конкретных построек — насколько архаичны конструкции арок, проемов, перекрытий. Для той же цели необходимо тщательное изучение декора башен, включая петроглифы, а также преданий, связанных с ними. Немаловажное значение для датировки играет типологическое сравнение различных построек. Но и тут имеются свои трудности.

Среди вайнахских сооружений мной выделена группа, названная полубоевыми башнями¹⁸³. Они, как уже говорилось, занимают промежуточное положение между жилыми и боевыми постройками, обладая чертами тех и других¹⁸⁴. Однако В. П. Кобычев и В. Н. Басилов считают их сооружениями «исходного типа», из которых возникли, с одной стороны, жилые башни (без машикулей), а с другой — боевые постройки¹⁸⁵. Ясно, что при таком различном подходе к одним и тем же памятникам будут различными и исходные датировки их отдельных типов. И все же напомним, что С. Ц. Умаровым среди руин поселка Цеча-ахк выделены три типа жилых башен, которые явно предшествуют полубоевым постройкам¹⁸⁶. Несомненно, вопрос о датировках башенных сооружений требует еще детального изучения. Сейчас можно предложить лишь такие ориентировочные датировки для вайнахских башенных построек: XII—XV вв. — период их возникновения, XV—XVII вв. — расцвет строительства, XVIII в. — затухание башенной культуры.

О происхождении башен существуют также довольно противоречивые мнения. Так, о малоазийско-переднеазиатском происхождении культуры народов Северного Кавказа, в том числе и вайнахов, высказывались А. М. Дирр¹⁸⁷ и особенно Б. Плечке. Последний считал, что движение башенной культуры, подгоняемое исламом, шло с юга на север, через Южную (Приванскую) Армению¹⁸⁸. Теория Б. Плечке в новейшее время находит определенную поддержку в работах А. Ф. Гольдштейна. Разбирая вопрос о генезисе вайнахских и осетинских башенных построек и оперируя общими и не всегда проверенными данными о местных архитектурных объектах¹⁸⁹, А. Ф. Гольдштейн считает, что вайнахское и осетинское зодчество возникло под влия-

нием Передней Азии. Отсюда ведут свое начало машикули и «уширенное венчание башни»¹⁹⁰. Но ведь переднеазиатские примеры, приведенные им, случайны. Это сирийская гробница с балконом, напоминающим машикуль, зубчатые, опять-таки напоминающие машикули, изображения на урартском штандарте и древней иранской монете¹⁹¹. Отсутствие сравнительного анализа переднеазиатских, малоазийских и северокавказских памятников, игнорирование многовекового разрыва в бытовании одних и возникновении других памятников — таково впечатление от предложенной теории. Однако это мнение, высказанное в монографии «Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии», повторяется и в других работах А. Ф. Гольдштейна. В книге «Башни в горах» исторический экскурс построен так, что речь идет уже не о влияниях, а о непосредственных связях вайнахов с древними жителями Передней Азии и Балкан¹⁹². При таком подходе к истории культуры единичные факты относительного сходства в любом явлении станут казаться основополагающе-глобальными. Еще более смело переднеазиатское влияние приписывается северокавказцам — создателям башен в последней обобщающей работе А. Ф. Гольдштейна. Автор говорит, что на эволюцию горского строительства оказывало «влияние зодчество Передней Азии»; как видно, это влияние было стремительным, так как в древности вайнахи (на них обращено особое внимание автора) не возводили каменных построек, а, как утверждает А. Ф. Гольдштейн, жили в глиняно-плетневых домах со скатными крышами¹⁹³. Последний вывод, если иметь в виду эпоху бронзы и раннего железа, ни на чем не основан. Изучаемая территория входила в зону единых с горным Дагестаном культур, носители которых пользовались для строительства кам-

нем (подчеркиваю, речь идет о горной части Кавказа)¹⁹⁴. Если же под «древностью» понимать раннее средневековье, то и тогда жители гор тем более не пользовались плетневыми конструкциями, их нет даже в могилах. И о какой эволюции можно говорить, если переднеазиатские постройки, «сходные» с вайнахо-осетинскими, А. Ф. Гольдштейн обнаружил среди памятников I тысячелетия до н. э.¹⁹⁵ В таком случае о каком же культурном влиянии может идти речь, если, с одной стороны, взяты весьма ранние памятники, а с другой — позднесредневековые башни? Любое влияние подразумевает общение, между живыми людьми (напомню, письменность у вайнахов появилась в самое позднее время). Странно и то, что о влиянии на Дагестан форм переднеазиатской архитектуры автор почти ничего не говорит, хотя в зодчестве этой области довольно много «восточных» элементов — арки, декоративная резьба по камню, дереву и даже штукатурке. Но если не через Дагестан, то как же проникло «азиатское» влияние к вайнахам и осетинам? Прямой ответ на этот вопрос отсутствует в «комплексном исследовании зодчества восточной и центральной частей Северного Кавказа», предпринятом А. Ф. Гольдштейном¹⁹⁶.

В предыдущих разделах уже говорилось о мнении историка архитектуры П. П. Закарая по поводу происхождения вайнахского зодчества. Он считает, что первоначально башенное строительство возникло на территории горной Грузии и затем уже проникло к горцам Северо-Восточного Кавказа. Этот вывод сложился у него на основе изучения хевсурских построек и башни в замке Аванури¹⁹⁷. Не буду детально останавливаться на том, что многие хевсурские башни неотличимы от вайнахских, и это не удивительно, некоторые из них действительно построены ингушами¹⁹⁸. Жители некоторых ин-

ингушских сел далеко уходили за пределы родных гор, воздвигая своим соседям башни¹⁹⁹. Так, в Северной Осетии у сел. Даргавс стоят руины башни Мамсуровых; по сведениям, приводимым И. П. Щелбыкиным, она построена ингушами²⁰⁰. Чисто вайнахский декор покрывает пятиярусную башню Хестановых в осетинском селении Донисар²⁰¹. Таким образом, вайнахский характер боевых башен со ступенчато-пирамидальным завершением достаточно ясен. Вайнахской является и башенка в Анапури, напоминающая описанный мной минарет в сел. Эткали. Народная башенная архитектура Грузии имеет свои яркие и специфические черты. Это плоское или зубчатое в виде парапета завершение башен, преимущественно клювовидные машикули, часто закругленный корпус зданий, относительное обилие довольно широких внутрибашенных помещений²⁰². Подобные черты в архитектуре других народов (дагестанцев, осетин, вайнахов) встречаются лишь спорадически.

Остановлюсь еще на одном мнении, которое носит локальный характер. Оно принадлежит М. Б. Мужухоеву, который считает, что «пирамидальные башни» возникли на «территории самой Ингушетии» и затем уже распространялись в другие части Кавказа, в том числе и в Чечню²⁰³. Аргументами для подобного высказывания служат постепенное количественное уменьшение башенных построек по мере движения от Ингушетии к востоку, ухудшение стройности, пропорциональности и меньшая высота башен в восточных районах — Чечне²⁰⁴. Однако выводы, сделанные М. Б. Мужухоевым, не подкреплены сравнительными цифровыми таблицами, а без них высказанные им суждения нельзя считать фактами. Им не учтено, что во время Кавказской войны многие отдельные башни и целые башенные поселки были уничтожены. И дело не в высоте башен (не менее вы-

соки и стройны башни в районе Итум-Кале, Хайбахое и других пунктах), а в их архитектурных особенностях, характере арочных конструкций, системе кладки, общей планировке, употреблении скрепляющих растворов. Подобное сравнительное и очень детальное изучение ингушских и чеченских построек почти не начато, а то, что о них известно, не дает права говорить о превосходстве одних башен перед другими, даже о каких-либо хронологических (почти этапных) ареалах. И почему высокие башни генетически должны быть более древними, а не наоборот, ведь низкие постройки типологически более близки примитивным жилым комплексам. Местные башни, где бы они ни находились, в Ингушетии или Чечне, обладают общим и вполне определенным архитектурным стилем, который можно назвать общевайнахским. Здесь не идет речь о чисто местных, локальных особенностях, они, несомненно, имеют место и будут когда-либо изучены. Но прежде чем говорить о локальных чертах в вайнахской архитектуре, необходимо еще самым детальным образом выделить те особенности, которые характерны только для чечено-ингушского зодчества, отличая его от творчества соседних народов — населения Грузии, Дагестана, Осетии. Проведение подобной работы позволит решить важные вопросы, связанные с историей конкретных народов, их национальным самосознанием и духовной культурой. Оно может явиться действительным и в изучении происхождения зодчества вайнахов. Думаю, что его истоки нужно искать на месте, в горах Чечено-Ингушетии, археологические памятники которых позволяют восстановить возникновение горской архитектуры. Не исключено, что в ранние периоды становления строительного мастерства, до возникновения узколокальных — местных особенностей, территории, охваченные им, будут достаточно

велики. И только по мере приближения к нашему времени станут намечаться узкие области с прообразами архитектурных стилей. Среди них займут свое место и регионы с чертами, которые

станут затем характерными для дагестанцев, вайнахов, осетин и других народов Кавказа, создавших величественные памятники архитектуры.

¹ Отечественное землеописание (о народах, соседственных Астраханской губернии). — Русский инвалид, или Военные ведомости, 1822, 7 февраля, № 35.

² Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859, с. 57—59.

³ Ипполитов А. П. Этнографические очерки Аргунского округа. — ССКГ, Тифлис, 1868, вып. 1, с. 50, 51.

⁴ Миллер В. Ф. Терская область. Археологические экскурсии. — МАК, М., 1888, вып. I, с. 2—36.

⁵ Гребенец Ф. С. Приступим к изучению истории Чечни. — Грозненский рабочий, 1925, 17 апреля, № 129 (970); *Он же*. Чеченцы и их предшественники. — Там же, 1935, 11, 18 и 20 июня, № 172, 178, 180 (1013, 1019, 1024); *Он же*. Религиозные верования чеченцев. — Там же, 1925, 2, 4 и 8 июня, № 190, 192, 195 (1031, 1033, 1036); *Ошаев Х. Д.* В сердце Чечни. Грозный, 1928; *Он же*. Малхиста (к характеристике пережитков родового строя). — Революция и горец, Ростов-на-Дону, 1930, № 8 (22); *Амбулатов М.* — Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, д. ГАИМК, № 216 за 1928 г.

⁶ *Plaetschke В.* Die Tschetschenen. Hamburg, 1929.

⁷ *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 21.

⁸ Более полные историографические обзоры см.: *Виноградов В. Б.*, *Лосев И. К.*, *Саламов А. А.* Чечено-Ингушетия в советской исторической науке. Грозный, 1963; *Виноградов В. Б.*, *Марковин В. И.* Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966, с. 7—24.

⁹ В работах принимали активное участие В. А. Кузнецов (1957), В. Б. Виноградов (1958) и в разные годы — Н.-Ф. Г. Полихрониди, М. П. Севостьянов, Г. И. Андреев, С. Ц. Умаров, М. Х. Багаев, Я. С. Ваганов, Х. В. Туркаев, С. А. Хасиев, А. У. Дзагиев, М. Х. Ошаев, И. Я. Карлюк, Э. П. Химин, А. Н. Панченко, П. П. Космачев, В. Г. Крымасов, А. А. Исламов, А. П. Полторац-Рубашевская, А. Ф. Петраш, А. Д. Сагаипов, В. Л. Василевский, И. Л. Межеричер, С. А. Джабраилов, М. Бадаев, М. А. Магомадов, Н. В. Аюбов, Г. А. Вискиев, С. С. Родченков, А. У. Ганжуев, К. А. Асхабов, С. Х. Ахмадов,

П. М. Михайлов, А. В. Чубенко, В. Г. Бариев, А. Н. Фоменков, В. И. Харичкин, проводники М. М. Таймасханов, М. С. Саралиев.

¹⁰ Список работ велик, назову лишь некоторые: *Крупнов Е. И.* О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961; *Марковин В. И.* В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965; *Он же*. В стране вайнахов. М., 1968; *Марковин В. И.*, *Мунчаев Р. М.* Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований. — КСИА, 1965, вып. 100; *Виноградов В. Б.* Тайны минувших времен. М., 1966; *Умаров С. Ц.* Архитектура позднесредневековой горной Чечено-Ингушетии. — В кн.: Памятники отечества. М., 1975, кн. 2; *Мужухов М. Б.* Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII—XVII вв.). Грозный, 1977; *Базоркин М. М.* Памятники средневековья в горной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1964; *Гольдштейн А. Ф.* Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975; *Он же*. Башни в горах. М., 1977.

¹¹ Река Чанты-Аргун является левым притоком р. Аргун; правый ее приток, р. Шаро-Аргун, образует Шаройское ущелье. Аргун у ст. Ильинская впадает в Суnju.

¹² *Долгов К.* Географический очерк Терской области. — ССТО. Владикавказ, 1978, вып. 1, с. 51.

¹³ *Надеждин П. П.* Кавказский край, природа и люди. Тула, 1901, с. 107; *Ерохин П. М.* Горные курорты Чечни. — Записки СКГНИИ. Ростов-на-Дону, 1928, т. I, с. 20—30; *Седельщиков В. В.* Геологическая экскурсия в нагорную Чечню осенью 1926 года. — Записки СКГНИИ. Ростов-на-Дону, 1929, т. II, с. 17—28; *Рыжиков В. В.*, *Белогуров В. А.* Краткий физико-географический очерк Грозненской области. — Известия ГОИМК, Грозный, 1948, вып. 1, с. 16—23; *Ширяев С.* Грозненская область. Грозный, 1955, с. 10, 52; *Рыжиков В. В.* География Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1965, с. 12 и сл.; *Он же*. Озеро Кезенной-Ам. Грозный, 1965, с. 3—31, рисунки.

¹⁴ *Зейдлиц Н. К.* Поездка в Чечню, к верховьям Аргуна, в Ичкерню и через Хасав-

- Юрт вверх по Тереку до Моздока. — Известия КО РГО, Тифлис, 1873, т. II, № 4, с. 141; *Буш Н. А.* По скалам Андийского Дагестана. — Известия РГО, СПб., 1905, XLI, вып. III, с. 497; *Киреева М. С.* Материалы по гидрологии и планктону озера Эйзенам. — Труды Севанской озерной станции. Тифлис, 1933, т. III, вып. 2, с. 38, 39; *Рыжиков В. В.* Озеро Кезеной-Ам. — Известия ЧИРМК, Грозный, 1961, вып. 10, с. 3—10.
- ¹⁵ Восточный Кавказ. М.; Л., 1931, с. 11—17; *Анохин Г. И.* Восточный Кавказ. М., 1978, с. 77 и сл.
- ¹⁶ *Россикова А.* Путешествие по центральной части горной Чечни. — Записки КО РГО, Тифлис, 1896, кн. XVIII.
- ¹⁷ Кавказ: Туристская карта-схема/ Ред. Курцхалия Л. К. Изд. Гл. упр. геодезии и картографии. М., 1972.
- ¹⁸ *Рыжиков В. В.* География Чечено-Ингушской АССР, с. 44; *Он же.* Картины природы Чечено-Ингушетии. Грозный, 1967, с. 41, 42.
- ¹⁹ *Логиев Б. К., Стерленко Ю. А.* Тектонические зоны и геоструктуры Чечено-Ингушетии. — Известия ЧИРМК, Грозный, 1961, вып. 10, с. 16, 17.
- ²⁰ *Ворейша В. М.* Минеральные ресурсы Северо-Кавказского края. — В кн.: Природные богатства Северо-Кавказского края. Москва; Пятигорск, 1935, с. 113.
- ²¹ *Самойлов К.* Заметки о Чечне. — Пантеон, СПб., 1855, т. XXIII, кн. 9, с. 55.
- ²² *Берже А. П.* Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859, с. 57, 58.
- ²³ *Севостьянов М. П.* Маршруты экскурсий и походов по Грозненской области. — Известия ГОКМ, Грозный, 1056, вып. 7—8, с. 221.
- ²⁴ *Ипполитов А. П.* Этнографические очерки Аргунского округа. — ССКГ, Тифлис, 1868, вып. 1, с. 50; упоминаются также: *Байерн Ф.* О древних сооружениях на Кавказе. — ССК, Тифлис, 1871, т. I, с. 301.
- ²⁵ *Миллер В. Ф.* Терская область, с. 35, 36.
- ²⁶ См. подробнее: *Марковин В. И.* В стране вайнахов, с. 70, 71.
- ²⁷ *Анучин Д. Н.* Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. — Известия РГО, СПб., 1884, т. XX, с. 379.
- ²⁸ *Dolbescheff W.* Archaeologische Forschungen im Bezirk des Terek. — ZE. Berlin, 1884, V. XVI. S. 145, 146.
- ²⁹ *Харузин Н. Н.* По горам Северного Кавказа. — Вестник Европы, 1888, № 10, с. 488.
- ³⁰ *Ерохин П. М.* Горные курорты Чечни. — Записки СКГНИИ, Ростов-на-Дону, т. I, 1928, с. 21.
- ³¹ *Круглов А. П.* Дневник Чеченской экспедиции ГАИМК и Института языка и истории. — Архив ЛОИА АН СССР, д. 85 и 314 за 1936 г.
- ³² Архив ЛОИА АН СССР, д. 314, л. 31.
- ³³ Архив ЛОИА АН СССР, д. 314, л. 31, 32.
- ³⁴ Предание записано С. А. Джабраиловым в 1958 г. со слов Шахида Мудаева из сел. Ургехой (1902 г. рождения).
- ³⁵ *Корзун В. Б.* У истоков искусства слова. — В кн.: Чудесные родники. Грозный, 1963, с. 8, 9; *Далгат У. Б.* Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972, с. 109 и сл.
- ³⁶ *Марковин В. И., Кузнецов В. А.* Археологические разведки в ущельях рек Ассы и Аргуна в 1956 году. — Известия ЧИРМК, Грозный, 1961, вып. 10, с. 102, 105—107, рис. 3.
- ³⁷ Угловые камни первоначально были приняты за конструкции, служившие для крепления перекрытий (*Марковин В. И., Кузнецов В. А.* Археологические разведки в ущельях рек Ассы и Аргуна в 1956 году. — Известия ЧИРМК, 1961, вып. 10, с. 106).
- ³⁸ *Марковин В. И.* Археологические работы в Аргунском ущелье в 1958 году. — КСИА, 1961, вып. 84, с. 55.
- ³⁹ *Сулейманов А. С.* Топонимия Чечено-Ингушетии, ч. I. Горная Чечня. Грозный, 1976, с. 157.
- ⁴⁰ *Марковин В. И.* В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965, с. 105; *Он же.* В стране вайнахов, с. 81; *Анохин Г. И.* Восточный Кавказ, с. 71.
- ⁴¹ Все публикуемые размеры приблизительны.
- ⁴² *Калоев Б. А.* Чеченцы. — В кн.: Народы Кавказа, М., 1960, т. I, с. 361.
- ⁴³ *Ошаев Х. Д.* В сердце Чечни. Грозный, 1928, с. 5.
- ⁴⁴ *Plaetschke V.* Die Tschetschenen, S. 40.
- ⁴⁵ Снимок такой башни опубликован мной, см.: *Марковин В. И.* В ущельях Аргуна и Фортанги, с. 100.
- ⁴⁶ *Марковин В. И.* Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна. — ДЧИ. М., 1963, с. 251 и сл.
- ⁴⁷ Возможно, это были аварцы — жители соседнего Дагестана.
- ⁴⁸ Запись Я. С. Вагапова и М. М. Бадаева, 1960 г., сел. Верхний Кокадой. Фамилии рассказчика осталась неизвестной.
- ⁴⁹ *Миллер В. Ф.* В горах Осетии. — Русская мысль. М., 1881, кн. IX, с. 71, 72.
- ⁵⁰ *Сулейманов А. С.* Топонимия... с. 120.
- ⁵¹ Пересказанное предание записано 9 августа 1960 г. С. Ц. Умаровым со слов Джабраила Ацаева — жителя сел. Итум-Кале, 60 лет.
- ⁵² *Plaetschke V.* Die Tschetschenen, S. 58, 59. Abb. 28.
- ⁵³ *Сулейманов А. С.* Топонимия... с. 120.

- ⁵⁴ Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963, с. 41, 42.
- ⁵⁵ Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания, с. 42.
- ⁵⁶ Орбели И. А. Синхронистические таблицы хиджиры и европейского летоисчисления. М.; Л., 1961, с. 232, 267.
- ⁵⁷ Марковин В. И. Чеченские средневековые памятники... с. 276, 277, рис. 11; *Он же*. В ущельях Аргуны и Фортанги, с. 115 и сл. Исламов А. А. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях, с. 135, 136 и сл.
- ⁵⁸ Чубинашвили Г. Н. Вопросы истории искусства. Тбилиси, 1970, т. I, с. 14 и сл.; Лисицан С. Д. К изучению армянских жилищ (карабахский карадам). — Известия КИАИ. Тбилиси, 1925, т. III, с. 97 и сл.; Сумбадзе Л. Грузинские дарбазы. Тбилиси. 1960, с. 14.
- ⁵⁹ *Freundenreich A.* Narod gradi na ogoljeponu Krasu. Zagreb—Beograd, 1962, S. 47, 57.
- ⁶⁰ Закарая П. Древние крепости Грузии. Тбилиси, 1969, с. 83, 174, 211.
- ⁶¹ Чубинашвили Г. Н. Вопросы истории искусства, с. 117—124, табл. 36, 1, 2; 58; 59, 1, 2.
- ⁶² Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухумп, 1969, с. 48, 49.
- ⁶³ Марковин В. И. Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры. — В кн.: Архитектурное наследство. М., 1975, вып. 23, с. 126.
- ⁶⁴ Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество... с. 37.
- ⁶⁵ Названия гор, рек, поселений приводятся со слов местных жителей.
- ⁶⁶ Сулейманов А. С. Топонимия... с. 124.
- ⁶⁷ Сулейманов А. С. Топонимия... с. 122.
- ⁶⁸ Басилов В. Н., Кобычев В. П. Галгай — страна башен. — СЭ, 1971, № 1, с. 124, рис. 2; Марковин В. И. Некоторые особенности... с. 119, 120, рис. 1, 2; Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура... с. 20 и сл.
- ⁶⁹ Умаров С. П. Средневековая материальная культура горной Чечни, XIII—XVIII вв. Автореф... канд. дисс. М., 1970, с. 8.
- ⁷⁰ Орбели И. А. Синхронистические таблицы... с. 273.
- ⁷¹ Хан-Магомедов С. О. Лезгинское народное зодчество. М., 1969, с. 147—150, рис. 99, 100; Марковин В. И. Дорогами и тропами Дагестана. М., 1974, с. 134, 136.
- ⁷² Хан-Магомедов С. О. Лезгинское народное зодчество, с. 147.
- ⁷³ Усейнов М., Бреганицкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963, с. 71.
- ⁷⁴ Хан-Магомедов С. О. Объемно-пространственные композиции башенных сооружений горных аулов Дагестана. — В кн.: Архитектурное наследство. М., 1974, вып. 22, с. 164.
- ⁷⁵ Образцы минаретов см.: Гольдштейн А. Ф. Башенные сооружения горного Дагестана. — В кн.: Архитектурное наследство. М., 1971, вып. 21, с. 184, 185, рис. 9—11.
- ⁷⁶ Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания... с. 54; Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия, с. 77; Марковин В. И. Исследование памятников средневековья в высокогорной Чечне, с. 51, 52; *Он же*. Некоторые особенности... с. 121.
- ⁷⁷ Северов П. П. Памятники грузинского зодчества. М., 1947, с. 184.
- ⁷⁸ Закарая П. П. Фортификационные сооружения Шида-Картли. — КСИИМК, М., 1952, 46, с. 127—129, рис. 42; *Он же*. Древние крепости Грузии. Тбилиси, 1969, с. 68, 69, рис. 14.
- ⁷⁹ Закарая П. П. Древние крепости... с. 69.
- ⁸⁰ Марковин В. И. Некоторые особенности... с. 124—126.
- ⁸¹ Безсонов С. В. Башни и замки Южной Осетии. — Архитектура СССР, 1934, № 3, с. 66; Марковин В. И. Некоторые особенности осетинской башенной архитектуры. — КЭС. М., 1976, VI, с. 232—234, рис. 10; 11.
- ⁸² Джандиери М. И., Лежава Г. И. Архитектура горных районов Грузии. М., 1940, с. 7 и сл., рис. II, IX, XI.
- ⁸³ Закарая П. П. Крепостные сооружения Картли. Тбилиси, 1968; Харадзе Р., Робакидзе А. Мгиульское село в прошлом. Тбилиси. 1965.
- ⁸⁴ Худадов В. Гирьска Тушетия и Андисьске Койсу. — Східній світ, № 4—5 (13—14), Харків, 1930, с. 271—273; Камарули А. Я. Хевсурия. Тифлис, 1929, с. 16, фото 5.
- ⁸⁵ Гольдштейн А. Ф. Башенные сооружения горного Дагестана. — В кн.: Архитектурное наследство. М., 1973, вып. 21, с. 176, 179, рис. 2, 4.
- ⁸⁶ Ф. С. (Гребену). Чеченцы и их предшественники. — Грозненский рабочий, 1925, 11 июня, № 172 (4013).
- ⁸⁷ Крупнов Е. И. Археологические памятники верховьев Терек и бассейна р. Сунжи. — Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948, с. 34.
- ⁸⁸ Умаров С. П. Средневековая материальная культура... с. 16.
- ⁸⁹ Сулейманов А. С. Топонимия... с. 120.
- ⁹⁰ Ошаев Х. Д. Малхиста. — Революция и горец. Ростов-на-Дону, 1930, № 8 (22), с. 58—65.
- ⁹¹ Plaetschke B. Die Tschetschenen, S. 46—49.
- ⁹² Архив ЛОИА АН СССР, д. 216 за 1928, л. 168.

- 93 Архив ЛОИА АН СССР, картотека.
- 94 Архив ЛОИА АН СССР, картотека.
- 95 Даутова Р. А. Разведки позднесредневековых памятников в Майсте. — В кн.: Археология Северного Кавказа. IV Крупновские чтения в Краснодаре: Тезисы докладов. М., 1976, с. 18, 19.
- 96 Берже А. П. Чечня и чеченцы, с. 126—128.
- 97 Местные памятники упоминаются в работах: Ошаев Х. Д. В сердце Чечни, с. 19; Марковин В. И. Исследование памятников средневековья в высокогорной Чечне, с. 48; Он же. Чеченские средневековые памятники в верховьях реки Чанты-Аргуна. — ДЧИ. М., 1963, с. 258, 259; Ошаев М. Х. Рекогносцировочное описание памятников средневековья реки Терлой-ахк. — АЭС. Грозный, 1966, вып. I, с. 152—162.
- 98 Терминологические разъяснения принадлежат Х. Д. Ошаеву.
- 99 Умаров С. Ц. Отзвуки прошедших времен. — Аргун, Грозный, 1969, № 1, с. 46. На чечен. яз.
- 100 Описание некрополя см.: Марковин В. И. Чеченские средневековые памятники..., с. 259—267.
- 101 Ошаев Х. Д. Малхиста, с. 59; Исламов А. А. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чанты-Аргуна. — Известия ЧИНИИ, Грозный, 1963, т. III, вып. 1 (история), с. 140, 141.
- 102 Далгаг Башир. Первобытная религия чеченцев. — В кн.: Терский сборник. Владикавказ, 1893, вып. 3, кн. 2, с. 119.
- 103 Ошаев Х. Д. Малхиста, с. 58—60; Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963, с. 55.
- 104 Сулейманов А. С. Топонимия..., с. 11.
- 105 Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика..., с. 55.
- 106 Ошаев Х. Д. Малхиста, с. 64.
- 107 Сулейманов А. С. Топонимия..., с. 14.
- 108 Исламов А. А. К вопросу о средневековых..., с. 142—144, рис. 9.
- 109 Умаров С. Ц. Отзвуки прошедших времен, с. 46.
- 110 Ошаев Х. Д. Малхиста, с. 64, 65.
- 111 Исламов А. А. К вопросу о средневековых..., с. 144, 145.
- 112 Более подробно см.: Ошаев Х. Д. Малхиста, с. 64, 65.
- 113 Сулейманов А. С. Топонимия..., с. 14.
- 114 Джандиери М. И., Лежава Г. И. Архитектура..., с. 7 и сл.
- 115 Виноградов В. Б. Тайны минувших времен. М., 1966, с. 140.
- 116 Головинский П. И. Заметки о Чечне и чеченцах. — ССТО. Владикавказ, 1878, вып. 1, с. 243; Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895, с. 210, 241.
- 117 Головинский П. И. Заметки..., с. 243.
- 118 Лаудаев Умалат. Чеченское племя. — ССКГ, Тифлис, 1872, вып. VI, с. 3, 4.
- 119 Ошаев Х. Д. В сердце Чечни, с. 6.
- 120 Берже А. П. Чечня и чеченцы, с. 134, 135; Далгаг У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972, с. 41.
- 121 Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика..., 68.
- 122 Далгаг У. Б. Героический эпос..., с. 42, 43.
- 123 Далгаг Башир. Первобытная религия чеченцев. — В кн.: Терский сборник. Владикавказ, 1893, вып. 3, кн. 2, с. 114 и сл.
- 124 Иванов М. А. Верховья р. Гехи. — Известия КОРГО, Тифлис, 1902, т. XV, № 4, с. 282.
- 125 Миллер В. Ф. Терская область, с. 38, 39, рис. 53—55, табл.
- 126 Зейдлиц Н. К. Поездка в Чечню..., с. 137; Иванов М. А. Верховья р. Гехи, с. 285—294; Он же. В горах между рр. Фортангой и Аргуном. — Известия КОРГО, Тифлис, 1904, т. XVII, с. 31 и сл.
- 127 Plaetschke B. Die Tschetschenen, S. 40—45.
- 128 Марковин В. И. В ущельях Аргуна и Фортанги, с. 104, 105; Он же. В стране вайнахов, с. 58—66; Виноградов В. Б. Тайны минувших времен, с. 138—141.
- 129 Рисунк этого убежища, сделанный по моему чертежу и воспроизведенный в книге В. Б. Виноградова «Тайны минувших времен» (с. 138), имеет несколько измененные пропорции и большее количество бойниц.
- 130 Иванов М. А. Верховья р. Гехи, с. 285.
- 131 Миллер В. Ф. Терская область, с. 7, отдельная таблица.
- 132 Калоев Б. А. В. Ф. Миллер — кавказовед. Орджоникидзе, 1963, с. 29, 30.
- 133 Зиссерман А. Л. Отрывки из моих воспоминаний. — Русский вестник, М., 1876, т. 122, с. 79.
- 134 Миллер В. Ф. Терская область, с. 38, рис. 53.
- 135 Зейдлиц Н. К. Поездка в Чечню..., с. 137.
- 136 Архив ЛОИА АН СССР, д. 256, 314 и другие за 1936 г.
- 137 Умаров С. Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни XIII—XVII века. Автореф... канд. дис. М., 1970.
- 138 Марковин В. И. Архитектурные памятники чеченского исторического общества Чаберлой. — В кн.: Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.
- 139 Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество..., с. 21.
- 140 Сулейманов А. С. Топонимия..., с. 219.

- 141 *Закарая П. П.* Древние крепости Грузии. Тбилиси, 1969, с. 201, 202.
- 142 *Умаров С. Ц.* О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи позднего средневековья. — АЭС. Грозный, 1969, т. III, с. 170—182.
- 143 *Зейдлиц Н. К.* Поездка в Чечню..., с. 140.
- 144 Вопреки старым своим публикациям (В стране вайнахов, с. 102; Архитектурные памятники..., с. 111—122, Прим. 27) пользуясь переводом не О. Саидова, а Л. И. Лаврова (Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1980, с. 78—109).
- 145 *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания..., с. 53, 72, 97, 137; *Крупнов Е. И.* К истории Ингушетии. — ВДИ, № 2/3, 1939, с. 42; *Виноградов В. Б., Марковин В. И.* Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966, с. 41—43 (133, 137, 143); *Умаров С. Ц.* Средневековая материальная культура..., с. 16.
- 146 *Мужухоев М. Б.* К вопросу о датировке циклопических построек Чечено-Ингушетии. — VIII Крупновские чтения: Тезисы докладов. Нальчик, 1978, с. 92, 93.
- 147 *Козенкова В. И.* Кубанская культура. Восточный вариант. — САИ, 1977, В2-5, с. 11, 12, 55.
- 148 *Крупнов Е. И.* К истории..., с. 42; *Виноградов В. Б., Марковин В. И.* Археологические памятники..., с. 41—43.
- 149 *Гольдштейн А. Ф.* Башенные сооружения горного Дагестана, с. 184, 185, рис. 10, 11.
- 150 *Хан-Магомедов О. С.* Объемно-пространственные композиции..., с. 151 и сл., рис. 3—5, 8, 10—14.
- 151 *Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А.* История архитектуры Азербайджана, с. 121 и сл., рис. 109, 110 и др.; *Бретаницкий Л. С., Веймарн Б. В.* Искусство Азербайджана IV—VIII веков. М., 1976, с. 145, 154, рис. 72.
- 152 К сожалению, культовые памятники Аварии плохо изучены. Осматривались мной во многих селениях. Представление о михрабах дают работы: *Любимова Г. Н.* Культовые постройки агульских селений горного Дагестана. — В кн.: Памятники культуры, М., 1961, вып. 8, с. 18, рис. 6; *Гольдштейн А. Ф.* Башни в горах. М., 1977, с. 168, 169, рис. 108, 109; *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, с. 156.
- 153 *Шамилев А. И.* Религиозные культы чеченцев и ингушей и пути их преодоления. Грозный, 1963, с. 24, 25.
- 154 Подобные открытки широко выпускались в конце XIX в. (см.: *Фанштейн Э. Б.* В мире открытки. М., 1976, с. 30—32). Серию кавказских архитектурно-видовых пейзажей издавала фотографическая мастерская Джанаева-Хетагурова во Владикавказе.
- 155 *Семенов Н.* Хорочой. — Терские ведомости, 1881, 21 февраля, № 8; *Россикова А.* Путешествие по центральной части Чечни. — Записки ЮО РГО. Тифлис, 1896, кн. XVIII, с. 156.
- 156 *Семенов Н.* Хорочой.
- 157 *Семенов Н.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895, с. 113—115; *Россикова А.* Путешествие..., с. 156, 157.
- 158 *Plaetschke B.* Die Tschetschenen, S. 67.
- 159 *Марковин В. И.* Петроглифы Чечено-Ингушетии. — Природа, 1978, № 2, с. 154, 155.
- 160 *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания..., с. 126.
- 161 *Крупнов Е. И.* К истории Ингушетии, с. 81, 82; *Он же.* Средневековая Ингушетия, с. 71.
- 162 *Умаров С. Ц.* Средневековая материальная культура..., с. 9; *Мужухоев М. Б.* Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII—XVII вв.), с. 32, 33, 38.
- 163 *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия, с. 71, 78.
- 164 *Умаров С. Ц.* Средневековая материальная культура..., с. 9.
- 165 *Умаров С. Ц.* Архитектура позднесредневековой горной Чечено-Ингушетии. — В кн.: Памятники отечества. М., 1975, кн. 2, с. 245.
- 166 *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия, с. 77; *Марковин В. И.* В стране вайнахов, с. 43.
- 167 *Мужухоев М. Б.* Средневековая материальная культура..., с. 39, 40, 94, 95.
- 168 *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия, с. 78, 97—99, рис. 42, 43.
- 169 *Ошаев Х. Д.* Некоторые вопросы использования нахских башен в бою. — КЭС. Тбилиси, 1968, т. II, с. 124—124.
- 170 *Прокофьев Г.* Разорение аула Танды по дороге в Джумсой в 1860 г. — Кавказ, 1862, № 80.
- 171 *Дельбрюк Ганс.* История военного искусства в рамках политической истории. М., 1933, т. IV, с. 29, 30.
- 172 *Дельбрюк Ганс.* История военного искусства..., с. 31.
- 173 Там же, с. 46, 47; *Островерхов, Ларионов.* Курс о ручном огнестрельном оружии. — Военный сборник, СПб., 1859, т. VII, с. 175.
- 174 *Fronsperger Leonard* (Bürger zu Ulm). Von den Keiserlichen Kriegsrechten. Frank-

- furt am Main, 1564—1565, S. CCIII—CCV, CCCII—CCCIX (Das acht Buch.: von Geschuß und Fenwerweck).
- ¹⁷⁵ *Ullmann Ernst*. Albrecht Dürer. Leipzig, 1973, S. 33 und and.
- ¹⁷⁶ *Biblia Martini Luthers*. Lubeck, 1553, S. VI, XLIII, LIII, LXXX und and.
- ¹⁷⁷ *Olaus Magnus Gotho archiepiscopo Upsalensi*. Historia de Gentibus septentrionalibus, earumque diversis statibus, conditionibus etc. Romae, 1555, S. 13, 14, 100—113, 130, 131, 174, 220.
- ¹⁷⁸ *Мышковский Е. В.* Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV—XVI вв. — СА, 1961, № 1, с. 225—235.
- ¹⁷⁹ *Мавродин В.* О появлении огнестрельного оружия на Руси. — ВИ, 1946, № 8—9, с. 99; *Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н.* Русское оружие. М., 1952, с. 9, 11; *Мышковский Е. В.* Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV—XVI вв., — с. 225—235; *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976, с. 94.
- ¹⁸⁰ *Закарая П. П.* Крепостные сооружения Картли, с. 5.
- ¹⁸¹ *Мышковский Е. В.* Замки русского огнестрельного оружия XVI—XVII вв. — СА, 1965, № 4, с. 186—198; *Прозрителев Г. Н.* Кавказское оружие. Ставрополь, 1915.
- ¹⁸² *Гербер И. Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 г. — В кн.: История, география и этнография Дагестана (XVIII—XIX вв.). М., 1958, с. 64, 69, 77, 109.
- ¹⁸³ *Марковин В. И.* Заметки об ингушской архитектуре. Доклад на Кавказской группе ИА АН СССР 24 ноября 1971 г.
- ¹⁸⁴ *Марковин В. И.* Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры, с. 120, 121.
- ¹⁸⁵ *Басилов В. Н., Кобычев В. П.* Галгай — страна башен. — СЭ, 1971, № 1, с. 124.
- ¹⁸⁶ *Умаров С. Ц.* Средневековая материальная культура. . . , с. 6—9.
- ¹⁸⁷ *Дирр А. М.* В Тагаурской и Куртатинской Осетии. — Известия КО РГО, Тифлис, 1912, т. XXI, вып. 3, с. 256.
- ¹⁸⁸ *Plaetschke B.* Die Tschetschenen, S. 73, 74.
- ¹⁸⁹ В работе А. Ф. Гольдштейна «Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии» (М., 1975) встречаются категоричные характеристики памятников. Говорится о чрезмерно малых машикулях, которые нельзя использовать (с. 36), о шестизатяжных башнях (с. 38), о вайнахских постройках в Грузии (с. 37) и т. д., но не указано, где же находятся эти памятники.
- ¹⁹⁰ *Гольдштейн А. Ф.* Средневековое зодчество. . . , с. 45.
- ¹⁹¹ Там же, с. 28, 47, рис. 17, 41.
- ¹⁹² *Гольдштейн А. Ф.* Башни в горах, с. 207—209.
- ¹⁹³ *Гольдштейн А. Ф.* Специфика и генезис архитектуры Дагестана, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии XII—XIX веков. Автореф. . . докт. дис. М., 1977, с. 15.
- ¹⁹⁴ *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня в древности. — МИА, № 122, 1969; *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). Махачкала, 1969.
- ¹⁹⁵ *Гольдштейн А. Ф.* Специфика и генезис. . . , с. 14, 15; *Он же.* Средневековое зодчество. . . , с. 29.
- ¹⁹⁶ *Гольдштейн А. Ф.* Специфика и генезис. . . , с. 5.
- ¹⁹⁷ *Закарая П. П.* Фортификационные сооружения Шида-Картли. — КСИИМК, вып. 46, с. 127—129; *Он же.* Древние крепости Грузии. Тбилиси, 1969, с. 68, 69; *Он же.* Апанури. Тбилиси, 1967, с. 14.
- ¹⁹⁸ *Макалация С. И.* Хевсурети. Тбилиси, 1940, с. 95—99; *Джадидери М. И., Лежава Г. И.* Архитектура горных районов Грузии. М., 1940, с. 7 и сл.; *Камаараули А. Я.* Хевсурия. Тифлис, 1929, с. 16.
- ¹⁹⁹ *Яковлев Н. Ф.* Ингуши. М.; Л., 1925, с. 88; *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания. . . , с. 71; *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия, с. 134, 135; *Мужухоев М. Б.* Средневековая материальная культура. . . , с. 42.
- ²⁰⁰ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, д. 210, л. 35; *Щеблыкин И. П.* Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. — Известия ИНИИК, Владикавказ, 1928, вып. 1, с. 281; см. также: *Кузнецов В. А.* Путешествие в древний Иристон. М., 1974, с. 98, 99; *Марковин В. И.* Некоторые особенности осетинской башенной архитектуры, с. 228.
- ²⁰¹ Рисунок башни см.: *Гольдштейн А. Ф.* Средневековое зодчество. . . , с. 22, 35, рис. 24.
- ²⁰² *Закарая П. П.* Крепостные сооружения Картли. Тбилиси, 1968; *Он же.* Древние крепости Грузии. Тбилиси, 1969; *Мелитаури К. Н.* Крепости дофеодальной и раннефеодальной Грузии. Тбилиси, 1972. Вып. 2.
- ²⁰³ *Мужухоев М. Б.* Средневековая материальная культура. . . , с. 48.
- ²⁰⁴ Там же, с. 47, 48.

Список сокращений

- ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
- АБИЯЛИ — Абхазский институт языка, литературы, истории
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
- АО — Археологические открытия
- АЭС — Археолого-этнографический сборник
- ВАУ — Вопросы археологии Урала
- ВДИ — Вестник древней истории
- ВИ — Вопросы истории
- ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ГОИМК — Грозненский областной институт и музей краеведения
- ГОКМ — Грозненский областной краеведческий музей
- ДГУ — Дагестанский государственный университет
- ДЧИ — Древности Чечено-Ингушетии
- ЗООИД — Записка Одесского общества истории древностей
- ИАК — Известия императорской археологической комиссии
- ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
- ИИМК АН СССР — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
- ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
- ИНИИК — Ингушский научно-исследовательский институт краеведения
- ИРАО — Известия Русского археологического общества
- ИСОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
- КИАИ — Кавказский историко-археологический институт
- КО РГО — Кавказский отдел Русского географического общества
- КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
- КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
- КЭС — Кавказский этнографический сборник
- ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
- МАД — Материалы по археологии Дагестана
- МАК — Материалы по археологии Кавказа
- МГУ — Московский государственный университет
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- VII МКЭАН — VII Международный конгресс археолого-этнографических наук
- ОАК — Отчеты Археологической Комиссии
- РГО — Русское географическое общество
- РФ ИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
- СА — Советская археология
- САИ — Свод археологических источников
- СКГНИИ — Северокавказский краевой горский научно-исследовательский институт
- СМАА — Сборник материалов по археологии Адыгее
- ССК — Сборник сведения о Кавказе
- ССТО — Сборник сведений о Терской области
- ТКМ — Труды Калмыцкого краеведческого музея
- УЗИИЯЛ — Ученые записки Института истории языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
- УЗКНИИ — Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института
- ЧИРКМ — Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей
- ZE — Zeitschrift für Ethnologie

Содержание

Предисловие (<i>Р. М. Мунчаев</i>)	3	<i>Р. Ж. Бетров</i>	
<i>М. Г. Гаджиев</i>		Захоронение вождя гуннского времени	
Древнее земледелие и скотоводство	7	у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии	113
в горном Дагестане		<i>М. П. Абрамова, М. Г. Магомедов</i>	
<i>И. М. Чеченов</i>		О происхождении культуры Андрей-	
Богатые захоронения в кургане ранне-		аульского городища	123
бронзового века у сел. Кишпек в Ка-	16	<i>Г. Е. Афанасьев</i>	
бардино-Балкарии		Пряжки катакомбного могильника	
<i>Х. Х. Биджиев</i>		Мокрая Балка у г. Кисловодска	141
Большой курган у аула Кубина в Ка-	33	<i>Л. Л. Галкин</i>	
рачаево-Черкесии		К вопросу о связях степного Заволжья	
<i>В. Г. Котович</i> , <i>В. М. Котович</i> ,		с Кавказом в хазарское время	153
<i>С. М. Магомедов</i>		<i>А. Х. Нагоев</i>	
Утамышские курганы	43	Кабардинские курганные могильники	
<i>Б. В. Тетов</i>		у сел. Чегем II	156
Бронзовые молоточковидные булавки		<i>В. А. Кузнецов</i>	
из Тлийского могильника (к вопросу		Актуальные вопросы истории средне-	
о проникновении элементов катакомб-		векового зодчества Северного Кавказа	162
ной культуры на южные склоны Глав-	61	<i>М. Б. Мужухоев</i>	
ного Кавказского хребта)		Таргимский храм	177
<i>В. И. Козенкова</i>		<i>В. И. Марковин</i>	
Комплексы сарматского времени из		Памятники зодчества в горной Чечне	
станции Ново-Титаровская (Краснодар-	72	(по материалам исследований 1957—	
ский край)		1965 гг.)	184
<i>Н. В. Анфимов</i>		Список сокращений	271
Зихские памятники Черноморского по-	92		
бережья Кавказа			

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

в древности
и в средние века

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства *Г. Н. Улунян*
Художник *Л. С. Кассис*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технические редакторы
Р. Т. Грузинова, Т. В. Полякова
Корректоры *М. М. Баранова, Р. В. Молоканова*

ИБ № 18296

Сдано в набор 26.02.80. Подписано к печати 6.06.80
Т-05296. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 19,8. Уч. изд. л. 23. Тираж 3150 экз. Тип. зак. 1215.
Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул. 90. Ордена Трудового Красного
Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12